

MORE
ФАНТАСТИКИ

**Остин Холл
Гомер Зон Флинт
СЛЕПОЕ ПЯТНО**

**Остин Холл
Гомер Зон Флинт
СЛЕПОЕ ПЯТНО**

MORE
ФАНТАСТИКИ

«Издатель В.В. Мамонов»

MORE
ФАНТАСТИКИ

ARGOSY ALL-STORY WEEKLY

The Blind Spot
by Austin Hall and Homer Eon Flint

MORE
ФАНТАСТИКИ

**Остин Холл
Гомер Эон Флинт
СЛЕПОЕ ПЯТНО**

Издатель В.В. Мамонов

2016

Austin HALL and Homer Eon FLINT

The Blind Spot

Copyright © 1921 by Austin Hall & Homer Eon Flint

Перевод с английского Д. Мамоновой
при участии С. Андреевского и Э. Сардаловой
Редактор перевода С. Неграш

Холл О., Флинт Г. Э.

Слепое пятно / Остин Холл, Гомер Эон Флинт; [пер. с
англ.] — ИП В.В. Мамонов, 2016. — 480 с. с ил.

ISBN 978-5-00096-049-3

Что такое «Слепое пятно»? Это комната в одном из домов Сан-Франциско,
где происходят странные вещи – дверной проем ведет в другое измерение, в дру-
гой мир, который, возможно, является ключом к прошлому... или к будущему?
Впервые на русском языке!

© Austin Hall and Homer Eon Flint, 1921

© Майя Курхули, иллюстрации, 2016

© Перевод на русский язык, оформление,
издание на русском языке ИП В.В. Мамонов

ПРОЛОГ

Вероятно, лучше было бы начать все с самого начала. Просто изложить события в хронологическом порядке.

Было время, когда буквально все знали эту историю, но для тех, кто уже успел позабыть, повторить мне не трудно. Я изложу все так, как сам узнал из газет, ничего от себя не добавляя и не приукрашивая — одни голые факты. Тогда это дело прославилось, приведя общественность в полное замешательство. Более того, интерес к нему в определенных кругах и сейчас не утих, однако простой обыватель о нем уже не помнит.

Папку с делом снабдили ярлыком, присвоили порядковый номер и сдали в архив. Тем же, кто пожелает посмотреть его, скажут, что это — одна из величайших нераскрытых тайн века. Преступление, которое с одной стороны привело к убийству — гнусному, холодному и расчетливому, а с другой — послужило появлению невидимого щита, который ограждает нас от потустороннего мира.

Возможно, второе произошло благодаря именно такой личности, как доктор Холкомб. Это был великий человек и блестящий мыслитель. И чтобы он попался в сети какого-то низкопробного спиритизма, кажется, на первый взгляд, невероятным. В качестве противоядия его поразительно

живой ум за многие годы выработал скептическое отношение к любой мистике в целом.

Доктор Холкомб был психологом и, вероятно, на то время лучшим из всех нам известных. Обладая одной особенностью, которая отличала его среди собратьев по профессии — недюжинным талантом, доктор делал значительные успехи на фоне своих коллег. Если бы мы придали его словам должное значение, то узнали бы много нового, ради чего стоит жить. Наша религия основана не на одних только слухах и преданиях, да и наука может открыть еще столько всего, о чем мы и помыслить даже не в состоянии. Дело это весьма запутанное, и нам еще во многом придется разбираться, выясняя обстоятельства, из-за которых знаменитый доктор попал в «Слепое пятно».

I

РАМДА АВЕК

Одним туманным утром сентября 1905 года в Сан-Франциско у начала Маркет-стрит с трамвая, идущего с Джири-стрит, сошел высокий человек. Одет он был в черное пальто, в руке держал небольшой портфельчик из коричневой кожи. Стояла промозглая погода; туман навис над городом, стирая все очертания предметов.

Человек осмотрелся. Это был мужчина высокого роста с резкими чертами лица, быстрой уверенной походкой и решительными манерами. В толпе выходящих из трамвая пассажиров он выделялся неким прирожденным изяществом, которого не привить никаким воспитанием, а можно впитать лишь с молоком матери. Мужчины обращали на него внимание, а женщины тайком бросали любопытные взгляды, но затем отворачивались, что не трудно понять, ибо человек этот был изрядно стар. И все же многие решались взглянуть еще разок — и изумлялись.

У старика была осанка двадцатилетнего юноши и примечательное смуглое лицо восточного, вероятно, индийского типа; однако, какой бы не была уверенность в возрасте этого человека, он производил впечатление цветущего юноши. У тех же, кто смотрел на него в третий или в четвертый раз, смутное ощущение превращалось почти в уверенность.

Возраст его сразу же сокращался, годы улетучивались, а чудаковатая улыбка, игравшая на губах, казалась предвестницей мальчишечьего смеха.

Мы употребляем слово «предвестница», поскольку в данном случае оно выбрано не случайно. Предвещать — означает предупреждать о приближении чего-то недоброго, а мальчишечий смех, наоборот, всегда идет от чистого сердца. Так вот, все было не совсем так, как следовало. Это же неестественно, когда старость выглядит такой юной. Парки — богини человеческих судеб — заигрались, и на этот раз впервые за всю мировую историю в своей игре что-то напутали.

Мы начнем рассказ об этом удивительном деле, опираясь на одни только факты.

Человек этот направился к окошку кассы транспортной компании «Ки-Рут» и приобрел билет на паром до Беркли, после чего вместе с толпой прочих пассажиров миновал турникет и поднялся на борт ожидавшего судна. Нижнюю палубу он выбрал, по-видимому, не случайно, а скорее потому, что большинство его попутчиков — преимущественно мужчины — отправились именно в этом направлении. По этой же причине он очутился и у табачного киоска. Мужчины вокруг покупали сигары и сигареты и, по обыкновению всех курильщиков, не спеша отходили в сторону с чувством радостного облегчения. Человек наблюдал за ними. Если бы кто-то в этот момент заглянул в его глаза, то заметил бы, что они приобрели какой-то весьма необычный цвет и в них горит огонек удивления. Своей властной походкой, так выделявшей его в толпе, он приблизился к прилавку.

— Прошу прощения, но я желаю приобрести одну из вон тех, — хоть он и говорил на безупречном английском, но говорил как человек, который будто бы внезапно для самого себя освоил этот язык.

С этими словами он указал своими длинными и тонкими пальцами на витрину с табачными изделиями. Продавец поднял на него глаза.

— Сигару, сэр? Да, конечно, сэр. Какую бы вы хотели?

— Сигару? — снова это странное произношение. — Ах, да, правильно. Теперь я вспоминаю. У нее еще есть младшая сестренка — сигарета. Если... ну... если вы подскажете мне, как ею пользоваться.

Просьба была удивительной! Продавец, привыкший к многообразию типов людей и их проявлению чувства юмора, собирался было ответить в том же духе, но, взглянув в глаза этого человека, вздрогнул.

— Вы хотите сказать, — спросил он, — что никогда не видели ни сигар, ни сигарет, раз не знаете, как их использовать? Такой пожилой человек, как вы...

Незнакомец рассмеялся. Несмотря на то, что слова были довольно обидными, смеялся он от всей души.

— Такой пожилой? Вы не сказали бы, что я такой уж пожилой, если б взглянули на меня еще раз...

Молодой человек посмотрел на него снова. То, что предстало его взгляду, объяснению не поддавалось: необычайная убежденность этого загадочного незнакомца, его годы, тающие прямо на глазах, неуловимая свежесть улыбки не шестидесятилетнего старика, но двадцатилетнего юноши. Продавец не любил спорить, как велико не было бы его

изумление. Он был, прежде всего, деловым человеком и поэтому возражать не стал.

— Значит, вы вообще в первый раз видите сигары и сигареты?

Незнакомец кивнул.

— В первый раз. Никогда прежде до нынешнего утра мне не доводилось видеть ни единой из них. Вы позволите? — он указал на коробку. — Думаю, я бы взял одну из этих.

Продавец достал нужную коробку, оторвал краешек и вытряхнул наружу одну сигарету. Человек зажег ее, затянулся и, выпустив дым, нерешительно зажал ее между пальцами.

— Нравится вам? — спросил продавец.

Тот не ответил. На лице его было такое выражение, будто он только что открыл для себя совершенно новое ощущение. Выглядел незнакомец блестяще и, если такое слово может быть использовано по отношению к представителю сильного пола, просто прекрасно. Что необходимо отметить, у него были правильные черты лица: идеально прямой, словно точеный, нос и глаза густого черного цвета, переходящего в красный, светящиеся, даже почти пылающие, казалось, лишенные зрачков и все же, невзирая на это, смотревшие с теплотой и кротостью.

Через минуту он повернулся к продавцу.

— Вы молоды, мой мальчик.

— Мне двадцать один, сэр.

— Вы счастливчик. Вы живете в изумительную эпоху. Столь же изумительную, как этот ваш табак. И помимо него у вас еще есть множество замечательных вещей.

— Да, сэр.

Человек зашагал в носовую часть судна, а юноша в легком замешательстве посмотрел ему вслед. Все это выглядело, конечно, весьма подозрительно и для парня почти необъяснимо. Этот человек не сумасшедший, он был в этом уверен. И еще он также был уверен, что тот не подшучивал над ним. С самого начала парня покорили манеры, интеллект и образованность незнакомца. Юноша был убежден, что незнакомец не притворялся. И все-таки...

В этот миг мимо проходил дежурный детектив. Продавец подал ему знак, подняв вверх большой палец.

— Тот человек, вон там, — сказал он, — да, вон тот, в черном. Понаблюдайте за ним.

И пересказал, о чем они беседовали. Детектив посмеялся и отправился дальше.

В этом необычном деле простой поступок продавца сигарет оказался самым удачным обстоятельством. Он навел полицию на след и дал миру единственную ниточку к разгадке тайны «Слепого пятна».

Детектив посмеялся над рассказом парня — почти у каждого имеются свои причуды, и если джентльмен желает пошутить так, как ему по вкусу, это его дело. Тем не менее, он зашагал в указанную юношей сторону.

Найти среди пассажиров нужного человека труда не составило. Тот стоял на палубе в носовой части судна и, подставив лицо ветру, наблюдал сквозь мглу, как вздымаются седые тяжелые волны. Совсем рядом сквозь завесу тумана слышались гудки и виднелись неясные очертания парома, идущего параллельным курсом. Та неуверенность, с кото-

рой незнакомец стоял, выдавала в нем человека, привыкшего ходить по твердой почве. При каждом крене судна его бросало в сторону. Вдруг качнуло особенно сильно, отчего незнакомец, слегка потеряв равновесие, налетел на детектива. Тот подхватил его под руку.

— Скверное утро! — заговорил офицер. — Бр-р-р! Вы не заметили остров Йерба-Буэна вон там? Мы только что слегка задели его!

Незнакомец повернулся к нему. Когда детектив увидел его прекрасное лицо, пылающие глаза и юношескую улыбку, то так же, как и продавец сигар, вздрогнул. То же впечатление — годы, тающие прямо на глазах, и (офицер немало общался с читающей публикой) скрытое, но, однако же, явно ощутимое присутствие чего-то сверхъестественного. Взгляд был мягким и открытым, но в то же время в нем читались скрытая сила и живость мощнейшего ума. Он увидел зрачки, черные, огромного размера, почти заполнявшие всю радужную оболочку, где их густой черный цвет приобретал красноватый оттенок. Либо этот человек долго находился без сна, либо он обладал необычайно развитым интеллектом и непомерным запасом энергии.

— Скверное утро, — снова сказал офицер.

— Что? Э... да... вы сказали, скверное утро? По правде говоря, я не знаю, сэр. Тем не менее, это очень интересно.

— Вы не из Сан-Франциско?

— Вообще-то, нет. Я никогда не видел его.

— Гм! — детектива слегка смутил подобный ответ. — В таком случае, если вы не местный, то, полагаю, мне следует заступиться за мой город. У нас во Фриско туманы случаются

время от времени. Порой они висят по несколько дней. Этот вот висит низко, значит, скоро поднимется. Тогда вы увидите солнце. Вы когда-нибудь видели солнце во Фриско?

— Мой дорогой сэр, — все тот же медленный выговор, — я никогда не видел ни вашего солнца, ни какого-либо другого.

— Хм.

Ответ был совершенно неожиданным. Офицер снова поймал себя на том, что внимательно смотрит в это необыкновенно утонченное лицо и в эти удивительные глаза. Мужчина не был слепым, в этом детектив не сомневался. И в голосе его не слышалось ни недовольства, ни раздражительности. Скорее, он был спокойным и вежливым, как у человека просто утверждающего факты. Но как же так может быть? Ему вспомнился продавец сигар. Значит, ни сигар, ни солнца! Из каких же таких краев прибыл этот человек? У детектива в немалой степени была развита интуиция. Хотя на первый взгляд, если судить по внешнему виду незнакомца, ничего другого, кроме шутки, тут быть не могло, он решил действовать по наитию. Толкнув дверь в салон, он покинул палубу. Когда он вернулся, паром уже подошел к пристани.

— Вы направляетесь в Окленд? — вопрос наудачу.

— Нет, в Беркли. Как я понимаю, мне здесь нужно сесть на поезд. Все поезда идут до Беркли?

— Конечно же, нет. Я сам еду в Беркли. Мы можем поехать вместе. Меня зовут Джером. Алберт Джером.

— Спасибо. А я — Абек. Рамда Абек. Очень вам признателен. Ваше общество может быть познавательным.

Ничего более не говоря, он с живым интересом принялся наблюдать за швартовкой судна. Минуту спустя они с остальными пассажирами уже шагали по сходням к ожидающим поездам. Как только их рассадили по местам и электричка тронулась, сквозь разрывы в облаках засияло пробившееся сквозь туман солнце. Рамда Абек сидел возле окна, откуда мог смотреть на море, омывавшее город. Еще одно море из крыш городских зданий простиралось до самых предгорий, находясь на одном уровне с их вершинами. Над горами всходило солнце.

Детектив наблюдал за своим попутчиком. Во всем его поведении чувствовалась искренность. Он не притворялся. Когда впервые появилось солнце, он повернул лицо прямо к свету. Детективу вдруг пришло в голову, что так поступил бы ребенок, с той же простотой и доверчивостью. И с тем же результатом. Абек быстро отвел глаза в сторону, на мгновение ослепнув.

— Ах! — воскликнул он. — Это солнце! Ваше солнце изумительно!

— Так и есть, — откликнулся офицер. — А что тут необычного? Мы наблюдаем его каждый день. Мы к нему привыкли. А что до меня, так не вижу ничего особенного в том, что солнце все еще светит. Вас ослепило, мистер Абек? Простите за вопрос. Я, конечно, должен был догадаться. Вы же сказали, что никогда не видели солнца. Но я полагал...

Он запнулся, потому что на губах попутчика играла улыбка. Почему-то она казалась такой высокомерной, словно таила за собою кладезь бездонной мудрости.

— Мой дорогой мистер Джером, — произнес он, — я за свою жизнь еще ни разу не слепнул. Говорю вам, это изумительно! Великолепно! Неопишимо! Все это — ваша вода, ваши пароходы, ваш океан. Но есть кое-что самое необыкновенное. Это — вы сами. Во всем своем величии вы — лишь часть окружающего. Вы знаете, чем является ваше солнце?

— Понятия не имею, — ответил офицер. — Я не астроном. Но сдастся мне, и они сами не знают. Огонь, я полагаю, и чертовски жаркий! Но есть такое, о чем я могу рассказать.

— И это?..

— Это то, что происходит на самом деле.

Если детектив намеревался этим смутить собеседника, то желаемого результат не добился. Тот продолжал добродушно улыбаться. В каждой его черточке, и прежде всего в глазах, светилась искренность. На лице его лежала печать гениальности и — офицер это прямо ощущал — скрытые исключительные умственные способности. Но больше всего привлекал внимание мягкий, будто шелковый, блеск прекрасных глаз.

Эта часть истории нам известна из рассказа самого Джерома. И наш интерес, учитывая все последующие события, теперь стал намного сильнее, чем был тогда у детектива.

И внешность, и личные качества того человека обладали некой притягательностью, если не сказать магнетизмом. Офицер чувствовал, что поддается ему, однако пытался сохранять скептицизм. Какие цели преследовал его попутчик — вот над чем ломал голову Джером. Он не мог придумать ничего такого, что послужило бы причиной для

подобных высказываний и действий. В том, что Авек находится в здравом уме, детектив не сомневался.

В свете того, что произошло впоследствии, в определенных кругах стали придавать огромное значение этому разговору. Мы можем сказать только, что не хотим высказывать никаких суждений. Мы привели его во всех подробностях только потому, что его считают чрезвычайно важным. У нас нет доказательств присутствия чего-либо мистического, и пока это не доказано, мы, как и Джером, должны полагаться лишь на доподлинно установленные факты. У нас есть тайна, но при этом уверенности в убийстве нет никакой.

Несомненно, что именно благодаря своей интуиции Джером отправился в ту памятную поездку в Беркли. Его дежурство закончилось, и он поехал вместе со странным человеком исключительно по собственному желанию, будучи заинтригован его личностью. В тот момент детектив не думал о нем иначе, как о необычайно эксцентричном, но благовоспитанном джентльмене, имевшем свои причуды и своеобразное чувство юмора. Только так можно было все объяснить.

Этот человек не скрывал своей любознательности. Его интересовало буквально все вокруг: здания, улицы, машины и люди. Порой он бормотал:

— Замечательно! И все это время мы об этом совершенно ничего не знали!

Когда они проезжали Лорин, офицер решился задать вопрос.

— У вас в Беркли друзья? Я смотрю, вы иностранец. Может быть, я смогу быть вам чем-то полезен?

— Э... да, если... Вы не знаете доктора Холкомба?

— Вы имеете в виду профессора? Он живет на Дуайт-Уэй. В это время дня вам скорее всего удастся найти его в университете. Он ждет вас?

Вопрос прозвучал невежливо, ведь это было, конечно, совершенно не его дело. Однако, выяснять то, что другие хотят сохранить в тайне, и является работой детектива. Да к тому же, где-то на подсознательном уровне настораживало странное имя — Рамда Абек, и не германское, и не индийское, вообще непонятно какое.

— Ждет меня? Ах, да. Простите, если говорю медленно. Я не совсем привык к устной речи. Пока еще. Я вижу, что вам интересно. После того, как встречусь с доктором Холкомбом, я смогу вам рассказать. С доктором побеседовать мне крайне необходимо. Он... э... в общем, мы с ним знаем друг друга долгое время.

— Так вы его знаете?

— Да, некоторым образом. Хотя мы никогда и не встречались. Он, должно быть, великий человек. Мы во многом схожи — доктор и я. И многое можем дать вашему миру. Но если бы мне довелось с ним встретиться, то я бы его не узнал. А вы случайно не могли бы?..

— Вы имеете в виду стать вашим проводником? С удовольствием. Так случилось, что мы с вашим другом доктором Холкомбом тоже находимся в дружеских отношениях.

II

ПРОФЕССОР ФИЛОСОФИИ

А теперь подойдем к нашему повествованию с другой стороны. Вряд ли есть необходимость представлять доктора Холкомба. Все мы, по крайней мере те, кто много читает, а в особенности те, кто интересуется различными умозрительными методами, знали его довольно неплохо. Он был профессором философии в Калифорнийском университете. Выдающаяся личность и просто хороший человек, он был одним из тех замечательных ученых, которые, благодаря не только своим познаниям, но и внутренним качествам, увековечивают себя в памяти последующих поколений. Представитель старой школы, во всем полагаясь только на себя, он совершенно не боялся с головой погрузиться в какую-нибудь спорную область философии, которую не поддерживали его предшественники.

Его считали большим оригиналом. Он полагал, что философия всех эпох есть не что иное, как переходная ступень, что вся мудрость земных цивилизаций смотрит в будущее, что изучение античной литературы, каким бы существенно важным оно ни казалось, является только фундаментом для решения проблем. Он был язвителен, немногословен и обладал своеобразным чувством юмора, из-за которого был способен при изложении даже самого скучнейшего вопроса

философии привести свои остроумные доводы и отстоять их.

Особенно хорошо у него получалось формулировать совсем уж абстрактные идеи языком настолько простым и точным, что даже самые сложные понятия становились доступными заурядному слушателю. Нет необходимости говорить о том, что он являлся любимцем прессы. Газеты по обе стороны залива то и дело печатали поразительные заявления профессора.

Все бы было неплохо, если б они в точности передавали его слова. Но газетчик есть газетчик. Помимо редакторских поправок, существует множество возможностей слегка исказить контекст. Знаменитый человек должен быть осторожен в своих высказываниях. Доктор Холкомб нередко вынужден был выступать с опровержениями приписываемых ему заявлений. Он не мог понять, какая необходимость в подобных незначительных отступлениях от истины. И ему постоянно приходилось вести оживленную полемику, поскольку собратья по профессии часто осуждали его за эти несущественные искажения отдельных понятий философии. Он не любил представителей прессы и имел обыкновение посылать всех писак и редакторов к черту, что весьма забавляло репортеров. Как только им представлялся удобный случай, они с радостью хватались за перо и начинали брызгать своими ядовитыми чернилами. Это было ужасно. Знаменитому профессору приходилось отчаянно защищаться от нападков своих мучителей. Они все без исключения его обожали и все как один получали удовольствие, изводя его. Проникнуть на лекцию доктора

Холкомба для репортера являлось весьма трудной задачей, и, однако же, читая за завтраком утренние газеты, профессор частенько обнаруживал в них свои слова.

За день до описываемых нами событий доктор выступил с одним из своих скрупулезных сенсационных заявлений. Оно касалось этики. Приведем его слова как можно ближе к оригиналу.

«Человек, позвольте заметить, эгоистичен. Вся наша философия базируется на себялюбии. Наша жизнь в среднем длится шесть десятков лет, но мы сопоставляем ее с вечностью. Доводилось вам когда-нибудь задумываться о вечности? Это очень долгое время. Какое мы имеем право утверждать, что жизнь, которая, как нам кажется, продолжается вечно, сразу же превращается в воспоминание, как только покидает тело обитающего на этой земле мыслящего индивидуума? Все дело в нас. Мы обладаем пятью чувствами, при помощи которых оцениваем все вокруг. И точно таким же образом мы измеряем вечность. Пока мы не овладеем другими чувствами, которые несомненно существуют, нам никогда не прийти к пониманию бесконечности. А теперь я намерен сделать весьма необычное заявление.

Последние несколько лет обещали такой расцвет, которого ждали и о котором мечтали еще с начала времен. Как в области метафизики, так и вне ее. Те из вас, кто посещал мои лекции, слышали, что я называл себя материалистическим идеалистом. Я — мистический сенсуалист. Я считаю, что род людской не может происходить ни от чего другого, кроме как от отвлеченного размышления. За завесой оккультного скрываются удивительные тайны. Сама земля,

наша жизнь на ней — это всего лишь преддверие вселенной. Только лишь размышляя и созерцая, мы останемся такими же неумелыми и бессильными, какими были древние монахи с Афонской горы. У нас написаны горы литературы, основанной исключительно на умозрении, и, невзирая на всю ее мудрость, она не дает нам ничего, что выходило бы за пределы абстрактного. Со времен Платона и по сей день наша философия не предоставила нам ни одного ошутимого доказательства, ни одного конкретного факта, которые можно было бы поддержать в руках. По сути, мы сейчас находимся на той же ступени, где находились изначально, и мы можем продолжать говорить, говорить и говорить до скончания времен.

А что же дальше?

Друзья, философия должна сделать шаг в сторону. В эту современную эпоху молодая практическая наука стала взрослой и теперь намного опережает нас. Мы должны вернуться назад к истокам, оставить наши субъективные размышления и заняться реальными вещами. Мы обладаем пятью чувствами, и в силу природы вещей нам необходимо перевести доказательства в область конкретики, где мы сможем их понять. Сможем ли мы проникнуть за эту невидимую ширму, которая отделяет нас от сверхъестественного? Мы сомневались, смеялись над собой, кто-то смеялся над нами, но факт остается фактом — мы настойчиво продолжали верить.

Как я уже сказал, нам никогда не понять бесконечности, пока будем оставаться ограниченными своими пятью чувствами. И я еще раз повторяю это. Но это не означает,

что нам никогда не раскрыть тайну бытия. Потусторонний мир — это не предположение, это установленный факт. Мы населили его ужасными существами, потому что, подобно нашим предкам еще доколумбовых времен, мы населили его нашим воображением.

А теперь что касается моего заявления.

Я назвал себя материалистическим идеалистом. Я выбрал совершенно новое направление в философии. На протяжении последних лет, без вашего ведома и в тайне от друзей, я посвящал свое время практической науке. Мне хотелось чего-то конкретного. Пока мои коллеги корпели над томами изумительной софистики, я искал путь в потусторонний мир. И вот он счастливый миг! Мне это удалось. Я приподнял завесу — и туда хлынул дневной свет. Завтра я предъявлю доказательства, которые вы сможете воспринять своими пятью чувствами. Я объясню все! Я прочту свою самую выдающуюся лекцию, предметом которой станет мое собственное «Я». Это не спиритизм и не софистика. Предметом моей завтрашней лекции будет «Слепое пятно».

И вот тут начинается вторая часть этой таинственной истории.

Теперь-то мы уже знаем, что выдающаяся лекция так и не была прочитана. Но тогда новость о ней мгновенно распространилась за пределами университета, сделавшись всеобщим достоянием. Она разлетелась по стране и попала во все крупные столичные газеты. На следующее утро в лекционный зал было не пробиться. Студенты, профессора, преподаватели и многие известные люди, кому удалось получить приглашение, наводнили зал. Неудержимые

репортеры тоже проникли туда, чтобы осветить в печати самую сенсационную новость столетия. В аудиторию набилось столько народу, что даже и о стоячих местах можно было не помышлять. Образовав плотную, густую толпу, испытывая физические неудобства, люди ждали начала.

Медленно тянулись минуты. Ожидание казалось долгим и томительным. Но вот, в конце концов, прозвенел звонок, возвещаая назначенное время. Все замерли. Прошло пятнадцать минут, потом двадцать — толпа ждала. Наконец один из преподавателей отправился в кабинет профессора и позвонил ему домой. На звонок ответила дочь.

— Папа? Так он ушел больше двух часов назад.

— А можно поточнее?

— Ну, где-то около половины восьмого. Вы, вероятно, знаете, что он должен читать сегодня лекцию про «Слепое пятно»? Я хотела тоже пойти послушать, но он сказал, что я смогу услышать ее дома. Еще он сказал, что у нас будет необычный гость, и мне нужно все приготовить для его встречи. А разве папа еще не пришел?

— Пока нет. А кто этот гость, он не сказал?

— Ну, вообще-то сказал. Один очень замечательный человек. И у него такое странное имя — Рамда Абек. Я запомнила, потому что оно такое забавное. Я спросила у отца, не санскрит ли это, но он ответил, что Рамда намного старше, чем этот древний язык. Вы только представьте!

— А лекционные материалы у вашего отца были с собой?

— Ну, да. Он просматривал их за завтраком. Говорил, что хочет удивить мир так, как никто не удивлял со времен Колумба.

— В самом деле?

— Да. Притом, был ужасно нетерпелив. Сказал, что нужно быть в колледже до восьми, чтобы встретить этого великого человека. Лекция должна была начаться в десять. В полдень он намеревался вернуться домой на ланч и рассказать мне всю историю целиком. Я сгораю от нетерпения.

— Благодарю вас.

Звонивший коллега вернулся и сделал объявление, что доктор Холкомб немного задерживается, но скоро будет. Время шло, а его все не было. В двенадцать часов его еще ждали. Ровно в час из аудитории выскользнул последний отчаявшийся слушатель. Во всей стране только один человек знал, что произошло. Этим единственным и был тот странный субъект, возбудивший подозрения детектива и оказавшийся причастным к одной из величайших загадок современности.

III

ТЕПЕРЬ ИХ ДВОЕ

Оставшуюся часть этой истории рассказать, к сожалению, слишком легко. Мы возвращаемся назад к Джерому и его странному попутчику.

Сошли они на Сентер-стрит и пешком направились к университету. Под сказочными дубами им повстречался профессор. Тот пребывал в прекрасном настроении. Его невысокую статную фигуру облачал строгий черный костюм, белоснежные бакенбарды, как обычно, были аккуратно подстрижены, а розоватая кожа свидетельствовала об отменном здоровье. Туман к тому времени уже совсем рассеялся, и солнце понемногу начинало согревать прохладный воздух.

В официальном представлении, очевидно, необходимости не было. Как нам известно со слов детектива, профессор и приезжий сразу же узнали друг друга. Они пожали руки с искренним удовольствием. Со стороны эта пара смотрелась весьма необычно. Обоих выделяла своеобразная манера держаться, которая происходит от самосовершенствования и умственных упражнений. Хоть по телосложению они были почти полными противоположностями, между ними существовала какая-то странная обоюдная связь. Доктор Холкомб светился от радости.

— Наконец-то! — приветствовал он прибывших. — Наконец-то! Я был уверен, что у нас получится. Сегодня, мой дорогой доктор Авек, величайший день со времен открытия Америки Колумбом.

Приезжий в свою очередь отвечал:

— Весьма рад, глубокоуважаемый доктор Холкомб. Да, действительно, сегодня великий день, хоть мне ничего и не известно о вашем Колумбе. До сих пор день был просто изумительным. Не могу поверить своим чувствам. Так близко, однако все же так далеко. Как такое может быть? Или это сон? Вы уверены, доктор Холкомб?

— Мой дорогой Рамда, я уверен в том, что я — самый счастливый человек из всех живущих на земле. Это кульминационный момент! Я был убежден, что у нас получится. Хотя, конечно, для меня это почти что невероятное по своей значимости событие. Без вашей помощи мне бы ничего не удалось.

Авек улыбнулся.

— Она была незначительной, мой дорогой доктор. Во всем ваша заслуга. Мне это только в радость. Взять, к примеру, ваше солнце, и... Я не могу подобрать нужных слов, чтобы рассказать вам.

Но доктор был слишком увлечен своими мыслями.

— Великий день, — он весь сиял, — великий день! Что скажет мир? Все ведь доказано.

Потом вдруг:

— Вы уже поели?

— Еще нет. Вы должны дать мне немного времени. Я уже думал об этом, но еще недостаточно набрался смелости, чтобы решиться.

— Значит, нам нужно поесть. А после мы отправимся в лекционный зал. Сегодня я читаю лекцию о «Слепом пятне». А когда закончу, вы произнесете слова, которые удивят весь мир.

Но, похоже, вот тут-то и возникло затруднение. Приезжий добродушно покачал головой. Очевидно, что если доктор Холкомб и играл главную роль в этом деле, то Абек был для него коллегой, с которым необходимо считаться.

— Боюсь, профессор, вы пообещали слишком много. Я, как вам известно, еще не совсем свободен. У меня мало времени. Есть определенные моменты, которыми нельзя пренебречь. Мы затеяли грандиозное предприятие, и теперь, когда уже достигли в нем таких успехов, есть все основания продолжать. Однако, мне необходимо вернуться на Чаттертон-Плэйс. У меня остается немногим больше часа.

Доктор явно расстроился.

— Но как же лекция?

— От этого зависит моя жизнь, профессор, и последующий успех нашего эксперимента. Потребуется всего лишь несколько минут. Возможно, если мы поспешим, то сможем вернуться вовремя.

Доктор посмотрел на часы.

— Двадцать минут на поезде, двадцать — на лодке, потом еще десять. Это займет почти час... туда и обратно — около двух... Кроме того, нельзя забывать про эти ваши «моменты». Вы знаете, сколько на них потребуется времени, Рамда?

— Возможно, не более пятнадцати минут.

— Но у нас есть два часа. Может быть, немного опоздаем. А знаете что? Я отправляюсь с вами. Вы можете поплыть на лодке.

Как мы уже упоминали, детектив обладал интуицией. Однако у него не было никаких разумных оснований подозревать в чем бы то ни было ни профессора, ни его загадочного товарища. К тому же, он никогда не слышал ни о каком «Слепом пятне», не знал ни единого философского термина и ничего не понимал в учении Холкомба. Ему было известно, что доктор — уважаемый человек, занимающий видное положение в обществе. И было бы весьма странно, если бы он заподозрил, будто эта встреча двух ученых выльется во что-либо дурное. Поэтому детектив не придавал особой важности предмету их беседы, справедливо полагая, что, поскольку они живут в своем собственном мире, то и язык, и темы для разговоров у них могут быть свои.

Да, детектив не был ученым. Но он умел размышлять. Этот человек, Рамда, утверждал, что не может полностью открыться. Это детектива озадачило. Чутье подсказывало ему, что ради безопасности своего старого друга будет излишним присмотреть за этой парой.

Когда очередной поезд отошел от вокзала в сторону пристани, оба ученых сидели в передней части вагона. В задней его части на самом последнем месте устроился человек, с головой погружившийся в изучение утренней газеты. К сожалению, в сложившейся ситуации Джером никак не мог расположиться к ним поближе. У него не было ни уверенности в грозящих неприятностях, ни каких-либо доказательств злого умысла, и к тому же профессор его хорошо

знал. Ему оставалось только следовать за ними на расстоянии.

Джером заметил, как у здания касс паромной переправы они сели в такси и направились вверх по Маркет-стрит. В следующую минуту он уже останавливал другое такси, приказывая водителю следовать за первым. Такси направилось прямоком на Чаттертон-Плэйс. Перед солидным двухэтажным особняком оно остановилось, и оба ученых вышли. Такси Джерома проехало мимо них и чуть поодаль остановилось тоже. Мужчины поднялись по ступенькам крыльца. Навстречу им вышла стройная красивая женщина с прекрасными черными волосами, неплотно уложенными в узел и стала что-то говорить. Детективу показалось, что голос ее звучал испуганно и предостерегающе. Она словно против чего-то возражала. Но, невзирая на это, мужчины вошли в дом, и дверь за ними захлопнулась. Джером выскользнул из такси, бросив водителю несколько слов. Через миг они уже держали дом под наблюдением.

Ждать пришлось недолго. Человек по имени Рамда говорил тогда о пятнадцати минутах. Ровно по истечении этого времени парадная дверь отворилась. Женский голос что-то произнес, раздался мелодичный и чарующий смех. Потом в дверях показались две фигуры — женская и мужская. Мужчина был высокого роста, в безупречном черном костюме, с изысканными манерами. Не кто иной, как Рамда Авек. А женщина (Джером не мог с уверенностью сказать, была ли она той, что открывала дверь, или же другой) выглядела даже еще прекраснее. Она смеялась. Материал ее великолепно сшитого черного в тон костюму кавалера

платья сверкал и переливался на солнце, точно то был редчайший шелк. Мужчина беспечно бросал взгляды сначала в одну сторону улицы, потом в другую, помогая даме спуститься по ступенькам и сесть в такси. Хлопнула дверца. И не успел детектив собраться с мыслями, как эти двое затерялись в пучине большого города.

Джером ждал появления профессора. Когда дверь открылась, он, естественно, рассчитывал увидеть пожилого джентльмена и его товарища. И следил он именно за доктором, а не за тем другим. Хотя детектив и не имел никаких разумных оснований, чтобы подозревать худое, у него еще оставались интуиция и профессиональное чутье. Мужчина и женщина возбудили у него подозрение, да еще к тому же спутали его планы. Он не мог одновременно следовать за ними и оставаться ждать профессора. Наступил момент принять решение. Детектив колебался. Где же доктор Холкомб? Ведь в этот день должна была состояться его лекция о «Слепом пятне» (объявление о лекции, снабженное кое-какими комментариями редактора, Джером прочитал в газете на обратном пути)! Сама по себе лекция уже являлась загадкой. Этот странный человек — Рамда — был напрямую связан со «Слепым пятном» и, несомненно, играл во всей этой истории очень важную роль.

До этого времени детектив не ощущал приближения беды. Но тут уже стал задавать себе вопросы. Почему Рамда вышел вместе с женщиной? И куда подевался профессор?

И в самом деле, куда?..

Прождав еще с полчаса, Джером пересек улицу и подошел к дому №288. Поднявшись по ступеням крыльца, он

взялся за дверное кольцо и постучал. По отзвукам, доносящимся изнутри, он определил, что дом меблирован очень скудно. В коридоре глухим эхо раздались шаркающие шаги: чьи-то усталые ноги с трудом перетаскивали по полу домашние туфли. Дверь приоткрылась, и старушка, совсем древняя, выглянула в образовавшуюся щель. Она тихонько кашлянула, и детективу подумалось, что этот кашель может стать для нее последним — так слаба она была.

— Прошу прощения, но доктор Холкомб здесь?

Старушка подняла на него взгляд. Ее пустые голубые глаза ничего не выражали, похоже, у нее уже развилось старческое слабоумие.

— Вы имеете в виду... Ах, да, я поняла. Это тот пожилой джентльмен с серебристыми бакенбардами. Он был здесь несколько минут назад. Вместе с тем, другим. Но он только что вышел, сэр, буквально только что.

— Нет, я так не думаю. Вышли женщина и мужчина. Но это был не доктор Холкомб.

— Женщина? Здесь не было никакой женщины.

— Да как же! Была женщина. И очень красивая.

Старушка уронила руку. Она дрожала.

— Ох, боже мой, — произнесла она. — Оно делает двоих. Утром был мужчина, а теперь — женщина. Оно делает двоих.

Когда детектив заглянул в глаза старой дамы, ему показалось, будто они наполнены невыразимым ужасом. Она была такой немощной и хрупкой, такой беспомощной и дряхлой; ее надтреснутый голос срывался на жуткий визгливый шепот. Она непрерывно повторяла:

— Теперь их двое. Теперь их двое. Оно делает двоих. Утром был один. Теперь их двое.

Джером ничего не понимал. Ему стало жаль старушку.

— Вы говорили, что доктор Холкомб здесь?

Она снова посмотрела на него тем же отсутствующим взглядом, как будто пыталась собрать ускользавшие мысли вместе.

— Двое. Женщина. Доктор Холкомб. Ах, да, доктор Холкомб. Может быть, войдете?

Она открыла дверь полностью.

Джером вошел и снял шляпу. Он настойчиво повторил имя доктора, чтобы оно закрепилось в ее памяти. Старушка аккуратно притворила дверь и взяла детектива за руку. Ему показалось, что она еле-еле держится на ногах. Да и вообще, внешне она немногим отличалась от тени. Ее старческие глаза были полны жалостной мольбы.

— Вы — его сын?

Джерому пришлось солгать, но сделал он это небезосновательно.

— Да.

— Тогда пойдемте.

Она взяла его за рукав и повела через комнату к двери в боковой стене. Она шла медленно, дважды останавливалась, чтобы пробормотать свое заклинание:

— Сначала мужчина, потом женщина. А теперь один. А вы его сын.

И дважды она останавливалась и прислушивалась.

— Вы слышите? Как бьет колокол? Обожаю послушать его. А потом мне становится страшно. Вы когда-нибудь об-

ращали внимание на колокол? Он всегда навевает мысли о церкви и разных священных вещах. Этот прекрасный колокол... сначала...

Выжила ли уже женщина из ума или находилась на грани того, но она точно была не в себе.

— Ну же, матушка. Я понимаю, сначала колокол, но как насчет доктора Холкомба?

Упоминание этого имени вернуло ее в реальность. С минуты она стояла в недоумении, пытаясь справиться с мыслями. Потом вспомнила и указала на дверь в стене.

— Он там. Внутри. Доктор Холкомб. Вот откуда они приходят. Туда и уходят. Доктор Холкомб. Пожилой джентльмен маленького роста с красивыми бакенбардами. С утра он был мужчиной, а теперь стал женщиной. Теперь их двое. Ах, боже мой, может быть мы услышим колокол.

Джером начинал ощущать запах беды. Старая дама была, определенно, не в себе; дом выглядел нежилым и убогим; скудная мебель за многие годы обветшала и кое-где подгнила; каждый звук, даже шум от их дыхания, многократно усиливался, отчего становилось не по себе. Детектив взялся за дверную ручку и открыл дверь.

— Теперь их двое. Теперь их двое.

Комната была пуста. Никакой мебели, абсолютно пустое и голое помещение с высоким потолком в старинном стиле. Ничего более. Ничего странного и таинственного Джером не заметил. Старушка продолжала цепляться за его руку и бубнить:

— Теперь их двое. Теперь их двое. С утра был мужчина, теперь — женщина. Теперь их двое.

— Да что ж вы, матушка, не нужно. Может быть...

Но тут высохшие пальцы старушки вцепились ему в руку, глаза зажглись, рот приоткрылся, и она вдруг прервалась на полуслове. Джером оцепенел. И не удивительно. В центре комнаты, не более чем в десяти футах от него, раздался ясный и мелодичный звон. Звон церковного колокола. Всего одним раскатистым ударом он наполнил комнату, заглушая все остальные звуки, заставляя воздух вибрировать. И так же неожиданно смолк. Тут же детектив почувствовал, как хватка на его руке ослабла, и тело старушки бесформенной грудой повалилось к его ногам. Жизнь и разум, находившиеся так близко к последней черте, на глазах у ошеломленного Джерома пересекали этот рубеж. Бедняжка! Произошла трагедия, смысл которой он не мог понять. Он нагнулся, чтобы ей помочь; руки у него дрожали. Склонившись над нею, детектив услышал, как душа ее, уносившаяся в царство теней, прошептала:

— А теперь их двое...

IV

ИСЧЕЗЛИ

Джером был крепким парнем с железными нервами и старался никогда не давать волю эмоциям. За время своей работы он частенько попадал в странные и необычные ситуации, но ни одна из них не походила на эту. Бормотание старой дамы непрерывно гудело у него в ушах. Он осторожно поднял ее, отнес в другую комнату и положил на обтрепанный диван. Ее лицо еще сохраняло следы былой красоты. Кто она такая? И какой же была ее жизнь, что привела ее к подобному концу?..

«Теперь их двое» — эти слова пугали его. Подсознательно он ощутил тот груз, который давил на душу старушки. Как будто все это бремя переместилось на его плечи. И еще у него появилось предчувствие какого-то невиданного бедствия.

В спертom воздухе скудно освещенной комнаты пахло плесенью. Офицер огляделся вокруг. Заблудившийся солнечный лучик, проникший в комнату сквозь разбитый ставень, тщетно пытался рассеять сумрак. Джером подумал о старушке и о докторе Холкомбе. «Теперь их двое». Может, несчастье случилось с ними обоими? Расследованием этого, прежде всего, и нужно заняться.

В доме было одиннадцать комнат — шесть внизу и пять на верхнем этаже. Наверху, за исключением одного сломан-

ного стула, мебели не было никакой. В четырех комнатах на нижнем этаже стояла кое-какая мебель, но две другие были совершенно пусты. Очевидно, основным обиталищем старушки являлась задняя комната, которая служила ей кухней, спальней и гостиной одновременно. Кроме как в этой комнате, ковров нигде больше не было. Шаги Джерома раздавались гулким эхом, скрипели половицы, и каждый раз, когда он открывал какую-нибудь дверь, то погружался в атмосферу сырости и тлена. И никаких следов доктора Холкомба.

Он вспомнил про колокол и принялся обыскивать оба этажа в поисках чего-нибудь, что дало бы хоть какое-то объяснение подобному звуку. Но тщетно. Единственными звуками, которые он слышал, были эхо его шагов, скрип половиц и непрекращающийся звон в голове: «Теперь их двое».

В конце концов он подошел к двери и выглянул на улицу. Снаружи был белый день, сияло солнце, царил привычная городская суета, большой город жил своей жизнью. Детектив стоял в проеме двери, испытывая странное чувство, будто он вдруг очутился на границе двух миров. Но что же стало с доктором? И кто такая эта старушка? И наконец, что не менее важно, кто такие этот Рамда и его прекрасная спутница?..

Джером позвонил в полицейское управление.

Дело казалось весьма странным.

В то самое время, когда потенциальные слушатели лекции доктора начинали выражать беспокойство по поводу его отсутствия, полиция Сан-Франциско уже организо-

вывала поиски великого ученого. Джером доверился своей интуиции. Она же привела его на место трагедии, и офицер был готов поклясться чуть ли не собственной жизнью, что этим все не закончится и будут еще жертвы. Известность профессора, равно как и неожиданное заявление, сделанное им накануне, и тот всемирный ажиотаж, который это заявление вызвало, возвели это дело в ранг общегосударственных интересов.

Что же такое это «Слепое пятно»? Весь мир терялся в догадках, и, как это обычно происходит в подобных случаях, вначале саркастически ухмылялся и всячески глумился. Нашлись, однако, люди, хорошо знакомые с последними научными достижениями, которым было не до смеха. Они призывали набраться терпения и дожидаться выступления доктора с обещанной лекцией.

Но лекции-то не было. Покуда ее с нетерпением ожидали, пронесся слух, будто доктор удивительным образом исчез. По-видимому, вот-вот собираясь объявить о своем открытии, он был поглощен той самой силой, которую высвободил. Не существовало ничего такого известного науке, исключая разве что оптику, что можно было бы связать со «Слепым пятном». Имелось только два объяснения: либо профессор стал жертвой хитроумного мошенника, либо над ним взяла верх опрометчивость собственного разума. Как бы то ни было, с этого момента дело стало известным под названием «Слепое пятно».

Розысками занялась полиция. Но полиция никогда не принимает всерьез и намека на что-либо сверхъестественное. Стражи правопорядка — материалисты. И они с само-

го начала были убеждены, что речь идет об обычном преступлении. Человек — существо сложное, но, несмотря на это, злому гению все же удалось одурачить доктора.

Прежде всего были предприняты тщательные поиски профессора. Дом №228 по Чаттертон-Плэйс обшарили от подвала до чердака. Подняли городские архивы и обнаружили, что в нем уже некоторое время никто не живет, а право собственности на него поделено между множеством наследников, разбросанных по стране.

Старушку, по всей видимости, пустили в этот дом пожить просто из жалости. Никто не смог выяснить, кто она такая. Нашли нескольких местных торговцев, продававших ей кое-какую снедь, и на этом все. Если принять во внимание выводы, которые Джером сделал из ее слов и действий, то выходило следующее. Злодеев, несомненно, было двое, но было и две жертвы. В том, что старушка и профессор были невиновны, тоже никто не сомневался. Весь секрет заключался в человеке необычной внешности. Кто же такой этот Рамда Авек?

И тут начинается самая странная часть этой истории. Всегда, когда бы мы не пересказывали эту историю, отыскивается что-то такое, что не вписывается в версии полиции.

Это стало своего рода легендой в Сан-Франциско; она воспринимается, разумеется, с определенной долей скептицизма, но, тем не менее, над ней не мешает задуматься. Тут у сторонников философии профессора самое сильное место: ну, а вдруг это правда? Но мы, конечно же, не можем полагаться на чье-либо мнение, не подтвержденное личным свидетельством. Дело заключается в следующем.

Рамда Авек находится здесь, среди нас, в нашем городе. Его описание и портрет, нарисованный со слов Джерома, были опубликованы много раз. Есть такие, кто утверждает, будто бы действительно видели, как он во плоти шествует в гуще толпы по Маркет-стрит. Узнать его несложно: высокий, весьма своеобразной внешности, до высшей степени изыскан, с осанкой и проворством уверенного в себе джентльмена, обладающего сильным характером. Женщины на него всегда смотрят дважды, причем второй раз с восхищением; он ни стар, ни молод, а улыбается так, словно сама юность раздражается веселым смехом. И часто бывает в сопровождении своей обворожительной спутницы.

Мужчины божатся, будто она красива, да еще такой красотой, что запросто может свести с ума. Вся ее плоть пылает страстью, отчего она кажется не просто красавицей, а чем-то большим. Гибкое тело нимфы, соблазнительное и манящее, оливковый оттенок кожи, великолепие волос, блеск черных, как сама ночь, глаз... При виде ее мужчины замирают. Она так божественно прелестна, что взгляд на нее лишает дара речи. Она — триумф страсти, жизни и красоты. И глупцы, и мудрецы лишились бы рассудка от наслаждения, если бы она позволила им дурачиться и резвиться у ее ног. Говорит она редко, но счастливы те, кому довелось слышать ее голос; утверждают, будто он столь мягок и нежен, что сродни журчанью ручейка, текущего из долины любви, чувственности и красоты.

Конечно, нет ничего необычного в том, что эта пара прогуливается по улицам. Все поступают так. А странность как раз в том, каким образом им удастся ускользнуть от по-

лиции. Они выходят на улицу и гуляют средь бела дня на глазах у сотен людей. Они ни от кого не прячутся, не прилагают никаких стараний, чтобы как-то замаскироваться. Но, однако же, для тех, кто пытается их разыскать, они столь же неуловимы и бесплотны, словно призраки. Кто же они такие? Случаев, когда вызывали полицию, множество, но всякий раз тем или иным способом эти двое ухитрялись ускользнуть. Значит, кто-то на время перемещает их в мир духов. Или все-таки нет? В подобных событиях стоит принимать во внимание репутацию и надежность свидетелей. Да, этих двоих окутывает тайна. Но призраки бестелесны, эти же состоят из плоти и крови в точности так же, как и мы с вами.

И наконец: если однажды серым туманным утром вы сядете на паром, то, возможно, вам удастся увидеть то, что вас убедит. Погода должна быть промозглой, унылой и обязательно туманной. Займите место на нижней палубе. Может, вы ничего и не увидите. Если не получится, попробуйте еще, ибо, говорят, вы будете вознаграждены. Следите за носовой частью судна, но на палубу не выходите. И вы узрите, как великий Рамда наблюдает за бурлящей за бортом водой!

Он стоит в одиночестве, слегка расставив ноги, в руках держит портфель из коричневой кожи, а на лице — выражение непомерной, алчной любознательности. Понаблюдайте за его лицом: его черты резки, а глаза светятся великой, непомерной мудростью. Но вы видите Зло. Помните: хоть он внешне и похож на нас с вами, он — это нечто совершенно иное. Он из плоти и крови, но, возможно, он повелевает од-

ним из величайших законов мироздания, узнать о которых человек может еще только мечтать. Он — это то явление и та субстанция, которые профессор обещал, но так и не представил.

Приведенный выше материал в значительной степени взят из воскресного издания одной из наших газет. Я не вполне с ним согласен. И все же, он послужит отличным фундаментом для моего собственного исследования, ведь нет ничего лучше, чем разобраться во всем самому.

V

ДРУЗЬЯ

Меня зовут Гарри Вендел.

Я получил прекрасное образование в области адвокатуры и до недавнего времени мог похвастаться великолепной практикой и отличными перспективами на будущее. Я еще достаточно молод, и у меня все еще есть и друзья, и девушки, которым я нравлюсь. И поскольку это так, вам наверняка интересно, почему я упоминаю о своей практике в прошедшем времени и что могло бы ожидать меня в будущем.

Так слушайте же!

Мне бы лучше начать издалека. Я именно так и поступлю, вернувшись в пору своего детства, так стремительно унесуюся в прошлое.

Осталось у меня вот такое воспоминание о детском несчастьи.

Я прилагал самые отчаянные усилия, пытаясь оторвать у кота хвост, который затем смог бы использовать в качестве метелки для удаления пыли. Мое желание было предельно логично. Я не мог понять, почему мне это запрещают. Кот сопротивлялся из вполне понятных прагматических соображений, а моя мать приняла его сторону из чисто человеческого сочувствия. В итоге я был исцарапан

и отшлепан: такой стала первая передрыга на моей памяти. Я был наказан, но не сломлен. При первой же возможности я улизнул из дома, спустившись на газон, который тянулся до мостовой.

Я помню тот день. Стояла весна, на чистом небе сияло солнце, и все вокруг зеленело. На мгновение я зажмурился от солнечного света и замер. Красота, спокойствие и умиротворенность. На деревьях набухли почки, распустились цветы, чирикают птички. Все вокруг цветет и благоухает. Но мне было не понять этой прелести и спокойствия... Мое сердце яростно стучало, по-прежнему омраченное упрямством и пораженное злобой. Мир не имел права быть таким. Я ненавидел его всей силой своего детского гнева.

И тут я увидел его.

По другой стороне улицы, мне навстречу, шел мальчик моих лет. Он был полным и круглолицым, с копной кудрявых волос, и весьма довольный жизнью; когда он шагал, то ставил ноги слегка под углом, как это делают все полные мальчики, а руки держал в стороне от тела. Я тихонько соскользнул с крыльца. И тут проявилось то, из-за чего страдали и кот, и мама. Когда я бросился к нему, он остановился в изумлении. Я помню его улыбающееся лицо и собственную злобу. В следующий миг я уже держал мальчишку за волосы и яростно кусал, преисполненный мстительности. Вначале он что было сил звал на помощь. Он не понимал, что происходит, и поднимал руки вверх, чтобы я не мог до них достать. Потом он попытался убежать. Но я был к этому готов, научившись у кота, который меня исцарапал. Я цеплялся за него, продолжая отчаянно кусаться.

Его визгливые крики звучали для меня музыкой. Это была воистину восхитительная борьба, стремительная, на уровне инстинктов.

Наконец мне удалось остановить его. Он бросил попытки сбежать и начал бороться. Это мне понравилось еще больше. Настоящее сопротивление! Но он был сильнее меня, и хоть я и был проворнее, ему удалось схватить меня за плечи, с силой оттолкнуть, и в конце концов, повалить наземь. Затем неспешно, по обыкновению толстяков, он уселся мне на грудь. Когда наши перепуганные матери прибежали на место действия, то обнаружили: меня, лежащего на спине, сквозь стиснутые зубы бормочущего самые ужасные детские проклятия, и его, ждущего либо помощи, либо того, что моя ярость уймется, и тогда он меня отпустит без риска для себя.

— Кто первый начал?

Эту сцену я помню отчетливо.

— Хобарт, это ты сделал? — толстяк спокойно отпустил меня и прижался к матери, но ничего не ответил.

— Хобарт, это ты начал?

Снова без ответа.

— Гарри, это ты. Ты начал драку. Разве не ты пытался сделать Хобарту больно?

Я кивнул.

Мама взяла меня за руку и повела за собой.

— Он, конечно, негодник, миссис Фентон, и у него ужасный характер, но он всегда говорит правду, хвала небесам.

Я все это рассказываю не просто для красного словца, а в качестве предыстории.

Такой была наша первая встреча с Хобартом Фентоном. Важно, чтобы вы узнали о нас обоих и о наших характерах. Наши жизни так переплелись и настолько связаны между собой, что без этого предисловия вам не понять сути всего рассказа.

В обед я перешел через улицу, чтобы поиграть с Хобартом. Он встретил меня с улыбкой. Его маленькая добрая душа не помнила обид. Я же бывал либо очень весел, либо очень зол. Я забывал все также быстро, как дрался. Той ночью в своих кроватках, укрывшись одеялами, спали двое счастливых мальчишек.

И вот мы росли, росли вместе. Мы играли, как и положено детям, и дрались, как это повелось с самого начала. Теперь, наверное, нужно признать, что во всех наших ссорах вина в основном была моя. Все без исключения драки начинал я, и если каждая из них начиналась одинаково, то, соответственно, и заканчивалась так же. Самая первая была только лишь предшественницей всех остальных.

Прошу вас, не думайте плохо о Хобарте. У него добрейшая душа на всем белом свете. Не бывало еще такого добряка и преданного друга. Он был здоровым, сильным толстяком, и, как все полные мальчишки, вечно смеялся. Он попадал вслед за мной во все неприятности, и когда я отступал, храбро защищал тылы.

Хобарт, будучи сильнее, выносливее и спокойнее, с самого начала являлся для меня своего рода защитником. Я прозвал его Арьергардом, но он не обижался.

Я всегда был шаловливым, неугомонным и склонным к поспешным действиям. И вот, когда я попадал в глубокий

омут, Хобарт неизменно оказывался рядом, доставал меня со дна и вытаскивал в целости и сохранности на берег. Доводилась вам когда-нибудь видеть бегающими вместе огромного мастифа и маленького фокстерьера? Пример грубоват, но зато в точку.

Мы оба были мальчишками, со всеми своими восторгами и обидами, радостями и горестями. Но я так много думал о Хобарте, что даже снисходил до того, что помогал ему заботиться о малютке-сестренке. Это было что-то вроде высшей жертвы мальчишечьей преданности. Теперь, спустя много лет, он, конечно, смеется надо мной и бьется об заклад, что я делал это с определенной целью. Не знаю, но готов признать, что сейчас я много думаю об этой его сестре.

Бок о бок мы с ним росли и выросли. Вместе ходили в школу, потом в колледж. Как сильно мы разнились своими характерами и комплекцией, точно так все происходило и с учебой.

С самого начала Хобарт испытывал склонность к шурупам, болтам, гайкам и поршням. Он прагматик, любит математику и может рассказать вам и о биноме Ньютона и о математическом анализе. Он счастлив, как никогда, когда вокруг него не смолкают разговоры об индуктивной катушке, усилителе переменного тока или атомной энергии. Я бы сказал, что мощь современной прикладной науки и пути ее развития — это основа того царства, трон которого может в скором времени занять Хобарт. Сейчас мой приятель находится в Южной Америке, являясь одним из лучших тамошних инженеров. Он добывает воду в предгорьях Анд,

и, похоже, благодаря именно этим сильным плечам и ясной голове будут восстановлены земли инков.

Что же касается меня, то я решил посвятить себя юриспруденции. Мне нравится находиться в атмосфере борьбы и препирательств. Я всегда любил книги, любил обсуждать прочитанное, и мне казалось, что изучение законов тоже будет мне по душе. По совету родителей, я поступил в юридический колледж и в надлежащее время был допущен к частной практике. И вот во время учебы в колледже я впервые столкнулся с философией. Меня в ней привлекали острые, лаконичные афоризмы. Я с детства уважал людей, которые рубят с плеча. Профессор Холкомб был немногословен, вдумчив, говорил то, что думает, и не увиливал от ответа. Он не благоволил никому.

Должен признаться, что на меня очень сильно повлияли лекции пожилого седовласого профессора. Я любил его, как и все остальные, но даже в мыслях не имел — пусть даже изредка — подшучивать над стариком. Однако, ему самому остроумия было не занимать, и профессор терпел поражение довольно редко. Но даже если подобное и происходило, то он мог посмеяться вместе с одержавшим победу оппонентом. Доктор Холкомб произвел на меня неизгладимое впечатление. С каждым годом моей учебы у него я все более убеждался, что, несмотря на всю его скучноватую философию, у старика всегда был припрятан в рукаве какой-нибудь фокус. Он обладал просто потрясающим умением растолковывать различные запутанные вопросы. Кроме того, в его лекциях звучало едва скрытое презрение к кумирам классической философии.

В чем заключался этот его фокус, я так и не смог понять. Я продолжал упорно учиться и зарывался в толстые фолианты — хранилища мудрости. Мне становилось все интереснее, и мало-помалу я проникался теориями профессора; даже невзирая на всю свою склонность к активным действиям, я осознал, что у меня имеются скрытые способности к философствованию.

В те годы мы с Хобартом делили жилье на двоих. Когда я приходил домой с какой-нибудь скучнейшей книгой и погружался в нее на некоторое время, он не мог меня понять.

Я изучал законы. А Хобарт — исключительно практичный человек — не понимал, какую пользу можно извлечь, занимаясь подобными размышлениями. Если не было возможности забить гвоздь в какой-либо предмет или хотя бы узнать из каких химических элементов он состоит, то вряд ли это могло заинтересовать его.

— Какая от этого польза, Гарри? Зачем засорять себе мозги? Эти старые консерваторы бьются над одним единственным вопросом на протяжении трех тысяч лет. И чего добились? Ты можешь прочитать все их книги от сотворения пирамид до строительства нынешних небоскребов и не получить никаких практических знаний, достаточных даже для того, чтобы управлять вагонеткой.

— То-то и оно, — отвечал я, — что у меня нет желания управлять вагонеткой. Ты полагаешь, что вся мудрость мира имеет материальную основу. Если у предмета нет колеса, поршня, какого-нибудь возгорания или другой химической реакции, то тебе этот предмет не интересен. А что

позволяет управлять всеми этими механизмами? Человеческий мозг. А что заставляет мозг работать?

Хобарт моргнул.

— Отлично, — сказал он, — и что же?

— А как раз то, — последовал мой ответ, — что изучаю я.

Мой друг засмеялся.

— Замечательно. Продолжай в том же духе. Только ты сам себе роешь могилу, Гарри. Когда поймешь это, дай мне знать, и я верну тебя в реальность.

С этими словами он повернулся к столу и погрузился в свои бесконечные формулы. Однако, на следующий день, когда я зашел в лекционную аудиторию профессора Холкомба, меня ждал сюрприз. На соседнем с собою месте я обнаружил своего друга-здоровяка.

— На тебя снизошло озарение? — спросил я.

— Озарение, верно, Гарри, — ухмыльнулся он. — Просто подумал, что надо взять с тебя пример. Проболтал тут уйму времени с Дэном Кларком с факультета машиностроения. Рассказал ему, что хочу изучать философию. Старина поднял такой крик! Не мог понять, чего нужно инженеру от психологии и этики. Так и я не понимал, пока прошлой ночью перед тем как заснуть, не пораскинул мозгами. Если что-то еще не делал, то нет причин, почему бы это не сделать, верно Гарри?

— Безусловно. Только я не понимаю, к чему ты ведешь. Может, ты намерен отнести свои записи в мастерскую и там молотком выбить из них тайну Первоначала всего Сущего?

Он усмехнулся.

— А ты в этом разбираешься, Гарри. Как ты сказал? Тайна Первоначала всего Сущего? Запомню обязательно. Я не силен в риторике, с молотком в руке я намного увереннее себя чувствую. Не возражаешь, если я присяду рядом, чтобы тоже испытать чуток из чаши мудрости?

Вот так Хобарт начал изучать философию. Когда лекция закончилась и мы спускались по лестнице, он похлопал меня по плечу.

— Весьма неплохо, Гарри. Определенно. Тот старый доктор завел всех. Даже маленького Хобарта посетили великие мысли.

Это случилось как раз месяца за полтора перед тем, как доктор Холкомб объявил о своей знаменитой лекции на тему «Слепого пятна» и где-то через неделю после начала занятий. Со временем Хобарт Фентон сделался таким же горячим поклонником философии, как и я сам. Изначально он планировал посетить несколько лекций вместе со мной, чтобы впоследствии разубедить меня в моей глупости. А закончилось все тем, что он превратился в неопита учения профессора.

И вот настал тот великий день! Накануне вечером мы долго обсуждали заявление профессора. Предмет был очень серьезным. Несмотря на всю мою веру в гений профессора, едва ли я был готов к подобным вещам. Странно сказать, но я был настроен скептически. Но что еще более странно, Хобарт принял сторону доктора.

— Почему бы и нет? — говорил он. — Просто все сводится к следующему: ты допускаешь, что некое явление возможно, а затем отрицаешь саму возможность привести

тому доказательства — вне твоего понимания абстракции. Забавный парадокс, Гарри, но чертовски скверная логика. Если это так, то, безусловно, может быть доказано. Нет на свете такой причины, которая заставила бы нас усомниться. Профессор прав. Я с ним согласен. Он — единственный знаток на все времена.

Ну, а потом все и произошло. Для нас это стало жутким ударом. Многие восприняли случившееся как ужаснейшее убийство или не менее ужасное похищение. Даже в самом университете всего лишь несколько человек приняли сторону доктора. Это преступление связывало двух необыкновенно ловких негодяев и доверчивого ученого.

Но у моего друга вера ничуть не ослабла. Будучи одним из последних, кто попал под влияние доктора, практик и реалист, он не имел совершенно никакой склонности к философии. Он не умел глубоко и беспристрастно мыслить. Но отступить он не привык.

Как-то я застал его сидящим и погруженным в раздумья. Я тронул его за плечо.

— О чем так задумался? — спросил я.

Он взглянул на меня. По глазам приятеля я понял, что мысли его находятся очень далеко.

— О чем думаешь? — повторил я.

— Я думал, Гарри. Просто думал.

— Да о чем же, скажи, наконец.

— Я думал о том, Гарри, что мне нужны сто тысяч долларов и около десяти лет свободного времени.

— Очень хорошая мысль, — отвечал я. — Я б и сам о таком подумал. А что ты бы сделал с ними?

— Что сделал бы? Ха, есть только одна вещь, которую бы я сделал, будь у меня столько денег. Я бы решил загадку «Слепого пятна»!

Это произошло много лет назад, когда мы еще учились в колледже. Много воды утекло с тех пор. Я пишу это, находясь на краю пропасти. Как же мало мы знаем! Что за идеи посещали голову Хобарта Фентона? Он — реалист, практик и бесстрашный человек. Сейчас находится в Южной Америке. Я телеграфировал ему и жду, что он приедет так быстро, как только пароход сможет его доставить. Великое открытие профессора — это реальность, а не выдумка. В чем оно заключается? На это я ответить не могу. Но я обнаружил ему подтверждения и являюсь свидетелем его действенности.

На протяжении веков мы игнорировали определенные законы природы. Но они, неумолимые и коварные, все это время существовали. Неизвестное вызывает страх. Из любви к великому ученому я с ним борюсь. С самого начала это казалось почти безнадежным. Я вспоминаю одну из последних профессорских поправок в этике. «Тайна потустороннего мира может быть раскрыта. Мы обладаем пятью чувствами. Если придать явлению конкретные формы, то мы сможем его понять».

Иногда я размышляю о Рамде. Человек он или призрак? Подконтрольно ли ему «Слепое пятно»? Не то ли он реальное доказательство, которое обещал предъявить доктор Холкомб? Каким образом и при помощи каких законов мироздания профессор получил возможность, пусть даже частичную, управлять этими явлениями? Откуда появи-

лись Рамда и его прекрасная спутница? Кто они вообще такие? И наконец — что за мысли не давали покоя Хобарту Фентону?..

Теперь, когда я оглядываюсь назад, то сам себе удивляюсь. Я никогда не был фаталистом. Не являюсь им и сейчас. Человек сам управляет своей судьбой. Но еще он труслив. Если что-то нужно узнать, он обязательно это узнает. Его обязанности распространяются только на его же товарищей. Выше голову и вперед. По большому счету я, возможно, и не храбрец, но если однажды дал слово, то сдержу его. Я внес свою лепту, просто исполнил свой долг. Может быть, мне это не совсем удалось. В противостоянии «Слепому пятну», я сделал не больше, чем сделал бы любой другой. И сожалею лишь об одном. Неудача редко вознаграждается. Я надеялся, что моя жизнь будет последней. Но все еще остается слабая надежда. Если в итоге я и потерплю неудачу, то должен остаться еще один — тот, кто поведет за собой.

Поймите, я не жду смерти. Меня страшит неизвестность. Я всегда полагал, что мы знаем так много, но теперь понял, что мы не знаем почти ничего. Существует бесчисленное множество законов мироздания, о которых мы даже не подозреваем. Что есть смерть? Почему нам ее нужно бояться? Что есть жизнь? Можем ли мы постичь ее? Действительно ли это возможно? Что такое «Слепое пятно»? Если Хобарт Фентон прав, то к смерти оно не имеет никакого отношения. А если так, то что же оно такое?..

Рука слабеет. Я устал. Я жду приезда Хобарта. Может статься, мне до него и не дожить. Когда он появится, я хочу,

чтобы ему было известно все, что знаю я. А то, что ему уже известно, не мешает и повторить. Хорошо, если Хобарт будет в курсе; возможно, нас обоих ждет поражение... Но если даже это и случится, мир сможет извлечь пользу из наших ошибок и, может быть, сам найдет способ управления феноменом «Слепое пятно».

Прошу вас, не судите меня строго. Если я и делаю какие-то ошибки или где-то теряю нить повествования, вспомните, какое бремя лежит на моих плечах. Однако же я попытаюсь излагать все как можно четче и понятнее.

VI

ЧИК УОТСОН

А сейчас вернемся в прошлое.

Пришло время, и мы оба закончили колледж. Я стал юристом, Хобарт — инженером. Обоим сопутствовал успех. Ни мне, ни ему и в голову не приходило отказаться от выбранной профессии. Никаких приключений наши занятия не сулили, зато было много работы, которая соответствующим образом вознаграждалась.

Возможно, мне повезло больше. Я влюбился, а Хобарт продолжал оставаться убежденным холостяком. На эту тему он никогда не шутил. Я здесь не причем. Моей вины тут нет. Если кого и винить, то его малютку-сестру.

Все произошло так, как происходило всегда, с тех пор как Господь сотворил первую женщину. Одним прекрасным осенним днем мы с Хобартом отправились в колледж. У ворот мы оставили Шарлоту, девочку пятнадцати лет, весьма нескладную и угловатую. Я потянул ее за одну из косичек, поцеловал и сказал, что хотел бы, чтоб она стала красавицей. Когда следующим летом мы вернулись домой, я намеревался потянуть ее за другую косичку. Но не сделал этого. Меня встретила самая прелестная девушка из всех, когда-либо виденных мною. Поцеловать ее я тоже не смог. Но разве можно меня в этом винить?..

Теперь перейдем к тому происшествию.

Стояла сентябрьская ночь. Хобарт закончил свои дела и взял билет на пароход до Южной Америки. Он отправлялся на следующее утро. В тот день мы пообедали с его семьей, а затем поехали в Сан-Франциско, чтобы провести там прощальный холостяцкий вечер. Мы собирались сходить в оперу, поужинать в нашем любимом кафе и вернуться домой. Все это помогло бы нам на какое-то время вернуться в наше детство, ведь, несмотря ни на что, мы все еще оставались мальчишками.

Я помню ту ночь. Шла наша любимая опера «Фауст». Единственная опера, которую мы оба одинаково любили. Оглядываясь в прошлое, я удивляюсь этому совпадению. Старый миф юношеской поры с мистическим подтекстом и вкрадчивым, веселым и ловким Мефистофелем. Странно, что мы попали именно на эту оперу и именно в этот вечер. Вспоминаю, как мы выходили из театра — наши умы были взбудоражены прекрасной музыкой и волнующей загадочностью темы.

Опустился туман — один из тех густых, тяжелых, серых туманов, которые иногда случаются у нас в сентябре. В его мрачных глубинах прохожие исчезали, словно тени. Над улицами желтыми пятнами расплывались фонари. Ощутив его промозглый холод, мы в нерешительности остановились на тротуаре.

На мне было легкое пальтишко. У Хобарта же, собравшегося в тропики, и такой защиты не имелось. Морозный ветер, дующий с севера, был необычайно пронизывающим. Хобарт поднял воротник и сунул руки в карманы.

— Брр, — пробормотал он, — сейчас бы кофе или вина. Хоть чего-нибудь.

Тротуар был мокрый и скользкий, туман на свету выглядел как морозящий дождь. Я взял Хобарта за руку, и мы перешли на другую сторону улицы.

— Брр, твоя правда, — ответил я, — немного вина не помешало бы. Взгляни на тени, они похожи на призраков.

Мы находились как раз посередине улицы, когда, внезапно остановившись, он спросил:

— Призраки? Ты сказал «призраки», Гарри?

Я заметил странную интонацию в его голосе. Он стоял, не двигаясь, и вглядывался в туман, скрывающий берег. Эта его остановка была весьма неожиданной и наводила на размышления. Тут проезжающий мимо кэб чуть нас не сбил, так что мы были вынуждены поспешно уклониться. Хобарт отскочил в одну сторону, а я шагнул в противоположном направлении. Мы поднялись на тротуар. И снова мой приятель принялся всматриваться во мрак.

— Черт бы побрал этот кэб, — сказал он, — мы упустили его.

Он снял шляпу, затем нацепил опять. Его излюбленная привычка, когда он растерян. Я глянул вверх-вниз по улице.

— Ты не видел его? Гарри! Разве ты не видел его? Это был Рамда Абек!

Я не видел никого и, что необходимо заметить, не знал Рамду. Он тоже не знал.

— Рамда? Ты же с ним никогда не встречался.

Хобарт был озадачен.

— Да, — не стал спорить он, — но то, что это был он, верно так же, как то, что я — толстяк.

Я присвистнул. Мне вспомнилась история, которая сейчас уже стала легендой. Человека чем-то привлекал туман. Надо же, после оперы «Фауст» столкнуться с Рамдой! Какая здесь связь? С минуту мы оба неподвижно стояли и ждали.

— Интересно, — сказал Хобарт, — я буквально сегодня думал об этом парне. Как странно! Ладно, пойдем, выпьем чего-нибудь горячего... кофе, к примеру.

Происшествие дало нам повод для обсуждения. В любом случае, это было необычно. В течение последних нескольких дней я размышлял о докторе Холкомбе, и за эти несколько часов старая история напоминала о себе с повторяющейся настойчивостью. Я был одним из подавляющего большинства тех, кто не поверил в нее. Но, возможно, дело заключалось в таинственном и упоительном воздействии музыки. А может, и вправду тут было что-то еще, помимо иллюзорной дымки? В определенные моменты мы становимся восприимчивыми, и тогда я смог бы в нее поверить...

Мы вошли в кафе и выбрали самый дальний столик. Атмосфера внутри приятно контрастировала с уличным холодом: яркие огни, звон стаканов, смех и музыка. Несколько молодых людей танцевали. Я сел; через мгновение легкость и веселье снова зажгли во мне кровь. Хобарт устроился напротив. Место было очень красивым. В глубине моего сознания расплывался образ Рамды. Я никогда не видел его, но читал описание. Мелькнула мысль о навязчивости образа.

Как я уже говорил, я — не фаталист. И повторяю еще раз. Человек должен сам управлять своей судьбой. Особенно, если это великий человек. Но я не великий. Определенно, все произошло по воле случая.

В дальнем конце зала за одним из столов одиноко сидел молодой человек. Что-то в нем привлекло мое внимание. Возможно, его апатичное поведение или мечтательное безразличие, с которым он смотрел на танцоров. Или, не исключено, полнейшее отчаяние, написанное у него на лице. Я не упустил из виду его необычайную бледность и отсутствующий взгляд, а также его длинные тонкие пальцы, находящиеся в постоянном движении. Существует определенный круг лиц, которые являются неотъемлемой частью ночной жизни любого города. Но он не принадлежал к этому типу людей. Он не был завсегдатаем. В его одиночестве и отрешенности от всего окружающего ощущалось некое величие. Он заинтересовал меня.

И тут молодой человек поднял глаза. Наши взгляды встретились. Он улыбнулся слабой и несчастной улыбкой, которая показалась мне довольно жалкой. Затем вдруг его взор переместился на дверь позади меня. Вероятно, в моем выражении лица было нечто такое, что заинтересовало Хобарта. Он обернулся.

— Скажи, Гарри, кто этот парень? Мне знакомо его лицо, я уверен.

— Сдается мне, я и сам где-то видел его. Хм, интересно...

Молодой человек посмотрел снова. Та же усталая улыбка. Он кивнул и опять через мое плечо взглянул на дверь. Внезапно его лицо окаменело.

— Во всяком случае, он знает нас, — решил я.

Теперь Хобарт сидел лицом ко входу. Он мог видеть любого, кто входит или выходит. Проследив за взглядом молодого человека, Хобарт посмотрел мне через плечо. Неожиданно он наклонился ко мне и тронул за руку.

— Не оглядывайся, — предупредил он, — спокойно. Вот он, как я и говорил. Честное слово толстяка!

После этих слов я просто не мог не взглянуть краем глаза. Через зал по проходу шел человек — высокого роста, темноволосый, с весьма решительными манерами. Я много раз читал его описание, видел наброски, сделанные городскими художниками. Но они не воздавали ему должного. Он имел примечательные манеры и наружность и обладал, можно сказать, неким магнетизмом. Я заметил, как многие, особенно женщины, украдкой бросали на него заинтересованные взгляды. Он был привлекательным мужчиной, вне всякого сомнения, практически самым красивым из всех, кого я когда-либо видел. Опять же благодаря этой самой своей изменчивости.

Поначалу я мог бы поклясться, что ему около шестидесяти; через минуту я был настолько же уверен в том, что он молод. В нем чувствовалось нечто такое, чего не изложить на бумаге, — мощь, сила, энергия. Загадочность. Его поступь была чопорной и весьма своеобразной, легкой, словно у тени; в одной руке он нес портфель из коричневой кожи, о котором так часто упоминали. У меня вырвался возглас изумления.

Хобарт кивнул.

— Ну, разве я не толстяк? Знаменитый Рамда! Что скажешь? Ха-ха! У него дело к нашему бледному другу, что сидит вон там. Смотри!

Так оно и было. Рамда сел напротив того бледного парня. Молодой человек выпрямился. Лицо его показалось еще более знакомым, но я не мог его вспомнить. Его губы были плотно сжаты, что говорило о решимости; невзирая на общее истощение, воля в нем оставалась твердой. Этот хрупкий парень вызывал уважение: слабаком он не был точно. Тем не менее, я сомневался, что он не боится Рамды.

Парень беседовал с официантом. Тут начал говорить Рамда. Я заметил, с каким достоинством он держится; он был не зол, скорее спокоен... и расчетлив. Он протянул руку. Молодой человек отодвинулся. Он улыбнулся; его улыбка вышла слабой и вымученной, но, несмотря на это, презрительной. Хоть вид его и вызывал жалость, но тем, как он себя вел, нельзя было не восхищаться. Официант принес стаканы.

Молодой человек выпил свой стакан залпом, Рамда же поднял свой и принялся отхлебывать маленькими глоточками. И снова повторил свой требовательный жест. Юноша уронил руку на стол, бледно-голубое свечение окружало ее. Рамда указал на нее пальцем. Так что же было предметом их разногласий? Перстень с драгоценным камнем? В конце концов, наш фантом достаточно материален, чтобы испытывать желание обладать чем-то. Держался он спокойно и невозмутимо, однако в действиях его сквозила агрессия. Я ощутил, что вот-вот начнется схватка, но мо-

лодой человек повернул перстень камнем внутрь ладони и покачал головой.

Рамда распрямился во весь свой рост. С минуту он ждал. Может быть, он сдался? Тут он начал что-то говорить, но молодой человек его оборвал. Несмотря на слабость, у юноши был сильный характер. Он даже рассмеялся. Рамда вынул часы и поднял два пальца. Я услышал, как Хобарт пробормотал:

— Две минуты. Ставлю на юношу. Парень силен духом. Просто очень устал.

Хобарт оказался прав. Ровно через сто двадцать секунд Рамда закрыл крышку своих часов. Сказал что-то. Молодой человек снова засмеялся и зажег сигарету. В мерцающем и трепещущем пламени его очертания дрожали. Но парень продолжал упорствовать. Рамда встал из-за стола, прошел по проходу и вышел на улицу. Молодой человек вытянул вперед руки и уронил голову на стол.

Эта маленькая драма разыгралась почти в полной тишине. Мы с Хобартом обменялись взглядами. Лишь ненадолго увидев Рамду, мы снова вернулись к загадке «Слепого пятна». Была ли здесь какая-то связь? Кто этот молодой человек, которого покидала жизнь? Странно, но его лицо мне было очень хорошо знакомо. Я принялся вспоминать, откуда. Но Хобарт прервал мои размышления.

— Я бы, наверное, одну ногу отдал, лишь бы узнать, о чем они беседовали. Один из них Рамда, но кто же тот другой призрак?

— Ты думаешь, это связано со «Слепым пятном»?

— Я не думаю, — заявил Хобарт, — я знаю. Интересно, который час? — Он взглянул на часы. — Полдвенадцатого.

Тут молодой человек за столом поднял голову. Сигарета все еще была у него между пальцами. С минуту он равнодушно выпускал дым, безучастно поглядывая по сторонам. Среди веселья и смеха, доносившегося со всех сторон зала, юноша смотрелся как-то не к месту. Он казался обескураженным, неспособным взять себя в руки. Вдруг он посмотрел на нас и поднялся.

— Он определенно нас знает, — сказал я. — Интересно... Гляди-ка, он идет сюда.

Даже походка у него была вялой. Он тщательно пытался соблюдать равновесие. В каждом движении его тела сквозили напряжение, усталость, чувствовалось, как исчезают последние жизненные силы. Молодой человек еле дышал. Мало-помалу, черточка за черточкой он становился все более узнаваемым, будто это был призрак кого-то давно ушедшего. Вначале мне все еще не удавалось его вспомнить. Кто же он такой? И тут внезапно меня осенило! Во времена колледжа он был спортсменом, одним из самых видных, самых крепких парней! И дошел до такого!

Хобарт меня опередил.

— Во имя всего святого! — воскликнул он. — Чик Уотсон! Иди сюда, присядь. Черт возьми, Чик! Что за?..

Тот бессильно повалился на стул. Тело, бывшее некогда таким могучим, превратилось в скелет. Пальто придавало ему более-менее человеческую форму.

— Привет, Хобарт! Привет, Гарри! — проговорил он шепотом. — Не так уж много осталось от старого Чика, не так ли? Сначала я закажу себе бренди.

Все это выглядело весьма трагично. Я бросил взгляд на Хобарта и кивнул официанту. Мог ли это быть Чик Уотсон? Я видел его год назад крепким, здоровым и преуспевающим. А теперь кем он стал... развалиной!

— Нет, — пробормотал он, — я не болен, не болен. Боже, ребята, как хорошо встретить вас. Я просто подумал, а не пойти ли мне прогуляться в эту последнюю ночь, послушать музыку немного, увидеть хорошенькое личико, может, повстречать кого-то из друзей. Но боюсь... — тут он погрузился в сон.

— Поторопи этого официанта, — сказал я Хобарту. — Пусть поскорее принесет бренди.

Спиртное, чудилось, воскресило его. Он вскочил. В его глазах отразился страх, но потом, когда он увидел себя в окружении друзей, — облегчение. Чик повернулся ко мне.

— Думаешь, я болен, да? — спросил он.

— Ты определенно болен, — отвечал я.

— На самом деле — нет.

С минуту мы молчали. Я взглянул на Хобарта. Тот кивнул.

— Тебе прямая дорога к доктору, Чик, старина, — сказал я. — Я позабочусь об этом. Тебе просто необходимы постельный режим и материнская забота.

Он поднялся. Создавалось впечатление, что он пытается взять себя в руки.

— Верно, Гарри. Но это то, к чему я шел. Мне так тяжело думать сейчас. Мама, мама! Вот почему я приехал в центр города. Я хотел найти друга. Я дам тебе кое-что, чтобы ты передал моей матери.

— Вздор! — сказал я. — Я отведу тебя к ней. О чем ты говоришь?

Но он покачал головой.

— Хотел бы я, чтобы твои слова оказались правдой, Гарри. Но это бесполезно, особенно после сегодняшнего вечера. Ни один доктор в мире не может спасти меня. Я не болен, ребята, совершенно не болен.

Тут заговорил Хобарт.

— В чем дело, Чик? У меня есть подозрение. Я прав?

Чик взглянул на него, а затем закрыл глаза.

— Хорошо, Хобарт, что за подозрение?

Фентон подался вперед. Мне показалось, что он вглядывается в душу парня. Тронув его за локоть, он сказал:

— Чик, дружище, похоже, я догадываюсь. Но ответь мне, это — «Слепое пятно», да?

При этих словах Уотсон открыл глаза; на какой-то миг они наполнились изумлением и надеждой, а затем также внезапно — безмерным отчаянием. Его тело обмякло, голос еле слышно произнес:

— Да, я умираю... из-за «Слепого пятна».

VII

ПЕРСТЕНЬ

Ужасно: из «Слепого Пятна» выползает смерть. До сих пор оно было чем-то вроде сказки — безусловно, замечательной и вызывающей догадки. Я никогда и подумать не мог, что мы столкнемся с ним таким ужасающим образом. «Оно находится за пределами сверхъестественного!» — так заявил профессор. Величайший секрет жизни, в награду своим адептам обещающий смерть. Доказательством тому стал Чик Уотсон — образчик здоровой, воинственной мужественности... И вот до какого состояния дошел.

Чик слегка приоткрыл глаза; в них горел древний дух — дух выживания. Что же это была за борьба души с телом? Почему душа так стойко держалась? Он сделал усилие подняться.

— Дайте еще, — попросил он, — еще выпить. Что-нибудь, что подкрепило бы мои силы. Нужно вам все рассказать. Вы должны занять мое место и... и сразиться со «Слепым пятном»! Пообещайте, что...

— Закажи выпивку, — сказал я Хобарту. — Вон там я вижу доктора Хансена. Даже если мы не можем спасти Чика, нужно попытаться поддержать в нем силы, пока он не поведет свою историю.

Я сходил и привел Хансена.

— Странный случай, — пробормотал тот. — Пульс нормальный, никаких признаков лихорадки. Говорите, он не болен... — Хобарт указал на его голову. — Все ясно! Я бы посоветовал домашний уход и постель.

Тут Уотсон снова открыл глаза. Они остановились сначала на докторе, затем на мне и, наконец, на стакане с бренди. Он схватил его и с жадностью выпил. Это был уже третий стакан, он придал ему сил.

— Разве я не сказал вам, ребята, что нет такого доктора на земле, который мог бы спасти меня? Простите, док, но я не болен. Я говорил им. В моем случае медицина бессильна.

— Мальчик мой, — участливо спросил доктор, — что вас беспокоит?

Уотсон улыбнулся и дотронулся до своего лба.

— Здесь, док. Есть в мире вещи, на которые мы не можем повлиять. Я попытался. Кто-то должен был сделать это тогда, и кто-то должен сделать это теперь. Вы помните доктора Холкомба, великого человека, старавшегося овладеть тайной жизни. С него все началось.

Доктор Хансен вздрогнул.

— Господи! — воскликнул он, оглядывая всех нас. — Не хотите ли вы сказать, что этот человек имеет отношение к «Слепому пятну»?

Мы кивнули. Уотсон улыбнулся. Он вновь погрузился в состояние апатии. Произнесенная им речь оказалась слишком длинной, а бренди только начинало действовать.

— Дайте ему еще бренди, — сказал доктор, — это лучше, чем ничего. Оно позволит ему собраться с силами и под-

держит жизнь на некоторое время. Вот. — Он достал что-то из кармана и плеснул в стакан. — Это поможет ему... Джентльмены, — продолжал доктор, — вы понимаете, что это значит? Я постоянно об этом думал! Я знал доктора Холкомба! Это переходит все границы! Тайну жизни познать невозможно. Кроме того...

Тут Уотсон вдруг снова открыл глаза. В них трепетал дух противоречия.

— Кто сказал, что это невозможно? Кто это сказал? Джентльмены, на самом деле это *возможно*. Доктор Холкомб... Простите. Я не хочу показаться вам пьяницей, но, похоже, этот бренди — единственная вещь, способная помочь мне собраться с мыслями. Мне осталось всего лишь несколько часов.

Он взял стакан и одним глотком выпил его содержимое. Не знаю, что доктор подбросил туда, но Чик моментально пришел в чувство и странный свет загорелся в его глазах, будто бы жизнь в него вновь влилась.

— Вот, сейчас мне лучше. Ну так что?

Он обернулся к нам, затем — к доктору.

— Так вы говорите, тайну жизни познать невозможно?

— Я...

Чик грустно улыбнулся:

— Могу я вас спросить: что это только что разгорелось во мне? Я слабый, малокровный, разбитый; мои мускулы утратили способность действовать, моя кровь стынет в жилах, я был в двух шагах от последней черты. И однако же... несколькими стаканами бренди с добавлением какого-то стимулятора вы вернули меня к жизни. Мое сердце бьется

интенсивно, хоть это и ненадолго. С помощью лекарства вы вдохнули в меня новую жизнь, которая, конечно же, является продолжением старой, и привели физические составляющие моего тела во взаимодействие. Вам это удалось на какое-то время, но лишь настолько, насколько позволит природа, но в то же время вы пребываете в страхе от осознания того, что малейшее упущение — и вы проиграли... Это ваше дело: поддерживать эту жизнь или же нет. Если она покинула ваши органы, ваше тело, то ваш распрекрасный человеческий механизм ничего не стоит. Откуда эта жизнь появилась? Куда уходит? Я выпил уже четыре стакана бренди — арендовал себе еще четыре коротких часа жизни. Это всегда срабатывает. Алкоголь — это, безусловно, яд, но он поднимает мой дух и придает достаточно сил, чтобы рассказать мою историю... Ведь утром меня не станет. Из чего следует, что я уже мертв. Четыре стакана бренди помогут мне поведать о том, откуда взялась эта взаимосвязь материального и бесплотного.

Мы все слушали его, доктор — внимательнее всех.

— Продолжайте, — сказал он.

— Разве вы не видите? — повторил Уотсон. — Существует связь между материальным и бесплотным, и поэтому ваш дух (или тень — называйте, как вам нравится) — материальны, они сами по себе являются материей. Такой же, из которой состоите и вы сами. То, что вы ее не видите, не доказывает, что она не является веществом. Пальма в горшке вон там не видит вас, поскольку ее обделили глазами.

Доктор посмотрел на Уотсона, потом мягко сказал:

— Это очень древняя тема, мой мальчик. Вне вашей абстрактной философии. Ни один человек не знает тайны жизни. И вы тоже не знаете.

Свет в глазах Уотсона стал ярче, он выпрямился и принялся снимать с пальца перстень.

— Нет, — ответил он. — Не знаю. Я пытался, но это похоже на игру с молнией. Я искал ключ к тайне жизни, а нашел смерть. Но есть человек, единственный из живущих, кому удалось этот ключ найти.

— И этот человек?..

— Доктор Холкомб!

Мы втроем так и подскочили. Ведь все уже давно полагали, что его нет в живых. Да и то, как выглядел Уотсон, само по себе уже было трагедией. Без сомнений, он пережил какие-то ужасные события. Бывают в мире вещи, не подлежащие истолкованию. Какая-то сила, злоеущее нечто тянулось к его жизненным силам. Что он знал о профессоре? Доктор Холкомб уже долгое время считался погибшим.

— Джентльмены, вы должны услышать мою историю. Много времени это не займет. Однако, прежде чем я начну, вот вам доказательство.

Он бросил на стол перстень.

Поднял его Хобарт. Красивый голубой камень, необычайно прозрачный, похожий на сапфир, но необработанный, без сомнения, драгоценный. Такого камня видеть нам не доводилось. Внимательно его осмотрев, мы, к сожалению, остались слегка разочарованы. Это был камень и ничего более.

Уотсон внимательно следил за нами. Официант принес еще бренди, и он принялся его потягивать, не потому, что, как он сказал, оно ему нравилось, а просто чтобы сохранять себя в надлежащей форме.

— Вы не понимаете, да? Ничего не видите? Хобарт, у тебя не найдется спичек? Ага, так... Теперь дай мне кольцо. Смотрите. — Он чиркнул спичкой и поднес огонь к камню. — Джентльмены, мне нет надобности что-то говорить. Камень вам все покажет. Это не обман, уверяю вас, это факт. Так, секунду, отлично. Вы — скептик, доктор, взгляните на камень.

Доктор небрежно взял его и поднес к глазам. Вначале он хмурил брови, затем принял недоверчивый вид, челюсть у него отвисла, и он приподнялся в кресле.

— Боже мой, — вскрикнул он, — живой человек! Это же... он же...

Мы с Хобартом тоже привстали. Доктор держал кольцо так, чтобы мы могли его видеть. Внутри камня находился профессор Холкомб!

Наступил напряженный момент. Совершенно невероятно! Все мы знали доктора. Это была не фотография, не что-либо подобное; это был профессор собственной персоной.

Вообще непонятно, как он мог оказаться в бриллианте. Правда, виднелась только одна его голова, но она подавала признаки жизни; можно было заметить, как поднимаются и опускаются веки. Но как же так? Как такое могло быть? Хобарт заговорил первым.

— Чик, — сказал он, — что это значит? Не наблюдай я это своими собственными глазами, то назвал бы подобное

невозможным. Мало того, абсурдным. Доктор! Однако же, я лично вижу его. Живого. Где же он?

Чик кивнул.

— В том то и дело. Где он — я знаю. И все же ни в чем не сумел разобраться! Вы сейчас смотрите прямо в «Слепое пятно». Доктор искал разгадку тайны жизни — и нашел ее. А теперь стал заложником собственных знаний.

VIII

НЕРВИНА

С минуту мы молчали. Бриллиант покоился на столе. В чем же заключается тайна его феномена? Мне в голову не приходило ничего, что могло бы объяснить его с научной точки зрения. Как оно смогло завладеть Уотсоном? Что это за история, которую ему нужно рассказать нам? Почему эти длинные иссохшие пальцы хватаются за стакан с бренди? Какая сила толкнула его на подобную крайность? Он сломлен. И несмотря на то, что пытается выглядеть непокорным, он уже признал свое поражение.

Тут заговорил доктор Хансен.

— Уотсон, — задал он свой вопрос, — что вы знаете про «Слепое пятно»?

— Ничегошеньки.

Мы все повернулись к Чику. Хобарт заказал еще бренди. Доктор прищурил глаза. А я не мог не спросить:

— Чик, — сказал я, — а кто такой Рамда Авек?

Уотсон повернулся ко мне.

— Ты его видел здесь несколько минут назад? Видел со мной, верно?

— Да, — ответил я, — я видел его. Многие его видели. Он и правда призрак, как о том говорят?

Почему-то упоминание этого имени заставило его занервничать. Он настороженно огляделся.

— Этого я не знаю, Гарри. Э... если бы я только мог хоть немного собраться с мыслями. Призрак ли он? Да, полагаю, что так. Но толком я еще не понял. По крайней мере, он обладает всеми способностями, которыми наделяют привидений. Его действия странны и необъяснимы. Иногда ты можешь его видеть, иногда нет. Впервые о нем стало известно в тот день, когда профессор Холкомб должен был читать свою лекцию про «Слепое пятно». За ним следили, как вы знаете, до того самого момента, когда он вошел в Нервину.

— А что это за Нервина?

Уотсон отсутствующе посмотрел на меня.

— Нервина? — спросил он. — Нервина... А что тебе известно о Нервине?

— Ничего. Ты сам только что упомянул о ней.

Казалось, ему никак не удастся сосредоточиться. Он опасливо оглядел помещение. Похоже, он был изрядно напуган.

— Разве я упоминал о ней? Не знаю, Гарри, у меня в голове путаница. Нервина? Это — богиня. Она никогда не была и никогда не станет обычной женщиной. Она любит, но никогда не ненавидит. Но потом снова просто не любит. Она прекрасна, слишком прекрасна, чтобы принадлежать мужчине. Я уже оставил все попытки.

— Она жена Рамды?

В его глазах вспыхнул огонь.

— Нет!

— А ты любишь ее?

Взгляд его снова сделался безучастным. Но вот наконец он тихо произнес:

— Нет, я ее не люблю. Какой в том смысл? Она создана не для меня. Я любил, да. Но потом понял. Мне нужен был профессор... и «Слепое пятно». Она...

Снова он оглядел зал взглядом преследуемой жертвы. Что же он такое испытал? Через что прошел, что так изменился? Что это было?..

— Ты говорил, что не нашел «Слепое пятно»?

— Нет, я его не нашел.

— А есть какие-то соображения?

— Мой дорогой Гарри, — отвечал он, — я переполнен соображениями. В том-то и дело. Я уже близко подобрался к «Слепому пятну». В этом и кроется причина моего нынешнего состояния. Мне неизвестно только, где оно находится. Как между собой взаимодействуют процессы, его образующие? Вы помните ту так и не прочитанную лекцию? Доктор говорил, что миру будут предъявлены факты грандиозного значения. Он сделал великое открытие. Просто потрясающее.

Чик развернул перстень так, чтобы он всем нам был виден. Никаких сомнений — в камне было лицо доктора.

— Вот он — профессор. Если бы только он мог говорить. Тайна эпох. Просто представьте, что это означает. Где он находится? Я показывал камень самым знаменитым ювелирам, и они все как один не могли поверить своим глазам. Потом приходили к одному и тому же заключению — подделка, китайская или индийская работа, как они говорили. Многие из них хотели его распилить.

— А ты показывал его полиции?

— Нет.

— Почему?

— Да меня бы там просто высмеяли.
— А ты когда-нибудь им рассказывал об этом Рамде?
— Неоднократно. Они приходили и все обыскивали, но каждый раз он исчезал, словно тень. А теперь это превратилось в сказку про белого бычка, так что, если им позвонить и упомянуть о нем, они просто станут смеяться.

— А как ты это можешь объяснить?

— Никак. Я... я просто умираю.

— И никто из полиции?..

— Нет, есть один. Джером. Вы о нем слышали. Он следовал за профессором и Рамдой до дома со «Слепым пятном», как он его называет. Джером не тот, кого можно одурачить. У него есть глаза, и он все видел. Он расшибется в лепешку, но докопается до истины.

— Но он же не видел само «Слепое пятно»? А что если это просто ловкий фокус? Тебе никогда не приходило в голову, что профессора могли просто убить?

— Взгляни-ка сюда, Гарри. Неужели это похоже на убийство? Ты же видишь, что этот человек жив!

Уотсон протянул руку к перстню и повернул его камнем ко мне.

Тут вмешался Хобарт.

— Минутку, Чик. Мой друг Гарри — юрист. Он всегда во все лезет первым, особенно в спорах. А мое дело — вытаскивать его из неприятностей. Так что теперь моя очередь. Только один вопрос.

— Давай.

— Ты, как бы это сказать... э... не водил знакомства с Бертой Холкомб, когда учился в колледже?

Взгляд Уотсона смягчился и потеплел. Он кивнул. На лице появилось печальное выражение.

— Я понял, — сказал Хобарт. — И, естественно, по этой причине ты столкнулся со «Слепым пятном». Ты ищешь ее отца. Я прав?

— Совершенно.

— Хорошо. Вероятно, Берта посвятила тебя в кое-какие отцовские секреты. Не сомневаюсь, что у нее есть материалы по «Слепому пятну». Тебе удалось определить его местоположение?

— Нет!

— Ясно: А Рамда... он когда-либо пытался заполучить эти материалы?

— Много, много раз.

— А он знает, что у тебя их нет?

— Нет, не знает.

— Понятно. Получается, что ты являешься для него угрозой благодаря своей неосведомленности. Значит, потвоему, главный злодей — Рамда... и, возможно, еще Нервина? Кто она?

— Богиня.

Хобарт улыбнулся.

— Ну да! — засмеялся он. — Богиня. Конечно! Все они боги. Их и сейчас в этом зале около сорока, мой дорогой друг. Смотри, вон они танцуют!

И вот я взял перстень. Он как раз подошел по размеру на мой палец. Я надел его и взгляделся в камень. Очертания профессора теряли четкость. Камень снова приобрел голубой цвет изумительного колдовского оттенка; не

те яркие искры обычного бриллианта, а замерзшее свечение айсберга. Бесстрастное, холодное, пугающее, но одновременно манящее. Не знаю, почему, но мне в тот миг показалось, будто камень живет своей собственной жизнью; я ощутил сильное желание обладать им. Вероятно, это отразилось на моем лице, потому что Уотсон наклонился ко мне и взял за руку.

— Гарри, — спросил он, — как ты думаешь, ты сможешь выдержать такую ношу? Хочешь занять мое место?

Я посмотрел в его глаза. В их черной глубине была почти мольба.

— Так что, займешь мое место? — продолжал упрашивать он. — Готов ты отказаться от всего, что Бог дает счастливым? Оставить свою адвокатскую практику? Сможешь продержаться до конца, не спасуешь? Будешь ли...

— Ты имеешь в виду, возьму ли я перстень?

Он кивнул.

— Верно. Но ты должен заранее знать, на что идешь. Было бы убийством отдать его тебе, не предупредив. Умрешь либо ты, либо доктор Холкомб. Этот перстень — не просто ювелирная поделка. Даже не знаю, как это объяснить. Он поработает человека, который носит его. Перстень коварен. Он, словно язва, разрушает тело. И приводит в ужас душу. Он...

— Зловещее украшенье, — произнес я. — В чем же...

Но Уотсон меня перебил. В его взгляде читалась мольба.

— Гарри, — заговорил он, — кому-то нужно носить этот перстень. Этим человеком должен быть настоящий мужчи-

на, который не побоится дразнить самого дьявола. Задача очень трудная, уверяю вас. Я долго не протяну. Ты тоже любил старого доктора. Если мы докопаемся до сути этого закона природы, то сделаем для человечества больше, чем каждый из нас может сделать в своей профессии. Мы обязаны спасти старого профессора! Он жив, и он ждет. Но существуют такие силы, о которых мы даже не догадываемся. Доктор не побоялся заниматься всем этим в одиночку. И пал жертвой собственного разума. Я же пошел по его стопам и вот, раздавлен, возможно, из-за своего невежества. Но мне не страшно, и я не хочу, чтобы мое дело умерло. Кому-то следует его продолжать, и этот человек — ты.

Все теперь смотрели на меня. А я рассматривал этот странный голубой камень и дивился его свечению. Образ профессора сделался уже совсем трудноразличимым. Передо мной поставили неожиданную, но чрезвычайно важную задачу: познать закон, который является одной из величайших тайн Вселенной. В чем же его суть?

Каким-то образом соблазн захватил меня. Я просто не мог представить, что смогу дойти до такого ужасного состояния, в каком находился мой товарищ. Кроме того, это был мой долг перед старым доктором. Хоть Уотсон ничего и не говорил, я кожей ощущал его мольбу. Мне не было страшно. Да еще этот камень в перстне. Он манил. В моей душе уже пылал огонь. Я поднял глаза.

— Так ты возьмешь его, Гарри?

Я кивнул.

— Да. Только Богу известно, каким бесполезным я себя сейчас чувствую. Я возьму его. Перстень может предоста-

вить мне возможность войти в контакт с этим знаменитым Рамдой.

— Будь осторожен с Рамдой, Гарри. Но самое главное — не дай ему завладеть перстнем.

— Почему?

— Потому что. Послушай внимательно, что я скажу. Только учти, я не могу утверждать это с полной уверенностью. Тем не менее, все факты указывают в одном направлении. Береги перстень. Где-то внутри его сияния сокрыта величайшая тайна, узнав которую, можно управлять «Слепым пятном». Сам Рамда не может снять его с твоего пальца — ты защищен от насилия. Однако, перстень может убить тебя.

Уотсон закашлялся.

— Видишь, — сказал он, — перстень меня уже погубил.

Все это представлялось весьма зловещим. Достаточно было его кашля и ужасного состояния. Значит, каждый из нас может дойти до этого. Он предупреждал меня о последствиях, но тем же голосом умолял избавить от непосильной ноши.

— Но что же представляет собой «Слепое пятно»?

— Значит, ты берешь перстень? Который час? Двенадцать. Джентльмены...

Вот теперь мы подошли к самой странной части моего рассказа, которой я до сих пор не могу найти объяснений. За плечом доктора Хансена мне была хорошо видна входная дверь. Может быть, перстень тому виной, не знаю, в тот момент я не рассуждал. Я действовал, поддавшись порыву. И мой поступок не вписывается в рамки хороших манер. Я

не делал ничего подобного прежде. Но прежде я никогда не видел этой женщины.

Женщины? Почему я так сказал? Она была не женщиной — девушкой! Совершенно необыкновенной девушкой. Тогда я впервые увидел ее, стоящую там перед дверью. Мне не доводилось прежде видеть подобной красоты: идеального профиля, осанки, смеющихся колдовских черных, как ночь, глаз, носа изумительной формы, ярко алых губ, улыбавшихся, как мне показалось, слегка печально. Она стояла, как будто в нерешительности, подняв украшенную драгоценностями руку к своим пышным волосам цвета воронова крыла. Своим поступкам я и сейчас не нахожу объяснений. Разве что, возможно, сказалось влияние перстня. Весьма вероятно. Как бы то ни было, я вскочил.

Как хорошо я это помню!

Мне чудилось, я знаю ее уже очень-очень давно. В ней было что-то такое, не соблазн, а много, много выше его. Создавалось впечатление, что я где-то видел ее раньше, знал ее. Она стояла там и смотрела на меня, ждала меня. Она была олицетворением женского начала. Я подумал так тогда и говорю то же самое сейчас.

И вот наши взгляды пересеклись. Она улыбнулась и кивнула.

— Гарри Вендел! — в ее голосе звучала нотка грусти.

Она знала меня! Выходит, это правда! Я не ошибался! Где-то я все-таки встречался с ней. В голове у меня пронесся рой смутных воспоминаний. Ага, вот и ответ! Она — девушка из снов и фантазий. Уже тогда я знал, что она не женщина в обычном понимании. Она являлась некоей ма-

териализацией, посланной Небом на Землю. Почему я так говорю? О, эта необыкновенная женская красота! С самого начала она имела власть надо мной. Власть, которую я ничем объяснить не могу.

— Потанцуем? — просто спросила она.

В следующий миг я уже держал ее за руки, и мы находились среди танцующих. То, что мои действия весьма странны и лишены здравого смысла, мне и в голову не приходило. Ее глаза манили, а от прекрасного тела исходил призыв, на который я не мог не отозваться. Между нами существовала некая связь, даже не страсть, а что-то большее. Я танцевал, окатываемый волнами небывалого, неопишуемого счастья. Танцевал с девушкой, сотканной из снов, эфира и лунного света!

— Ты знаешь меня? — спросила она, когда мы танцевали.

— Да, — отвечал я, — и нет. Я уже видел вас, но совсем этого не помню. Вы приходите из солнечного света.

— Ты всегда говоришь так?

— Вы живете в моих снах, — отвечал я, — этого достаточно. Но кто вы?

Откинув назад свою прелестную головку, она посмотрела на меня. Уголки ее губ слегка опустились, и получилась грустная улыбка, а в кротком взгляде выразительных глаз промелькнуло сожаление.

— Гарри, — спросила она, — ты собираешься носить этот перстень?

Так вот оно что. Какая же связь между перстнем и этой девушкой? Станный, почти мистический, цвет камня, не-

обычайная красота девушки, ее внезапное появление и подобное проявление интереса. Кем или чем она бы не была, ее обеспокоенность не походила на обычное любопытство. Каким-то образом она связана с перстнем и с беднягой Уотсоном.

— Думаю, да, — ответил я.

Снова это странное выражение недовольства и нерешительности. Ее глаза потемнели, в них появилась чуть ли не мольба.

— А ты не хочешь отдать его мне?

Как близко я был к тому, чтобы сделать это, трудно сказать. Я смутно понимал, что она играет со мной. Любому мужчине неприятно думать о себе как об игрушке в женских руках. Она была убеждена в моей слабости. Из чувства гордости и, вероятно, оскорбленного самолюбия я ответил:

— Думаю, что лучше будет, если я оставлю его себе.

— А ты знаешь, какому риску подвергаешься? Смерть грозит всякому, кто его носит. Тысячи опасностей...

— Значит, я точно оставлю его себе. Обожаю опасности. Вы желаете заполучить перстень. Если я оставлю его у себя, то, возможно, получу вас. Впервые в жизни я танцую с девушкой, пришедшей из лунного света.

Она захлопала глазами и перестала танцевать. Не думаю, что мои слова ее рассердили. Она же все-таки была женщиной.

— Это окончательное решение? Вы — славный юноша, мистер Вендел. Я вас знаю. И решила вмешаться, чтобы спасти вас. Вы играете с кое-чем более серьезным, чем лунный

свет. Нет такого человека, который смог бы носить этот перстень и при этом сохранить жизнь. Снова, Гарри, я прошу тебя, подумай. Ради твоего же блага.

В этот момент мы проходили мимо Уотсона. Он наблюдал за нами. Когда наши взгляды встретились, он мотнул головой. Кто же она такая, эта девушка? Она была соблазнительна, словно сам грех, и нежна, будто сама невинность. Но что же ее так привлекало во мне?..

— А, так вот в чем причина, — рассмеялся я. — Вы слишком прекрасны, чтобы носить его. Я — мужчина и люблю трудности, но вы — девушка. И было бы не по-джентльменски позволить вам взять его. Пусть оно останется у меня.

Она попалась на своей собственной хитрости. Поняв это, она закусил губу. Но затем повела себя так изящно, что мне показалось, будто она и вправду говорила искренне.

— Жаль, — тихо ответила она. — А я не теряла надежду. Это ужасно — посмотреть на Уотсона, а потом представить, что подобное будет и с тобой. Это, — легкая дрожь прошла по ее телу, — действительно ужасно. Вы, молодые люди, такие бесстрашные! Это скверно.

Тут приоткрылась входная дверь, и в проеме я увидел, как на фоне затянутого туманом берега мелькнула чья-то тень. Девушка слегка побледнела.

— Прости, я должна уходить. Ты не представляешь, как мне жаль, что...

Она протянула руку с той же грустной улыбкой. Поддавшись порыву и совершенно позабыв, где нахожусь, я поднес ее к своим губам и поцеловал. Она ушла.

Я вернулся к столику. Все трое смотрели на меня: Уотсон задумчиво, доктор с интересом, а Хобарт с явным презрением. Он и заговорил первым.

— Симпатичнее моей сестренки Шарлоты, а, Гарри?

Ответить мне было нечего. Невзирая на остроту момента, я понимал, что он прав. Мое постыдное поведение ни в какие ворота не лезло. Оправданий у меня не было — полное безумие и ослепление. Доктор молчал. Лишь на лице Уотсона читалось понимание.

— Хобарт, — сказал он, — я же тебе говорил. Это не вина Гарри. Это все Нервина. Ни одному мужчине не устоять перед нею. Она — олицетворение Красоты; она зажигает сердца мужчин, но сама не любит никого. И еще перстень. Она, Рамда, «Слепое пятно» и перстень. Мне так и не удалось выяснить связь между ними. Не вините Гарри, прошу вас. Она околдовала его так же, как и меня. Ей стоит только поманить... Но у него перстень... Я наблюдал за ними. Это только начало.

Но Хобарт проворчал:

— Она красавица — ладно, пусть так. В том-то и загвоздка. Я знаю Гарри, знаю, как родного брата. И хотел бы, чтоб он в действительности им был. Но я не доверяю этой женщине.

Уотсон улыбнулся.

— Не бойся, Хобарт, твоей сестре ничего не грозит. Нервина — не женщина. Она не из плоти и крови.

— Бр-р-р, — отозвался доктор, — у меня уже мурашки по коже бегают.

Уотсон, кивнув доктору, потянулся за стаканом с бренди.

— Еще кое-что, с вашего позволения. Так вот, джентльмены, если пойдете со мной, я отведу вас к дому, где находится «Слепое пятно».

IX

ВОТ, ИХ УЖЕ ТРОЕ

Я никогда не забуду того вечера. Когда мы ступили на мостовую, весь мир был укрыт как будто саваном. Густой туман навис мрачным предзнаменованием грядущих бедствий. Все живое сгнуло. Холод и пронизывающая сырость угнетающе действовали на душу. Можно было вздрогнуть от неожиданности, наткнувшись на стену пара от выдыхаемого воздуха. Едва мы оказались на улице, как нас остановили.

— Доктор Хансен?

Позади нас послышались шаги.

— Доктор Хансен?

— Да, сэр.

— Для вас послание, сэр.

Доктор сделал нетерпеливый жест.

— Тьфу ты! — сказал он. — Опять послание. Да не пойду я никуда!

Однако, он вернулся назад, к освещенному месту.

— Одну минуту, джентльмены.

Разорвав конверт, он пробежал глазами содержимое, посмотрел на посыльного, потом на нас. Он выглядел удивленным, даже испуганным.

— Джентльмены, — произнес он, — прошу прощения. Ничто на свете не остановило бы меня, кроме этого письма. Я

пошел бы с вами, невзирая ни на что, меня не заставил бы свернуть с пути даже мой долг врача, но... не могу... — Повернувшись ко мне, он негромко продолжал: — Вместо себя я пошлю к вам одного из лучших специалистов в городе. Этому юноше необходимо внимание врача. Какой адрес?

— Чаттертон-Плэйс, 288, — ответил я.

— Хорошо. Мне очень-очень жаль, но дело касается моей дочери, и я не могу поступить иначе. Пусть он пока продолжает принимать бренди, и вот... — Он быстро сунул мне в руку конверт. — Скоро доктор Хиггинс присоединится к вам.

— Полагаете, есть надежда? — спросил я.

— Надежда есть всегда, — ответил доктор.

Я вернулся к своим товарищам. Они медленно шли вперед. Бедняге Уотсону дорога давалась очень нелегко. Он с трудом передвигал ноги, опираясь на руку Хобарта. В конце концов он сдался.

— Нет, — сказал он, — больше идти не могу. Я слишком слаб. Я думал... Я — восьмидесятилетний старик, а всего лишь год назад был молодым парнем. Мне бы сейчас еще бренди. В том доме у меня немного есть. Нам обязательно нужно туда добраться. Там я вам все покажу и объясню подробнее.

— Возьмем кэб, — сказал я. — Вон как раз едет.

Несколько минут спустя мы стояли у дома со «Слепым пятном». Это был ничем не примечательный двухэтажный дом, похожий на тысячи ему подобных, построенный, вероятно, в начале девяностых годов прошлого столетия. Он оказался за границами пожара, бушевавшего в 1906 году, и

поэтому избежал этого бедствия. Чаттертон-Плэйс — очень короткая улочка, которая проходит по вершине холма. От мостовой к ней тянется череда каменных ступеней.

Уотсон с усилием распрямился.

— Вот этот дом, — заговорил он. — Я пришел сюда год назад, надеясь, что найду его, ведь я обещал Берте. Пришел один. У меня были причины полагать, что я смогу во всем разобраться. Я застал здесь Рамду с Нервиной. Я обладал железной волей и смелостью. Да еще и силой. Рамда не смог бы управлять мною. А теперь жизнь моя уходит, а волю я уже оставил ему. Не сдавайся, Гарри! Будет ужасно трудно, но ты держись! Держись до конца! Помогите мне подняться по лестнице. Вот так. А теперь подождите минутку, я схожу за стимулятором.

Я обратил внимание, что он не позвонил, чтобы вызвать слугу. Вместо этого он ощупью нашел ключ, отпер дверь и, споткнувшись, вошел в комнату. С минуту он шарил среди стаканов.

— Вы не включите свет? — попросил он.

Хобарт чиркнул спичкой и, найдя выключатель, щелкнул им.

Комната, в которой мы очутились, оказалась большой, весьма неплохо обставленной. Вдоль боковых стен стояли книжные полки. В центре располагались дубовый стол, заваленный бумагами, и два стула, на одном из которых лежала массивная трубка. Мне почему-то почудилось, что она принадлежит не Уотсону. Он заметил мой взгляд.

— Это трубка Джерома, — пояснил он. — Мы тут живем — я и детектив Джером. Он здесь находится с того са-

мого дня, когда исчез профессор. А я пришел сюда год назад. Джером сейчас в Неваде, так что я пока один. Обратите внимание на книги. Большинство из них — по оккультным наукам. Мы с Джеромом систематично подбирали их с самого начала. Мы изучили почти все, что могло нам пригодиться. В основном, конечно, из области софистики и предположений. Не поверите, сколько чернил израсходовано впустую. Но мы искали все, что имеет касательство к «Слепому пятну».

— Но что оно из себя представляет? И оно что, здесь? В этом доме?

— Могу ответить только на одну часть вашего вопроса, — сказал он, — но на другую, к сожалению, нет. Да, «Слепое пятно» находится где-то здесь, в этом доме. Джером совершенно в этом уверен. Помните ту старушку? Которая умерла? Несмотря на свою слабость, она действовала вполне уверенно, когда привела Джерома в соседнюю комнату. — Он повернулся и указал на нее рукой. Через открытую дверь я увидел диван и несколько стульев. Больше там ничего не было.

— Он был здесь. Колокол. Джером неустанно рассказывал об этом. Церковный колокол. В центре комнаты. Вначале я не верил, но теперь признаю, что все это — правда. Я это интуитивно ощущаю.

— Что-то вроде шестого чувства?

— Да. Или предвидения.

— Ты никогда не видел этот колокол и поэтому не можешь найти объяснения его появлению?

— Нет.

— Что насчет Рамды? Нервины? Они бывают в этом доме?

— Не часто.

— Как они входят? Через окно?

Он грустно улыбнулся.

— Не знаю. Как-то входят. Ты сам увидишь их. Рамде все еще нужен доктор Холкомб. Так или иначе, он сильно беспокоится о том, чтобы доктор был в безопасности. Несомненно, профессор совершил великое открытие. Но он был не один. Ему помогал Рамда, который по каким-то своим соображениям желает управлять «Слепым пятном».

— Значит, профессор находится в этом «Слепое пятно»?

— Мы так думаем. По крайней мере, такова наша гипотеза.

— То есть вы не считаете это обманом?

— Нет, вряд ли. Тебе бы следовало знать это, Гарри. Можешь себе представить, чтобы нашего знаменитого доктора провел обычный жулик? Профессор — это ученый муж, которого Бог одарил светлой головой. Но у него имелась одна слабость.

Хобарт подал голос:

— Это точно, Чик! Сдается мне, я знаю, что ты имеешь в виду. Старик был слишком честен?

— Именно. Всю свою жизнь он был ученым. Преподавал этику. Верил в правду. Практиковал свое учение. Когда он перешел к решающему эксперименту, то обнаружил, что имеет дело с негодяем. Рамда до определенного момента помогал профессору, но теперь, когда Холкомб оказался в

его власти, он не намерен освобождать его, покуда сам не получит контроль над «Слепым пятном».

— Понятно, — произнес я. — Этот человек — злодей. Думаю, мы справимся с ним.

Но Уотсон покачал головой.

— То-то и оно, Гарри! Человек! Если б он был человеком, я б живо с ним расправился. Об этом я как раз поначалу и подумал. Нельзя допустить ни малейшей ошибки. Не стоит и пытаться применить силу. В этом вся загвоздка. Если б только он был человеком! Увы, это не так.

— Он не человек?! — воскликнул я. — Что ты имеешь в виду? Что же он такое тогда?

— Он — призрак.

Я глянул на Хобарта и встретился с ним глазами. Хобарт поверил.

Спортсмен Уотсон! Бедняга! В нем же ничего, кроме души, не осталось! Я не забуду его несчастное бледное лицо, длинные иссохшие пальцы, хватающиеся за стакан с бренди, его горящие глаза и его жизнь, удерживающаяся на краю преисподней лишь посредством воли и мужества. Дойду ли и я до такого? Хватит ли у меня сил быть достойным его примера?..

Хобарт разрядил обстановку.

— Чик прав. В этом что-то есть, Гарри. Еще не все тайны Вселенной раскрыты. А теперь, Чик, перейдем к деталям. У тебя есть какая-нибудь информация... какие-нибудь записи?

Уотсон встал. Он был признателен нам за доверие.

— Ты веришь мне, не так ли, Хобарт? Это хорошо. Я надеялся найти кого-нибудь и нашел вас двоих. Гарри,

вспомни, что я сказал тебе. Храни перстень. Ты займешь мое место. Что бы ни случилось, держись до конца. А сейчас — минутку. Библиотека здесь; вы можете просмотреть мои книги. Я скоро вернусь.

Он вышел. Мы слышали, как его усталые шаги удаляются по коридору. Глухой и слегка жутковатый звук. Почему-то мне вспомнилась фраза из того отчета, который я прочел в газете — из истории Джерома: «...чьи-то усталые ноги с трудом перетаскивали по полу домашние туфли». И старушка. Кем она была? Почему все в этом доме слабели до изнеможения? Да еще эти слова старухи, я буквально слышал, как промозглый воздух шепчет их: «Теперь их двое!».

— Что с тобой, Гарри?

Возможно, я был напуган. Не знаю. Я осмотрелся вокруг. Шаги Уотсона стихли. Откуда-то из глубины дома лился свет.

— Ничего! Просто... проклятое место, Хобарт. Ты не замечаешь? Оно легко может высосать из тебя душу.

— Однако, интересно, — сказал Хобарт. — Даже очень интересно. Я подошел к книжным полкам и взглянул на корешки. Там книги на санскрите, греческом, немецком и французском. Веды, Сэр Оливер Лодж, Безант, Спиноза, мешанина из всех времен и народов, работы из области метафизики, обширной, как Вавилон, и почти столь же поучительной. Как Вавилон?..

Из-за спины донесся странный звук, еле слышный, дребезжащий, пугающий: «Теперь их двое». Мое сердце от испуга дрогнуло. «Скоро их будет трое! Скоро...»

От ужасной мысли я резко обернулся и посмотрел на Хобарта. Неясный, леденящий душу страх охватил меня. Имела ли эта мысль какое-то значение? Если нет, то откуда она появилась? Трое...

Я наострил уши, чтобы слышать шаги Уотсона. Он находился в задней части дома. Мне нужен был свежий воздух.

— Я открою дверь, Хобарт, — сказал я. — Входную дверь, и выгляну на улицу.

— Прекрасно тебя понимаю. Я тоже неважно себя чувствую. Доктор Хиггинс сейчас бы не помешал. А вот и Чик вернулся. Глянь там, не пришел ли док.

Я открыл двери и выглянул наружу в сырую завесу тумана. Как же глупы мы были! Оба это понимали и вместе искали оправдание.

Сквозь шторы я увидел в соседней комнате расплывчатый силуэт Уотсона. Он нес фонарь.

Внезапно свет погас.

У меня перехватило дыхание. То, что пропал свет, само по себе ничего не значило. Но в тот момент... странные звуки... борьба... потом слова Уотсона, Чика Уотсона:

— Гарри! Гарри! Хобарт! Гарри! Идите сюда! Это «Слепое пятно»!

Это происходило в соседней комнате. В голосе Чика слышалось отчаяние, как у человека, который внезапно проваливается в пропасть. Тут свет упал на пол. Я увидел очертания фигуры Уотсона и исходившее от нее какое-то необыкновенное, неземное свечение. Хобарт обернулся, а я от неожиданности чуть не подпрыгнул. Это расплывча-

тое пятно в форме фигуры человека исчезало прямо у нас на глазах. Я бросился в комнату, срывая шторы. Хобарт не отставал ни на шаг. Но мы опоздали. Еще только вбежав в комнату, я ощутил присутствие чего-то сверхъестественного. Мой разум пронзил трепет ужаса. Это ощущение нахлынуло внезапно и тут же пропало. Вдруг резко стало темно. Только слабый свет из другой комнаты давал нам возможность видеть друг друга. Словно намагниченный, воздух вибрировал. Уотсона не было. Но мы слышали его голос. Испуганный, неясный, доносился он из коридоров времени:

— Береги этот перстень, Гарри! Береги перстень!

Потом совсем уже издалека послышалось отчаянное:

— «Слепое пятно»!

Все быстро закончилось. Произошедшее достигло своей кульминации за один короткий миг. Это сложно описать. Ощущения не всегда можно подвергнуть умственному анализу; боюсь, мои полностью смешались. Тысячи разных мыслей роились у меня в голове. Ужас, изумление, сомнение! И только одно самое назойливое воспоминание — старушка! Я почти чувствовал, как она выходит из тени. Печаль и скорбь наполняли каждый уголок этого дома. И безысходная тишина. По какому горю была ее погребальная песня: *«Теперь их трое!»?*

Х

ЧЕЛОВЕК ИЛИ ПРИЗРАК

Хобарт подросел первым. Как приятно было услышать естественный, человеческий голос! Но в нем звучало разочарование:

— Какие же мы дураки, Гарри!

Однако я мог только хлопать глазами. Помню, как сказал:

— «Слепое пятно»?

— Да, — ответил Хобарт, — «Слепое пятно». Но что оно такое? Мы видели, как ушел Чик. Видели же?

— Да, меня до сих пор трясет, — ответил я. — Он просто растворился в пространстве. Это...

Честно сказать, мне было страшно.

— Это все совпадает с тем отчетом в газете. Старушка и Джером. Помнишь?

— А колокол? — я обвел глазами комнату.

— Точно. Феномен! Уотсон был прав. Мне вот только интересно... причем здесь колокол? А помнишь слова доктора: «Величайший день со времен открытия Америки Колумбом...»? Нет, не входи в комнату, Гарри. Но что-то меня терзают сомнения. Великое открытие! И я придерживаюсь того же мнения! А ты что скажешь?

— Сверхъестественное.

Фентон покачал головой.

— Ни в коем случае! Это врата во Вселенную, в космос. — Его глаза сверкнули. — Господи, Гарри! Разве ты не понимаешь?! Когда-нибудь мы сможем управлять ими. «Слепое пятно»! А что скрывается за ним? Мы видели, как Чик Уотсон уходит. Прямо у нас на глазах. Куда он ушел? Это победа над смертью как таковой!

Я было побежал было через комнату, но Хобарт поймал меня обеими руками:

— Нет, нет, Гарри, нет. Боже! Я не хочу потерять тебя. Нет! Отчаянная ты голова... стой!

Он с силой швырнул меня об стену. От удара у меня перехватило дыхание. Но в это мгновение волна прежнего неистового гнева поднялась во мне. С детства у нас частенько бывали такие моменты. Хобарт уселся и стал спокойно ждать, когда приступ гнева у меня пройдет. В его грубой недюжинной, но взвешенной силе всегда было проявление великой дружеской любви.

— Гарри, — говорил он, — ради Бога, прислушайся к голосу разума! Теперь что, кому-то нужно каждую ночь падать тут на пол, чтоб его утатило в неизвестность? Или мне придется еще разок тебя стукнуть? Ты хочешь провалиться в «Слепое пятно»?

Ну за что же Бог наказал меня таким характером? В подобные моменты, как этот, я чувствовал, будто во мне что-то лопалось. Это были ярость и безрассудство. Как я любил своего друга! И все же мы ссорились тысячи раз по самым разным поводам.

За его спиной я увидел, как бесшумно открылась дверь, ведущая на улицу. Громоздкий силуэт заслонил дверной

проем. Затем боковым зрением я уловил очертания человека, выходящего из тени... Он пересек комнату и встал рядом с Хобартом Фентоном. Это был Рамда Абек!

Я вскочил. Внутри бушевала буря тысячи противоречивых чувств... и в результате — ликование. Во имя этого стоит умереть. Мгновение полета по воздуху, словно снаряд катапульты, а затем — треск костей и сухожилий. Мы кубарем покатались через всю комнату и растянулись у порога. Проклятия и ругательства; басовитый голос Хобарта:

— Держи его, Гарри! Хватай! У нас есть шанс! Держи его! Держи его!

Мы с грохотом помчались по комнате. Рамда оказался самым увертливым типом из всех, с кем мне когда-либо доводилось схватиться. Но у него были кости, кости и плоть; он был человеком! Помню, как это открытие вызвало во мне дикий восторг. Вот это был бой! Не на жизнь, а на смерть! Перевернулся стол; кувыряясь, мы налетели на стену — грохот падающих книжных полок, книг и звон битого стекла; суeta и клубок из рук и ног. Рамда оказался удивительно сильным и подвижным, как пантера. Каждый раз, когда я хватал его, он подобно кошке вывертывался, выпрямлялся и снова защищался. Я вцепился в него, стремясь дотянуться до горла. Он был человеком... человеком! Одно было ясно: он ни за что не должен уйти. Он должен поплатиться за Уотсона.

Во время схватки я вел себя, как сумасшедший. Казалось, лишь стремительность моего натиска одолела его. Но он быстро оправился и продолжал сражаться. Он прикладывал все усилия, чтобы заставить меня двигаться по на-

правлению к внутренней комнате, где исчез Уотсон. Невзирая на мой яростный натиск, он уклонялся от любой моей попытки поразить какой-либо из его жизненно важных органов. Мы катались по полу, боролись и дрались изо всех сил.

Я слышал, как бас Хобарта гремел:

— Вон там! Там! Снизу! Осторожней! Ты достал его! Гарри! Гарри! Осторожней! Держи его! Черт возьми, я понял его хитрость. Он хочет затащить тебя в «Слепое пятно»!

Нас опрокидывало, поднимало, швыряло об стену. Нас было трое! Огромная туша Фентона, бьющийся между нами тигр и непосредственно я сам! Несомненно, сила Рамды не была силой человека; мы не могли схватить его. Его проворство изумляло — он скручивался, изгибался и разбрасывал нас.

Мог ли простой человек сражаться так? Хобарт был могуч, как гора, а мне энергии было не занимать. Мало-помалу, несмотря на все наши усилия, он теснил нас по направлению к «Слепому пятну». Уверенный в успехе, он оказывался то сбоку от нас, то сверху, то снизу. В мгновение ока Рамда кинулся в атаку. Он буквально сбил нас с ног. Оставался последний дюйм...

Но что это было? Что за невыносимый гул? Мы очутились внутри колокола! В голове все шумело и гудело от тысячи вибраций оборотной стороны звука. Я упал лицом вниз, комната погрузилась во тьму.

Что же произошло? Как долго я там лежал, не знаю. Горел тусклый свет. Я находился в какой-то комнате. Пото-

лок над головой украшал причудливый орнамент, но толком я не мог его рассмотреть. Моя одежда была изорвана в клочья, а рука покрыта кровью. Что-то теплой струйкой стекало по лицу. Воздух был застоявшимся и сырым. А кто этот человек рядом со мной? И почему пахнет розами?

С минуту я лежал неподвижно и пытался вспомнить. Ах, вот! Память вернулась. Уотсон, Чик Уотсон! «Слепое Пятно», Рамда, колокол!

Конечно же, это был сон. Кошмарный сон. Как подобное могло произойти всего лишь за одну короткую ночь? Я поднялся на локте и посмотрел на фигуру, распростертую подле меня. Это был Хобарт Фентон. Он был без сознания.

С минуту в голове у меня гудело, я чувствовал слабость и перед глазами все плыло. Тут я с удивлением вновь ощутил запах роз. Такой запах издают духи, а духи означают присутствие женщины. Как же может... Тут что-то дотронулось до моего лица... что-то мягкое; оно нежно откинуло с моего лба спутанные волосы. Это была рука женщины!

— Бедненький, глупенький мальчик! Какой же ты глупенький!

Где-то я уже слышал этот голос с оттенком грусти. Он был знаком мне — нежный и шелковистый, как музыка, сотканная из лунных лучей. Кто же мне напоминает о лунном свете? Я лежал неподвижно и размышлял.

— Он осмелился, он осмелился, он осмелился! — твердила она. — Как будто там не было двоих! Он заплатит за это! Я ему что, игрушка? Ах, ты бедненький!

И тут я поднял глаза. Это же Нервина. Она склонилась так, что ее лицо оказалось напротив моего. Какие же кра-

сивые у нее глаза! В их глубине светились истинно женские чувственность и нежность. И тоска. Ее слегка опущенные уголки рта; дивные мягкие черты лица, как у матери... в них — участие и сожаление.

— Гарри, — спросила она, — где Уотсон? Он ушел?

Я кивнул.

— В «Слепое Пятно»?

— Да. Но что такое «Слепое пятно»?

Она не обратила внимания на мой вопрос.

— Жаль, — ответила она, — как же мне жаль. Я бы спасла его. А Рамда, он тоже был здесь?

Я кивнул. Ее глаза злобно вспыхнули.

— А ты... Скажи мне, ты сражался с Рамдой? Ты...

— Это был Уотсон, — перебил я. — Но Рамда стоит за всем этим. Он — злодей. Он дерется, как тигр; кем бы он ни был, драться он умеет.

Она слегка нахмурилась и покачала головой.

— Вы, молодые люди, — сказала она, — как же вы все похожи друг на друга! Почему так должно быть? О, как жаль. И ты дрался с Рамдой? И ты, конечно, не смог победить его. Но скажи мне, как тебе удалось противостоять ему? Что ты сделал?

Что она имела в виду? Я же знал, что он из плоти и костей. Он — человек. Почему же нельзя с ним справиться... нельзя ему противостоять?

— Я не понимаю, — ответил я. — Он же человек. Я бился с ним. Он был здесь. Пусть заплатит за Уотсона. Поначалу мы дрались один на один. Он попытался толкнуть меня в эту штуковину. Тут подключился Хобарт. Я решил, что мы

схватим Рамду, но он оказался слишком увертлив. Он уже был близок к тому, чтобы закинуть нас обоих в «Слепое пятно». Но... не знаю... что-то произошло... Этот колокол...

Ее рука лежала на моей руке, она крепко сжала ее, тяжело вздохнула; ее глаза горели огнем, который я уже замечал однажды, но доброта из них улетучилась, а блеск сделался почти пугающим.

— Колокол спас тебя? А он... он осмелился бросить тебя в «Слепое пятно»?

Я откинулся назад. Я ощущал сильную слабость и неуверенность. О, эта прекрасная женщина! В чем же заключался ее интерес ко мне?

— Гарри, — произнесла она, — позволь спросить тебя. Я — твой друг. Если б ты знал! Я могу спасти тебя! Все это неправильно! Ты отдашь мне перстень? Если б я только могла все рассказать! Он не должен находиться у тебя. Это смерть... даже хуже, чем смерть. Ни одному человеку не следует носить его.

Вот оно что. Меня опять искушали. Действительно, она обо мне заботилась или же просто притворялась? Почему она звала меня Гарри? Почему я не возмутился из-за этого? Она была так восхитительна, так непорочно чиста. Или это всего лишь хитрая уловка по указке Рамды? Мне до сих пор слышался голос Уотсона, доносящийся из «Слепого пятна»: «Береги этот перстень! Береги этот перстень!». Я не мог подвести своего друга.

— Вначале скажи мне, — попросил я, — кто такой этот Рамда? Он — человек?

— Нет.

Не человек! Я вспомнил слова Уотсона: «Призрак!». Как же такое возможно? По крайней мере, я попытаюсь что-то выяснить, что смогу.

— Тогда ответь мне, что он такое?

Она слабо улыбнулась — снова эта неуловимая нежность в печально опущенных уголках рта.

— Я не имею права тебе этого говорить, Гарри. Ты не сможешь понять. Если б я могла...

Мне, конечно же, неясен был ее уклончивый ответ. Я рассматривал ее и восторгался... чудесными волосами, совершенством шеи, изгибом груди...

— Получается, он — какое-то сверхъестественное создание?

— Нет, не так, Гарри. Это все объяснило бы. Нельзя быть выше природы. Он — такое же живое существо, как и ты.

Некоторое время я пристально смотрел на нее.

— А ты — женщина? — внезапно поинтересовался я.

Наверное, не стоило об этом спрашивать. Она была так печальна и так красива, мне не следовало сомневаться в ее искренности. За ее грустью скрывалось душевное томление, какое-то страстное желание, неудовлетворенное и недостижимое. Она уронила голову. Ее рука задрожала и судорожно схватила мою; я услышал слабое всхлипывание. Когда я поднял взгляд, ее глаза были влажными и сверкали.

— Ох, — проговорила она. — Гарри, почему ты спрашиваешь об этом? Женщина, Гарри, женщина! Созданная, чтобы жить, любить и быть любимой. В жизни так много приятного и чистого. Я люблю ее... люблю! У меня может быть все, что угодно, кроме величайшего богатства на зем-

ле. Я живу, вижу, наслаждаюсь, думаю, но я не способна обрести любовь. Ты же все понял с самого начала. Как ты догадался? Ты сказал... Ах, это правда! Я соткана из лунного света.

Она вдруг овладела собой.

— Прости, — сказала она просто. — Но ты никогда не сможешь понять. Можно мне взять перстень?

Это было как во сне... ее красота, голос, облик... Но слова Уотсона до сих пор звучали у меня в ушах. Похоже, меня искушали, уговаривали, обольщали. А что это за рассказы про лунный свет?.. Определенно, она была самой красивой девушкой из всех, кого я когда-либо видел. Зачем, зачем я задал этот вопрос?..

— Я оставлю его у себя, — ответил я.

Она вздохнула. Странная слабость охватила меня, появилась сонливость. Вновь проваливаясь в забытие, я услышал, как она сказала:

— Очень жаль!

ХІ

СБИТЫЕ С ТОЛКУ

Мне что, все это приснилось? Следующее, что я помню, это как кто-то лил воду мне на шею. Это был Хобарт Фентон.

— Господи, — говорил он, — я думал, ты никогда не придешь в себя. Что ударило по нам? Хорошо же тебя потрепало. Была какая-то драка. Этот Рамда, кто он? Ты не разобрался? Слышал колокол? Что это было?

Я сел.

— Где Нервина? — спросил я.

— Кто? — он был в недоумении. — О, полагаю, осталась в кафе. Я думал, что ты забыл ее. А ее приятеля тебе разве было не достаточно?..

Он выглядел впечатляюще: одежда порвана в клочья, на его пухлой фигуре все трещало по швам. Он критически меня осмотрел.

— Что ты думаешь о «Слепом пятне»? — спросил он. — Кто такой Рамда? Он с нами лихो разобрался.

— Но где же девушка? — перебил я его. — Черт побери, где девушка?

Пошло немного времени, и я уяснил, о чем он говорит. Но меня понимать он решительно отказывался.

— Все это был сон, — сказал он, — просто сон.

Но я был убежден в обратном.

Фентон принялся исследовать комнату. Не уверен, что какое-нибудь помещение когда-нибудь обшаривали столь же тщательно. Мы даже изорвали ковер. Когда со всем этим покончили, Хобарт уселся посреди обломков и вытер лоб.

— Это бесполезно, Гарри... бесполезно. Нам следовало бы лучше это понимать. Но это невозможно. Хотя, ты говоришь, что видел какое-то свечение.

— Да, светящуюся полоску, фигуру Уотсона... она стала терять очертания... и все, — ответил я.

Он задумался. Потом процитировал слова профессора:

— «...Я представляю вам доказательство существования потустороннего мира. Оно будет материальным — доступным для восприятия вашими чувствами». Разве не так сказал доктор?

— Значит, ты веришь профессору Холкомбу?

— А почему нет? Разве мы не видели этого? Я немного разбираюсь в материаловедении, но мне не встречалось ничего похожего. Я всегда верил в доктора Холкомба. В конце концов, нет ничего невозможного. Для начала мы должны тщательно осмотреть дом.

Мы это сделали. Больше всего нас заинтересовал колокол. Мы оба считали, что так много шума не может исходить из ниоткуда. Он был слишком реальным. Все остальное можно отнести к потустороннему, но не этот звук. Он отвлек все наше внимание и, возможно, спас нас от Рамды.

Методично осмотрев дом, мы ничего не нашли. Он был таким же, как его описывали раньше, только мебели теперь стало немного больше. Тот же сырой, затхлый воздух и та

же наводящая на размышления тишина. Мы спустились на нижний этаж и прошли в библиотеку. Там царил жуткий разгром. Мы вернули полки в первоначальное положение и поставили книги на свои места.

Дело шло к утру. Корабль Хобарта уходил в девять. Мы должны были переодеться и выпить кофе; кроме того, нам предстояло привести мысли в порядок. Я получил кольцо и взял на себя обязательства перед Уотсоном. Я был в смятении. Нам было необходимо занять себя чем-нибудь разумным. Прежде всего, стоило вернуться к себе домой.

Туман стал плотнее; еще чуть-чуть — и его можно было бы попробовать на вкус. Я был не в силах сдержать дрожь. Было холодно, сыро и безотрадно. Никто из нас не пророчил ни слова по пути в центр. Хобарт открыл дверь нашей квартиры и включил свет.

Совсем скоро у нас в руках оказалось по дымящейся кружке горячего кофе. Однако мы по-прежнему хранили молчание. Хобарт сидел в своем кресле, положив локти на стол, а голову — на руки. Мысли вернули меня к тому дню во время нашей учебы в колледже, когда он сказал: «Я просто подумал, Гарри, что, будь у меня сотня тысяч долларов, я бы решил загадку “Слепого пятна”».

Это было давно. Мы оба и предположить не могли, что когда-нибудь столкнемся с ним в действительности.

— Так что же, — произнес я, — есть у тебя эта сотня тысяч долларов? Ты когда-то думал об этом.

Он поднял глаза.

— И сейчас думаю. Я не знаю наверняка. Это всего лишь теория. Но она не невероятна.

— И в чем же она состоит?

Он сделал еще глоток кофе и откинулся назад в своем кресле.

— Это энергия, Гарри... сила. Ничего, кроме энергии... и Природы.

— То есть это не оккультное явление? — спросил я.

— Разумеется, оккультное. Я этого не отрицаю. Именно это утверждал профессор. Нечто доступное нашим органам восприятия. Если речь идет о чем-то сверхъестественном, мы наверняка сможем это доказать. Профессор был прав. Это энергия, сила, колебание. Оно живет по своим законам. Старый доктор как-то попался. Мы должны действовать осмотрительно, чтобы нас тоже не засосало. Как знать, быть может, нас постигнет судьба Уотсона.

Меня пробрала дрожь.

— Надеюсь, что нет. Но объясни понятнее. Ты что-то разговорился. Вернись на грешную землю.

— Всё просто, Гарри. Я могу изложить тебе свою теорию в двух словах. Ты ведь изучал философию, верно? Вот там-то ты и найдешь все доказательства... или лучше давай я сначала расскажу, что у меня на уме. Что такое «Слепое пятно»?

— В оптике?

— Оставим оптику, — ответил он. — Я говорю об этом.

Я на секунду задумался, потом сказал:

— Ну, я не знаю. Что бы это ни было, я не смог его увидеть. Уотсон ушел у нас на глазах. Просто исчез.

— Вот именно. Понимаешь, к чему я веду?

— Нет.

— Это оно и есть. То, что ты видишь, — не более, чем энергия. Твои глаза — просто механизм. Он воспринимает определенные цвета, которые, в свою очередь, суть всего лишь колебания разной частоты. Единственное, что имеет значение, — это их сила, Гарри. Если бы мы смогли как следует углубиться в этот предмет и узнать несколько законов, то сумели бы изменить его природу.

— Какое все это имеет отношение к оккультизму?

— Один-единственный факт: орган зрения способен уловить лишь определенные скорости колебания энергии. Несомненно, есть некое количество таких скоростей, которые глаз увидеть не в состоянии.

— Это и есть объяснение «Слепого пятна»?

— Именно. Закрепленная в одном месте точка, определенное состояние, сочетание сверхъестественных явлений — и все, что попадает в эту точку, становится невидимым.

— И куда же оно попадает?

— В том-то и дело. Куда? Это вопрос, над которым человек ломает себе голову веками. Профессор — первый философ, наделенный здравым смыслом. Ему-то он и внял. Как жаль, что он попался в ловушку.

— Ловушку Рамды?

— Без сомнений.

— Кто он такой?

Хобарт улыбнулся.

— Откуда мне знать? Из каких краев он явился? Выясни мы это, мы бы всё поняли. «Призрак», как сказал Уотсон. Если так, то это лишь подтверждает нашу теорию. Таким образом получалось бы, что человек и материя — это

лишь часть созидания. Разумеется, это развеяло бы немало сомнений.

— А перстень?

— Он управляет «Слепым пятном».

— Каким образом?

— Это-то нам и предстоит выяснить.

— А Уотсон? Он в этом краю сомнений?

— Он, по меньшей мере, в «Слепом пятне». Дай я взгляну на перстень.

Он зажег спичку.

Всё было так же, как и в ресторане, только на этот раз еще более поразительно. Потом голубизна пошла на убыль, и камень стал прозрачным. На миг. У меня возникло ощущение, будто я смотрю куда-то вдаль, в безграничное пространство, — чудесное ощущение, которого я раньше не замечал. Будь я в силах вообще дать ему описание, то сказал бы, что уставился в хрустальный коридор настолько огромный, что вообразить его себе едва ли возможно. От одного взгляда голова кружилась, даже сквозь этот небольшой камушек: можно было совсем потеряться от этой бесконечной высоты, дали и простора. На одно мгновение. Потом изображение смазалось и затуманилось. Что-то мелькнуло на поверхности; прозрачность заволокло дымкой, а затем появились двое людей. Все произошло очень быстро, секунда — и вот они появились. Ошибки быть не могло. Они были живы. Уотсон был с профессором.

Странное мгновение. Всего час назад один из них был с нами. То был Уотсон, вне всяких сомнений. Он был жив — казалось почти возможным, что он действительно внутри

камня. Мы слышали его слова: «Заслон сверхъестественного... завеса тайны...» Мы видели, как он исчез. Во всем этом было нечто жуткое, но и манящее. Великий профессор! Преданный Уотсон! Куда они ушли?

Мы не поднимали глаз, пока камень не вернул свой первоначальный цвет, засияв голубым свечением. Мыслимо ли оставить такое дело неразгаданным? Фентон задумчиво протянул мне кольцо. Он покачал головой.

— В этом камне, Гарри, кроется тайна. Жаль, что у меня не столь обширные познания в вопросах физики, света, силы, энергии, колебания. Нам стоило бы ими обладать.

— Твоя теория?

— Все еще хорошо держится.

Я задумался.

— Позволь я уточню, Хобарт. Ты утверждаешь, что мы улавливаем лишь определенные колебания.

— Так и есть. Наши глаза — это инструменты, не более того. Мы можем видеть свет, но не в состоянии слышать его. Можем услышать звук, но не увидеть. Конечно, параллель неточная. Но, чтобы разъяснить суть, сойдет. Идем дальше. Зрение видит определенные вибрации. Свет — это ничто иное, как сверхбыстрое колебание энергии. Оно просто должно быть такой частоты, чтобы глаз мог уловить. Очень многого мы попросту не видим. Например, мы в состоянии воспринять лишь двенадцатую часть солнечного спектра. До недавнего времени мы верили лишь тому, что видели. Наука выбила нас из привычной колеи. Она же может провести нас в «Слепое пятно».

— Или вывести из него.

Хобарт вскинул руки.

— Во всё с трудом верится. Мы сделали открытие. Мы должны быть осторожны. Нельзя допустить осечки. Работа доктора Холкомба не пропадет зря.

— А перстень?

Он сверился с часами.

— Времени у нас осталось совсем немного. Нужно решить, что делать дальше. У нас есть три зацепки: перстень, дом и Берта Холкомб. Всё в твоих руках, Гарри. Выясни все, что только можно, но не торопись. Исследуй это кольцо, узнай все, что сможешь. Наведайся к Берте Холкомб. Возможно, у неё есть какие-то сведения. Уотсон сказал, что нет, но, быть может, тебе удастся раскопать что-то, о чем он не знал. Отнеси перстень к гранильщику, но не позволяй его разрезать. И последнее, самое важное — ты должен купить дом со «Слепым пятном». Выпиши счет на мое имя или, по крайней мере, позволь заплатить половину.

— Я туда перееду, — ответил я.

Он немного поколебался, прежде чем ответить:

— Мне от этого не по себе. Впрочем, как пожелаешь. Только будь осторожен. Помни, я вернусь так скоро, как только смогу вырваться. Если почувствуешь, что с тобой что-то не то, если что-нибудь случится — шли телеграмму.

Часы пронеслись слишком быстро. Когда наступило утро, мы позавтракали и поспешили к пирсу. Последние слова Хобарта Фентона были вполне в его духе. Он повторил свое предостережение:

— Будь осмотрителен, Гарри, будь осмотрителен. Не горячись, действуй с оглядкой. Купи дом, исследуй перстень.

Не сомневайся в себе. Держи меня в курсе дела. Понадоблюсь — телеграфируй. Я вернусь, даже если придется добираться вплавь.

Он сказал это, и более я с ним не виделся, а ведь с тех пор не прошло и года. Сейчас кажется, что минувла вечность. Когда я стоял на причале и смотрел, как корабль скользит по воде, меня охватило странное чувство. Оно нарастало постепенно — мрачное, давящее, неотвратимое. Оно было безмолвным, едва уловимым, не поддававшимся описанию, словно тень. Тяжелая серая пучина воды; огромный корпус парохода, задним входом заходящего в гавань; сумрачный туманный берег. Несколько размытых линий, пронзительный звук гудка, оседающая мгла. Я был один. Меня отрезало от внешнего мира.

Уотсон предостерегал меня. Но я не мучился догадками. В то мгновение я понял — вот оно, начало. Всем сердцем я ощутил... свое одиночество.

В огромном, густонаселенном городе мне предстояло быть одному, я был оторван от кипящей в нем жизни. С тех прошел почти год — год! Целая вечность. И что стало за это время с моей жизнью?!

Я ждал, боролся, пытался сопротивляться. Никому не под силу сражаться с тенью. Она безжалостна и неумолима. Есть такие тайны, которые могут навек остаться нераскрытыми. То был мой долг, мой обет Уотсону, мое обязательство перед профессором. Я держался стойко и упорно...

Чем все это закончится, я не знаю. Я уже отправил телеграмму Фентону.

ХП

СДЕЛКА С НЕДВИЖИМОСТЬЮ

Но вернемся к началу. Мне предстояло выполнить кое-какую работу — много работы, если я хотел решить загадку. На первом месте стоял дом. Я повернулся спиной к побережью и вернулся в город. Улицы были заполнены людьми; людские потоки, толпясь, тянулись вдоль широких улиц. Вокруг была жизнь, полная действия, надежды, стремлений. Всего того, что я так любил. Но теперь все было иначе.

Я смутно сознавал это — и удивлялся. Что за отчужденность? Она казалась врожденной, идущей изнутри, словно сама моя сущность увядала. Я посмеялся над своими предчувствиями; они были неестественны. Я постарался взять себя в руки.

С документами сложностей не возникло. Менее чем за час я отследил всех владельцев, объединенных именем «правопреемник», и вышел на агента. Так случилось, что мы с ним оказались в какой-то степени знакомы. Нам не понадобилось много времени, чтобы перейти к делу.

— Чаттертон-Плэйс, 288?

Я заметил, что он удивлен; в его взгляде читалось любопытство... даже странная тревога. Он жестом указал мне на кресло и закрыл дверь.

— Присаживайтесь, мистер Вендел, присаживайтесь. Гм-м! Чаттертон-Плэйс, 288? Я вас правильно понял?

И снова я отметил удивление. Он держался осторожно, но не скрывал заинтересованности. Я кивнул.

— Желаете купить его или просто взять в аренду? Прошу меня простить, но вы — мой друг. Я не хотел бы потерять вашу дружбу ради какой-то сделки. Что вас...

— Исключительно проживание, — настойчиво сказал я. — Я хотел бы там жить.

— Понимаю. Вы знаете что-нибудь об этом месте?

— А вы?

Он неловко зашуршал бумагами. Как мне показалось, для агента он не особо пекся о своих комиссионных.

— Ну, — сказал он, — да, кое-что. Намного больше, чем хотел бы. Это все — вопрос точки зрения. Из молвы можно многое почерпнуть. То, что я знаю, — по большей части слухи, — он принялся делать пометки карандашом. — Разумеется, я им не верю. И тем не менее, я не осмелился бы рекомендовать это жилище другу.

— А что за слухи?

Он поднял глаза и задумался на секунду, а потом спросил:

— Слышали когда-нибудь о «Слепом пятне»? Быть может, вы помните, что стало с доктором Холкомбом... в 1905-м, перед землетрясением. Это было убийство. В то время все газеты только об этом и писали. С той поры об этом иногда пишут в приложениях. Я в эту историю не верю, но я могу доверять фактам. В последний раз доктора Холкомба видели в том доме. Это называется «Слепым пятном».

— Так вы верите в эту историю? — спросил я.

Он посмотрел на меня.

— О, вам она известна, не так ли? Нет, не верю. Все это пустая болтовня — сплошные репортерские домыслы и преувеличение. Если вам нравятся такие басни, что ж, она причудлива и занимательна. Но вредит имуществу. Вне всяких сомнений, этого человека убили. За домом закрепи-лась дурная слава. Его теперь никак не сбить с рук.

— Так отчего же не продать его мне?

Он, немного нервничая, уронил карандаш.

— Хороший вопрос, мистер Вендел... очень хороший вопрос. И в самом деле, почему нет? Пожалуй, так и стоило бы поступить. Кто знает? Но я бы не хотел. Знаете ли, год назад мне подвернулось одно предложение. В общем, я сдал его в аренду — срок вышел вчера — человеку по имени Уотсон. Я ни на йоту не верю в эту чепуху. Но то, что я видел в течение прошлого года, стало серьезным испытанием для моей уверенности.

— Что же с Уотсоном?

— Уотсоном? Год назад он пришел ко мне по поводу этой недвижимости на улице Чаттертон. Хотел ее снять. Он интересовался делом доктора Холкомба, спрашивал насчет годовой ренты и преимущественного права на ее продление. Не знаю... я сдал ему дом, но, когда он появится снова, я намерен стоять до последнего, но не позволить ему продлить аренду.

— Почему?

— Почему? Год назад он пришел ко мне самым здоровым и счастливым человеком из всех, что я когда-либо ви-

дел. Сегодня от него осталась лишь тень. Этот юноша слабел у меня на глазах. Поймите, я не верю ни единому чертову слову из того, что говорю, но ведь я сам видел. Всему виной этот проклятый дом. Когда я рассуждаю здраво, то говорю себе «нет». Но он продолжает действовать мне на нервы. Он на моей совести. Это вероломное место. Каждый месяц, когда он приходил сюда, я замечал, как он все больше и больше распадается на куски. Больно смотреть, как из молодого человека вот так просто уходит жизнь. Он выглядел жалким, отчаявшимся, потерянным. Он так и не сказал мне, в чем дело, хоть я и спрашивал. Он боролся с... ну вот опять. Этот дом не дает мне покоя, говорю вам, не дает покоя. Если так пойдет и дальше, я его сожгу.

Всё это звучало весьма зловеще. Я уже чувствовал на своем сердце тяжесть, которая прикончила Уотсона. Этот человек наблюдал, как моего друга затягивает во тьму, а мне предстояло занять его место.

— Уотсон исчез, — просто сказал я. — Именно поэтому я здесь.

Он резко выпрямился.

— Стало быть, вы его знаете. Он ведь не...

— Он уехал прошлой ночью — направился за границу. Он был в очень скверном состоянии. Из-за этого я и пришел. Я прекрасно знаю о тучах, нависших над домом. Это единственная причина, по которой я решил его купить.

— Вы ведь не верите в эту чушь?

Я улыбнулся. Этот человек был поистине непоколебим в своем агностицизме, в своем неверии. Происходящее действовало ему на нервы, мучило совесть. Ему было страшно.

— Я ни во что не верю, — ответил я. — Но и ничего не отрицаю. Я знаю все, что было сказано или написано об этом деле. Я — друг Уотсона. Вам не за что будет себя корить, если вы составите купчую на мое имя. Это исключительно мое дело. Я готов к последствиям.

Он облегченно выдохнул. В конце концов, он ведь был человеком. У него было представление о чести, но оно не сильно отличалось от того, коим располагал Понтий Пилат. Он хотел сохранить совесть чистой.

Вооружившись ключами и законным статусом, я вступил в права владения. При свете дня мое новообретенное имущество выглядело так же, как и ночью накануне. Шаг за порог — и на меня навалилась таинственное, сырое уныние этого места; дышать здесь было тяжело; ветхие стены были поражены плесенью, и тени из-за нее казались еще темнее. Я поднял все шторы, чтобы впустить потоки солнечного света, и открыл окна. Если и есть оружие против зла, то это безмерное количество света.

Дом был хорошо расположен: из фасадных окон было видно всю улицу и голубой залив за городом. Туман уже рассеялся, и на воде играли солнечные блики. Я мог разглядеть паромные судна, острова и длинные пристани, что тянулись к Окленду и дальше — за холмы Беркли. С поры нашей учебы в колледже прошло немало времени. Под сенью этих холмов я впервые встретил старого доктора. Я был тогда еще мальчишкой.

Я вернулся в дом. Даже звук моих шагов звучал чуждо — это место было до краев заполнено неподвижностью и сумраком. Жизнь его покинула. Тут было жутковато; я

почувствовал, как ко мне подбирается ужас, предчувствие некоего неизъяснимого зла. Внутри меня что-то дрогнуло. Я сковал себя обязательством на год. По правде говоря, мне было страшно. Но ведь я дал слово!

Я вернулся в свою квартиру и в тот же день принялся закрывать практику. За две недели я управился с делами и перевез свои вещи в комнату Чика Уотсона.

ХІІІ

АЛЬБЕРТ ДЖЕРОМ

Как только появилась возможность, я поспешил в Беркли. Я направился прямо в коттедж на Дуайт-Уэй и спросил мисс Холкомб. Теперь она была женщиной немного моложе тридцати лет, определенно красивой, со светлыми волосами и манерами образованной леди.

Мне было нелегко начать разговор, учитывая, по какому делу я явился. Я заметил маленькие морщинки у ее глаз, печально опущенные уголки красивого рта. Было совершенно ясно, что она обеспокоена. Когда я снимал шляпу, она заметила кольцо у меня на пальце.

— О, — сказала она, — так вы от мистера Уотсона. Как поживает Чик?

— Мистер Уотсон... — мне не хотелось лгать, но я не мог не посочувствовать ей, ведь она уже потеряла отца. — Мистер Уотсон поехал за город... вместе с Джеромом. Он неважно себя чувствовал. Оставил кольцо у меня. Я пришел за кое-какими сведениями.

Она кусала губы. Они дрожали.

— Мистер Уотсон ведь не мог отдать его вам? Он знает о камне. Он вам не рассказывал? Как кольцо оказалось у вас? Что произошло?

Ее голос звучал жалобно и подозрительно. Я пытался обмануть ее ради ее же блага — она уже достаточно пере-

жила. Я не мог не содрогнуться от вида боли в ее глазах. Она встала.

— Прошу вас, мистер Вендел, не будьте так бестактны. Не стоит относиться ко мне, как к неразумному ребенку. Расскажите мне, что стало с Чиком. Пожалуйста...

Она умолкла из-за нахлынувших на нее чувств. К ее глазам подступили слезы. Но она овладела собой и снова села.

— Расскажите все, мистер Вендел. Я этого ожидала, — она заморгала, чтобы сдержать слезы. — Это моя вина. Кольцо не попало бы к вам, если бы ничего этого не случилось. Расскажите. Я могу быть храброй.

Да, она могла, и ее храбрость была прекрасна. На моем собственном сердце лежал груз, так что я ее понимал. Сколько сомнений и страхов ей, должно быть, пришлось пережить! Я имел с этим дело всего несколько дней и уже чувствовал, как это тяжело. Мне ни при каких обстоятельствах не удалось бы справиться с таким одиночеством — силы покидали меня минута за минутой. С этой девушкой отговорки были лишними: ей лучше было знать правду. Я выложил ей все как на духу.

— И он больше ничего вам не сказал о кольце?

— Это все, — ответил я. — Несомненно, он бы поведал больше, если бы не...

— Вы видели, как он исчез... видели то, что его забрало?

— В том-то и дело, мисс Холкомб. Мы ничего не разглядели. В одно мгновение мы смотрели на Чика, в следующее — на пустое место. Хобарт понял происходящее лучше, чем я. Во всяком случае, он запретил мне пересекать ком-

нату. Это опасное место, точка, которую нельзя пересекать. Он оттащил меня назад. Тогда-то и появился Рамда.

Она едва заметно нахмурилась.

— Расскажите мне о Нервине. Когда Чик о ней говорил, я всегда мучилась ревностью. Она красивая?

— Самая красивая, самая невероятная девушка из всех, что я видел, и, тем не менее, я бы не отнес ее к числу тех, из-за кого стоит ревновать. Но ей нужно кольцо. Я дал Уотсону слово и намерен его сдержать. Однако я хотел бы знать его историю.

— Думаю, в этом я могу немного вас просветить, — ответила она. — Кольцо, а точнее — камень, отец получил около двадцати лет назад от мистера Кеннеди. Он был учеником отца, когда тот преподавал в местной школе. Раньше он нередко приходил сюда побеседовать с ним. Отец вставил камень в кольцо, но никогда его не носил.

— Почему?

— Я не знаю.

— Как Уотсон смог увязать его со «Слепым пятном»?

— Думаю, это произошло случайно. Вы знаете, когда отец исчез, он учился в колледже. Более того, он посещал уроки этики. Он часто сюда приходил, и в один из его визитов я показала ему кольцо. Это было несколько лет назад.

— Понятно.

— Что ж, около года назад он пришел в очередной раз и спросил о камне. Видите ли, мы собирались пожениться; о, я всё время откладывала свадьбу из-за отца. Я почему-то чувствовала, что он вернется. Это было в конце лета, уже начался сентябрь. День клонился к вечеру, темнело. Я от-

дала Чику кольцо и вышла в сад сорвать немного цветов. Я помню, что Чик в гостиной зажжет спичку. Когда я вернулась, он казался взволнованным.

— Он спрашивал что-нибудь о кольце?

— Да. Он хотел его надеть. И вдруг начал говорить об отце. В ту самую ночь он вызвался найти его.

— Ясно. И не раньше? И что, он забрал кольцо?

— Да. Мы отправились в оперу. Я отлично это помню, потому что в тот вечер я впервые увидела Чика мрачным.

— Вот как!

— Именно. Вы же знаете, каким он всегда был веселым. Когда мы в ту ночь вернулись, он не проронил ни слова. Я подумала, что ему нехорошо, но он сказал, что все в порядке, просто у него настроение такое.

— Понимаю. А дальше он становился мрачнее? Вас не посещала мысль, что дело в камне? Он когда-нибудь вам что-то говорил?

Она покачала головой.

— Нет. Он не сказал об этом ничего сверх того, что найдет отца. Конечно, я была заинтересована и хотела знать больше. Но он был твердо убежден, что я не смогу помочь, заявлял, что у него есть догадки и может потребоваться какое-то время. С того вечера я очень редко его видела. Он снял дом на Чаттертон-Плэйс. Казалось, я ему больше не интересна. Когда он приходил, то вел себя как-то странно. Говорил бессвязно и часто невпопад упоминал некую прекрасную девушку по имени Нервина. Вы считаете, дело в кольце? Скажите мне, мистер Вендел, что оно такое? Имеет ли это на самом деле какое-то отношение к отцу?

Я кивнул.

— Думаю, что да, мисс Холкомб. И я понимаю беднягу Чика. Он воистину отважный человек. Это весьма странный камень, и наделен он ужасной мощью — вот и все, что я знаю. Он лишает жизненных сил, уничтожает человека. Я это уже чувствую. От него все вокруг покрывается какой-то упадочной мглой. Такое чувство отчужденности настигло и меня. И тем не менее, я уверен, что он во многом связан со «Слепым пятном». Это своего рода ключ. О том же свидетельствует и интерес Рамды и Нервины. Я полагаю, именно с помощью этого камня ваш отец сделал свое открытие.

Она задумалась на секунду.

— Может, вам лучше вернуть его? Пока вы еще здоровы. Если оставите его у себя, то наверняка станете еще одной жертвой.

— Вы забываете, мисс Холкомб, о моем слове, данном Чикку. Я любил вашего отца, а Уотсон был моим другом. Тут кроется великая тайна — если профессор прав, то человечество ломало над ней голову столетиями. Я оказался бы трусом, если бы пренебрег своим долгом. Если у меня не получится, кто-нибудь другой займет мое место.

— Ох, — вздохнула она, — это ужасно. Сначала отец, потом Чик, теперь вот вы. А потом будет мистер Фентон.

— Таков наш долг, — отвечал я, — один на всех! Даже если мы и будем терпеть поражение, каждый из нас пройдет чуть дальше, чем его предшественник. В конце концов победа будет за нами. Так уж устроен человек.

Мне удалось настоять на своем. Она передала мне все

сведения и заметки, оставленные профессором. Но я так и не нашел в них ничего, что могло бы помочь делу. Насущной задачей было исследовать происхождение камня. Как я выяснил, полное имя Кеннеди было Бадж Кеннеди. Он жил в Окленде. Было уже далеко за полдень, когда я попросился с мисс Холкомб и направился туда.

Я хорошо это запомнил, потому что как раз перед моим уходом случился небольшой инцидент. Я уже собирался спуститься по ступенькам, когда бросил взгляд в сторону одной из боковых улиц. Несколько студентов праздно слонялись туда-сюда. Но один из зевак студентом не был. Я узнал его мгновенно — и изумился. То был Рамда. Этого было достаточно, чтобы я заподозрил неладное. Но это было не всё! Дальше вверх по улице притаился еще кто-то.

Когда я спустился, Рамда тронулся с места, и тот, второй, практически скопировал его движение. Мои домыслы насчет того, не фантом ли это, тут же развеялись. Его действия казались слишком простыми для миража. Так мог двигаться только человек, и довольно неотесанный. Тогда я еще не знал выдержки Рамды.

Похоже, за мной следили. Дабы убедиться в этом, я свернул в переулок и извилистым окольным путем направился к станции. Сомнений не было: оба они следовали за мной. Рамду я знал, но кто был второй?

На станции мы купили билеты, и, когда подъехал поезд, я прошел в вагон для курящих. Те двое зашли в другой — незнакомец оказался крепко сбитым мужчиной со щетинистыми седыми усами. Чуть позже на борту корабля они

не попадались мне на глаза, но у здания переправы я проверил — и обнаружил, что слежка продолжается. Остановив такси, я дал водителю особые указания.

— Езжайте медленно, — попросил я его. — Мне кажется, кое-кто будет ехать следом.

И я был прав. Через несколько минут появились две машины, не сворачивавшие с нашего следа. Возле дома №288 по Чаттертон-Плэйс мы остановились, и я вышел из машины. Такси Рамды проехало мимо, за ним — второе. Ни одна из машин даже не притормозила; обе исчезли за углом. Я запомнил номера, после чего вошел в дом. Где-то через полчаса у обочины припарковалась машина. Я подошел к окну. Это был тот же автомобиль, что следовал за Рамдой. Оттуда вылез тот же коренастый незнакомец. Безо всяких церемоний он взбежал по ступенькам и открыл дверь. Полагаю, мы оба были в некотором замешательстве. Он держался просто, прямо и честно.

— Ну, — начал он, — и где Уотсон? Вы кто такой? Что вам нужно?

— Это, — ответил я, — вопросы, на которые стоило бы ответить нам обоим. Кто вы такой и что вам нужно? И где Уотсон?

Лишь тогда он опустил взгляд и перестал подозрительно шуриться.

— Меня зовут Джером, — сказал он. — С Уотсоном что-то стряслось? Кто вы?

Мы стояли в библиотеке. Я жестом указал в сторону соседней комнаты.

— Сюда. Меня зовут Вендел.

Он снял шляпу и вытер пот со лба тыльной стороной ладони.

— Значит, это парочка и его сцапала! Всё это время я их боялся. И мне пришлось уехать. Вы знаете, как они это сделали? Как работает их замысел? Есть в нем что-то дьявольское и определенно умное. Они год охотились на этого мальчика. Они знали, что в итоге до него доберутся. И я знал. Он был славным парнем, очень славным. Когда я сегодня утром вернулся из Невады, сразу понял, что они его взяли. Нашел ваше барахло. Всё чужое. Дом выглядел странно. Но я понадеялся, что он пошел свидеться со своей барышней. Решил побродить по Беркли. Увидел эту птаху Рамду, он стоял под деревом и следил за коттеджем Холкомба. Сегодня он впервые попался мне на глаза с того дня, когда началась вся эта заваруха с профессором. Где-то спустя десять минут вышли вы. Я не отставал от него, пока он следил за вами досюда. Потом вернулся вслед за ним в город и там потерял. Расскажите мне об Уотсоне.

Он сел и за все время моего рассказа не произнес ни слова. Он курил одну сигару за другой. Когда я на мгновение умолк, он лишь кивнул головой и ждал, пока я продолжу. Он был крепким и открытым человеком, со стальными нервами и немалой практической смекалкой. Мне он пришелся по душе. После того, как я замолчал, он заговорил не сразу — его скорбь была слишком велика! Он привязался к бедолаге Уотсону.

— Понятно, — сказал он наконец. — Всё так, как я и думал. Вам он поведал больше, чем мне.

— С вами он не делился?

— Разве что немногим. Он был странный малый — пожалуй, самый одинокий из всех, что я когда-либо видел. С первого взгляда в нем чувствовалось нечто неестественное. Я никак не мог понять, что же с ним не так. Вы говорите, дело в кольце. Он никогда его не снимал. Я же думал, что дело в Рамде. Он постоянно с ним встречался, и я никак не мог этого понять, поскольку, несмотря на все мои старания, у меня не получалось проследить за этим призраком.

— Призраком?

— Несомненно. Вы бы назвали его человеком? — в его глазах мерцали крапинки света. — Ну правда, мистер Вендел, назвали бы?

— Не уверен, — вздохнул я. — Только не после того, что я видел. И тем менее, руки и ноги у него точно есть. Я бы с удовольствием скрутил бы его... Всё это подчиняется какому-то закону, вполне естественному. «Слепое пятно», без сомнений, являет собой сочетание необыкновенных явлений; оно наделено властью. Мы понятия не имеем, что оно такое и куда ведет, как не знаем и мотивов Рамды. Кто он? Если бы нам удалось выяснить это, мы бы узнали и всё остальное.

— А кольцо?

— Теперь его ношу я.

— Тогда помогите вам Господь. Я наблюдал за Уотсоном. Это чистая отравка. У вас есть год, но лучше бы вам рассчитывать на половину этого срока. Первые полгода не так уж и плохи, но вторые... это суцкая смерть! Вендел, это суцкая смерть! Вы уже себя изводите. О, я знаю... вы открыли окна — вам нужны солнечный свет и свежий воздух.

Через шесть месяцев мне придется спорить с вами, чтобы открыть хоть одно. Эта затхлость, она проникает в самую душу. Вы умираете дюйм за дюймом. Лучше отдайте кольцо мне.

— Этот Бадж Кеннеди, — уходя от ответа, произнес я, — мы должны найти его. Одна ниточка может привести нас к разгадке. Расскажите мне, что вам известно о «Слепом пятне».

— Проще простого, — отозвался он, — благо вам и так все известно! Я уже давно здесь живу. Вам нетрудно будет вспомнить, что я по наитию оказался втянут в это дело. У меня так и не появилось других существенных доказательств, кроме исчезновения профессора, старушки и этого колокола, что это мог быть Рамда. Но с самого начала я был уверен. Я строил свою теорию, принимая ту лекцию за отправную точку. Все зацепки вели к этому зданию. Оно — это что-то вне моего понимания. Что-то сверхъестественное. Для меня это немного слишком. Я переехал сюда и принялся ждать. Мне так и не удалось забыть тот колокольный звон и пожилую леди. Вы с Фентоном — единственные, кому довелось увидеть «Слепое пятно».

Меня посетила внезапная мысль.

— Этот Рамда! Я читал, что у него словно бы от природы хорошие манеры. Это правда? Вы с ним разговаривали, а я — нет.

— Так и есть. Он не показался мне злым человеком. Он был любезен, держался как истинный джентльмен, весь из себя. Меня это даже удивило.

Я улыбнулся.

— Возможно, мы думаем об одном и том же. Не так ли? «Слепое пятно» — это тайна, недоступная человеческому пониманию. Она непостижима и сродни смерти. Рамда об этом знает. Он не смог помешать профессору. Он просто использовал мудрость доктора Холкомба, чтобы заманить его в ловушку. Теперь, когда тот у него в плену, он намерен сделать все, чтобы так оставалось и впредь. Это для нашего же блага.

— Точно. Однако...

— Однако?

— Он ведь из всех сил пытался втащить в «Слепое пятно» вас и Фентона.

— Так и есть. Но, может быть, мы и сами слишком много успели узнать?

На это ему нечего было ответить.

И тем не менее мы оба остались при своем мнении по поводу Рамды. То было не более чем отвлеченные размышления, пустые домыслы. Может, он и любезен, но мы оба были убеждены в его порочности, в том, что он само Зло. Конечно, окончательно рассудить о его характере можно было только исходя из причин, что им двигали. Узнав их, мы узнали бы и все прочее.

XIV

НОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ

Найти Баджа Кеннеди оказалось не так-то просто. Людей с такой фамилией было предостаточно. Очевидно, две трети населения Ирландии перебрались в Сан-Франциско под этим именем и очутились в адресном списке. Мы просмотрели списки жителей по обе стороны залива, но ничего не отыскали. Старые адресные книги были уничтожены пожаром или выброшены как ненужные. Но, в конце концов, одну из них удалось откопать. В ней мы нашли имя Баджа Кеннеди.

У него было двое сыновей — Патрик и Генри. Один из них, Генри, жил в районе Мишн. Это был крупный, рыжий, широкоплечий ирландец. Он как раз ужинал, когда мы заглянули. На его штанах виднелись мазки белой штукатурки.

Я сразу перешел к делу.

— Вам что-нибудь известно об этом? — я протянул ему кольцо. Он заморгал.

— Что, об этом? Ну, думаю, что известно! Откуда оно у вас? — Он повернулся в сторону кухни и позвал: — Эй, Молли, поди сюда. Тут камушек старика! — Он посмотрел на меня слегка боязливо. — Вы ведь его не носите?

— Почему нет? — спросил я.

— Почему? Я бы сам и за миллион долларов не надел. Это не камень, а кусочек самого дьявола. Старик отдал его доктору Холкомбу... или продал, точно не знаю... Я один раз поносил его в кармане и чуть не помер.

— Камень несчастливый?

— Нет, не несчастливый. От него просто сердце из груди рвется. Он вас до того доведет, что свою бабушку проклянете. Одиноко! Одиноко! Я часто слышал, как старик это повторяет.

— Он продал его доктору Холкомбу? Вы не знаете, почему?

— Ну, знаю. Потому что старый док работал над чем-то научным. Отец сказал ему о своем камне. Один раз он отнес его в Беркли. Именно такая штука и нужна была профессору. Он оставил его у себя. Отец заставил его пообещать его не носить.

— Понятно. Ваш отец когда-нибудь рассказывал, где его взял?

— О да! Об этом он часто говаривал. Видите ли, старик был не штукатурщиком, а простым рабочим. Один раз ему довелось копать подвал. Это был какой-то чудной подвал — что-то вроде глухого погреба. И прямо посередине проходила каменная стена, а в ней — деревянная дверь, замаскированная под камень. Можно было спуститься в заднюю часть подвала, но не в переднюю. Не зная о двери, вы бы ни за что ее не заметили. Отец об этом часто толковал. Он трудился в задней части подвала, когда нашел камень. Тот торчал из какой-то голубой глины.

— Где это было? Вы помните?

— Еще бы! То было на Чаттертон-Плэйс. Мы с Патом тогда еще детьми были, носили старику ужин.

— Знаете номер дома.

— У него номера не было. Но я помню место. Это был двухэтажный дом, построенный в девяносто первом.

Я кивнул.

— А после этого вы переехали в Окленд?

— Да.

— Ваш отец когда-нибудь говорил, зачем нужно было такое разделение подвала?

— Он и сам не знал. Это было не его дело. Он был обычным трудягой, делал то, за что ему платили.

— Вам известно, кто построил дом?

— Какой-то старикашка. Он был чудаковатым малым с бакенбардами. Постоянно ходил в цилиндре. Кажется, он был аптекарем. Когда ни появится, сразу выгоняет нас, ребяташек, из дому. Думаю, он был холост.

Таковы были все сведения, коими он смог меня снабдить, но и это было немало. Уж точно больше, чем я надеялся получить. Дом, чья даже конструкция была загадочной, был построен аптекарем. Я никогда не думал о втором подвале. Осматривая дом, я не удивился каменной кладке, как не удивился ей и Джером. То была первая осязаемая зацепка, благодаря которой мы почувствовали землю под ногами. Какое отношение этот аптекарь имел к феномену?

В конце концов, за всем этим таился рукотворный замысел.

Мы поспешили домой и спустились в подвал. Дверь удалось обнаружить, просто простучав стену. Она была тол-

ково сделана и какое-то время не поддавалась нашим усилиям, но Джером все же заставил ее открыться с помощью короткого лома и кирки. Внешняя сторона была искусна подделана под камень и замазана цементом. При тусклом освещении мы ее проглядели.

Ожидания наши были высоки, но впереди ждало разочарование. В тайнике ничего не оказалось — только паутина да пушистая плесень, несколько пустых бутылок и мрачный сумрак. Мы простучали стены, пол и потолок. Вне всяких сомнений, это место когда-то хранило в себе секреты. Если они были здесь и сейчас, то только хорошо спрятанные. После часа или двух, проведенных в поисках, мы вернулись в верхнюю часть дома.

Джером не унывал.

— Мы на верном пути, мистер Вендел, если только нам удастся начать. У меня есть мысль. Аптекарь... дело было в девяносто первом... прошло больше двадцати лет.

— В чем заключается ваша мысль?

— Рамда. Что поражает в нем в первую очередь? Его возраст. С каждым, кто его видит, происходит одно и то же. Сначала вы принимаете его за старика. Если посмотреть на него достаточно долго, то вы будете твердо убеждены, что он — юноша немногим больше двадцати. Может быть, он и есть тот аптекарь?

— А что же тогда с доктором и его «Слепым пятном»?

— «Слепое пятно», — ответил Джером, — это просто химическое явление.

На следующий день я разыскал ювелира. Я был достаточно предусмотрителен, чтобы выбрать того, с кем водил

знакомство, и попросил его о приватной консультации. Когда мы остались наедине, я снял кольцо с пальца.

— Просто поделитесь своим мнением, — попросил я. — Вы ведь разбираетесь в камнях. Можете сказать что-нибудь об этом?

Он небрежно взял его и повернул, сморщив губы. Осмотр длился минуту.

— Об этом? Что ж, сейчас, — он поднял его выше. — Гм. Погодите минутку.

— Это ведь драгоценный камень?

— Думаю, да. С первого взгляда я решил, что сразу понял, какой именно, но теперь...

Он полез в ящик за увеличительным стеклом. Несколько минут он пристально изучал камень. Его лицо выражало полную сосредоточенность, только странные маленькие морщинки, расходящиеся от уголков глаз, выдавали любопытство. Он хранил молчание, лишь поворачивал камень по кругу.

Наконец он убрал прибор и поднял кольцо. Он явно недоумевал.

— Где вы это взяли? — спросил он.

— На этот вопрос я ответить не могу. Я хотел бы знать, что это. Камень? И если да, то какой?

На мгновение задумавшись, он покачал головой.

— Я-то полагал, что знаю все виды драгоценных камней на земле. Видимо, нет. Этот — совершенно новый. Очень красивый... одну секунду.

Он подошел к двери. Почти сразу же зашел еще один человек. Ювелир показал ему на кольцо. Мужчина поднял

его, и процедура осмотра повторилась. Наконец он положил стекло и кольцо обратно на стол.

— Что думаешь об этом, Генри? — спросил ювелир.

— Хм, — пробормотал второй. — Никогда не видел ничего подобного.

Точно так же, как и говорил Уотсон. Никто еще не смог опознать камень. Двое коллег были сбиты с толку — и заинтересованы. Ювелир повернулся ко мне.

— Не согласитесь ли вы оставить его у нас ненадолго? И не станете ли возражать, если мы вынем его из кольца?

Это не приходило мне в голову, но у меня были кое-какие дела на этой же улице. Я сверился с часами.

— Через полчаса я вернусь. Этого времени будет достаточно?

Я возвратился спустя час. Помощник стоял у дверей кабинета. Он сказал что-то тому, кто остался внутри, а потом подал мне знак входить. Он казался взволнованным. Подойдя ближе, я заметил, что его лицо светится от изумления.

— Мы ждали вас, — сказал он. — Мы не осматривали камень — в этом не было нужды. Он поистине чудесен.

Помощник был невысоким, приземистым человеком с внушительных размеров лбом.

— Просто загляните внутрь.

Внутри кабинета ювелир сидел за столом. Он откинулся на спинку кресла, сложив руки на животе. Его взгляд был направлен в потолок, лицо являло собой воплощенную задумчивость и изумление.

— Так что же? — спросил я.

Вместо ответа он лишь поднял палец, показывая вверх.

— Там, — сказал он. — Ваш драгоценный камень или что бы оно ни было. Счастье, что мы были не на открытом воздухе. Он бы все еще поднимался.

Я посмотрел наверх. И в самом деле, камень был под потолком. Это меня несколько смутило, хотя должен признать, в первое мгновение я не до конца уловил всю значимость происходящего.

Ювелир прикрыл один глаз и взглянул сначала на меня, потом — на прелестную вещицу вверху.

— Что вы об этом думаете? — спросил он.

Если честно, я вообще ничего не думал. Это было небольшим потрясением. Я не сознавал, насколько это невозможно, и не нашел, что ответить.

— Неужели вы не видите, мистер Вендел? Это невероятно! Нарушает все законы природы! Легче воздуха. Мы вынули его из кольца, и он выскочил, словно пуля. Я было решил, что уронил его. Начал искать на полу, никак не мог найти. Посмотрел наверх и увидел Рейнолдса — он стоял вот здесь, а глаза вот-вот из орбит вылезут. И он смотрел на потолок.

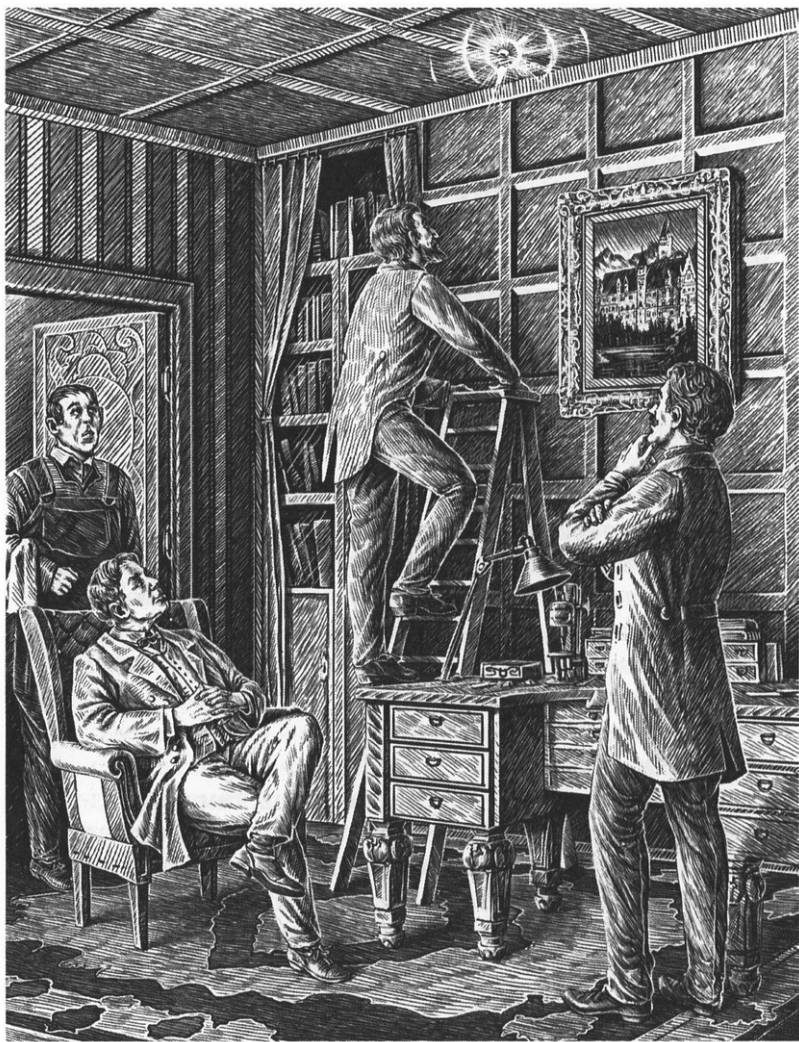
Я задумался на секунду.

— Так камень не драгоценный?

Он пожал плечами.

— Если я ювелир — нет. Невесомый камень — где это слыхано? Иными словами, сила притяжения на него, по всей видимости, не действует. Сомневаюсь, что это вообще материя. Я не знаю, что это.

Я был в замешательстве. В ту минуту я бы дорого дал, лишь бы перекинуться парой слов с доктором Холкомбом.

Тот человек, Кеннеди, носил камень в кармане. Как ему удалось удержать его? Профессор использовал его в научной работе! Нечему удивляться! Конечно же, это не драгоценность. Тогда чем же он мог быть? Это твердое вещество. И оно легче воздуха. Может ли нечто подобное быть материей? Если нет, то что же оно такое?

— Что бы вы посоветовали?

В ответ ювелир потянулся к телефону и набрал номер.

— Здравствуй. Скажи, Эд там? Это Фил. Попроси его подойти к телефону. Привет! Слушай, Эд, мне нужно, чтобы ты мигом примчался сюда. Хочу кое-что показать. Слишком занят! Нет, не слишком. Не для этого. Хочу поучить тебя химии. Нет, это серьезно. О чем речь? Я не знаю. Что легче воздуха? Много чего? Ох, я знаю. Ну а из твердых тел? Потому я и спрашиваю. Приезжай. Хорошо. Немедленно.

Он повесил телефонную трубку и пояснил:

— Мой брат. Дело перешло из моей области знаний в его. Он — химик и, как эксперт, сможет поделиться с вами стоящими мыслями.

Уж конечно, таковые нам не помешали бы. Всё это было лишено смысла и совершенно сбilo меня с толку. Я взял стул и присоединился к остальным в созерцании голубой точки на потолке. Рассуждать и размышлять мы могли сколько угодно, но никто не чувствовал себя достаточно осведомленным, чтобы начать строить предположения. Этого попросту не должно было происходить. Мы все изучали физику и другие науки, мы помнили их азы наизусть. Если это возможно, получается, что само основание, на

котором мы стояли, пошатнулось. Всего лишь один маленький закон! Где-то на задворках моего сознания назойливо маячила загадка «Слепого пятна». Они были связаны. Один закон, выходивший за рамки доступного человечеству знания.

Химик оказался высоким малым с крючковатым носом и черными глазами, сверлившими собеседника, точно буравчики. Слегка беспокойный, он пристально воззрился на брата.

— Ну, Фил, в чем дело? — он достал часы. — Времени у меня немного.

Они разительно отличались между собой. Ювелир был полным и благодушным. Он преспокойно сидел в своем кресле, держа руку на поясе и толстым пальцем указывая на камень. Казалось, он наслаждается происходящим.

— Ты ведь химик, Эд. Вот тебе задачка на смекалку. Можешь это объяснить? Нет, вон там, у тебя над головой. Вон тот драгоценный камушек.

Второй поднял взгляд.

— В этом все дело? Новое остроумное украшение комнаты? Или... — слегка раздраженно продолжал он, — это шутка?

Он был человеком серьезным; о его натуре свидетельствовали черные глаза и форма носа.

Ювелир мягко засмеялся.

— Послушай, Эд... — и он принялся объяснять.

Когда он закончил, химик уже весь дергался от волнения.

— Принесите мне лестницу. Или давайте я залезу на

стол. Может, удастся достать. Звучит невероятно, но, если уж так, значит, так тому и быть. Должно быть какое-то объяснение.

Без особого труда и оглядки на протесты брата он ступил на полированную поверхность стола. Невзирая на высокий рост, он едва мог достать камень кончиками пальцев. Он мог сдвинуть его с места, но всякий раз тот возвращался назад, словно притягиваемый магнитом. Спустя минуту стараний Фил сдался. Когда он посмотрел вниз, то выглядел другим человеком — его черные глаза светились любопытством.

— Не достану, — сказал он. — Несите же стремянку. До чего странно!

С лестницей это было легко. Он оторвал камень от потолка. Мы все сгрудились вокруг стола. Химик повертел украшение в руках.

— Удивительно, — сказал он. — Это драгоценный камень. Несомненно. Ты говоришь, он невесомый. Такого не может быть. Ух ты! — Он дал камню выскользнуть из пальцев, и тот снова рванулся было к потолку, но был пойман ловким движением руки. — Вот дьявол! Видели вы такое! И ведь твердый! Чей он?

Вопрос привлек внимание ко мне. Я объяснил то, что мог, относительно моих прав владения.

— Ясно. Очень, очень интересно. Нечто такое, чего я еще не видел и... откровенно говоря... нечто напрочь отрицающее все, чему меня учили. И тем не менее, это не невозможно. По крайней мере, мы тому свидетели. Вы не против, если я возьму его в лабораторию?

Возникло новое затруднение. Если камень не был дра-

гоценным, была вероятность, что его могут повредить. Я был взбудоражен не меньше него, но меня предупреждали насчет того, как важно его сохранить.

— Я его не поврежу. Я позабочусь об этом. У меня есть догадки, и я хотел бы их проверить. Не каждый день химик натывается на нечто подобное. А я — химик, — глаза у него блеснули.

— Что за подозрения? — спросил я.

— Новый элемент.

Этот камень. Новый элемент. Быть может, это объяснило бы «Слепое пятно». Он был определенно не земного происхождения. К этому всё и сводилось.

— Вы... Новый элемент? Как вы это объясните? Это ведь противоречит вашим законам. Большинство ваших элементов были выделены в результате трудоемких процессов, а на этот наткнулись случайно.

— Верно. И тем не менее есть тысяча объяснений. Метеорит, к примеру, или немного космической пыли — существует немало раздробленных на кусочки комет. Наши познания в области химии ограничены. Наверняка есть нераскрытые элементы, о которых мы ничего не знаем. Быть может, их несметное количество.

Я оставил камень у него. Это была единственная ночь, которую я провел без своей ноши. Можно сказать, это был последний раз, когда я чувствовал себя свободным от незримого плена.

Когда на следующий день я зашел в его кабинет, то обнаружил, что он лишь убедился в своих догадках. Камень не поддавался анализу — он ни на что не реагировал. Ни

один из тестов не смог раскрыть его природы. Гора научных знаний, накопленная, дабы объяснить все, здесь была бессильна объяснить хоть что-либо. Однако одну зацепку удалось обнаружить — тепло. Возможно, вернее было бы сказать — притяжение. На ощупь он был холодным — я уже упоминал его льдисто-голубой цвет. Даже смотреть на него было холодно. Химик положил его в мою руку.

— Разве не так?

Он был прав. В ту самую секунду, когда камень коснулся моей ладони, я почувствовал странный ужас одиночества. Камень был холодным, как льдинка.

То был первый раз, когда я коснулся непосредственно его поверхности. В оправе кольца его внутренняя сила была не так заметна.

— Вы это ощущаете? Со мной то же самое. Ну-ка, погодите минутку...

Он нажал на кнопку. На звонок явилась некая юная леди. Она сначала взглянула на меня, затем — на химика.

— Мисс Миллс, это мистер Вендел. Он — владелец камня. Не могли бы вы взять эту вещь в руку? И скажите, пожалуйста, мистеру Венделу, что вы чувствуете...

Она засмеялась, немного смутившись.

— Не понимаю, — сказала она, обращаясь ко мне. — Вчера у нас был такой же разговор. Видите ли, мистер Уайт утверждает, что камень холодный, но это не так. Он теплый, почти горячий. Все остальные девушки говорят то же, что и я.

— А все мужчины — то же, что и я, — заметил химик, — даже мистер Вендел.

— Вам он тоже кажется холодным? — спросила она. — Неужто...

Такого поворота я не ожидал. Это было сродни самой жизни — эта привязка к полу. Может ли это объяснить странное чувство отчуждения и усталости? Я воочию видел, на что оно способно. Уотсон! Меня самого уже засасывало в эту воронку. У меня был лишь один вопрос:

— Скажите, мисс Миллс... что-нибудь еще вы чувствуете? Помимо температуры, я имею в виду.

Она сдержанно улыбнулась.

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду. Камушек очень красивый. Я бы от такого не отказалась.

— Думаете, имея такой камень, вы были бы счастливы? Ее глаза сверкнули.

— О! — воскликнула она. — Я знаю, что была бы! Я это чувствую!

Значит, правда. Что бы ни таилось в сапфирной голубизне, оно было живым. Что это было? Оно имело какое-то отношение к полу. Строго говоря, это было невозможно.

Когда мы вновь остались одни, я повернулся к химику.

— Вам удалось обнаружить что-либо еще? Может, вы что-нибудь видели в камне?

Он нахмурился.

— Нет. Больше ничего. Только это проявление магнетизма. Вам известно о чем-нибудь еще?

До этого момента я не говорил ему ничего о самом удивительном качестве камня. Сам он не увидел в нем изображения двух живых людей. Этого я не мог понять и ничего ему не сказал. Быть может, то была ошибка. Где-то в глуби-

не души я чувствовал, что есть некие неизъяснимые причины держать это в секрете. Это нелегко объяснить. Дело было не в упрямстве. То был очень показательный признак, быть может, одно из проявлений власти камня. Я снова отнес его к ювелиру и вставил обратно в кольцо.

XV

И СНОВА НЕРВИНА

Именно тогда я начала делать заметки. В «Слепое пятно» есть нечто сугубо психологическое, нечто странное и затрагивающее душу. Не знаю, что именно, но я чувствую это. Оно — враг самой жизни. Я ощущаю, как ликует ужас. Мне не страшно. Что бы ни подтачивало меня, это не Зло. С моим восприятием что-то не так.

К счастью для моего последователя, если таковой найдется, я составил подробный сборник заметок и комментариев. Так или иначе, в конечном итоге всё должно поддаваться научному объяснению. Когда Хобарт придет, он (какая бы судьба меня ни постигла) найдет полное и исчерпывающее описание моих ощущений. Я намерен вести записи до самого конца. Они скучноваты и порой кажутся запутанными, так что я намеренно опушу их в этом своем повествовании. Но кое-что должно быть поведано миру. Отдельные, выделяющиеся отрывки я все же перенесу сюда в хронологическом порядке.

Джером остался со мной. Точнее сказать, он со мной ночевал.

Большую часть времени он шел по следу неуловимого Рамды. С той минуты, когда мы закончили наш разговор с Кеннеди, он твердо придерживался одного убеждения. Он

не сомневался насчет химика из девяностых. Он был уверен, что это Рамда. Хотя его теория и была слегка странной, она вполне стоила того, чтобы ее проверить. Когда он не рыскал по городу, то трудился в подвале. Мы трудились там вместе.

Мы разрыли бетонный пол и провели еще кое-какие работы. Меня интересовало наслоение породы.

По словам Баджа Кеннеди, небольшой камень был найден во время изначальных раскопок. Мы нашли голубую глину, о которой он говорил, но больше ничего. Джером тщательно перебрал каждый комочек земли. Мы немало времени провели в том подвале.

Но большую часть времени я был один. Если одиночество и усталость не одолевали меня слишком сильно, я работал над заметками. С самого начала дело это было нелегким. Какая вялость, какое бессилие! Как же много в нашей жизни зависит от внутреннего влечения! Что за тайна кроется за проявлениями воли? Я должен поблагодарить своих предков. Без силы и стойкости, выработанных поколениями, я бы сдался безоговорочно.

Даже сейчас я иногда думаю, что мне не стоило следовать указаниям Уотсона. Если бы я только знал наверняка. Я дал слово, поручился честью. Что ему было известно? Мне нужны все запасы мужества, чтобы выстоять против Нервины. С первой же нашей встречи моим противником была она. Каков ее интерес в «Слепом пятне» и во мне? Кто она такая? Я не могу думать о ней как о воплощении Зла. Она слишком красива, слишком хрупка; ее тревога кажется такой подлинной. Иногда мне чудится, что она —

моя защитница, и благодаря ей, и ей одной, сила, которая норовит поглотить меня, до сих пор этого не сделала. Однажды Нервина даже попросила меня о благоразумии.

Джером ушел. Я остался один. Я с усилием заставил себя сесть за стол и заняться заметками и данными. Дело шло к весне, сгущались первые тени раннего вечера. Я включил свет. Это было первое, что я принудил себя сделать за последние несколько дней. Мне предстояло немало работы. Некоторое время назад я начал записывать показатели своей температуры. Нынче я следил за всем настолько внимательно, насколько это возможно в состоянии депрессии. Пока что я не заметил ничего, что можно было бы считать признаком болезни...

В Нервине есть нечто неуловимое. Она во многом похожа на Рамду. Быть может, они суть одно и то же. Я не слышал ни звука, не заметил, чтобы кто-либо трогал дверь или входил. Уотсон говорил о Рамде: «Иногда его видно, иногда — нет». О Нервине можно сказать то же самое. Я помню только, что работал над данными, а потом на мой стол внезапно легла рука — девичья рука. Это меня порядком озадачило. Я поднял взгляд.

Я не видел ее с того самого вечера. Прошло уже восемь месяцев — если бы я этого не знал, считал бы, что минули годы. Ее лицо казалось немного более печальным... и красивым. То же потрясающее сияние в глазах, черных и нежных, как ночь, та же мягкость, порожденная страстью, любовью и добродетелью. Те самые горестно опущенные уголки безупречного рта. Что у нее была за чудесная копна волос! Я уронил ручку. Она взяла меня за руку. Меня

пронял трепет от прикосновения к ее коже, прохладной и манящей.

— Гарри!

Это было всё, что она сказала. Я не ответил: я был слишком удивлен и восхищен. Я чувствовал ее тревогу, как почувствовал бы тревогу матери. Что ей за дело до меня? Коснувшись меня рукой, она заставила мое сердце биться в каком-то странном ритме. Она была невероятно красива. Возможно ли такое? Уотсон сказал, что влюбился в нее. Можно ли было его винить?

— Гарри, — спросила она, — как долго это будет продолжаться?

Так вот в чем все дело. Она — просто посланница, готовая принять мою капитуляцию. Я был вымотан до предела, устал от мира, одинок. Но я не сдался. У меня еще доставало силы и воли, чтобы держаться до конца. Быть может, я неправ. Что, если я отдам ей кольцо? Что тогда?..

— Боюсь, — ответил я, — что я не могу остановиться. Я дал слово. Это оказалось намного тяжелее, чем я ожидал. Этот камень... какое он имеет отношение к «Слепому пятну»?

— Он его контролирует.

— Рамда хочет его получить?

— О да.

— Так почему он не придет за ним лично? Почему не скажет всё как есть? Так было бы гораздо проще. Он знает — и вы знаете, — что я намерен найти доктора Холкомба и Уотсона. Я могу даже раскрыть эту тайну. Отпустит ли он доктора?

— Нет, Гарри, не отпустит.

— Понимаю. Если я отдам кольцо, то только ради своей личной безопасности. Я трус...

— Ох, — сказала она, — не говори так. Тебе стоит отдать кольцо мне... не Рамде. Он не должен получить власть над «Слепым пятном».

— Что из себя представляет «Слепое пятно»? Расскажи мне.

— Гарри, — ответила она, — я не могу. Это не дано знать ни тебе, ни кому-либо из смертных. Это тайна, которая обязана вовеки остаться нераскрытой. Она может означать конец. В руках Рамды она наверняка обернется концом человечества.

— Кто такой Рамда? Кто ты такая? Ты слишком красива, чтобы быть обычной женщиной. Ты — дух?

Она слегка сжала мою руку.

— Разве я похожа на духа? Я материальна точно так же, как и ты. Мы живем, видим... и всё остальное.

— Но ты не из этого мира?

Ее взгляд стал еще печальнее, в нем появился оттенок ласковой тоски.

— Не совсем, Гарри, не совсем. Это долгая история и очень странная. Я не могу тебе рассказать. Это для твоего же блага. Я — твой друг... — В ее глазах блеснула влага. — Я... разве сам не видишь? Ох, я бы хотела тебя спасти!

В этом я не сомневался. Почему-то она напоминала девушку из сновидений, чистую, как ангел. Ее печаль лишь усиливала ее красоту. В то мгновение меня поразило осознание: я мог полюбить эту женщину. Она... да о чем я ду-

маю? Мои мысли виновато обратились к Шарлоте. Я ведь любил ее с детства. Я был бы трусом... Меня вдруг охватил безумный страх. Должно быть, от ревности.

— Этот Рамда... Он — твой муж? Вы так похожи...

— Ох, — ответила она, — зачем ты так говоришь? — Ее глаза сверкнули, лицо стало строже. — Рамда! Мой муж! Если бы ты только знал! Я его ненавижу! Мы враги. Именно он открыл «Слепое пятно». Я здесь, потому что он — Зло. Я должна наблюдать за ним. Я люблю ваш мир, весь до остатка. Я хочу спасти его. Я люблю...

Она уронила голову. Чем бы она ни была, плач не был чужд ее природе.

Я коснулся ее волос. На ощупь они были мягче всего, чего я когда-либо касался. Они так блестели, словно вся прелесть ночи была сплетена в шелковые нити. Она любила, любила; я тоже мог полюбить... Я был в шаге от того, чтобы сдаться.

— Скажи мне лишь одно, — попросил я. — Отдай я тебе это кольцо, спасла бы ты доктора и Чика Уотсона?

Она подняла голову — глаза ее сияли. Но она не ответила.

— Спасла бы?

Она покачала головой.

— Я не могу, — ответила она. — Это невозможно. Всё, что в моих силах, — спасти тебя для... для Шарлоты.

Было ли это тщеславием с моей стороны? Не знаю. Мне почудилось, ей было нелегко это сказать. Честно говоря, я любил ее. И знал это. Я любил и Шарлоту. Я был влюблен в них обеих. Но продолжал стоять на своем.

— Профессор и Уотсон живы?

— Да.

— В сознании?

Она кивнула и произнесла:

— Гарри, это я могу тебе открыть. Они живы и понимают, что происходит. Ты сам их видел. У них только один недруг — Рамда. Но они никогда не должны покинуть «Слепое пятно». Я — их друг так же, как и твой.

Меня охватил внезапный прилив смелости. Я вспомнил слово, данное Уотсону. Я любил старика профессора. Я жаждал их спасти. Если понадобится, я пойду до конца. Или я, или Фентон — один из нас найдет разгадку!

— Кольцо останется у меня, — сказал я. — Я отомщу за них. Не знаю, как и где, но я чувствую, что сделаю это. Даже если мне придется последовать...

При этих словах она выпрямилась. В ее глазах был испуг.

— О, зачем тебе такое говорить? Так не должно быть! Ты погибнешь! Не делай этого! Я должна тебя спасти. Один ты не пойдешь. Трое... этого нельзя допустить. Если ты пойдешь, я пойду с тобой. Возможно... ох, Гарри!

Она снова уронила голову; ее тело трясло от рыданий. В конце концов, она ведь была девушкой. Любому настоящему мужчине будет не по себе в присутствии плачущей женщины. Я снова оказался в шаге от того, чтобы сдаться. Вдруг она подняла взгляд.

— Гарри, — грустно сказала она, — у меня к тебе всего одна просьба. Ты должен повидаться с Шарлотой. Ты обязан забыть меня; мы бы никогда не смогли... ты ведь любишь

Шарлоту. Я видела ее — она прекрасная девушка. Ты давно ей не пишешь. Она беспокоится. Помни, как много ты значишь для ее счастья. Ты ведь пойдешь?

Это я мог пообещать.

— Да, я навещу Шарлоту.

Она поднялась из кресла. Я держал ее ладонь. И вновь, как тогда, в ресторане, я поднес ее к губам. Она покраснела и отняла руку; она закусила губу. Ее красота была выше моего понимания.

— Ты должен увидеться с Шарлотой, — повторила она, — и сделать так, как она скажет.

Потом она ушла. Ее ждал автомобиль. Последним, что я видел, был мерцающий свет его задних фонарей, растворяющийся во мраке.

XVI

ШАРЛОТА

Оставшись один, я погрузился в мысли о Шарлоте. Я любил ее и не сомневался в этом. Сравнить ее с Нервиной было невозможно. Первая была, как я, человеком; я знал ее с мальчишеской поры. Вторая была соткана из эфира, и моя любовь к ней была чем-то иным. Она словно вышла из снов и лунных бликов; ее красота была окутана дымкой, точно мираж; она была как будто бестелесной.

Я написала детективу записку и оставил ее на своем столе. После этого я собрал чемодан и поспешил на станцию. Коль скоро я решил ехать, делать это надлежало немедленно — я не мог довериться себе надолго. Эта поездка была глотком воздуха; на какое-то мгновение я забыл об отчужденности. Одиночество и усталость! Как они меня пугали! Мне удалось освободиться от них разве что на пару мгновений. В поезде эта смесь чувств вернулась вновь и навалилась на меня с поразительной силой.

Я купил билет. Когда проводник делал обход, то прошел мимо меня. Он собрал билеты у всех пассажиров вокруг, а меня попросту не заметил. Сначала я не обратил на это внимания, но потом, когда он прошел по вагону несколько раз, я сам протянул ему свой билет. Он не остановился, словно меня, вообще, не существовало, затем я коснулся его.

— Где вы сидели? — удивленно спросил он.

Я указал на свое место. Он слегка нахмурился и переспросил:

— Там? Хотите сказать, вы сидели на том месте? На какой станции вы сели в поезд?

— В Таунсенде.

— Чудно, — ответил он, компостируя билет. — Я несколько раз проходил мимо этого места. Там было пусто!

Пусто! Меня словно ударили. Возможно ли, что мое отчуждение было уже не только мысленным, но и физическим? Что же это за пропасть, отделившая меня от моих собратьев и постепенно расширяющаяся?

То было начало нового этапа. Я не раз это замечал: на улице, в общественных местах, да где угодно. Я могу ходить в толпе: иногда меня видят, иногда — нет. Это странно. Порой мне кажется, что я исчезаю с самого лица земли!

Было уже поздно, когда я добрался до своего старого дома, но свет в окнах еще горел. Моя любимая собака, Куин, была на веранде. Когда я поднялся по ступенькам, она слегка заворчала, но, признав меня, принялась бегать кругами по крыльцу. Дверь открыл отец. Я шагнул внутрь. Он тронул меня за плечо и уронил челюсть от удивления.

— Гарри! — воскликнул он.

Неужели все было настолько плохо? Как много можно выразить одним лишь тоном голоса! Я устал до крайней степени измождения. Железнодорожная поездка отняла у меня слишком много сил.

Подошла моя мать. У меня ушло некоторое время на то, чтобы опровергнуть предположения относительно моего

здоровья. Но без толку — меня не слушали, пока я не принял немного нашего старого лекарства на все случаи жизни для ее успокоения.

— Работа, работа, работа, мой мальчик, — сказал отец, — и ничего, кроме работы. В самом деле, так не пойдет. От тебя же только тень осталась. Тебе нужен отпуск. Отправляйся в горы, забудь ненадолго о своей практике.

Я не говорил им. Да и зачем? Я принял верное решение: это была только моя битва. Мне хватало забот, и я не желал делиться ими с окружающими. И однако же я не мог навестить Шарлоту, не повидавшись сначала с моими родителями.

Так быстро, как только мог, я пересек улицу, направляясь к дому Фентонов. Кто-то заметил меня в городе, так что Шарлота уже ждала. Она была все той же красавицей, которую я так давно знал: голубые глаза, копна выющихся светлых волос, смеющийся рот и природная веселость. Но сейчас она веселой не казалась. Всё было почти точь-в-точь как в доме моих родителей, разве что чуть более лично. Она вцепилась в меня почти что в ужасе. Я и не понимал, что стал так плох. Я знал, что выгляжу изможденным, но понятия не имел, что моя подавленность так очевидна. Я вспомнил Уотсона, то каким слабым, бледным и жалким он казался. Коротко объяснив, что мог, я предложил прогуляться под луной.

Стояло полнолуние; ночь была прекрасна. Мы прошли по аллее, обсаженной вязами. Шарлота была красива и взволнована; она держалась за мою руку хваткой собственницы. Я не мог не сравнить ее с Нервиной. Отличие было

очевидно: Шарлота была юна, нежна и привязчива — такая, какой я знал ее всегда. Мы были знакомы, сколько я себя помнил, и любовь наша не подлежала сомнению.

А что же та, вторая? Она была чем-то высшим — порождением тайны, чем-то за гранью жизни, чем-то... словно созданным из лунных отблесков. Я остановился и поднял взгляд. Огромный идеальной формы шар сиял на небосводе. Я и не заметил, что говорю вслух.

— Гарри, — спросила Шарлота, — кто такая Нервина?

Неужели это имя сорвалось с моих уст?

Я ответил вопросом на вопрос:

— Что ты о ней знаешь?

— Она заглянула ко мне. Говорила со мной. Она сказала, ты придешь сегодня вечером. Я ждала. Она очень красивая. Я никогда не видела никого равного ей. Она просто чудо!

— Что она сказала?

— Она! Ох, Гарри. Расскажи мне. Я ведь ждала. Что-то случилось. Расскажи. Ты совсем ничем со мной не делишься. Ты так непохож на себя прежнего.

— Поведай мне о Нервине. Что она сказала? Шарлота, не таи ничего. Неужто я настолько отличаюсь от прежнего Гарри?

Она испуганно вцепилась в мою руку и посмотрела мне в глаза.

— Ох, и ты еще спрашиваешь? Ты ни разу не засмеялся. Ты печален, ты бледен, кажешься каким-то опустошенным и обессиленным. Всё бормочешь что-то себе под нос. Ты совсем не тот, что прежде. Дело в этой Нервине? Я сначала подумала, что она влюблена в тебя, но это не так. Она хоте-

ла знать всё о тебе и о нашей любви. Она была так заинтересована... В чем же угроза?

Я не ответил.

— Ты обязан сказать. Это кольцо? Она сказала, ты должен отдать его мне. Что оно такое? — она не отступала.

— Она об этом просила? Сказала тебе выпросить кольцо? Моя дорогая, ответь, — спросил я, — будь дело в кольце, будь оно столь зловещим, что я был бы за мужчину, если бы отдал его той, кого люблю?

— Оно мне не навредит.

Но я не согласился. Что-то не давало мне этого сделать. Это была лишь уловка, чтобы вырвать у меня кольцо. Весь этот разговор навязчиво отдавался в ушах, звучал как-то искаженно, призрачно. Голос Уотсона ни на секунду не смолкал в моей голове. У меня все еще была толика смелости и силы воли. Я неотступно держался своего.

То были печальные три часа. Бедная Шарлота! Никогда этого не забуду. Самая трудная задача на свете — отвергать того, кого любишь.

Она выросла в мое сердце и завладела им полностью. Она держала меня нежно, едва не плача. Я не мог ничего ей рассказать. Ее женское чутье предвещало беду. Я так и не поддался ее слезам. Когда я поцеловал ее на прощание, она не произнесла ни слова, но взглянула на меня глазами, полными влаги. Из всего, что мне пришлось перенести, это было тяжелее всего.

XVII

ОВЧАРКА

Возвращаясь в город на следующее утро, я забрал с собой собаку. То была странная прихоть, послужившая, тем не менее, началом цепи значимых событий. Я всегда был большим любителем собак, а сейчас мне было одиноко. Между псом и его хозяином есть связь. Описать ее невозможно — она уходит корнями вглубь нашей натуры. Мне предстояло еще многое узнать.

Это была австралийская овчарка рыжевато-го с черным окраса и от рождения коротким хвостом.

Что за сила кроется за инстинктами? Как далеко она простирается? Я подозревал, что собака будет недостижима для зловещего притяжения, что не отпускало меня.

К счастью, Джером тоже души в собаках не чаял. Он как раз читал и поднял глаза, когда я вошел, ведя на поводке Куин. Она сразу поняла, что он за человека: когда детектив наклонился погладить ее, она завиляла обрубок хвоста, всем своим видом выражая зарождение горячей привязанности. Джером читал «Эволюцию материи» Лебона. Изучение этой тайны завело детектива в бездонные глубины умозрительных рассуждений; он превратился в сущего эрудита. Поздоровавшись, я отцепил Куин от ошейника и позволил ей свободно осваиваться в доме, пока сам расска-

зывал о том, что произошло. Детектив отложил книгу и уселся поудобнее. Собака немного подождала, не погладят ли ее еще раз, и, не дождавшись, принялась обнюхивать комнату. В этом, разумеется, не было ничего необычного. Я не обращал на ее действия ни малейшего внимания, а вот детектив — да, и очень пристальное. Пока я излагал ему происшедшие события, он улавливал каждое движение собаки. Внезапно он предупредительно поднял палец. Я обернулся.

Куин рычала — гортанно и подозрительно. Она стояла примерно в футах от портьера, что отделяли библиотеку от другой комнаты — той самой, где мы потеряли Уотсона и где у Джерома на руках умерла старушка. Она напряглась, выпрямилась, одна передняя лапа вкрадчиво поднята, короткий хвост трубой, шерсть на спине встала дыбом. Низкий рык повторился. Я поймал взгляд Джерома. Это было необычно.

— В чем дело, Куин? — спросил я.

При звуке моего голоса она помахала хвостом и обернулась, после чего шагнула в проем между занавесями. Она успела просунуть туда только голову, после чего отшатнулась. Ее зубы обнажились в оскале.

Она замерла, встревоженная и готовая действовать. Почему-то мне стало от этого не по себе. Она была смелой собакой, ничего не боялась. Детектив подошел к ней и раздвинул шторы. В комнате было пусто. Мы переглянулись. Что она такого почувствовала? Как далеко простираются ее инстинкты? Наши глаза ничего не могли уловить, в отличие от собачьих — ее глаза блестели от ненависти, страха, ужаса; всё ее тело словно окаменело.

— Любопытно, — произнес я и сделал шаг в комнату. Но я не учел собаку. Она с лаем бросилась ко мне, схватила за штанину и потащила назад. Она встала у меня на пути, не прекращая сдавленно, предупреждающе рычать. Но в комнате ничего и никого не было, в этом мы были уверены.

— Уму непостижимо, — сказал детектив. — Откуда она знает? Интересно, а меня остановит?

Он шагнул вперед. Всё повторилось. Она точно так же поймала его и принялась тянуть обратно. Она пыталась оттеснить нас от завесы, и тем сильнее нас туда тянуло. Мы ничего не видели, ничего не чувствовали. Возможно ли, что собаке открыто то, что скрыто от нас? Детектив заговорил первым:

— Выведи ее из комнаты. Отведи в холл и привяжи.

— Что ты задумал?

— Ничего особенного. Я собираюсь осмотреть эту комнату. Нет, я не боюсь. Я буду вполне доволен, если она меня сцапает. Что угодно, лишь бы получить ответы.

Но всё было без толку. Той ночью мы не раз обошли комнату — мы оба. Наши усилия ничего не дали, кроме ощущения жути, сомнений и некоей подспудной притягательной силы, которую мы могли почувствовать, но не постичь. Мы позвали собаку, и она заступила в караул. Она слегка пригнулась, минуя портьеры, настороженная, готовая к бою, не теряющая бдительности на своем почетном посту. С той секунды она уже не покидала его, кроме как по принуждению. Всю ночь мы слышали, как она тихонько сердито ворчит, словно бросая кому-то вызов.

Но это было далеко не всё, что нам предстояло узнать от собаки. Следующую странность первым заметил Джером. Казалось бы, мелочь, но таких чудных мелочей у нас накопился целый ряд. На сей раз дело было в кольце. У Куин была привычка, весьма расхожая среди собак: она лизала мою руку, чтобы выразить свою любовь. В этом ничего такого не было, за исключением того, что она неизменно выбирала левую руку. Детектив заметил это раньше меня. Всегда, при любой возможности, она пыталась лизнуть камень. Мы провели небольшое испытание, чтобы проверить ее. Я надевал кольцо на другую руку, потом держал его в пальцах перед собой — она следовала за ним.

Это было диковинно, но, конечно, не необъяснимо. Возможно, дело в запахе или особом привкусе. Однако эти небольшие испытания подтолкнули нас к довольно значимому открытию.

Однажды ночью мы позвали собаку с вахты. Как обычно, она потянулась к камню, и я случайно прижал его к ее голове. То был бы пустяк, если бы не последовавшие за ним важные события. За пару минут до этого на другой стороне комнаты я уронил носовой платок — я как раз собирался его поднять. Эта суцая безделица направила нас к открытию самой удивительной способности камня. Собака направилась к платку и вернулась, неся его в зубах. Сперва я принял это за случайность и решил повторить эксперимент с книгой — результат тот же. Я взглянул на Джерома.

— В чем дело? — спросил он и, выслушав мое объяснение, воскликнул: — Вот дьявол! Попробуй еще раз.

Мы снова и снова повторяли этот фокус, используя самые разные вещи, названий которых, я уверен, она не знала. Существовала неведомая связь между камнем и ее разумом, словно вместе с сиянием он излучал некую странную силу. Меня это сила подавляла, а для собаки была самой жизнью. Наконец Джерома озарило.

— Попробуй найти Рамду, — сказал он, — подумай о нём. Кто знает...

И тут произошло самое поразительное и, уж конечно, запоминающееся. Это было слишком похоже на разумный замысел и оттого — слегка пугающе. Стоило мне подумать о Рамде, как собака отпрыгнула назад.

В ней произошла странная перемена: обычно ласковая, она внезапно точно озверела — не в прямом смысле этого слова, разумеется, но выражаясь иносказательно. Она отскочила, будто ошпаренная, шелкая зубами. Она оскалилась, шерсть стояла дыбом. Ее ноздри трепетали. Одним прыжком она оказалась между портьер.

Джером поднялся и, вскрикнув, раздвинул их. Я находился прямо за ним. Собака, ошестинившись, застыла на пороге комнаты.

Там было пусто. Что же она увидела? Что?..

В одном не было сомнений. Хотя насчет всего остального мы не были уверены, в том, что касалось Рамды, можно было довериться инстинктам животного. Все предыдущие наши эксперименты увенчались успехом. У нас на руках был факт, но не было ему объяснения. Если бы только мы могли свести все воедино и извлечь общее правило...

Мы поздно легли. Я никак не могу уснуть. Беспокойство собаки отгоняло от меня сон. Она то глухо рычала, то суежилась, меняя положение. На месте ей не сиделось. Я живо представлял себе ее там, в библиотеке: свернувшуюся за занавесом, наполовину спящую, наполовину оцепеневшую и не теряющую бдительности. То и дело я просыпался среди ночи и прислушивался: вот гортанный рык, грустное подвывание — и тишина. С моим соседом творилось то же самое. До конца мы так и не поняли, что это было. Возможно, нам обоим было немного страшно.

Но со временем можно привыкнуть почти ко всему. Немало ночей минуло без единого происшествия, пока не произошло еще кое-что.

Она была темной, необыкновенно темной: ни луны, ни звезд. То была одна из тех ночей, чей мрак глубже чернильного. Не знаю, что именно меня разбудило. В доме было до странного тихо; воздух казался напряженным. Стояло лето, так что, быть может, дело было в жаре. Знаю только, что я неожиданно проснулся и заморгал в темноте.

Дверь была открыта, и я слышал, как тяжело дышит детектив в соседней комнате; на сердце у меня было беспокойно. К страху и одиночеству я привык, но это было другое. Возможно, это было предчувствие, не уверен, однако помню, что я был ужасно сонный.

Я зажег спичку и бросил взгляд на свои часы, что лежали на конторке — они показывали без двадцати пяти минут час. Мертвая тишина: ни голоса Куин, ни шороха с улицы. Я снова лег и провалился в дрему. Стоило мне снова уснуть, как я уловил размытое подобие звука — гор-

танного, жалобного, пугающего... вот он вдруг перешел в бессвязный грохочущий бред... мне это снилось. Я рывком проснулся. Меня звали. Это был Джером.

— Гарри!

Я испугался. Казалось, что-то потянулось за мной из мрака. Я сел на кровати, но не ответил. В этом не было нужды. Бессвязность моего сна была лишь наружной. Библиотека располагалась этажом ниже, и я слышал, как собака ходит взад-вперед, слышал, как она рычит. Рычит? Именно так. Она словно пыталась запугать кого-то.

Так Куин никогда не рычала, в этом я был убежден. Я различил, как она отскочила от занавеса. Она залаяла — до такого прежде не доходило. Потом вдруг бросилась в соседнюю комнату... раздался злобный отрывистый лай, визг... мешанина звуков... я мог представить, как она прыгает... на что? Внезапно я выскочил из постели. Лай стал тише, слабее, еще слабее... и вот совсем затих вдаль.

В темноте я не могу отыскать выключатель. Я столкнулся с Джеромом. Мы оба были совершенно сбиты с толку. Какое-то время мы не могли найти ни спичек, ни выключателя, чтобы зажечь свет. Но вот наконец-то — ни я, ни Джером никогда не забудем этого мига, поскольку он был неподвижен (одна рука поднята, глаза широко открыты) — дом наполнился звуком: густым, дрожащим, манящим. Это был колокол.

Я бросился к лестнице, но Джером был быстрее. Мы в три прыжка оказались у библиотеки и включили свет. Звон понемногу стихал. Мы сорвали занавес и вбежали в комнату. Там было пусто!

И собаки тоже не было. Куин пропала! В приступе сильного горя я принялся звать ее и свистеть. Это было невыносимо. Бедная, смелая овчарка! Увидев врага, она бросилась прямо на него.

То была последняя ночь, которую Джером провел со мной. Мы так и не легли до утра. Уже в тысячный раз мы обошли весь дом, осмотрели его весь до мелочей — бесполезно. У нас было только кольцо. По предложению детектива я поднес к голубому камню горящую спичку. Всё было так же, как и в прошлые разы: синева исчезла, потом изображение словно углубилось куда-то вдаль по матовым коридорам. И вот из тумана возникли тени: двое человек — Уотсон и профессор... и моя собака.

Можно было различить только головы пленников, но собака была вся на виду. Она сидела, свесив язык, словно на пьедестале, с тем мягким, умным выражением морды, какое бывает только у австралийских овчарок. Вот и всё... совсем всё. Если мы надеялись узнать что-то с ее помощью, то нас постигло разочарование. Вместо того, чтобы проясниться, положение только усугубилось.

Как я уже сказал, то была последняя ночь, когда моим соседом был Джером, но тогда я этого еще не знал. Джером вышел куда-то рано утром. Я отправился спать. При солнечном свете было не так страшно.

Теперь я был уверен, что опасность имеет пределы. До тех пор, пока я держусь подальше от этой комнаты, бояться нечего. И тем не менее, что-то в ней влекло. От самого этого дома веяло чем-то неуловимым и загадочным. Спал я скверно. Мне было одиноко, на меня давило чувство от-

резанности от всего мира. После полудня я вышел на улицу.

Я уже упоминал случай с проводником. В тот день я мог убедиться в своей оторванности от мира — она была поразительной. Учítывая, в каком я был состоянии и что повидал, это почти что повергло меня в ужас. Тогда-то я и подумал впервые о том, чтобы написать Хобарту, но решил, что смогу выстоять. Полная неожиданность происходящего натолкнула меня на размышления. Я подумал об Уотсоне. Это была последняя стадия: слабость, безжизненность, вялость! А ведь вначале он был куда сильнее, чем я!

Я должен отправить телеграмму Фентону. Пока я окончательно не потерял лицо в глазах окружающих, я обязан попросить о помощи. Это было странно, необъяснимо. Я не был невидимкой — не стоит так думать. Я просто не выглядел отдельной личностью. Люди не замечали меня, если я не обращался к ним. Но какая-то связь с миром у меня все еще была. Пока и она не исчезла, мне следовало послать Хобарту весточку. Я не стал с этим затягивать — сразу же направился в отделение и оплатил телеграмму:

«НЕ МОГУ БОЛЬШЕ ДЕРЖАТЬСЯ. ПРИЕЗЖАЙ
НЕМЕДЛЕННО. ГАРРИ»

Мне было немного стыдно. Ведь я надеялся, рассчитывал на себя. Я верил в силу своего характера. Я был здоровым, сильным человеком. Полнота жизненных сил — вот на чем можно было бы продержаться вечно. Для меня нет завтрашнего дня. Не прошло и года, а мне уже словно

восемьдесят лет. С Уотсоном было то же самое. Что же это за невидимое нечто, проникшее в мою плоть и кровь? Я читал о баньши, лемурах¹ и лепреконах — призраках и духах темных времен, но это другое. Оно безлико, неявно, безжалостно. Оно — сплошная загадка. Я считал, что это — сама Природа.

Теперь мне это известно. Даже сейчас, когда пишу, я ощущаю мощь нависшей надо мной силы. Некий закон, некое фундаментальное правило, энергия, неизвестная науке.

Что же за закон может стать мостом между хаосом тайны и твердой материей? Я стою на этом мосту, но не вижу его. Что же это за великая истина, открытая доктором Холкомбом? Кто такой Рамда? Кто такая Нервина?

Джером до сих пор не вернулся. Не могу этого понять. Его нет уже неделю. Я живу на бренди — почти что на нем одном — и жду Фентона. Все свои заметки и наработки я собрал воедино. Быть может, я...

(На этом заканчивается странный документ, оставленный Гарри Венделом. Дальнейший отчет составлен Шарлотой Фентон).

¹ Лемур (ночной дух) — в древнегреческой мифологии дух умершего злого человека, приносящего живым несчастья и смерть.

XVIII

ИСТОРИЯ ШАРЛОТЫ

Не знаю. Тяжело писать после того, что случилось.

Хобарт говорит, именно потому я и должна написать. Нужно просто рассказать всё как есть. Кроме того, он слишком занят, чтобы сделать это самому, а письменное изложение должно остаться. Я приложу все усилия и постараюсь как можно меньше отвлекаться на свои чувства, пока буду писать. Начну с Нервины.

Это был первый знак, первое предостережение мне. Оглядываясь назад, я могу лишь удивляться. Вряд ли кто-либо, увидев Нервину, был бы потом способен на большее — она так прекрасна! Прекрасна? И почему я так считаю? Мне стоило бы ревновать и ненавидеть ее. И всё же я не могу. Почему так?..

К тому моменту прошло восемь месяцев со дня, когда Хобарт уехал в Южную Америку. То были самые долгие восемь месяцев на моей памяти — из-за Гарри. Я — девушка и, как все девушки, люблю внимание. Обычно он навещал меня, по крайней мере, раз в две недели. После отъезда Хобарта он пришел лишь однажды и, разумеется, меня возмутило такое пренебрежение.

Мне казалось, никакое важное дело не помешало бы ему, если бы он действительно любил меня. Даже письма

он стал писать мало и редко. Они получались такими вялыми, усталыми, что я не могла не додумывать им подтекста. Я... любила Гарри. Я не понимала, что происходит. Меня терзали тысячи подозрений и ревнивых домыслов, но все они были женского толка и ни на шаг не приблизили меня к правде. Невнимательность была не в духе Гарри. До прихода Нервины я ничего не боялась.

Боялась? Это не то слово... не совсем то. Это было больше похоже на подозрение, на подспудную смесь любопытства и сомнения. Красота этой девушки, ее интерес к Гарри и ко мне, ее тревога об этом кольце — всё это меня слегка насторожило. Я не могла понять, какое отношение это кольцо имеет к Гарри Венделу.

Она не сказала ничего определенного, не дала точного объяснения, но ей удалось весьма полно передать впечатление загадочности от его зловещей силы. В нем было нечто пагубное, нечто такое, что в чистом виде могло запросто уничтожить жизнь того, кто его наденет. Гарри случайно завладел кольцом, и она хотела его спасти. Обратившись к нему напрямую, она потерпела неудачу, потому и пришла ко мне. Она ни слова не сказала о «Слепом пятне».

А на следующий день явился Гарри. Это было совершенно внезапно, хотя эта девушка меня предупреждала. Он был совсем другим, не тем, прежним Гарри. Глаза его потускнели и потеряли свой блеск. Если в них совсем не отражался свет, то смотреть было немного жутко. Он был бледен, выглядел усталым, похожим на тень, словно перенес долгую болезнь.

Он сказал, что не болен, утверждал, что хорошо себя чувствует. А на его пальце было кольцо, о котором говорила моя гостья. Ценность его, должно быть, неизмерима. Куда бы Гарри ни протянул руку, его голубое пламя не терялось во тьме. Но он ничего о нем не сказал. Я ждала, теряясь в догадках. Мне было страшно. Только когда мы вышли гулять под вязами, зашла речь о кольце.

Была полная луна — прекрасная, налитая светом, какая бывает в летние ночи. Он внезапно остановился и поднял взгляд на светило над нашими головами. Мне почудилось, что он заблудился в своих мыслях. Он прижал меня к себе — крепко и нежно. Он был так непохож на себя, словно потерял свое «я», свою личность. Он говорил размыто.

— Девушка из лунного света? — произнес он. — Что это может значить?

Тогда-то я и спросила его. Он уже писал о нашем разговоре. Это было то самое кольцо, о котором мне говорила Нервина. Оно как-то связано со «Слепым пятном»... этой великой тайной, что похитила доктора Холкомба. Он отказался отдать его мне. Я очень настаивала, хоть и сама его боялась. Что-то подсказывало мне — я должна это сделать, чтобы спасти его. Странное чувство, объяснения ему у меня не было, но я была обязана сделать это для Гарри.

У меня не получилось. Было очевидно, что он сломлен, но одно в нем осталось неизменным — его честь. Он не знал страха, как не знал его, когда был ребенком. Прежде, чем мы расстались той ночью, он поцеловал меня. Никогда не забуду, как долго он смотрел мне в глаза — и как грустно. Вот и все. На следующее утро он уехал в Сан-Франциско.

А потом наступил конец. Сообщение — как гром среди белого дня. Оно пришло спустя некоторое время и положило конец моим тревогам. Оно было следующего содержания:

**«ПЕРУ. ГОРОД. ДОКИ. СЕГОДНЯ В ВОСЕМЬ.
ВСТРЕТИМСЯ НА ПРИЧАЛЕ. ХОБАРТ
ПРИЕЗЖАЕТ. ГАРРИ»**

Послание было коротким и слегка сбilo меня с толку. В обычных обстоятельствах он приехал бы сам и отвез бы меня, чтобы вместе встретить Хобарта. Было слегка странно, что он попросил меня приехать на пирс одной. Однако мне стоило поторопиться — я и так еле успевала в город.

Никогда не забуду эту ночь.

Было уже темно, когда я добралась до Сан-Франциско. На причал я пришла на двадцать минут раньше срока. Там уже стояло несколько встречающих. Я осматривалась в поисках Гарри, но его нигде не было. Конечно, время еще есть. Наверняка он подоспеет к прибытию Хобарта.

И тем не менее, в глубине души я сомневалась. С того странного визита я уже ни в чем не была уверена. С Гарри что-то было не так. В этом загадочном деле было что-то такое, о чем он мне не сказал. Почему он попросил меня встретиться с ним на причале? Почему не пришел сам? Когда пароход зашел в гавань, а его все еще не было, волнение мое удвоилось.

Хобарт спустился по трапу. Он был крупного телосложения, сильным, здоровым и, как мне показалось, ужасно спешил. Он торопливо оглядел толпу и бросился ко мне.

— Где Гарри? — он поцеловал меня и тут же повторил: — Где Гарри?

— Ох, Хобарт! — воскликнула я. — Что с ним такое? Скажи мне. Это что-то ужасное!

Ему было страшно. Я видела это как есть! Возле его глаз залегли тревожные складки. Он схватил меня за руку и повел прочь.

— Он обещал встретить меня здесь, — сказала я, — но не явился. Ох, Хобарт, я не так давно его видела. Он был... он был совсем не тот! Ты знаешь об этом что-нибудь?

Он замер на мгновение, глядя на меня. Я никогда еще не видела Хобарта испуганным, но в ту секунду в его глазах было нечто такое, чего я не могла понять. Он сжал мою руку и начал почти что бежать. Вокруг было полно людей, и нам пришлось петлять между ними из стороны в сторону. У Хобарта был при себе чемодан...

Хобарт взял такси. Не помню, как я садилась в машину. Всё было, как в тумане. Я была напугана. Произошло нечто ужасное, и Хобарт знал об этом. Я помню несколько слов, которые он бросил водителю:

— Быстрее, быстрее, не сбавляйте скорости; забудьте о правилах... на Чаттертон-Плэйс!

Потом — судорожные скачки с одной вымощенной улочки на другую, подъемы на холмы, извилистые повороты. И Хобарт рядом со мной.

— Быстрее... быстрее же! — говорил он. — Еще быстрее! Господи, да бывало ли, чтобы машины ездили медленнее! Гарри! Гарри!

Я слышала, как он шепчет молитву. Вот еще один холм;

машина повернула и вдруг остановилась! Хобарт выскочил наружу.

Унылый двухэтажный дом, в одном из окон горит свет — тусклый, почти погасший и жутковатый. Я никогда не видела ничего более одинокого, чем этот огонек — он был серым, колеблющимся, едва мигавшим. Быть может, я просто переволновалась. Мне еле хватило сил подняться по ступенькам. Хобарт схватил дверную ручку и распахнул дверь. Никогда этого не забуду.

Как же тяжело об этом писать! Вот комната: стены уставлены книгами; слабый бледный свет, выплывший зеленый ковер — и человек, тоже бледный и слабый, почти что тень себя в прошлом. Неужели это был Гарри Вендел? Он словно постарел лет на сорок. Ссутулившийся, иссохший, изможденный. На столе перед ним стояла бутылка бренди. В его слабой, тонкой руке был зажат пустой бокал. Камень на его пальце горел огнем почти что злобным; он сверкал синевой, пылал, разбрасывая искры света, словно отблески адского пламени. Этот свет казался нечестивым — уж слишком много в нем было жизни.

Мы оба кинулись вперед. Хобарт схватил Гарри за плечи.

— Гарри, старина. Гарри! Неужели не узнаешь нас? Это мы, Хобарт и Шарлота.

Это было ужасно! Создавалось впечатление, что он нас не понимает. Он смотрел прямо на нас, но говорил какую-то бессмыслицу.

— Двое, — произнес он. Потом прислушался. — Двое! Вы не слышите? — Он вцепился в руку Хобарта. — Вот, слушай. Двое! Нет, трое. Я сказал — трое? Неужели вы не слы-

шите? Это старушка. Она говорит из темноты. Там! Там! Слушайте же. Она мне считает. Она теперь шепчет: «Трое! Скоро будет четверо!»

О чем он? Что всё это значило? Что за старушка? Я оглянулась и никого не увидела. Хобарт наклонился к нему. Гарри как будто бы узнал нас. Чудилось, его рассудок помутился, и туман едва начал рассеиваться. Гарри что-то бормотал; слова звучали бессвязно и беспорядочно.

— Хобарт, — произнес он, — ты знаешь ее. Она — девушка из лунного света. Рамда, он — наш враг. Хобарт, Шарлота... Я так много знаю. Я не могу рассказать. Вы опоздали на два часа. Странное дело... Я это нашел и, думаю, понял. Это было неожиданно. Открытие великого профессора. Почему вы не пришли на пару часов раньше? Мы могли бы одержать верх.

Он уронил голову на руки, а потом внезапно снова поднял взгляд. Он снял кольцо с пальца.

— Отдай его Шарлоте, — сказал он. — Ей оно не навредит. Сам не касайся. Если бы я только знал. Уотсон не знал...

Он выпрямился и напрягся, не двигаясь с места, вслушиваясь.

— Вы что-нибудь слышали? Послушайте! Слышите? Это старуха. Трое...

Но мы не уловили ни звука: только гул улиц, тиканье часов и биение наших сердец. Он снова принялся считать.

— Хобарт!

— Да, Гарри.

— И Шарлота! Кольцо... ах, оно всё же было там. Оставьте его у себя. Никому не отдавайте. Два часа назад

мы могли бы победить. Но я должен был хранить кольцо. Оно было слишком, слишком сильно. Мужчине оно не по зубам. Шарлота... — Он взял меня за руку и надел кольцо мне на палец. — Бедная Шарлота. Вот и кольцо. Самое потрясающее...

Он снова подался вперед. Он был слаб... словно что-то покидало его с каждой минутой.

— Воды, — попросил он. — Хобарт, принеси воды.

На это было жалко смотреть. Гарри, наш Гарри — и дошел до такого! Хобарт схватил стакан и бросился в другую комнату. Я слышала его возню. Я наклонилась к Гарри, но он вскинул ладонь:

— Нет, Шарлота, нет. Ты не должна. Если...

Он запнулся. И снова эта странная внимательность, словно он вслушивался в нечто отдаленное. Зрачки его пустых, усталых, безжизненных глаз сузились до размеров булавочного острия. Дрожа, он встал на ноги и замер, потом снова поднял руку:

— Слушай!

Не доносилось ни звука. Всё было так же, как и прежде: ничего, кроме шепота ночного города и тиканья часов.

— Это собака! Неужели ты не слышишь её? И еще старушка. Ну, слушай: «Двое! Теперь их двое! Трое! Трое! Теперь уже трое! Их...» Ну же, — он повернулся ко мне. — Ты слышишь, Шарлота? Нет? До чего странно. Быть может... — он указал в угол комнаты. — Там бумага. Не могла бы ты...

Никогда не забуду этот момент! Я много раз думала о нем и неизменно удивлялась тому, во что он вылился. Что бы случилось, не уйди я в другой конец библиотеки?..

Как же это было...

Я наклонилась, чтобы поднять лист бумаги. Раздался странный, шелкающий, похожий на треск звук, едва уловимый. Я смутно помню, что Гарри стоял у стола — мимо-летное видение. Я шестым чувством ощутила присутствие какой-то ужасной силы. Она появилась из ничего... из ниоткуда... и была все ближе. Я обернулась кругом и увидела это — точку голубого цвета.

Голубого! Таким он был вначале. Голубой, пылающий, словно огонь миллиона камней, сосредоточенный на кончике иглы, на потолке прямо над головой Гарри. Он искрился, сверкал, переливался оттенками, но голубизны было больше всего. То был цвет жизни и смерти, пылающий, пульсирующий, яркий. Я пыталась закричать, но словно оцепенела от ужаса. Точка сменила цвет и стала мертвенно-бледной. Она словно стала больше, начала раскрываться. Потом вдруг побелела и, будто луч раскаленного света, ударила Гарри в голову.

Что это было? Всё произошло так внезапно. Дверь распахнулась, я услышала шелест летящего шелка. Женщина! Прекрасная девушка! Нервина — это была она!

Никогда прежде я не видела никого похожего на нее. Она была так красива. В ее лице читалось всё сострадание, на которое способна женщина. Она не остановилась ни на секунду.

— Шарлота! — воскликнула она. — Шарлота... ох, почему вы не спасли его! Он ведь любит вас! — затем она повернулась к Гарри. — Это не должно случиться! Ему нельзя идти одному. Я спасу его, пусть даже за...

С этими словами она бросилась к Гарри. Всё случилось в одно мгновение. Ее руки потянулись к расплывающемуся силуэту Гарри и белому свечению. Что за великолепная, пылкая девушка... Их очертания смешались: туманный силуэт ее красивого тела и бледное, изнуренное лицо Гарри. Вспышка света, белая нить, дрожь — и они исчезли.

Следующее, что я помню, — это сильные руки моего брата Хобарта. Он дал мне воды, которую принес для Гарри. Он был ужасно расстроен, но очень сдержан. Поднеся стакан к моим губам, он сказал:

— Не волнуйся, не волнуйся. Теперь я знаю. Думаю, что знаю. Я вошел как раз вовремя, чтобы увидеть, как они уходят. Я слышал колокол. Гарри в безопасности. Это Нервина. Я вытащу Гарри. Мы разгадаем «Слепое пятно».

XIX

ПОВЕСТВОВАНИЕ ПЕРЕХОДИТ К ХОБАРТУ ФЕНТОНУ

Сейчас же, в самом начале, мне лучше честно сказать то, что читатель наверняка скоро и сам заподозрит: я — очень простой, прозаический, прямолинейный человек, инженер-строитель по образованию и во многом совершенно не похож на того, кто составил первое описание «Слепого пятна».

Гарри уже был с этим связан. Он из семьи людей искусства. Думаю, он выбрал профессию юриста в надежде на правдивость одной старой пословицы: «Единственная определенная черта законодательства — его неопределенность». Потому как он души не чаял во всём таинственном и непознанном. Неопределенность вызывала у него приятное волнение, и очень удачно, что он был честным малым, потому что в противном случае из него получился бы весьма опасный мошенник.

Отметьте, что, говоря о своем старом друге, я употребляю прошедшее время. Я прибегаю к нему в интересах сугубо научной точности, дабы удовлетворить тех, кто вздумает утверждать, что, исчезнув из поля людской видимости и слышимости, Гарри Вендел перестал существовать.

Однако в моем сердце живет твердая уверенность, что он до сих пор жив и здоров.

Через час после его поразительного исчезновения мы с моей сестрой Шарлотой отправились в отель и, несмотря на ужасную суть случившегося, смогли отдохнуть в течение нескольких часов.

На следующее утро Шарлота заявила, что вполне в силах обсудить сложившееся положением. Мы не стали терять время даром.

Однако же напомним, что я провел почти весь предыдущий год в Южной Америке, где заканчивал строительство оросительной системы. Так что я был крайне мало осведомлен о том, что происходило в этот промежуток времени. С другой стороны, мы с Гарри так и не сочли уместным рассказать всё, что знали, Шарлоте (а это, как я теперь вижу, стоило бы сделать).

Итак, мы буквально набросились на рукопись, оставленную Гарри. К тому моменту, как мы закончили чтение, лично я успел прийти к одному твердому выводу.

— Я убежден, — сказал я, — что этот незнакомец — Рамда Абек — отъявленный мерзавец. Невзирая на его дружеские манеры, я полагаю, что он, и только он, в ответе за умышленное похищение профессора Холкомба. Как следствие, этот же Рамда собственной персоной — весьма ценный ключ к спасению Гарри из его нынешнего затруднительного положения.

Обратившись к заметкам Гарри, я отметил для себя то обстоятельство что, хотя Авека не раз видели на улицах Сан-Франциско, полиции до сих пор не удалось его схватить. Это могло означать, что он обладал возможностью по своему желанию становится невидимым.

— Только, — поспешил добавить я, — пойми меня правильно, я не считаю его кем-то вроде фокусника или колдуна, ничего подобного. Я скорее склонен полагать, что он просто посвящен в некую научную тайну, не более чудесную в сущности своей, чем, скажем, радио. Он просто узнал ее раньше остальных, вот и всё.

— А эта женщина, по твоему мнению, тоже человек?

— Нервина? — я задумался. — Возможно, ты знаешь эту часть истории лучше меня.

— Я знаю только, — медленно проговорила она, — что она пришла ко мне и сказала, что Гарри скоро меня навестит. И я почему-то совсем не ревновала к ней, Хобарт. — Потом она добавила: — И в то же время я способна понять, почему Гарри мог... мог влюбиться в нее. Она... она очень красивая.

Шарлота — храбрая девочка. Ее голос звучал так же ровно, как и мой.

Затем мы обсудили исчезновение Чика Уотсона. Эти подробности уже известны читателю из рассказа Гарри, равно как и то, что произошло с Куин, его австралийской овчаркой. Как и остальные случаи, этот сопровождался одним-единственным ударом огромного невидимого колокола — Гарри называл его «Колоколом Слепого пятна». Он уже упоминал мое мнение, что этот звук обозначал закрытие портала в неведомое... окончание определенного сочетания условий, которые вызывают голубую точку на потолке, луч раскаленного света и исчезновение того, кто окажется в зоне поражения. Тот факт, что самого колокола нигде не было, несколько не поколебал мою уверенность.

Итак, мы дошли до последнего исчезновения — того, что унесло прочь Гарри. Шарлоте удалось сохранить голос по-прежнему твердым, когда она сказала:

— Они с Нервиной исчезли вместе. Я обернулась в ту самую секунду, когда она ворвалась в комнату, крича: «Ему нельзя идти одному. Я спасу его, пусть даже за...». Вот и все, что она сказала, прежде чем... это случилось.

— Ты не заметила нигде Рамды?

— Нет.

И с тех пор мы его не видели и не слышали о нем. До того момента, как нам удастся выйти на него, эта ценная подсказка была для нас недостижима. Так что мы располагали лишь одной путеводной нитью — кольцом, которое теперь Шарлота носила на пальце.

Я зажег спичку и поднес ее к камню. Как и много раз до этого, он проявил свое самое поразительное качество. Лишь слегка нагревшись, поверхность его затуманилась, потом диковинным образом прояснилась вновь, открывая нашим изумленным взглядам далекие миниатюрные изображения четверых пленников «Слепого пятна».

Я даже не пытаюсь это объяснить. Так или иначе, этот камень обладает способностью, словно телескоп, позволить наблюдателю вблизи рассмотреть четверых наших пропавших друзей. Кроме того, изображение в нем настолько крупно и детальное, что не может быть никаких сомнений: доктор Холкомб, Чик Уотсон, Куин и Гарри Вендел именно что отображаются — а не заключены! — в камне. Не скажу также, что мы лицезрели лишь их изображение, нет, мы видели именно их самих.

Важно также понимать, что в камне они выглядят живыми. Видно лишь головы и плечи мужчин, но живость их лиц не позволяет ошибиться. Если допустить, что эти четверо попали в «Слепое пятно» (где бы оно ни находилось), а также что кольцо есть некое необъяснимое окно между тем местом и нашим постылым миром, то, по всей видимости, можно предположить, что все они всё еще живы.

— Я уверена в этом! — заявила Шарлота, заставив себя тоскливо улыбнуться живому отражению своего возлюбленного. — И, думаю, Гарри был совершенно прав, что отдал мне кольцо на хранение.

— Почему?

— Ну, помимо всего прочего, потому что на меня оно действует совсем не так, как на него. Хобарт, я склонна считать это обстоятельство весьма значимым. Если бы только Чик об этом знал, он бы не настаивал на том, чтобы его носил Гарри, а потом...

— Ничего не поделаешь, — быстро перебил ее я. — Чик не знал, он лишь был уверен, что кто-то — КТО-ТО — должен это кольцо носить, что оно обязано оставаться собственностью людей. Более того, как бы Рамда Абек ни желал его получить — и как бы ни желала Нервина, — кольцом невозможно завладеть при помощи силы (никто не ведает почему).

Шарлоту пробрала дрожь.

— Боюсь, здесь все-таки есть нечто потустороннее.

— Ничего подобного, — уверенность в этом не покидала меня ни на секунду. — Эта вещь — подтвержденный факт, такой же неоспоримый, как подводная лодка. В нем нет

ничего сверхъестественного. Раз уж на то пошло, я лично сомневаюсь в существовании ЧЕГО-ЛИБО сверхъестественного. Любой феномен, на первый взгляд такой волшебный, становится весьма банальным, стоит только его объяснить. Не правда ли, ты и сама уже начинаешь привыкать к этому кольцу?

— Да-а, — неохотно признала она. — Я имею в виду — частично. Если бы только на месте Гарри был кто-то другой!

— Конечно, — поспешил ответить я. — Я лишь хотел разъяснить, что мы тут не с колдунами боремся. Эта великая тайна станет ясна, как белый день, и чертовски скоро!

— У тебя есть предположения? — с надеждой спросила она.

— И даже несколько. В этом-то и загвоздка! — вынужден был признать я. — Я не знаю, за каким из них стоит следовать до конца... В конце концов, это может быть что-то спиритическое или же то, что подпадает под определение «психологическое расстройство». Иными словами, просто галлюцинации.

— О нет, это точно не подходит! — с явным огорчением возразила она. — Я знаю, что видела! Я бы усомнилась в своем рассудке, если бы думала, что это все — плод моего воображения!

— Я тоже. Что ж, отложим спиритическую теорию; остается вероятность некоей нераскрытой пока что научной тайны. И если Рамда ее знает, то всё дело сводится к простому злодейству.

— Но как он это делает?

— В этом-то и весь вопрос. Однако я уверен в одном, — я указал на кольцо, — наши друзья исчезли, и теперь оно снова тускло светился бледно-голубым светом. И это кольцо совершенно реально; оно не галлюцинация. Оно существует как ночью, так и при свете дня, ему не нужны для этого какие-то особые условия. Это не обман и не иллюзия. Словом, это кольцо — всего-навсего феномен, которого наука ПОКА ЧТО не в силах объяснить! Ему может быть и будет дано объяснение — это зависит от нас! После того, как мы поймем присущие ему свойства, мы совсем скоро сможем спасти Гарри!

И вот тогда-то и случилось самое странное. Это было так неожиданно, настолько не предварено чем бы то ни было, что меня бросает в дрожь по сей день, стоит только вспомнить.

Из камня на пальце Шарлоты — или, скорее, из воздуха, окружавшего кольцо — раздался звук, в природе которого невозможно было ошибиться. Мы ничего не увидели — только слышали. Звук был настолько чистым, громким и пугающим, словно источник его находился в той же комнате, где мы обсуждали происходящее.

То был резкий, радостный собачий лай.

XX

ДОМ ЧУДЕС

Снова пересматривая только что написанное, я чувствую глубокую признательность. Я благодарен как за то, что мне выпало рассказать об этих событиях, так и за то, что никому после меня не придется объяснять эту сумятицу.

В самом деле, если бы я не знал, что буду иметь удовольствие сложить вместе кусочки этой головоломки и указать на относительно простое ее объяснение, если бы мне пришлось отступить и оставить вместо законченного отчета всего лишь собрание щекочущих любопытство секретов, мне и вовсе не стоило бы приниматься за дело. Вместо этого я должен был бы оставить всё как есть, чтобы кто-нибудь другой довел его до ума должным образом.

Всё это, как вы скоро поймете я излагаю во многом для того, чтобы собраться с силами и мужеством перед лицом истории, которую нынче обязан поведать.

Но прежде, чем продолжить, я обязан упомянуть одну деталь, которую Гарри по своей скромности умолчал. Он был — или же остается — человеком необыкновенно приятной наружности. Я вовсе не намерен приписывать ему красоту греческого бога — при росте в пять футов семь дюймов это выглядело бы смешно. Нет, своей радующей глаз

внешностью он был обязан тем, что черты его выражали некое внутреннее благородство, способное украсить самое невзрачное лицо. Самолюбие способно изуродовать даже самые безупречные черты — бескорыстие же украшает.

Более того, по той лишь причине, что он дал Чики Уотсону слово носить кольцо, Гарри взял на себя самую опасную задачу, которая только могла лечь на плечи человеку — и проиграл. Но даже зная он заранее, что с ним станет, всё равно, не отступился бы от своего обещания. И поскольку в его миссии был некий азартный интерес, поскольку она вовсе необязательно должна была закончиться трагически, он, вероятно, получил определенное удовольствие от самого значимого опыта в своей жизни.

Но я не таков. Честно говоря, я привык приспособляться к обстоятельствам и считать себя до мозга костей практичным малым. Я искренне восхищаюсь идеалистами, но куда большее восхищение у меня вызывает благополучный исход любого предприятия. К примеру, я очень редко даю обещания, даже по пустякам, так как с радостью нарушу слово, если позже окажется, что, сдержав его, причиню больше вреда, нежели пользы.

Я прекрасно понимаю, что ступил на опасную почву, и всё же должен представить на суд читателя то, чего добился в этом мире, как доказательство того, что мое отношение к жизни вовсе не так скверно, как кажется на первый взгляд.

Я ни у кого не прошу прощения за то, что с самого начала так много говорю о себе. Это изложение будет совершенно невразумительным, если не понимать, что я за человек.

Мой подход к разгадке тайны «Слепого пятна», если разобратся, есть всего-навсего отображение моей личности. Единственной моей целью было получить РЕЗУЛЬТАТЫ.

По мнению Гарри, предложение должно быть сведено к предельно четкой форме, прежде чем я решу, принимать его или нет. Если бы «Слепое пятно» было явлением сугубо оккультным и исследовать его можно было бы только под покровом темноты в окружении черного бархата, хрустальных шаров и курящегося ладана, если бы для этого нужна была помощь гадалки или любого другого «медиума», я бы ни за что за него не взялся. Но так как эта тайна явила себя в условиях, которые я мог понять, оценить и измерить, она меня заинтересовала.

Вот почему мне нравился профессор Холкомб — именно он предложил доказывать сверхъестественное физически осязаемыми методами. «Сведите всё к нашим пяти органам чувств», — так он, в сущности, сказал когда-то. С этого момента я и стал его учеником.

Я уже упоминал о том, что мы слышали резкий, приветливый лай, звучавший то ли из камня, то ли откуда-то рядом с ним. Это произошло на крыльце дома 288 по Чаттертон-Плэйс, когда мы с Шарлотой сидели там и беседовали. Мы сняли номер в отеле, но вернулись в дом «Слепого пятна», чтобы определиться с дальнейшим планом действий. И этот таинственный лай в какой-то степени помог нам в этом.

Мы вернулись в отель и сообщили, что съедем на следующий день. После чего начали готовиться к переезду в дом на Чаттертон-Плэйс.

В тот день, в самом разгаре распоряжений насчет мебелировки и прочего, которые я отдавал в отеле, меня позвали к телефону. Звонили откуда-то извне здания.

— Мистер Фентон? — голос был мужской. Когда я ответил утвердительно, он сказал: — Нет причин, по которым вы могли бы узнать мой голос. Это... Рамда Абек.

— Ах Рамда! Что вам нужно?

— Поговорить с вашей сестрой, мистер Фентон, — странно до чего любезно звучал его голос! — Не будете ли вы так добры позвать ее к телефону?

Я не возражал. Но, когда подошла Шарлота, я шепотом попросил ее задержать собеседника, а сам вылетел в коридор и бросился вниз, где девушка на распределительном щитке включила для меня прибор в цепь. Деньги, как известно, говорят сами за себя. Однако...

— Мое дорогое дитя, — говорил голос Авека, — вы ко мне несправедливы. Я не пекусь ни о чем, кроме вашего благополучия. Уверяю вас, если с вами и вашим братом что-то случится во время вашего пребывания на Чаттертон-Плэйс, моей вины в этом не будет. В то же время я могу решительно заверить вас в том, что, если вы будете впредь держаться подальше от этого места, никому из вас ничего не будет грозить, совершенно ничего! За это я ручаюсь. Не спрашивайте, почему, но, если дорожите своей безопасностью, оставайтесь на месте или уезжайте куда-нибудь еще — куда угодно, только не в дом на Чаттертон-Плэйс.

— Я едва ли могу с вами согласиться, господин Абек, — Шарлоту, очевидно, глубоко впечатлили его искренность и серьезность. — Суждения моего брата настолько проника-

тельнее моих, что я... — она с сожалением умолкла на полуслове.

— Я лишь хотел бы, — с замечательной галантностью продолжал он, — чтобы ваша интуиция не уступала по силе вашей преданности брату. Будь это так, вы бы знали, что я не лгу и действительно забочусь только о вашем благе.

— Я... я очень сожалею, господин Авек.

— К счастью, есть иной выход, — он стал еще любезнее, чем прежде. — Если вы не желаете послушаться моего совета и остаетесь верны решению вашего брата, вы, тем не менее, все еще можете избежать последствий, которые может повлечь за собой его упорное желание жить в этом доме. Как я и сказал, в нынешних условиях я не способен предотвратить угрожающую вам опасность, но условия эти могут решительно измениться, если вы, мисс Фентон, пойдете на одну-единственную уступку.

— Что за уступка? — с жаром спросила Шарлота.

— Согласитесь отдать мне кольцо!

Он умолк на одну звенящую от напряжения секунду. Я жалел, что не вижу его удивительного старо-юного лица — этого лица с непроницаемыми глазами, лица, которое не пробуждало, но прямо-таки внушало и любопытство, и доверие.

Помолчав, он добавил:

— Я знаю, почему вы его носите; я понимаю, что эта безделушка вызывает у вас весьма нежные воспоминания. И я бы никогда не попросил вас пойти на такое, если бы не знал, что будь тот, кого вы любите, сейчас здесь, он подписался бы под каждым моим словом, и...

— Гарри! — воскликнула Шарлота; голос ее дрожал. — Он сказал бы мне отдать кольцо вам?

— Я уверен в этом! По сути, ныне он призывает вас сделать это через меня!

На несколько мгновений воцарилась тишина. Шарлота, должно быть, была поражена до глубины души. Воистину можно было только дивиться тому, как легко было поверить голосу Авека. Я бы не особо поразился, если бы моя сестра...

— Господин Абек, — в голосе Шарлоты звучало колебание, почти сожаление. — Я... я бы хотела вам верить, но... но Гарри сам отдал мне кольцо, и я думаю... о, я уверена, что мой брат никогда на это не согласится!

— Всё ясно! — Непонятно как этому типу удалось полностью скрыть разочарование, даже если он его испытывал. Он ухитрился не обнаружить ничего, кроме искреннего сочувствия Шарлоте, когда сказал на прощание: — Если у меня будет возможность защитить вас, я это сделаю, мисс Фентон.

После того, как разговор окончился и я вернулся в комнаты, мы с Шарлотой пришли к выводу, что, возможно, нам стоило предложить какой-нибудь компромисс. Согласись мы на частичную уступку, он мог бы рассказать нам что-нибудь об этой тайне. Стоило поторговаться. Мы решили, если он еще раз попытается донести до нас то, что, на мой взгляд, было не более чем слегка завуалированной угрозой наказать нас за хранение камня, не только быть готовыми к любым его действиям, но и попытаться заманить его в ловушку и схватить.

В тот же день мы вернулись на Чаттертон-Плэйс. Внутри дома было слишком много доказательств того, что это место в прошлом служило сушей холостяцкой берлогой.

Первым делом надо было взяться за уборку. Мы наняли целую армию помощников и быстро, но тщательно прошли по обоим этажам. Подвал мы оставили нетронутым. А на следующий день бросили в бой маляров и обойщиков. Об этом стоит рассказать подробнее.

— Мистер Фентон! — окликнул меня главный маляр, орудовавший в гостиной. — Не могли бы вы подойти и посмотреть, что с этим делать?

Я прошел в комнату. Он указывал на дверь, ведущую в столовую. Внимание мастера привлекло пятно почти что прямо посередине — пятно размером примерно в пять дюймов шириной, а в высоту занимавшее всю деревянную панель. По форме оно отдаленно напоминало восьмиугольник.

— Я всё перепробовал, — сказал Джонсон (так звали маляра), — чтобы покрыть это пятно лаком, вот уже минут пять бьюсь. Но будь я проклят, если мне это по плечу!

Он показал, о чем идет речь. Со всех остальных сторон дверь блестела от свеженанесенного покрытия, но восьмиугольный участок оставался тусклым, как будто жидкость вообще его не касалась. Джонсон окунул щетку в банку и свободно мазнул лаком по этому месту. Вещество мгновенно исчезло.

— Чертова губчатая деревяшка! — выругался маляр, глядя на меня с сомнением. — Или... думаете, всё дело в пористости, мистер Фентон?

Вместо ответа я взял кисть и в свою очередь попробовал закрасить пятно. Это было всё равно что капать чернила на промокашку. Дерево впитало лакировку, как песок в пустыне впитал бы воду.

— В этой доске уже кварта лака наберется, — заметил Джонсон, когда я застыл в задумчивости. — Может, снимем ее и взвесим?

На то, чтобы отодрать дверь от стены, ушло меньше минуты. Прежде всего я внимательно проверил сделанный из дерева же косяк за ней, ожидая увидеть там следы лака — быть может, он просочился. Но ни намека на это видно не было. Потом я осмотрел обратную сторону двери, именно то место, что соответствовало странному пятну. Я думал обнаружить заметно расширившиеся поры в структуре сосновой доски. Однако обе стороны выглядели схоже: поверхность везде была совершенно однородной.

Повернув ее пятном к себе, я опять постарался замазать его, но исход оставался неизменным. В конце концов я взял банку и без колебаний вылил полторы кварты жидкости на этот небольшой парадоксальный участок.

— Ну, чтоб меня! — весьма громко заявил Джонсон.

Но, когда я поднял взгляд, то увидел, что лицо его побелело, а губы трясутся.

Его нервы были натянуты до предела. Чтобы дать его рассудку передышку, я отправил его за топориком. Когда он вернулся, лицо его уже было нормального цвета. Я попросил его держать сосновую доску прямо, а сам одним ударом всадил орудие в ее торец.

Она раскололась до середины. Одного резкого удара хватило, чтобы панель распалась на две половины.

— Ну? — безучастно спросил Джонсон.

— Совершенно обыкновенное дерево!

Я вынужден был признать, что выделить вещество, составлявшее загадочное пятно, из окружавшего его материала было невозможно.

Я отправил Джонсона за второй банкой лакировки. Кроме того, я попросил принести и другие жидкости, в том числе воду, молоко, чернила и машинное масло. И, когда маляр вернулся, мы провели воистину небывалые по своей дотошности испытания.

На тот момент мне уже было ясно, что мы имеем дело с проявлением феномена «Слепоего пятна». Мы вылили в общей сложности девять пинт жидкостей на участок площадью в около двадцать квадратных дюймов — только на края панели, так как трещина ничего не впитывала. И, по всей видимости, мы могли бы продолжать так бесконечно.

Десятью минутами позже я спустился в подвал, чтобы избавиться от кое-какого мусора (Шарлота не знала об этом изъёме в нашем домашнем хозяйстве). Снаружи светило яркое солнце, и, благодаря подвальному окнам, в искусственном освещении я не нуждался. А когда мой взгляд упал на пол прямо под гостиной, я увидел нечто такое, чего наверняка не мог заметить раньше.

По сути, подвал дома 288 по Чаттертон-Плэйс никогда не мог похвастать чем-либо интересным. Если не считать разделения, впервые за последние годы открытого Гарри Венделом и детективом Джеромом... если не считать этой

потайной двери, здесь совершенно не на что было обратить внимание. Точнее, было еще определенное количество изрытой земли — плоды отчаянных усилий Джерома выяснить, есть ли какая-то связь между «Слепым пятном», которое ему довелось наблюдать, и подвалом. Но работа лопатой не принесла ему ничего, кроме аппетита.

Однако здесь всё равно было слишком темно, чтобы я сразу мог понять, что именно обнаружил. Я постоял пару секунд, пока глаза привыкали к сумраку. Помимо того, что моя находка странно блестит, словно кусок стекла, и имеет почти что круглую форму, я больше ничего не мог о ней сказать.

Потом я наклонился и осмотрел ее поближе. В ту же секунду я почувствовал запах, которого раньше почему-то не замечал. Ничего удивительного: он был настолько смутным и неопишуемым, насколько это возможно. Казалось, кто-то смешал несколько разных ароматов, вообще между собой не сочетаемых.

В следующее мгновение меня озарило мыслью, что главная нотка мне вполне знакома. На самом деле я вдыхал ее всё утро напролет.

Но это не избавило меня от весьма странного чувства, когда я все же уяснил, что передо мной. По моим плечам пробежал холодок любопытства. Я едва дышал.

У моих ног расстилалась лужа, состоявшая из всего многообразия веществ, вылитых там, наверху, в то необъяснимое пятно на дереве!

XXI

ИЗ НИОТКУДА

Кроме только что описанного случая, когда несколько пинт весьма осязаемых субстанций непонятно как «материализовались» десятью футами ниже того места, откуда исчезли, в течение нашей первой недели на Чаттертон-Плэйс не произошло ничего, о чем стоило бы писать.

Судя по всему, предостережение Рамды так ни во что и не вылилось.

С другой стороны, за эту неделю нам удалось полностью преобразить старый дом. Он стал одним из самых примечательных мест в Сан-Франциско. Это в общей сложности стоило нам немалых денег, но я мог себе это позволить. У меня уже была та сотня тысяч, с которой, как я обещал себе и Гарри, я решил бы загадку «Слепого пятна». Именно для этой цели деньги и предназначались.

На седьмой день после той ночи, когда пропал Гарри, жильцов в доме стало больше на одного, ведь именно тогда Джером вернулся из Невады, куда ездил на две недели по делу.

— Ничуть не удивлен, — заметил он, когда я рассказал ему об исчезновении Гарри. — Жаль, что меня здесь не было. Этот плут, Рамда Авек — он за этим стоит?

Он невозмутимо грыз свою сигару, пока я рассказывал

ему всё, что знал. Потом, кратко выразив свое одобрение по поводу всего, что я изменил в доме, он перешел к делу:

— Вот что я вам скажу. Я немного заработал на этом невадском деле. Возьму еще один отпуск и доведу это до конца.

Мы пожали друг другу руки, и он въехал в свою старую комнату. На самом деле я был очень рад, что Джером с нами. Может, ему и не хватало общего университетского образования, но он был старше меня на пятнадцать лет и, будучи в силу своей профессии знаком с самыми разными людьми, отличался широким кругозором и сдержанностью суждений. Его не получилось бы запугать, он был храбр и, что важнее всего, сразу проявил жгучий интерес к оставленным Гарри записям.

Я был наверху, когда он разбирал вещи. Среди них я заметил большой, довольно тяжелый автоматический пистолет. В ответ на мой вопрос, намерен ли он воспользоваться им в этом деле, он кивнул.

— Однако же, — детектив принялся расстегивать жилет, — нынче я не так сильно полагаюсь на пушки, как когда-то. Этот Рамда, по моему убеждению — самая головоломная задачка из всех существующих. Он в силах преодолеть почти что любое сопротивление! — Джером знал, как этот парень одолел нас с Гарри. — Не удивлюсь, если окажется, что он в какой-то мере умеет читать мысли. Может быть, он может также предвидеть, что я собираюсь достать пистолет, и опередить меня, применив какое-то свое, невиданное ранее оружие.

Покончив с пуговицами жилета, Джером распахнул его, открыв любопытное изобретение, установленное на его

груди. Оно состояло из широкой металлической пластины, повязанной поверх рубашки; к пластине крепился растянутый плашмя механизм, позволявший одновременно стрелять из всех гнезд револьвера. Чтобы показать, как он работает, Джером вынул все пять патронов и повернулся ко мне лицом.

— Теперь велите мне поднять руки вверх, — скомандовал он.

А, когда я так и сделал, его ладони взметнулись в воздух и механизм был со стальным щелчком приведен в действие. Будь он заряжен, я бы уже превратился в решето, ведь стоял прямо перед ним. Меня пробрала дрожь, когда я заметил тонкие ремешки, что охватывали запястья Джерома и тянулись вверх по его рукавам. Они были размещены так, что капитуляция детектива означала бы мгновенную смерть для того, кто ее требовал.

— Может, это и не этично, Фентон, — спокойно произнес он, — но, когда имеешь дело с молодцом вроде Авека, лучше сначала стрелять, а потом спрашивать. И приготовления загодя тоже не повредят.

Я с этим не согласился. Я указал ему на то, о чем уже говорил выше: что, не считая кольца, Рамда — наш единственный ключ к загадке «Слепого пятна». Убьем его — уничтожим одну из двух ниточек, которые могут помочь спасти наших друзей от постигшей их немыслимой судьбы.

— Нет, — отрезал я. — Мы не хотим его убить — мы хотим его **ПОЙМАТЬ**. Пули не помогут. Однако я не имею ничего против того, чтобы вы начинили эту штуку патронами с химическими смесями, которые будут действовать

как газовая бомба. Стоит вам только его обездвигнуть и нацепить на него эти ваши наручники, мы посмотрим, насколько он будет опасен с руками за спиной!

— Понимаю, — задумчиво сказал он. — У меня есть знакомый химик, он сделает по моей просьбе парализующий газ в желатиновых капсулах. Если выстрелить такой в Рамду, при столкновении она разорвется. Мне особого вреда не будет, а вот его выведет из строя на достаточно долгий срок, чтобы украсить ему руки парочкой браслетов.

— Это мысль.

Но у меня были и свои соображения насчет того, как нам справиться с Рамдой. Удовольствовавшись мыслью, что просто силой и смекалкой его не возьмешь, я пришел к выводу, что он, и сам это зная, будет слишком внимателен, чтобы попасться в любую возможную ловушку.

Следовательно, если я хотел поймать этого человека и заставить его рассказать то, что мы желали знать, мне стоило прибегнуть к другому средству помимо физической силы. Более того, я не мог отказать ему в исключительной проницательности. Зовите это сверхчутьем или как вам угодно, но интеллект у этого парня был совершенно необыкновенный.

Решив раз и навсегда, что мне предстоит битва умов, я предпринял шаг, который на первый взгляд может показаться слегка диковинным.

Я нанес визит одной леди, которую назову Кларк, пусть это и не настоящее ее имя. Я целиком и полностью ей доверился. Когда имеешь дело с практикующим целителем, другого пути нет. И поскольку, как многим моим знакомым

в городе, ей доводилось слышать о необычной участи моих приятелей, равно как и о деле Холкомба, она с легкостью поняла, чего я хочу.

— Вот как, — она была погружена в размышления. — Вы хотите окружить себя влиянием, которое не столько защитит вас, сколько придаст сил и укрепит, где бы вы ни пересеклись с Авеком. Это будет нетрудно. Как далеко вы хотели бы зайти?

Так и был составлен план, предусматривавший сотрудничество с двадцатью ее коллегами или около того.

Мои друзья-инженеры могут скалить зубы, если хотят. Мне известно общепринятое мнение: что «власть разума над материей» существует только в голове пациента, что усилия целителей основаны на простом внушении и так далее. Но, думаю, даже самые безнадежные скептики согласились бы, что я поступил правильно, пытаюсь обеспечить себя любой поддержкой, которую мог найти, прежде чем скрестить мечи с человеком столь опасным, как Абек.

И тем не менее, прежде, чем появилась возможность задействовать мыслительный аппарат, пущенный в ход моими деньгами, произошло нечто такое, что чуть было не расстроило всё дело.

Был вечер того дня, когда я вернулся из дома мисс Кларк. После ужина у нас с Шарлотой было предчувствие, что что-то должно случиться. Мы все вышли в гостиную, сели и стали ждать.

Вскоре мы включили граммофон. Джером сел ближе всех к инструменту, чтобы, не вставая, дотягиваться до него и менять пластинки. Все мы помним выбранную нами

песню, которая играла в тот момент — то была «Я взбираюсь по горам», легкая сентиментальная песенка, исполняемая известным тенором. Уж конечно, эта вещица была далека от того, чтобы показаться печальной, загадочной или как-либо еще привлечь потусторонние силы.

Помню, мы поставили ее дважды, и певец как раз начал петь последний припев, когда Шарлота, находившаяся ближе всего к двери, резко зашевелилась и задрожала, словно от холода.

Я сидел возле двери в столовую, откуда мог выглянуть в холл. Движение Шарлоты натолкнуло меня на мысль, что дверь, возможно, приотворилась, пропустив внутрь сквозняк. Потом сестра рассказывала, что почувствовала, будто за спинкой ее кресла пронесся легкий ветерок.

В центре комнаты располагался длинный массивный стол, похожий на те, что обычно ставят в библиотеках. Над ним нависал начищенный до блеска медный канделябр, откуда вверх стремился свет от кучки электрических лампочек, так что комната была равномерно освещена рассеивавшимися с потолка лучами. То есть там не было теней, на которые можно было списать переполох.

Припев песни был почти закончен, когда я услышал идущий со стороны стола слабый звук, словно кто-то провел по полированной дубовой поверхности пальцами. Я прислушался — звук не повторился, по крайней мере, не настолько громко, чтобы я уловил его сквозь музыку. Однако в следующую секунду пластинка доиграла до конца. Джером наклонился, чтобы поставить следующую, а Шарлота открыла рот, словно собиралась предложить очеред-

ную песню на выбор. Но она так и не сказала, какую именно.

Сначала были радужные искры под потолком, менее чем в восьми футах над местом, где я сидел. У меня на глазах пятно расширялось, росло, а потом вспыхнуло. Его синева явно была родственна дымчатой синеве камня, вот только она больше напоминала огонь — огонь от электрического прибора. Затем из этого ослепительного облака света скорее спустилась, чем упала раскаленная, яркая как будто бы огненная нить. Она коснулась пола; она была словно какая-то необычная молния, неподвижно повисшая между потолком и полом на долю секунды. И всё это — в полной тишине.

А потом сияние растворилось, исчезло, точно кто-то задул его, как задувают свечу. А вместо него...

Стоял четвертый человек в комнате.

XXII

ВОЛНЕНИЕ РАССУДКА

То была девушка, но не Нервина, нет — эта девушка была совершенно иным человеком. Даже сейчас мне сложно описать ее. Как по мне, сказать, что она была воплощением невинности, чистоты и юности, всё равно значило бы оставить нераскрытой тайну ее прелести. Потому как эта незнакомка, появившаяся прямо посреди нас из ниоткуда, пленила меня своим восхитительным очарованием. Сначала я не почувствовал опасности, как, по собственному признанию, не почувствовал ее Гарри, когда подпал под чары Нервины.

Глядя на удивленное, смущенное лицо девушки, я признавал, что никогда не видел никого красивее, никого привлекательнее, никого, кто вызывал бы у меня меньше подозрений. Лишь позже я заметил ее удивительно нежную кожу, светлую под стать золотистым волосам, глаза глубокого синего цвета, округлое лицо и по-девичьи гибкую фигуру, а также ее похожую на мантию одежду из очень мягкой белой ткани. Потому что незнакомца почти сразу начала говорить.

Однако понять ее стоило нам огромнейших усилий. Она говорила, как мог бы говорить человек, проживший с десяток лет в полном одиночестве и внезапно оказавший-

ся перед необходимостью снова прибегнуть к языку. Тут я вспомнил, что Рамда Авек сказал Джерому, что он лишь НАЧИНАЕТ использовать язык.

— Кто вы? — таковы были ее первые слова, сказанные самым сладкозвучным голосом, который лишь можно себе представить. Но в ее поведении ясно читались страх и тревога. — Как... я... сюда... попала?

— Вы вышли из «Слепого пятна»! — заговорил я, нервно чеканя слова — слишком быстро, как я вскоре понял. Я повторил их медленнее. Но она все равно не поняла.

— «Слепое пятно», — она подумала над услышанным. — Что это?

В следующее мгновение, прежде чем я успел предупредить ее, комната задрожала от жуткого звона колокола «Слепого пятна». Лишь один оглушительный раскат — и тишина. В то же время светящееся пятно на потолке будто бы ожило, но потом, с последними отголосками колокола, сошло на нет.

Девушка испугалась так, что жаль было смотреть. Я вскочил на ноги и удержал ее одной рукой — пока «пятно» было открыто, я не смел этого сделать. Когда она покачнулась, одного прикосновения моих пальцев ей хватило, чтобы прийти в себя. Она с понимающим видом выслушала то, что я ей рассказал.

— «Слепое пятно», — я говорил с предельным участием в голосе, — это название, которое мы дали некоей загадке. Оно всегда сопровождается звуком, который вы только что слышали. Этот колокол звенит каждый раз, когда явление подходит к концу.

— А... это... явление, — ей было тяжело выговаривать слова, — что оно такое?

— Вы, — ответил я. — К этому моменту уже трое человек исчезли в «Слепом пятне». Вы — первая, кто на наших глазах появился из него.

— Хобарт, — перебила Шарлота, подходя ко мне. — Давай я.

Я сделал шаг назад, и Шарлота успокаивающе обвила рукой девичью талию. Вместе они направились к ее креслу.

Я заметил, как странно ходила пришелица — нетвердо, неуверенно, словно дитя, делающее свои первые шаги. Я взглядом спросил у Джерома, соответствует ли это тому, что он помнил о Рамде. Он ответил коротким кивком.

— Не бойтесь, — мягко сказала Шарлота, — мы — ваши друзья. В какой-то степени мы ждали вас и проследим за тем, чтобы вы никак не пострадали. Что бы вы предпочли: задавать вопросы или отвечать на них?

— Я... — девушка засомневалась. — Я... и сама... не знаю. Быть может... лучше будет... если вы... сначала спросите что-нибудь.

— Хорошо. Вы помните, откуда вы? Можете вспомнить, что произошло как раз перед тем, как вы очутились здесь?

Девушка беспомощно переводила взгляд с одного из нас на другого. Она словно искала какую-то подсказку. Наконец она беспомощно в отчаянии покачала головой.

— Нет, — говорить ей было уже самую малость легче. — Первое... что я помню... это вы трое... смотрящие на меня.

Вот это была задачка: подумать только, человек, который у нас на глазах воплотился из «Слепого пятна», ни-

чего не мог рассказать нам о нем! И все-таки этот провал в памяти мог быть лишь временным состоянием, вызванным особыми условиями, в которых она появилась — эдаким остаточным явлением своеобразного полуэлектрического явления. И, как оказалось, я был прав.

— Тогда, — предложила Шарлота, — возможно, вы хотите спросить что-нибудь у нас.

Глаза девушки перестали бегать и решительно, твердо остановились на моем лице. Она спросила, все еще с легкой дрожью:

— Кто вы? Как ваше имя?

— Имя? — растерялся я, будучи застигнут врасплох. — Ах... Хобарт Фентон. А это, — машинально продолжил я, — моя сестра Шарлота. Того джентльмена зовут мистер Джером.

— Рада познакомиться, Хобарт, — с безупречной простотой и очевидной охотой ответила она, — и с вами, Шарлота, — она обняла мою сестру за шею, — и с вами... Мистер.

Судя по всему, она решила, что обращение «мистер» — это имя Джерома.

Затем она произнесла, снова взглянув на меня:

— Почему вы так на меня смотрите, Хобарт?

Так и сказала! Я почувствовал, что мои щеки попеременно обдает то жаром, то холодом. На какое-то мгновение меня охватила беспомощность, а потом я решил не уступать ей в прямоте и откровенности.

— Потому что смотреть на вас — одно удовольствие! — выпалил я. — Мне еще никогда не доводилось смотреть на что-то столь же прекрасное!

— Я рада, — молвила она, просто, без следа смущения или негодования. — Я знаю, что мне, пожалуй, нравится на вас смотреть... тоже.

Еще одно изумленное молчание. И на этот раз я не заметил никаких перепадов в температуре своего лица — я был слишком занят, изучая глубины этих теплых синих глаз.

Она не покраснела, даже не опустила взора, но улыбнулась мягкой, робкой улыбкой, выдававшей истинное чувство, которое пряталось за ее невозмутимым взглядом.

Вздвогнув, я пришел в себя, подвинул свой стул так, чтобы сидеть напротив нее, и твердо взял ее руки в свои. Тут моя решимость чуть было меня не оставила. Какими же теплыми, мягкими и совершенно восхитительными они оказались!..

Я сделал глубокий вдох и заговорил:

— Моя дорогая... Как, кстати, ваше имя?

— Я... — задумавшись на секунду, с сожалением ответила она, — я не знаю, Хобарт.

— Разумеется, — кивнул я, словно это было нечто совершенно обыденное. — Придется снабдить вас именем. Есть предложения?

Шарлота размышляла не дольше секунды.

— Давайте назовем ее Ариадной. Мать Гарри так зовут.

— Верно. Отлично! Вам нравится это имя... Ариадна?

— Да, — с радостью и облегчением ответила она. В то же время она казалась странно озадаченной, и я видел, как она беззвучно шевелит губами, повторяя имя про себя.

Я ни на мгновение не выпускал из рук этих чудесных пальцев.

— Я хочу, чтобы вы знали, Ариадна, что попали в мир, который, возможно, в той или иной мере напоминает только что вами покинутый. Я не ведаю, совпадают ли эти миры или нет, однако между ними есть связь — и вам каким-то образом, пока не совсем понятным, удалось перенестись в это место... Это — комната, она является частью дома. Снаружи — улица. Это одна из сотен улиц огромного города, который состоит из великого множества таких домов и прочих, куда больших по размеру строений. И все эти здания построены на твердой материи, которую мы называем грунтом или землей. К слову, поразительно, что вы понимаете наш язык! Судя по всему, вы либо унаследовали чьи-то тело и разум, либо ваше собственное тело приспособилось для жизни здесь. К сожалению, мы еще слишком мало знаем об этом феномене... В любом случае, вы наверняка понимаете, что я имею в виду под словом «земля». Понимаете?

— О да, — живо ответила она. — Мне кажется, я понимаю все, что вы говорите, Хобарт.

— Тогда в вашем сознании наверняка есть соответствующая картинка для каждого понятия, которое я упоминаю?

— Наверное, — уже не так решительно промолвила она.

— Что ж, — начал я, надеясь всё прояснить, — эта земля имеет форму огромного шара; его часть покрыта другим веществом, которое мы называем водой. Для тех частей, которые этим веществом не покрыты и могут служить опорой для строений, составляющих города, у нас есть еще одно имя. Можете это имя назвать?

— Континенты, — она даже не колебалась.

— Чудесно! — это было хоть какое-то начало. — Мы скоро заставим вашу память работать! Однако же вот что я хотел на самом деле сказать: каждый из этих континентов — а их несколько — населен людьми, более или менее похожими на нас. В общей сложности их неисчислимое количество. Они делятся на мужчин и женщин, вот как мы... правда, вы, кажется, воспринимаете это как должное, и всех их вы найдете чрезвычайно интересными. И, говоря откровенно, — я наконец выпустил ее руки, — вы должны понимать, что среди людей, которых вам еще только предстоит встретить, найдется немало таких, кто гораздо... ну, гораздо привлекательнее, чем я. Вам также стоит знать, — я даже отвел глаза, — что не все они так же дружелюбны, как мы. Вы столкнется и с враждебно настроенными личностями — они, возможно, захотят воспользоваться... так сказать, вашим простодушным представлением о мире. Если вкратце, — настойчиво продолжал я, — вы обязаны прямо сейчас запомнить, что нельзя безоговорочно открываться людям. Вам следует выработать привычку быть осторожной в своих суждениях, ждать, пока не получите больше сведений, прежде чем составлять свое мнение об окружающих. Это необходимо для вашей же безопасности, исключительно ради вашего блага.

Договорив, я умолк.

Она, казалось, обдумывала все сказанное мной, после чего заметила:

— Звучит разумно. Я уверена, откуда бы я ни прибыла, этот совет мне там пригодился бы. Однако, — она улыбнулась мне, и я не могу описать эту улыбку иначе как ласко-

вую, — в вас я не сомневаюсь, Хобарт. Я знаю, что у меня нет никаких причин вас опасаться.

И прежде, чем я успел опомниться от блаженства, в которое меня повергли ее слова, она повернулась к Шарлоте:

— Шарлота, я убеждена, что и вам могу доверять.

Но, взглянув на Джерома, она заметила:

— Вам я тоже могу верить, Мистер — почти так же, но все-таки не до конца. Если бы вы не сомневались в моей честности, я могла бы доверять вам полностью.

Джером побелел. Он заговорил впервые с момента появления девушки:

— Как... как вы узнали, что я сомневаюсь в вас?

— Не могу объяснить — я и сама не знаю! — Немного помолчав, она тоскливо добавила: — Я хотела бы, чтобы вы оставили сомнения, Мистер. Мне нечего от вас скрывать.

— Знаю! — взволнованно, признавая свою вину, выпалил Джером. — Теперь я это знаю! Вас не в чем подозревать, и отныне я в этом убежден!

Она вздохнула с нескрываемым облегчением и протянула одну руку Джерому. Он принял ее так, словно это было яйцо колибри, и покраснел почти до пурпурного оттенка. В это самое мгновение честная, ретивая мужественность, что питала его профессиональную сущность детектива, дала себя знать впервые за все время нашего знакомства. С того момента он был предан этой девушке, как самый любящий из отцов.

Что ж, нет нужды излагать в подробностях все, что было сказано в течение следующего часа. Мало-помалу мы увеличивали круг знаний нашей гостьи о мире, в котором она

очутилась, и мало-помалу же в ее сознании разворачивались соответствующие образы места, откуда она пришла. И когда ради эксперимента мы вывели ее на крыльцо и показали звезды, то были глубоко удивлены тем, как она на них отреагировала.

— О! — воскликнула она в искреннем восторге. — Я знаю, что это! — Теперь она говорила уже вполне уверенно. — Это звезды! Но... они выглядят иначе... Их очертания не такие, какими я привыкла их видеть. Но это точно они и ничто иное!

ОЧЕРТАНИЯ НЕ ТАКИЕ! Я решил, что это очень значимое обстоятельство. О чем оно говорит?

— Взгляните, — я указал ей на созвездие Льва — оно находилось в зоне эклиптики, так что его было хорошо видно и с северного, и с восточного полушарий, — вам это знакомо?

— Да, — решительно ответила она. — То есть общее расположение, а не вид отдельных звезд.

То же самое было и со всеми остальными небесными светилами. Ничто не было знакомо ей точь-в-точь, однако она заверила нас, что не могла бы спутать звезды ни с чем другим. Это знание было живо в ее памяти, но его было невозможно объяснить, равно как не было ни малейшей догадки, почему они выглядят иначе.

«Возможно ли, — про себя подумал я, — что она — пришельца с другой планеты?»

Ведь нам известно, что небо, если смотреть на него с любой планеты этой солнечной системы, будет выглядеть практически одинаково, но с планеты, вращающейся вокруг любой другой звезды, форма созвездий будет так или

иначе отличаться из-за огромного расстояния. Что касается различий во внешнем виде звезд, то его можно было списать на разные составы атмосфер.

— Ариадна, может статься, что вы прибыли с другой планеты!

— Нет, — она, кажется, вполне сознавала, что противоречит мне. Надо отметить, в ее манере говорить напрямую не было ничего обидного. — Нет, Хобарт. Я слишком отчетливо ощущаю себя дома, чтобы быть родом из любого другого мира, кроме этого.

Это на время выбило меня из колеи. Как это было возможно, что она, настолько несведущая во всех прочих вопросах, на этот счет была так уверена? Этому не было объяснения.

Мы вернулись в дом. Мой взгляд случайно зацепился за граммофон, и я подумал, что было бы неплохо проверить ее знания в этой области.

— Этот прибор кажется вам знакомым?

— Нет. Для чего он?

— Вы понимаете значение слова «музыка»?

— Конечно, — мгновенно просияла она, — вот это — музыка, — и она без всякого стеснения принялась петь чистым приятным сопрано, порадовав нас припевом песни «Я взбираюсь по горам!»

— Боже милостивый! — воскликнула Шарлота. — Что это может значить?

На мгновение меня озарило догадкой. Я озвучил ее:

— Должно быть, она бессознательно помнит, что звучало здесь незадолго до ее появления.

Чтобы доказать это, я выбрал инструментальный отрывок, который мы не ставили в тот вечер. Это было окончание увертюры к «Фаусту» — кстати говоря, любимейшая вещьца Гарри и одна из моих. Ариадна прослушала ее до конца.

— Кажется, я слышала нечто похожее раньше, — медленно проговорила она. — Мелодию, а не... инструменты. Но это напоминает мне что-то, что я очень люблю.

Тут она снова начала петь. В этот раз ее голос звучал тверже, более выразительно, а что касается композиции... все, что я могу сказать: в ней были ясно различимы дикий, яростный звон, напоминавший «Людей Харлека», вот только ноты не соответствовали хроматической гамме. ОНА ПЕЛА В СОВЕРШЕННО ДРУГОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ.

— Боже мой! — воскликнул я, когда она закончила. — Вот это уже ЧТО-ТО! Мы впервые слышали подлинное порождение «Слепого пятна»!

— Ты имеешь в виду, — взволнованно сказала Шарлота, — что к ней наконец вернулась память?

Ответила сама девушка. Она вскочила на ноги, и лицо ее преобразилось восхитительной радостью. В то же мгновение она поспешно заморгала, словно пытаясь отстраниться от того, что ее поразило.

— О, я помню! — она почти плакала от радости. — Теперь мне всё ясно! Я знаю, кто я!

XXIII

И СНОВА РАМДА

Я чуть было не завопил от радости. Мы вот-вот узнаем что-то о «Слепом пятне», что-то, что поможет спасти Гарри, Чика и профессора!

Ариадна явно понимала, как много зависит от того, что она собиралась нам рассказать. Она неторопливо села и подперла рукой подбородок, словно решая, как лучше выразить нечто весьма труднообъяснимое.

Что касается меня, Шарлоты и Джерома, нам каким-то образом удалось осадить свое нетерпение и сохранять молчание. Но мы не могли воздержаться от более или менее любопытных взглядов в сторону нашей гостьи. Вскоре я осознал это, встал и принялся тихо ходить по комнате, словно задумавшись о чем-то своем.

И это было недалеко от правды. Я пришел к совершенно поразительному выводу: я, Хобарт Фентон, влюбился! Более того, этот сердечный недуг поразил меня, мужчину очень крепкого, точно так же, как поражает людей слабых, — внезапно и беспощадно. Только что я был здоров и независим, собирался провести научное исследование, а единственным проявлением способности к возможным сантиментам была моя вполне естественная любовь к сестре и старому другу — и тут на собственных же глазах ме-

ня вот так вот сразило! А хуже всего было то, что ощущение мне **ПРАВИЛОСЬ**. И мне было совершенно всё равно, что влюбился я в девушку, немногим отличавшуюся от призрака. Она пришла ко мне из тайны и в тайну же могла уйти. Еще только предстояло выяснить, из каких краев она прибыла!

Но это не имело значения! Она была **ЗДЕСЬ**, в одном со мной доме; я держал ее за руки; уже тогда я знал, что она **НАСТОЯЩАЯ**. И когда я подумал, что она может исчезнуть так же необъяснимо, как и появилась... ох, признаюсь, я побледнел. И в то же время я был в одном уверен: я больше никогда не полюблю другую женщину.

Эта мысль отрезвила меня. Я прекратил шагать и посмотрел на нее. Словно в ответ на мой взгляд она подняла глаза и улыбнулась так нежно, что мне понадобились все силы, чтобы не броситься к ней и не обнять.

Я поспешно отвернулся и, чтобы скрыть свое смущение, принялся мурлыкать себе под нос мелодию из уже упомянутой части «Фауста». Я пропел его весь до конца и начал заново, когда внезапно услышал, как девушка воскликнула:

— О, так вот оно что, Хобарт!

Я обернулся и увидел ее лицо, исполненное внезапного света.

— Хобарт, — повторила она так, как произносят имя кого-то очень дорогого сердцу. — Эта... эта музыка, что ты напевал! Я ведь вчера слышала, как Гарри Вендел напевает то же самое!

Думаю, мы выглядели ужасно глупо, все трое — мы только и могли, что, разинув рты, недоверчиво смотреть на

это удивительное создание, огорошенные ее не менее удивительными словами. Она тут же изо всех постаралась заглаживать произведенное впечатление.

— Не уверена, что могу объяснить понятно, — сказала она, нерешительно улыбаясь, — но, если вы задействуете свое воображение и попытаетесь заполнить пробелы в том, что я вам скажу, возможно, вы получите четкое впечатление о том, откуда я явилась и где сейчас Гарри.

Мы подались вперед, полностью обратившись в слух. Никогда не забуду трогательной сосредоточенности на лице бедной Шарлоты. Для нее это, наверное, значило больше, чем для кого-либо другого.

В эту же секунду я услышал какой-то шум. Это был звук, словно кто-то стучал, а точнее — изо всех сил колотил в дверь. Нахмурившись из-за того, что нас прервали, я, идя на звук, вышел из столовой в кухню. И я был немало озадачен, обнаружив, что удары сыпались на дверь в подвал.

Я заходил в подвал последним и запер дверь (вероятно, в силу привычки), оставив ключ в замке. Он все еще был там. А попасть в подвал можно было только одним путем — через эту дверь и никак иначе.

— Кто там? — сурово окликнул я.

Мне не ответили — только снова забарабанили в дверь.

— Что вам нужно? — уже громче поинтересовался я.

— Откройте эту дверь! — последовал приглушенный ответ.

Голос было не узнать. Я немного постоял, быстро соображая, потом крикнул:

— Погодите минутку, я возьму ключ!

Я подал знак Шарлоте. Она на цыпочках подошла ко мне. Я прошептал что-то ей на ухо, и она проскользнула на кухню, чтобы позвонить мисс Кларк и предупредить, чтобы она немедленно оповестила своих коллег. Таким образом, открывая дверь, я был обнадежен знанием, что мне помогают общие умственные силы десятка весьма развитых интеллектов.

Я был не очень удивлен, когда секунду спустя увидел, что незваным гостем был Рамда Авек. Стоило ли ожидать кого-то другого?..

— Как вы там оказались? — требовательно спросил я. — Неужели вы не понимаете что можете быть арестованы за вторжение в частную собственность?

Я сказал это, чтобы просто начать разговор, но мои слова вызвали лишь легкую улыбку на лице нашего мнимого друга, не пробуждавшего у нас никаких других чувств, кроме недоверия и страха.

— Давайте не будем тратить время на мелочи, Фентон, — мягко ответил он и смахнул ниточку паутинки со своего пиджака. — К этому моменту вам стоило бы уяснить, что ко мне не стоит относиться как к обычному человеку.

Я ничего не сказал, когда он, не спросив моего разрешения и не ожидая, пока я сам приглашу, шагнул в столовую, а оттуда — в гостиную. Я следовал за ним, борясь с искушением сбить его с ног ударом сзади; меня сдержало скорее осознание того, что он нам еще нужен, чем какие-либо человеческие чувства. Очевидно, он знал это не хуже моего, так что держался вполне непринужденно.

И вот он предстал перед Джеромом и Ариадной. Детектив, издав одно-единственное восклицание, незаметно при-

поднял рукава пиджака. Он собирался пустить в ход свое адское нагрудное ружье. Что же до Ариадны, то она воззрилась на вновь прибывшего с явным изумлением.

Когда Шарлота возвратилась мгновение спустя, она выразила лишь весьма сдержанное удивление. Молча вернувшись на свое место, она молча же повернула руку так, что камень засиял на виду у нашего гостя. Но он лишь мельком взглянул на нее и на камень, после чего уставился на нашу новую подругу. К моему беспокойству, Ариадна теперь не сводила с него глаз, и лицо ее выражало смесь смятения и неясного страха. Это не могло быть вызвано исключительно его необычной внешностью: нельзя было отрицать, что это юное, хоть и обрамленное седыми волосами лицо с благородным, учтивым выражением выглядело еще моложе, чем когда-либо ранее. Нет, волнение девушки было глубже, острее. Я почувствовал безотчетную тревогу.

Рамда перевел взор с Ариадны на меня, потом — обратно. Его губы на миг скривила удовлетворенная улыбка. Он почти незаметно кивнул и, неотрывно глядя ей в глаза, беззаботно спросил:

— В какое из этих кресел мне сесть, Фентон?

— Сюда, — мгновенно ответил я, указав на только что освобожденное мною место.

Продолжая улыбаться, он выбрал кресло, стоявшее на пару футов в стороне.

Я поздравил себя. Да, этот человек меня пугал, но ничего сверх этого он мне внушить не смог! Иными словами, каким бы исключительно умным и до сих пор неуловимым он ни был, быть всемогущим у него никак не получалось.

— Специально для вас, мистер Джером, позволю себе заметить, что я звонил мисс Фентон и ее брату пару дней назад и пытался убедить их отказаться от решения жить в этом доме или попыток разгадать тайну, о которой вам уже известно. И я предсказал, мистер Джером, что их отказ внять моему совету может стать причиной событий, которые подтвердят мою правоту. Они, как вам известно, отказались, и сегодня я здесь, чтобы воззвать к ним в последний раз, дабы они могли избежать последствий своего упрямства.

— Ах вы, мошенник! И чем дольше я смотрю на вас, Абек, тем легче мне понять, почему они дали вам от ворот поворот!

— Так, значит, и вы настроены против меня. Не могу этого понять. Мои побуждения, уверяю вас, совершенно прозрачны.

— Да ну! — саркастично заметил я и украдкой посмотрел на Ариадну — ее взгляд, задумчивый, увлеченный, но все еще не лишенный страха, был прикован к лицу Рамды. Нужно было как-то ее отвлечь.

Я позвал ее по имени. Она не повернула головы, не ответила. Я повторил громче:

— Ариадна!

— Что такое, Хобарт? — очень мягко произнесла она.

— Ариадна, этот господин располагает немалым количеством сведений о местности, из которой вы прибыли. Он представляет для нас интерес, так как мы уверены что, будь на то его воля, он мог бы рассказать нам о наших друзьях... о том же Гарри Венделе... Почему бы не раскрыть сразу все

карты? В любом случае, Рамде наверняка об этом известно. И, как он сам только что сказал, он пытался не дать нам узнать ответы на интересующие нас вопросы. Мне кажется, Ариадна, что он должен быть тебе знаком. Но, видимо...

Она едва заметно покачала головой. Я продолжил:

— Ему нравится называть свое предупреждение предсказанием, но, на наш взгляд, угроза она угроза и есть. На самом деле ему нужно это кольцо.

В течение предыдущего часа Ариадна уже пару раз бросала на кольцо любопытные взгляды. Сейчас она пошевелилась, вздохнула и уже собиралась было перевести взор с Рамды на кольцо, когда он заговорил снова. На этот раз его голос звучал острее бритвы:

— Я получаю мало удовольствия от того, что меня неверно понимают, а еще меньше — от того, что представляют не тем, кто я есть, мистер Фентон. В то же время, раз уж вы сочли уместным описать меня столь нелестными словами, думаю, я изложу то, что должен сказать, как можно более прямо, чтобы не было никаких неясностей. Если вы не покинете этот дом или не отдадите кольцо **СЕЙЧАС ЖЕ**, то наверняка будете жалеть об этом всю оставшуюся жизнь!

Уголком глаз я заметил, как Джером медленно повернулся в своем кресле, так что теперь он смотрел прямо на Рамду. Его руки были готовы резко взметнуться вверх и, как я знал, тем самым выпустить в нашего гостя удушающий газ.

Что до моей сестры, то она просто повернула кольцо так, что камень больше не был направлен в сторону Рамды; другой рукой она крепко сжала руку Ариадны.

Авек сидел, прижав обе руки к подлокотникам кресла. Его пальцы нервно, но легко барабанили по дереву. Потом они внезапно замерли.

— Ваш ответ, Фентон, — голос его звучал по обыкновению мягко. — Я не могу больше давать вам отсрочки.

Мне не было нужды советовать с Шарлотой или Джеромом. Я знал, что они скажут.

— Я с радостью вам отвечу. И мой ответ... нет!

Произнося это последнее слово, я пристально смотрел в глаза Рамды. Он же, в свою очередь, смотрел на Ариадну. И в то же мгновение на его лице мелькнуло выражение, похожее на смесь тревоги и сожаления.

Мой взгляд метнулся к Ариадне. Ее глаза были закрыты, лицо залито румянцем — казалось, она задыхается. Она издала странный приглушенный звук — то ли вздох, то ли крик.

В это ж время руки Джерома взмыли в воздух. Комната содрогнулась от оглушительного выстрела его нагрудного ружья. И каждая пуля попала в Рамду и разорвалась.

На его лице отразилось глубокое изумление. Он смерил Джерома быстрым взглядом. Потом его ноздри болезненно сморщились, когда газ атаковал легкие.

Еще секунда — и вот уже мы все почувствовали головокружение от ядовитых испарений. Джером подался к окну, распахнул его, после чего снова рухнул в свое кресло. А когда он обернулся... то вместе со мной и Шарлотой стал свидетелем чего-то необыкновенного. Вместо того, чтобы поддаться воздействию газа, Рамда Авек каким-то образом взял себя в руки. И, пока мы все были слишком ослаблены,

чтобы двигаться или говорить, он нашел в себе силы и на то, и на другое.

— Я же вас прямо предупредил, Фентон, — словно ничего особенного и не случилось, обронил он. — А теперь поглядите, до чего вы довели бедное дитя!

Я мог лишь бездумно повернуть голову и посмотреть на бесчувственное тело Ариадны.

— И как всегда, Фентон, виноватым у вас буду я. Ничего не поделаешь. Однако у вас все еще есть возможность раскаяться в собственной глупости и избежать жуткой участи. Вы играете с ужасными силами. Если одумаетесь, просто следуйте этим инструкциям, — он положил на стол карточку, — и я посмотрю, что смогу для вас сделать. Желаю вам всем доброй ночи.

С этими словами, остановившись только для галантного поклона Шарлоте, Рамда Авек развернулся и неторопливо, с достоинством покинул комнату, а двое мужчин и женщина беспомощно смотрели ему вслед и никак не мешали уйти с миром.

XXIV

ЖИВАЯ СМЕРТЬ

Первым делом, как только свежий воздух немного привел нас в чувство, мы занялись Ариадной. Она все еще лежала без сознания, очень бледная и до тревожного обмякшая. Я поднял ее и отнес в соседнюю комнату, где стоял диван, пока Джером пошел за водой, а Шарлота — за нюхательными солями.

Ничто из этого не помогло. Ариадна, казалось, едва дышала: ее сердцебиение с трудом можно было почувствовать, и на такие меры, как легкие пощечины или пощипывание, она не отвечала.

— Нам лучше вызвать врача, — сказала Шарлота и направилась к телефону.

Я поднял оставленную Рамдой карточку. В ней было лишь его имя — и еще одно слово: название утренней газеты. Очевидно, он имел в виду, чтобы мы дали объявление в газету, как только будем готовы капитулировать.

«Не так быстро!» — решили мы все втроем, обсудив эту мысль. Потом мы как только можно терпеливо прождали пятнадцать минут, прежде чем телефонный звонок дал результаты.

После чего приехал доктор Хансен, который, как вы можете помнить, был весьма осведомлен о подробностях ис-

чезновения Чика Уотсона. Он произвел быстрый, но очень тщательный осмотр.

— Налицо все признаки легкого электрического удара. Что стало причиной, Фентон?

Я рассказала ему. Его глаза сузились, когда я упомянул Авека, а потом расширились от потрясения и недоверия, когда я описал необъяснимое впечатление, произведенное этим человеком на девушку, и его странную невосприимчивость к ядовитому газу. Но доктор больше ничего не спрашивал об этом деле и сразу попробовал применить несколько тонизирующих средств. Всё было бесполезно. Напоследок он даже прибегнул к тому, что наспех соорудил электрический приборчик, используя для этого имевшиеся у меня наверху катушки, и попытался оживить девушку с его помощью. Опять же бесполезно.

— Господи, Хансен! — наконец не выдержал я, когда он, явно сбитый с толку, отступил. — Ее просто НЕОБХОДИМО привести в чувство! Мы не можем позволить ей стать жертвой этой дрянной силы, что бы она из себя ни представляла!.. Как насчет переливания крови? — с жаром спросил я, как только меня посетила эта мысль. — Я в отличном состоянии. Что насчет этого? Попробуем, док!

Он медленно покачал головой и, один раз изучающе посмотрев мне в глаза (где наверняка прочитал больше, чем услышал из моих слов), с сожалением ответил:

— Это работа для специалиста, Фентон. С учетом всех обстоятельств я бы сказал, что проснуться ей не дает сугубо состояние разума. Но происходит оно от психических или физических причин — не могу сказать.

Если вкратце, то он не готов был рисковать, идя на какие-либо крайние меры, пока не будет вызван специалист по работе мозга.

Я во многом доверял Хансену. Его слова звучали разумно, так что мы согласились пригласить доктора Хиггинса — кстати, того самого человека, который не успел добраться до этого же дома и спасти Чика в ту памятную ночь год назад.

Он осмотрел пациентку быстро и с внушающим доверие знанием дела. Он предпринял то же, что и Хансен до него, затем взял у него показатели кровяного давления и другие результаты обследования, а также попросил нас рассказать всё, что мы успели узнать об умственном состоянии Ариадны. Тут же Хиггинс сделал вывод:

— У молодой женщины временное отмежевание мозговых центров. Ее головной мозг не взаимодействует с мозжечком. Иными словами, ее рассудок, не имея возможности выразить себя, на какое-то время впал в бездействие, словно во сне. Однако это не обычный сон, который вызывает истощение нервных каналов. Состояние этой девушки есть результат сильного потрясения и, поскольку следов физического насилия нет, напрашивается вывод, что потрясение было умственным. В этом случае она будет и дальше пребывать в таком состоянии, пока не произойдет одно из двух: либо подобное по силе потрясение вернет ее обратно в реальность (а я не вижу, как это можно сделать, Фентон, разве что вы сумеете заставить человека, которому приписываете связь с этим делом, сотрудничать), либо же она сама очнется через неопределенное время.

— Неопределенное время! — воскликнул я, чувствуя за этими словами нечто зловещее. — Вы хотите сказать...

— Что метода лечения пациента в таком состоянии не существует. Это можно назвать психическим оцепенением. Говоря откровенно, Фентон, если этот человек не вернет ее к жизни, то она, скорей всего, останется без сознания до самой смерти.

Я вздрогнул. Что же за ужас вторгся в нашу жизнь, чтобы омрачить ее вероятностью такого будущего?

— И что же... нет никакой надежды, доктор Хиггинс?

— Очень слабая, — мягко, но решительно заметил он. — Всё, что я могу сказать вам наверняка: она не умрет сразу. Судя по общему состоянию ее здоровья, она проживет по меньшей мере семьдесят два часа. После этого... вам стоит ждать худшего в любую секунду.

Я быстро отвернулся, чтобы он не видел моего лица. Какой ужас! Если бы Рамда только каким-то образом нам попался...

Я отыскал Джерома и сказал ему:

— Джерри, видимо, всё зависит от нас с тобой. Хиггинс дал нам три дня. Послезавтра утром, если к тому времени мы ничего не добьемся, придется сдать и дать это объявление в газету. Но я не собираюсь этого делать, Джерри! Не до того, как испробую любую другую возможность!

— Что ты думаешь предпринять? — спросил он.

— Нужно покорпеть над кольцом. Я дурак, что не занялся им раньше. Что касается остального, то тут ты решаешь! Сядь Рамде на хвост как можно скорее и уже не теряй его! При первом же удобном случае обыщи его комнату и вещи

и принеси мне все, что найдешь. Мы должны узнать правду о том, что связывает его с этим кольцом.

— Ладно. Но не забывай об этом, — он указал на необъяснимое пятно на двери. — У тебя тут есть важная зацепка, которая только и ждет, чтобы ее проверили.

Он сходил за своей шляпой и покинул дом. Напоследок он пообещал, что мы не увидим его, пока он не разузнает что-нибудь о нашем приятеле.

В пять часов следующего утра мы с сестрой уже были на ногах и ужасно заняты. Конечно, львиную часть времени она тратила на уход за Ариадной. Бедной девушке не стало ни на йоту лучше; слабым утешением для нас служило уже то, что и хуже она не выглядела. С ее губ не срывалось ни звука, глаза были закрытыми. Она не подавала признаков жизни, если не считать едва уловимого дыхания. Мне становилось дурно от одного взгляда на нее, такую близкую и в то же время такую до жути далекую.

Но когда у Шарлоты выпадала свободная минутка, она оказывала мне существенную помощь в моих изысканиях. Одна оказываемая ею огромная услуга уже упоминалась: она, не снимая, носила кольцо, тем самым избавляя меня от необходимости беспокоиться за него. Я очень осторожно следил за тем, чтобы не держать его при себе более нескольких минут за раз.

Прежде всего, я принялся в строгом порядке составлять список свойств камня. Я собрал воедино непостоянную природу его бледно-голубого цвета, способность отображать тех, кто исчез в «Слепом пятне», его превосходную твердость в сочетании с необыкновенной легкостью, то, что

он отдает холодом в мужской руке и теплом — в женской, и, наконец, его способность вызывать (думаю, это подходящее слово) звуки неизвестно откуда. Это последнее качество можно назвать бессистемным или случайным, тогда как остальные постоянны и устойчивы.

Итак, к этому списку я вскоре мог добавить также, что камень не обладал никакими радиоактивными свойствами, которые можно было бы выявить обычными методами. Только когда я начал проводить любительские химические опыты, удалось кое-что выяснить.

Поместив камень под стеклянный колпак и удалив отсюда как можно больше воздуха, я тем самым расчистил пространство для других газов и таким образом обнаружил следующее: камень может впитать любое количество газообразного водорода! В этом плане он ведет себя так же, как то любопытное место на двери. Вот только он впитывает в себя газ, а не жидкость, и далеко не любой газ, точнее — никакой, кроме водорода.

Очевидно также, что этот камень не может на самом деле вбирать в себя столько вещества с тем, чтобы потом хранить его в себе. Это доказывает простое взвешивание после опыта: его вес остается неизменным в любых обстоятельствах. Более того, в отличие от жидкостей, которые я вылил в дерево и потом обнаружил в подвале, газ не выпускается обратно в воздух. Я держал его под колпаком достаточно долго, чтобы не сомневаться в этом. Нет, водород, по всей видимости, перемещается в «Слепое пятно».

Не в силах ничего больше узнать о камне на тот момент, я принялся обследовать дверь. Я решил попытаться узнать

точную толщину слоя, который впитывал жидкость. Для этого я соскреб «корочку» с потемневшего от времени дерева. Этот слой достигал две сотых дюйма в толщину, и... это и было общее количество активного вещества!

Я подверг эти счищенные крупницы целому перечню опытов. Они не сказали мне ничего важного. Лишь одна обнаруженная мною особенность достойная упоминания: если поднести немного этого вещества к камню Холкомба (допустим, на расстояние двух дюймов), оно загорается пламенем. Это просто яркий, розоватый огонь, какой бывает от бездымного ружейного пороха. Пепла не остается. С тех пор мы тщательно следим за тем, чтобы не подносить кольцо к оставшейся части доски.

Всё это произошло в первый же день, когда Ариадну настиг удар. Джером звонил, чтобы сказать, что он задействовал с дюжину частных детективов и надеется разузнать что-нибудь о Рамде в любой час. Доктор Хансен и доктор Хиггинс наведывались дважды, но не смогли обнаружить никаких улучшений или вообще каких-либо перемен в состоянии их пациентки.

В тот вечер мы с Шарлотой пришли к решению, что не можем больше ждать. Мы должны были сдать Рамде. Я вызвал курьера и отправил рекламное объявление в газету, которую указал Абек. Дело было сделано. Мы капитулировали. Дальше будет звонок от торжествующего Рамды, и в этот раз нам придется отдать ему камень, если хотим спасти Ариадну. Игра была окончена.

Но вместо того, чтобы воспринимать происходящее философски, я беспокоился об этом всю ночь. Я снова и сно-

ва корил себя в глупости — ни к чему было раздумывать о чем-то, чего нельзя изменить. Почему бы не выбросить это из головы и не попробовать уснуть?..

Но почему-то я не мог. Я лежал без сна даже после полуночи, чувствуя, что волнуюсь все сильнее и сильнее. В конце концов, напряжение достигло такой степени, что я встал и оделся. На часах было полвторого, когда я вышел на улицу, чтобы пройтись.

Полчаса спустя я вернулся, вдоволь надышавшись свежим воздухом и надеясь, что теперь смогу забыться. Надежда не оправдалась. Никогда я не чувствовал себя бодрее, чем тогда.

На еще одну прогулку я вышел около трех. Казалось, я совершенно неустойчив.

Каждый раз, когда я возвращался домой, то чувствовал себя еще сильнее, еще бодрее, чем до этого. Наконец я совсем отказался от мысли о сне, возвратился в дом, оставил Шарлоте записку, а потом отправился на набережную и смотрел, как корабли ловят удачный прилив. Что угодно, лишь бы скоротать время.

И так получилось, что я вернулся домой только в восемь часов — в это время на Чаттертон-Плэйс, 288, уже завтракают — и сел за стол с Шарлотой. Однако прежде всего я открыл утреннюю газету, чтобы прочитать наше маленькое объявление.

Его там не было. Его не напечатали.

XXV

ОДИННАДЦАТЫЙ ЧАС

Я в смятении уронил газету. Шарлота подняла глаза, вздрогнула, взглянула на меня еще раз и побледнела.

— Что... что такое? — испугавшись, невнятно спросила она.

Я показал ей газету, а сам побежал к телефону. Через несколько секунд я разговаривал с тем самым человеком, который принял у курьера записку день назад.

— Да, я передал ее в печать вместе с остальными, — ответил он на мой взволнованный вопрос. — Хотя, погодите минутку... Ох, мистер Фентон, я ошибся! Вот это треклятое объявление у меня на столе. Должно быть, случайно оказалось под пресс-папье.

Я вернулся и рассказал об этом Шарлоте. Мы беспомощно смотрели друг на друга. Почему, во имя всего святого, именно наше объявление «случайно» оказалось под этим пресс-папье? И как теперь быть?..

То был уже второй день!

Что ж, мы сделали, что могли. Мы договорились о том, чтобы ту же заметку вставили во все газеты, которые выходят в три пополудни. Если Рамда их увидит, у него все еще будет время действовать.

Часы тянулись один за другим. Никогда еще они не тек-

ли так медленно, и все же я жалел о каждом из них. Такова цена полной беспомощности.

Около десяти утра следующего дня — то есть нынче (я пишу это в сегодняшний же вечер) — в дверь позвонили. Шарлота открыла и спустя мгновение вернулась с визиткой. На ней было написано: «СЭР ГЕНРИ ХОДЖЕС».

Я чуть стол от волнения не перевернул и выбежал в холл. А кто на моем месте сдержался бы? Сэр Генри Ходжес! Английский ученый, о котором говорит весь мир! Самый одаренный исследователь неведомого в наше время, самый осведомленный, оснащенный лучше всех на этой планете для подобных целей в умственном плане! Без каких-либо формальностей я схватил его за руку и принялся ее трясти, так что он улыбнулся моему воодушевлению.

— Мой дорогой сэр Генри, — сказал я, — я безмерно рад вас видеть! По правде говоря, я надеялся, что вас заинтересует наше дело, но мне не достало смелости вас им тревожить!

— А я, — в своей спокойной манере признал он, — не мог дожидаться, чтобы поучаствовать в нем с того самого момента, как услышал об исчезновении профессора Холкомба. Не хотел навязываться — я понимал, что дело не предавали огласке...

— По одной простой причине, — пояснил я, — огласка ничего бы не дала. Если бы мы решили донести правду до общественности, то оказались бы завалены предложениями от добровольцев, жаждущих помочь. Я не ведал, кому можно доверять, сэр Генри. Не мог определиться. Я знал только, что человек вроде вас — это то, что нам нужно.

Он предпочел не заметить комплимента и достал из кармана газету.

— Купил пару минут назад. Увидел ваше объявление и сделал вывод, что обстоятельства достигли критической точки. Расскажите все с самого начала, мой мальчик, по возможности коротко.

Он уже знал то, что было опубликовано. Он, чудилось, также был знаком — и это несколько сбило меня с толку — с фактами, о которых нигде не писали. Я как мог вкратце описал сложившееся положение, дав понять, что мы уже на переломной грани. Когда я закончил, заявив, что доктор Хиггинс дал Ариадне три дня (и они истекут около полуночи) и что она может выжить, если мы заставим Рамду Авека помочь, он мягко произнес:

— Боюсь, вы, мой мальчик, допустили ошибку, не обратившись за помощью. Игра достигла той стадии, когда на вашей стороне не может быть слишком много умных людей. Самое время для подкрепления!

Он горячо одобрил мое решение привлечь помощь мисс Кларк и ее коллег.

— Это именно то, что вам нужно! Люди, сильные рас­судком. Чем больше умственной силы, тем лучше! — и он принялся предлагать кандидатуры.

В результате спустя полтора часа наш дом принял еще пятерых гостей.

О мисс Кларк я уже рассказывал. Ее с легкостью можно назвать одной из десятки наиболее опытных практикующих врачей своей категории. Также ее преимуществом является интерес ко всем странному, пусть даже она назы-

вала такие вещи «несуществующими». Она говорила, что именно ее вера в реальность помогает ей так хорошо осваивать нереальное.

Доктор Маллой работает в университете — материалист до мозга костей, а еще — психолог, способный сделать жизнь интересной для всех, кто согласен с Уильямом Джеймсом². Его исследования в области психопатологий признаны во всем мире.

Мадам Ле-Фабр, как мы узнали позже, специально приехала из Версаля для изучения проблемы, с которой мы столкнулись. У нее самой нет задатков медиума, но она горячая сторонница спиритизма и твердо верит в бессмертие и всемогущество «перемещенных» душ.

Профессор Герольд наиболее широко известен как изобретатель некоего аппарата, который подсоединяется к телеграфу. Но, кроме того, считается, что он больше всех на Западе преуспел в исследовании предметов, связанных с электричеством и радиоактивным излучением. Я был неимоверно рад иметь под рукой обширные, всеохватывающие знания этого человека.

Последний член этого квинтета, которого посоветовал мне сэръ Генри, требует чуть более детального представления. Кроме того, я вынужден не называть его настоящего имени, ведь бригадному генералу армии Соединенных Штатов не пристало в открытую приписывать свое имя к

² Уильям Джеймс (1842–1910) — американский философ и психолог, один из основателей и ведущий представитель прагматизма и функционализма.

чему-то столь далекому от военного дела, как оккультные исследования. Однако мы знаем, что у этого человека есть способности, доступные лишь немногим ученым: умение держать равновесие среди удивительных фактов и сил и управлять ими, а также быстро принимать решения, как поступить в любой ситуации. Мы, конечно, не верили, что из «Слепого пятна» появится что-либо, имеющее отношение к армии. Мы просто не знали, чего ждать, и именно поэтому хотели, чтобы он был с нами. Его склад мышления, пожалуй, именно тот, который необходим в качестве надежной поддержки человеку, имеющему дело с неразрешимой загадкой.

К тому времени, как собрались все пятеро, Джером не появился и не позвонил. Не было ни малейшего следа Рамды Авека, равно как и догадок, увидел ли он объявление. Был час дня. Всего шесть часов назад. Это кажется невозможным.

Итак, нас было восемь — трое женщин и пятеро мужчин. Все вместе мы поднялись наверх и осторожно осмотрели почти что безжизненную Ариадну, после чего собрались в библиотеке вниз.

Все были прекрасно осведомлены о происходящем. Мисс Кларк спокойно заметила, что вообще влияние «Слепого пятна» можно целиком и очень просто объяснить суммарным влиянием множества отдельных предметов. Иными словами, оно есть результат ошибки.

Доктор Маллой не менее прямолинейно заявил, что предлагает подойти к проблеме как к психическому заблуждению. Он упоминал раздвоение личности, группо-

вой гипноз и тому подобное. Однако он подчеркнул также, что открыт для обсуждения и жаждет узнать все подробности.

Сэру Генри пришлось постараться, чтобы заставить мадам Ле-Фабр принять окончательное решение. Возможно, она чувствовала, что сэр Генри, зарекомендовавший себя как сомневающийся в спиритическом объяснении физических сверхъестественных явлений, может стать ее оппонентом в обсуждении. Но в конце концов она выразила мнение, что наша небольшая загадка — лишь новая разновидность чего-то очень ей знакомого.

Как и можно было ожидать, генерал Хьюм пока не определился с позицией. Он лишь выразил готовность принять на рассмотрение любую разумную теорию или совокупность таковых, дабы вывести из них пригодный для обработки вывод. Это было именно то, чего мы от него ждали.

Из всех собравшихся больше всего энтузиазма проявил профессор Герольд. Возможно, это потому что, несмотря на свои достижения, он все еще был молод. В любом случае, он ясно дал понять, что готов изучать нечто доселе совершенно неведомое науке. И он чуть не сгорал от нетерпения поскорее приспособить свои прежние знания и известные ему факты к новым открытиям.

Когда все эти точки зрения были изложены и мы почувствовали, что понимаем друг друга, мы повернулись к сэру Генри, ожидая, что скажет он. Один этот человек соединял в себе огромное количество способностей в самых разных направлениях. Остальные знали об этом и, как следствие, глубоко его уважали. Вздумай он встать и рас-

суждать полдня, они охотно сидели бы и слушали. Но вместо этого он посмотрел на часы и произнес:

— По мне, так самой главной деталью является звук собачьего лая, который доносился из кольца. Если я правильно помню, звук раздался после того, как кольцо значительное количество раз передавали из рук в руки — с пальца мисс Фентон к ее брату и обратно. Иными словами, оно подверглось ряду перемен направления магнетизма. Почему бы нам не продолжить этот опыт сейчас же?

Шарлота сняла кольцо с руки и пустила его по кругу. Каждый из нас подержал его в руках секунду или две, после чего Шарлота крепко сжала кольцо в ладони, а мы все тем временем взялись за руки.

Стояла, как я уже сказал, середина дня — самое начало второго. Не успели наши руки соединиться в круг, как что-то произошло. Из сомкнутых пальцев Шарлоты донесся совершенно новый звук. Сначала он был таким слабым и прерывистым, что его слышали только двое из нас. Потом он стал громче, продолжительнее, и вот мы уже смотрели друг на друга в изумлении.

Мы слышали звук чых-то шагов...

XXVI

ПРЯМИКОМ ИЗ РАЯ

Непохоже было, чтобы ходил человек. Животное тоже не могло бы производить такие звуки. Они не были глухими или барабанившими — скорее, нечто вроде неровного шарканья, непохожего ни на что, что я слышал ранее.

Однако в следующую секунду мы различили нечто другое, явно перекрывавшее шаги. Это было тоненький, мелодичный смешок, перешедший в глубокий, но слабый пульсирующий звук, напоминающий биение сердца. Он раздался лишь однажды.

Сразу за ним последовали размеренные щелчки — как будто кто-то легко бил тростью по мостовой, только острее. Это длилось минуту, в течение которой другие звуки прекратились.

И снова шаги. Они были негромкими, но в тишине этой комнаты отдавались эхом.

Наконец Шарлота уже не могла этого выносить. Она положила кольцо на стол, где оно продолжало издавать звуки непонятно откуда.

— Подумать только! Вы... вы, господа, — доктор Маллой заикался, — вы, господа, тоже это слышите?

Мисс Кларк заметно побледнела. Но ее губы оставались твердо сжатыми.

— Это ничего не доказывает, — сказала она с уверенностью теософа. — Вы не должны этому верить... это не правда о...

— Прошу прощения, — перебил сэр Генри, — но с этим фактом уже не поспоришь! Это правда, и чем раньше мы это признаем, тем лучше. Эти звуки издает какое-то живое существо!

— Это дух кого-то двуногого, — заверила нас мадам Ле-Фабр. Сейчас она была в своей стихии. — Если бы у нас только был медиум!

Внезапно звуки стали доноситься уже не из кольца. Сначала мы не могли понять, откуда они идут. Потом Герольд заметил, что источник, скорее всего, находится под столом, и мы тут же переместились на пол, прислушиваясь к этим странным тихим щелчкам, а кольцо тем временем лежало в тридцати дюймах выше, на столе!

Возможно, существу, чем бы оно ни было, не понравилось такое столпотворение, потому что вскоре шарканье прекратилось. Еще какое-то время мы, едва дыша, смотрели вокруг и вслушивались, пытаясь уловить, не переместился ли звук снова.

Наконец мы вернулись в свои кресла. Больше ничего не было слышно. И тем не менее, мы все еще хранили молчание, напрягая слух в нервном ожидании.

— Тише! — внезапно прошептала Шарлота. — Вы это слышали?

И она подняла глаза к потолку.

Спустя секунду и я уловил этот звук. Он был невероятно слабым — словно кто-то вдали брнчал на цитре. Только

играла одна-единственная нота — тон не повышался и не понижался, лишь громкость словно все время менялась.

Неожиданно вновь раздались прежние звуки, те, что доносились из-под стола. На сей раз мы остались сидеть и просто слушали. Вскоре сэр Генри предложил, кивнув на кольцо:

— Давайте попробуем его запечатать наглухо и проверим, сможет ли камень тогда звучать также, как и будучи открытым.

Герольд горячо поддержал эту мысль, остальные тоже не возражали, так что я побежал наверх, в свою комнату, откуда принес небольшую жестяную банку с нарезной крышкой, которая, как я знал, не пропускала воздух. Пришлось вынуть камень из оправы, чтобы он пролез в банку. Вскоре это было сделано, и, пока наш невидимый гость продолжал, не останавливаясь, свою шаркающую прогулку, я завинтил крышку до отказа. Шаги тут же прекратились. Я немного открутил крышку — звуки немедленно возобновились.

— А! — воскликнул Герольд. — Так, значит, дело в радиоизлучении! Помните эксперименты Лебона, сэр Генри?

Но мисс Кларк была до боли озадачена этой простой задачей и лично повторила опыт. Не менее сбита с толку была мадам Ле-Фабр. В соответствии с ее теорией, духу такая мелочь, как металлическая ёмкость, должна была быть ни почем. Самым невозмутимым выглядел доктор Маллой — его спокойствие было столь решительным, что привлекло насмешливый взгляд генерала Хьюма.

— Занятный букет галлюцинаций, доктор.

— Почти обыденность, — парировал Маллой.

Вскоре после этого я заметил, что в ночь появления Ариадны Рамда вышел из подвала, и подчеркнул, что единственный возможный путь туда — запертая дверь, так как окна слишком маленькие, а другого хода нет. Вопрос: как Рамда мог туда попасть? Все мигом насторожились, и Герольд сказал:

— Не иначе как одно из двух: либо есть какой-то еще способ спуститься, ускользнувший от вашего внимания, Фентон, либо же Абек способен воплощаться где ему заблагорассудится. Давайте же взглянем!

Мы все отправились вниз, кроме Шарлоты, которая поднялась на второй этаж, чтобы присмотреть за Ариадной. Каждый из нас держал по очереди кольцо. А когда мы отперли дверь в подвал, то заметили, что нечто невидимое и способное перемещаться добралось туда раньше нас.

Прозрачные маленькие ножки спускались по ступеням до самого низа, перескакивая с одной на другую прямо перед нами. Когда до подножия лестницы оставалось три или четыре ступеньки, НЕЧТО перемахнуло их одним прыжком.

Ранее я провел в подвал удлинительный шнур, и теперь оба отделения были освещены мощными электрическими лампочками. Мы наскоро осмотрели помещение.

— Почему здесь земля выглядит так, будто ее недавно рыли? — спросил сэр Генри, указывая на результат раскопок Джерома, проведенных несколько месяцев назад.

Я объяснил, как они с Гарри тщетно копали голубую глину в надежде, что подвал может таить в себе некую под сказку о местонахождении «Слепоего пятна».

Сэр Генри поднял лопату, которая лежала здесь с тех самых пор, как Джером ее бросил. И пока я рассказывал о луже из смешанных жидкостей, которая почему-то так и не впиталась в почву с того момента, как появилась здесь, англичанин принялся энергично раскапывать упомянутый уже мной холмик.

Мы в задумчивости наблюдали за сэром Генри. Мы вспомнили, что Джером принялся за раскопки после исчезновения Куин. А собака пропала из задней комнаты — той самой, где в последний раз видели Чика и доктора Холкомба. Позже, выкопав глину в подвале под этой комнатой — а то была столовая, — Джером выбросил ее через некогда скрытый проем в перегородке. Эта-то глина и образовала небольшой пригорок под библиотекой. И... после того, как Джером это сделал, феномен проявился в библиотеке. Не в столовой.

— Боже милостивый! — воскликнул генерал Хьюм, когда я указал на это. — Это может быть отнюдь не просто совпадение, знаете ли!

Сэр Генри ничего не сказал, лишь продолжил копать. Он не обращал внимания ни на что, кроме оставленного Джеромом пригорка. Подняв лопатой очередную пригоршню, он всякий раз наклонялся и очень тщательно осматривал глину.

И мисс Кларк, и мадам Ле-Фабр всё это время сохраняли полное спокойствие. Обе — каждая по своим соображениям — считали эту работу в той или иной степени пустой тратой времени. Но я заметил, что они глаз не сводили с лопаты.

Сэр Генри остановился передохнуть.

— Позвольте мне, — предложил свою помощь Герольд и принялся копать так же, как и англичанин до него — задерживаясь на каждой горке глины, чтобы осмотреть получше. Именно тогда мы сделали любопытное открытие.

Мы все увидели его одновременно. В голубоватой почве застрял яйцевидный кусочек светлого камня. И на его поверхности виднелся крохотный кроваво-красный камушек не больше крупного зернышка.

Герольд поддел камень лопатой, чтобы поднять, но тут же заинтересованно вскрикнул:

— Хм, а вот это странно! — он поднял камень и показал нам. — Эта небольшая вещица по весу как... как... да она ТЯЖЕЛЕЕ свинца!

Сэр Генри взял камень с лопаты. Твердое вещество тут же принялось крошиться в его пальцах, словно прогнило от времени, так что невредимым остался только маленький красный камень. Сэр Генри вдумчиво взвесил его в руке, потом, не говоря ни слова, пустил по кругу.

Камушек удивил всех. Он был поразительно тяжелым. Как я уже сказал, размером он не превышал крупного зернышка, но был во сто крат тяжелее. Позже, наверху, мы его взвесили и обнаружили, что вес этой крохи достигал половины фунта. Учитывая ее крайне небольшой объем, из этого можно было сделать вывод, что удельная плотность материала равнялась ста девяноста двум целым и шести десятым, то есть была в десять раз больше, чем у золота. А золото ведь тоже нелегкое!

Мы неизбежно пришли к выводу, что между этим невиданно тяжелым кусочком материи и нашим невесомым за-

гадочным камнем должна быть связь. Пока что мы следили за тем, чтобы держать их по отдельности. Что же до так и оставшихся без объяснения шагов, то еще можно было слышать, как невидимое создание ходит по подвалу.

Наконец мы развернулись, чтобы уйти. Я пропустил остальных вперед, так что подошел к лестнице последним. Именно в эту секунду я почувствовал, как что-то трется об мою ногу.

Я наклонился. Мои руки наткнулись на то, что ко мне прикоснулось. И я понял, что сжимаю в них... НЕЧТО НЕВИДИМОЕ... нечто абсолютно недоступное моему глазу даже при таком ярком освещении. Но руки не давали ошибиться — я держал НЕЧТО НАСТОЯЩЕЕ, не менее реальное, чем сами мои пальцы.

У меня вырвалось какое-то бессвязное восклицание. Остальные развернулись и посмотрели на меня.

— В чем дело? — взволнованно спросил Герольд.

— Не знаю! — выдохнул я. — Подойдите.

Но первым ко мне приблизился сэр Генри. В следующую секунду он тоже касался пальцами чего-то хрупкого и невидимого. Но его нервы оказались настолько железными, самообладание — до того безграничным, что он почти сразу смог понять, что это.

— Ей-Богу! — мягко произнес он. — Это же какая-то мелкая птица. Идите сюда.

Спустя мгновение они все собрались вокруг нас. Я этому был рад, потому что вдруг, настолько внезапно, что я удивляюсь даже сейчас, думая об этом... оно стало видимым. Прямо в моей руке ожила маленькая трепыхающаяся птичка.

XXVII

РАЗГАДКА

Это было крохотное создание, необычайно красивое. Ростом птичка не была и с канарейку, а будь ее перья отлиты из сверкающего серебра, и тогда не смотрелись бы прелестнее. Ее украшенная черным хохолком головка и длинный, похожий на цветок хвост являли собой зрелище, не виданное еще никем из живущих на Земле.

Мгновение — и вот ее уже нет. Не дольше доли секунды мы любовались этим очаровательным видением. Прежде, чем мы смогли различить что-либо сверх упомянутых мной деталей, не только она исчезла, но и звуки прекратились. И каждый из нас глубоко вздохнул, словно человек, которому удалось мельком посмотреть на ангела.

Прямо сейчас, спустя пять или шесть часов после только что описанных мною событий, мне очень легко улыбаться своим чувствам в ту минуту. Как я был поражен и заинтригован! И — к чему это скрывать? — самую малость напуган. Почему? Потому что я не понимал! Вот и вся причина.

В эту минуту я сижу в своей лаборатории на верхнем этаже этого же дома и наслаждаюсь осознанием того, что тайна раскрыта. Загадки «Слепого пятна» больше не существуют. Я решил ее!

Здесь, в двадцати футах от меня, лежит Ариадна. На ее щеках уже заметен слабый румянец, и сердце бьется сильнее. По словам доктора Хиггинса, еще час — и она снова будет с нами!

На часах семь вечера. Я совсем не спал прошлой ночью и с тех пор не сомкнул глаз. В течение пяти последних часов мы упорно работали над решением головоломки — с той самой минуты, как нашли в подвале этот маленький красный камушек. Последние три часа я лечил Ариадну, используя средства, на которые указали наши открытия. И, чтобы оставаться бодрым, я диктую этот отчет стенографистке.

Эта юная леди, мисс Диббл, сейчас внизу, где ее пишущая машинка никому не мешает. Да, и это запишите, мисс Диббл, — я хочу, чтобы люди всё знали! У нее к уху прикреплена телефонная трубка, а я говорю в микрофон, находящийся на стойке у меня на столе.

На этом же столе — четыре выключателя, все четырехпроводного двухполюсного типа. От них идет несколько проводов — одни тянутся в один конец комнаты, где крепятся к камню Холкомба. Другие ведут к противоположной стене, где они присоединены к тяжелому маленькому камушку, что мы нашли в подвале. Еще несколько соединяют переключатели со свинцовыми полосками на моих запястьях. Помимо этого, сами переключатели тоже соединены между собой — сплошная цепь, содержащая в себе механизм усиления. Щелкая тумблерами в различных комбинациях, я могу обеспечить любой перепад энергии и направлять ее, куда пожелаю. Потому что есть еще два провода; они ведут от моих собственных свинцовых браслетов

во вторую комнату, к паре других, что на запястьях Ариадны. Поскольку я, Хобарт Фентон, сейчас представляю собой живую трансформаторную станцию в человеческом обличье. Я превращаю силу Бесконечности в Энергию Жизни. Эту силу я передаю прямо из воздуха, где она обрывается между двумя этими удивительными камнями, в нервную систему девушки, которую люблю. Еще час, и она будет Существовать!

Это всё было так необыкновенно просто, теперь я понял. И всё же... что ж, нечто совершенно новое всегда тяжело объяснить словами.

Для начала я обязан признать огромную важность помощи, которую я получил от своих друзей: мисс Кларк, мадам Ле-Фабр, генерала Хьюма, доктора Маллоя, Герольда и сэра Генри. Эти люди всё еще в доме вместе со мной — полагаю, ужинают. Я уже ел. На самом деле, у меня нет особых оснований приписывать свои открытия в заслугу себе. Большую часть сведений предоставили другие. Просто так вышло, что я сложил их вместе и, вследствие своих связей с этим делом, сейчас героически подвожу итоги работы.

Что касается Гарри, а также доктора Холкомба, Чика Уотсона и даже собаки, — то я вытащу их из «Слепого пятна» в ближайшие двенадцать часов. Всё, что мне нужно, — это немного отдохнуть. Я отправлюсь прямоиком в постель, как только закончу оживление Ариадны. А когда я проснусь, посмотрим, кто есть кто, дружище Рамда!

Я слишком переполнен чувствами, чтобы сдержаться и рассказать, что же я обнаружил. Но это должно быть сделано. Начнем!

Я, по сути, рисковал жизнью, когда впервые провел соединение. Однако я предпринял меры предосторожности, соорудив первую линию связи напрямую от кольца к камушку; я провел провод по полу немного в стороне от места, где сидел сам. Дерзнув встать на пути вектора силы, я не заметил никаких скверных последствий, так что принялся экспериментировать с переключателями.

Эта предохранительная петля — идея Герольда. Усилительный аппарат тоже его. Ментальную установку разработала мисс Кларк, а дополнил доктор Маллой. Свинцовые браслеты предложила мадам Ле-Фабр — они отлично работают. Никто иной как сэр Генри указал на пользу используемого мною сейчас микрофона. Если мои руки вдруг оцепенеют, я легко смогу позвать на помощь.

Что ж, первая моя попытка наладить контакт ни к чему не привела. Совершенная пустота. Затем я пробовал еще и еще, одновременно беспрестанно регулируя усилитель. И, как результат, теперь я способен по своему желанию делать что угодно из следующего: во-первых, я могу воспроизводить звуки из «Слепого пятна»; во-вторых, я способен передавать оттуда свет, видения или любой объект, не исключая даже человека.

А сейчас расскажу, как... Нет, я просто хочу спать, это не слабость...

Посмотрим; где я остановился? О, да, эта схема соединений. Они должны быть сделаны как надо, с определенным уровнем напряжения в катушках, с правильным психологическим подходом, чтобы все хорошо сочеталось. Если бы я только не устал до такой степени!

Одну секунду! Нет, нет... я в порядке. Я... Странно! Богом клянусь, тут творится нечто занятное! Я, должно быть, случайно получил индуктированное течение с другого провода вперемешку с этими! И... мне удалось заглянуть в «Слепое пятно»!..

Огромная... Нет, это... Что за громадная толпа! Интересно, что они все... Боже, да это... Боже милостивый, это он! И Чик! Нет, я не брежу! Я переживаю самое удивительное в своей жизни!

Сейчас... ВОТ ЭТО наш парень! Не дай им себя запугать! Молодец! Молодец! Покажи им, где раки зимуют! Вот наш парень! Утри им нос! Не знаю, что ты задумал, но я с тобой!

Э-э... там какое-то крупно сборище отвратного вида субьектов, и мне не разобрать... Одну минуту... минуту... Да что всё это значит? Просто... я...

ОПАСНО, клянусь Богом! Так ВОТ что это значит!

Нет, я в порядке. Оно... это подошло к концу, совсем внезапно. Вот и всё; теперь всё снова нормально. Комната стала такой же, как и пару мгновений назад. Эй! Кажется, я что-то запустил! Провод на полу загудел! О, ну, я присматриваю за ним, и, если что-нибудь...

Мисс Диббл! Скажите Герольду, пусть поднимется! Богом! Быстрее! Сказали? Отлично! Не прекращайте записывать! Я...

Там Чик! ЧИК! Как ты сюда попал? Что? ТЫ МЕНЯ НЕ ВИДИШЬ! Почему...

Чик! Слушай! Слушай, приятель! Я попал в «Слепое пятно»! Запиши это! Соединение...

Это Герольд! Герольд, это Чик Уотсон! Теперь слушайте оба! Я... я... мне едва ли... это из номера четыре к... к... к кольцу... потом... катушку...

Оба переключателя, Чик! Ах! Меня...

ЗАМЕТКА МИСС ДИББЛ

Сразу после того, как мистер Фентон сделал последнее приведенное выше замечание, раздался громкий треск, сопровождаемый голосом мистера Герольда. Потом мы услышали оглушительный колокольный звон — всего один удар. После чего я уловила голос мистера Фентона:

— Герольд... Чик расскажет тебе, чего ОНО от нас хочет...

И после этих слов его голос стал тише и совсем сошел на нет. Что до самого мистера Фентона, то мне сообщили, что он пропал бесследно, а его место теперь занял человек, известный доктору Хансену как Чик Уотсон.

XXVIII

ЧЕЛОВЕК ИЗ НИОТКУДА

Прежде, чем начать подводить итоги дела о «Слепоем пятне», возможно, парочке журналистам, которые взялись освещать его, стоило бы последовать примеру Хобарта Фентона и прибегнуть к кое-каким пояснениям.

Двое человек, написавшие первые две части, участвовали в описываемых событиях и в силу необходимости писали практически всё в настоящем времени. В то время как они могли точно и живо описывать свои чувства и пережитые события, им оставалось только догадываться, что ждет их впереди, какие события приведут к развязке.

Но у тех, кто записывает историю сейчас, есть преимущество: они работают с уже происшедшим, могут смотреть в прошлое, оценивать его. Они просто уже знают, куда идут.

Прибытие Чика Уотсона открыло новые возможности. До сих пор мы смотрели в темноту. Что бы ни попадало в пределы «Слепого пятна», становилось недоступно для наших пяти органов восприятия.

И все-таки факты остаются фактами. Доктор Холкомб изначально попался не в заурядную ловушку. Один за другим люди высокого ума и стойкого характера становились либо ее жертвами, либо свидетелями ее реальности и мощи.

Так что появление Уотсона вполне может считаться одним из поворотных моментов в истории. Он, исчезнувший год назад, вернулся сквозь то самое «пятно», что поглотило его. Он был вестником великого неведомого, посланником самой вечности.

Стоит напомнить, что из всех обитателей дома только доктор Хансен был лично знаком с Уотсоном. Год назад доктор видел лишь его тень — усталого, изможденного, слабого человека. Он говорил с ним в тот памятный вечер в кафе. Он отлично запомнил тот случай, как и тему их странного разговора — тайну жизни, открытую пропавшим доктором Холкомбом. С тех пор доктор Хансен частенько ломал над этим голову.

Что за сила была ключом сквозь «Слепое пятно»? Она достигла земли и без разбору уничтожала и юность, и почтенную мудрость. ЭТО был первый раз, когда она отдавала свою добычу!

Это был Уотсон, совершенно точно. Но он был отнюдь не тем, что год назад. Хансен не узнал бы его, если бы не основные черты лица. Исчезла тень, бледность, дыхание смерти. Он был крепок и прямо излучал здоровье, кожа светилась розоватым румянцем жизни и физической силы. Если не считать потрясения, он держался вполне естественно. В этот напряженный момент его прибытия небольшая группа собравшихся ждала в молчании. Что же он им скажет?..

Но сперва он их не увидел. Он вслепую, на ощупь медленно шагал по комнате, выставив руки вперед. Его лицо было спокойным и неподвижным, в чертах читалась реши-

мость. Ни у кого из присутствующих не возникло сомнений, что этот человек пришел сюда намеренно.

Почему он не видел? Возможно, свет был слишком слабым. Кто-то решил включить еще ламп. Это заставило Уотсона в первый раз подать голос. Он закрыл лицо руками, словно пытаясь уберечься от молнии.

— Нет! — взмолился он. — Не надо! Выключите свет, вы меня ослепите! Пожалуйста, пожалуйста! Затемните комнату!

Сэр Генри бросился к выключателю. Помещение немедленно погрузилось в полумрак; лунного света едва хватало ровно настолько, чтобы различить несколько фигур, сгрудившихся в центре комнаты. Доктор Хансен пододвинул кресло.

— Спасибо! Ах, доктор Хансен! Вы здесь... Я уж думал... Так гораздо лучше! Теперь я вижу довольно четко. Вы чуть было не ослепили меня навсегда! Вы ведь не знали. Это переход. — Потом: — И всё же... конечно это луна! ЛУНА!

Он остановился. В этом последнем слове была странная задумчивость. И вдруг он вскочил на ноги. Он радостно обернулся, словно чтобы напиться мягко струящимся светом.

— Луна! Господа... доктор... кто эти люди? Это дом «Слепого пятна»! И луна... старая добрая земля! И Сан-Франциско!

Он снова остановился. К его ликованию примешалась толика нерешительности и удивления. Тишину нарушил лишь едва слышный голос мадам Ле-Фабр.

— Теперь мы ЗНАЕМ! Это доказано. Скептики постоянно спрашивают, почему духи видны лишь в полумраке. Теперь мы знаем?

Уотсон посмотрел на доктора Хансена.

— Кто эта леди? И все остальные?

— Вы их видите?

— Превосходно. Эта леди в углу, она думает...

— Что вы дух!

Уотсон засмеялся.

— Я — дух? Пощупайте меня и проверьте!

— Ну разумеется, — настаивала мадам Ле-Фабр. — Вы вышли из «Слепого пятна». Я убеждена, это всё докажет!

— Ах да, «пятно»! — Уотсон поколебался. И снова эта нерешительность. Он словно не мог вспомнить нечто скрытое; хоть он и был в сознании, часть его разума, очевидно, все еще витала в тумане, оставаясь во власти оцепенения.

— Я не понимаю, — сказал он. — Кто вы?

На сей раз ответил сэр Генри.

— Мистер Уотсон, мы нечто вроде комитета. Это дом 288 по Чаттертон-Плэйс. Мы расследуем великую тайну, которую раскрыл в свое время доктор Холкомб. Нас сюда пригласил Хобарт Фентон.

Человеческое сознание — загадка. До сих пор Уотсон действовал почти инертно; он двигался и говорил словно машинально. В том, что это естественный результат воздействия странной силы, что выпшвырнула его сюда, никто не сомневался. Упоминание о Хобарте Фентоне разбудило его и подтолкнуло к бодрым размышлениям. Он подобрался.

— Хобарт! Хобарт Фентон! Где он?

— Этого мы не знаем, — отвечал сэр Генри. — Он был здесь секунду назад. В это почти невозможно поверить. Быть может, вы нам что-то поведаете.

— Вы хотите сказать...

— Именно. В «Слепое пятно». Одно — потом сразу другое: ваше прибытие совпало с его исчезновением!

Чик поднялся. Даже при таком слабом освещении можно было любоваться полнокровной силой его прекрасной фигуры. Он был даже лучше сложен, чем во время учебы в колледже, до того, как его захватило «Слепое пятно». Осознав, что сказал сэр Генри, он поднял великолепной формы руку в почти благословляющем жесте:

— Хобарт прошел сквозь него! Благодарение небу!

Это было внезапно. Поистине, это небольшое собрание являло собой всю мудрость, накопленную человеческими усилиями. За исключением разве что генерала, скептиков тут не было. Они были готовы объяснить что угодно... кроме этого.

В естественной своей человеческой слабости и тщете они привыкли видеть в «Слепом пятне» некое воплощение смерти и ужаса. И однако же — вот он, Уотсон! Уотсон, живой и сильный, был полной противоположностью тому, что они подсознательно ожидали увидеть.

— Что такое это «Слепое пятно»? — напрямую спросил сэр Генри. — И как понимать вашу благодарность за то, что Фентон попал в него?

— Не сейчас. Ни слова объяснений, пока... Который час? — прервав себя, спросил Уотсон.

Ему ответили. Он заговорил быстро, с потрясающей силой и решительностью, с выражением, которое не оставляло сомнений в его искренности.

— Итак, у нас есть пять часов! Нельзя терять ни секунды. Делайте, что я скажу, и отвечайте на вопросы! — Затем: — Мы не можем потерпеть неудачу; одна осечка — и весь мир сгинет... канет в неизвестность! Включите свет.

В личности, в горячей поспешности этого человека было что-то, что отметало всякие мысли о сопротивлении. Из «Слепого пятна» вместе с ним вышла мощная энергия, ускоряющий толчок, придававший Уотсону скорость, уверенность и решимость. Что-то подсказывало им, что наступил судьбоносный момент.

Уотсон продолжал:

— Во-первых: Хобарт Фентон сам открыл «пятно»? Или это был просто промежуток? Под «промежутком» я имею в виду — открылось ли оно случайно, как когда захватило меня и Гарри? Что именно сделал Хобарт? Скажите мне!

Это было единственное, что он хотел знать. Но что они могли ответить? Впрочем, доктор Маллой рассказал о проделанной Хобартом работе всё, что знал; его провода и аппарат теперь представляли собой не более чем бесформенную массу оплавленного металла. Не уцелело ничего, кроме голубого камня и мелкого красного камушка.

— Понятно. А этот красный — вы, я полагаю, нашли его, когда копались в подвале?

Откуда ему было это известно? Доктор Хансен принес этот до странного тяжелый голыш и положил его на ладонь

Уотсона. Новоприбывший коснулся его пальцем и потратил какую-то секунду на изучение, после чего поднял взгляд.

— Это тот, что помельче, — заметил он. — И вы нашли его в подвале. Это большая удача. Был один шанс на тысячу, что «пятно» откроется. Но мне невероятно повезло — оно меня выпустило. И с Божьей помощью и собственной смелостью мы сможем открыть его снова на достаточно долгий срок, чтобы вызволить Хобарта, Гарри и доктора Холкомба. Потом... мы должны разрубить эту цепь, мы должны уничтожить проход, должны закрыть «Слепое пятно» навсегда!

Ничего странного, что они понятия не имели, о чем это он. Доктор Хансен решил вмешаться, задав весьма резонный вопрос:

— Мой дорогой Чик, что там, внутри «пятна»? Мы хотим знать!

Но ответил не Уотсон. Ответила мадам Ле-Фабр.

— Духи, конечно же.

Уотсон внезапно рассмеялся и сказал, в свою очередь:

— Моя любезная леди, знали бы вы, что знаю я и что обнаружил доктор Холкомб, то сперва задали бы СЕБЕ пару вопросов. Как знать, может, вы и сама — дух!

— Что? — задохнулась она. — Я — дух!

— Именно. Но на расспросы нет времени. Потом... но не сейчас. Пять часов, и мы должны...

Кто-то вошел в дверь. Это был Джером. Увидев Уотсона, он остановился, стиснув зубами окуроч сигары. Его серые глаза осмотрели бывшего соседа от макушки до кончиков кожаных туфель.

— Вернулись? — спросил он. — Что выяснили, Уотсон? Видать, неплохо у вас там было с кормежкой!

И Джером указал большим пальцем на подвал. Не в его суровой натуре было давать волю восторгам; этим его приветствие и ограничилось. Уотсон улыбнулся.

— Кормили неплохо, Джером, а вот общество могло быть и лучше. Вы-то мне и нужны. У нас не так много времени, некогда болтать. Вы еще поддерживаете связь с Бертой Холкомб?

Детектив кивнул.

Уотсон занял кресло, столь таинственно оставленное Фентоном, и потянулся за бумагой и карандашом. Раз или два он останавливался, чтобы подвести черту, но преимущественно вел какие-то подсчеты. Он то и дело сверялся с бумажкой, которую достал из кармана. Закончив, он провел ладонью по тому, что только что написал.

— Джером?

— Да.

— Вы больше, как я понимаю, не связаны с центральным управлением. Но... вы сможете достать людей?

— Если понадобится.

— Они вам понадобятся! — только тут Уотсон заметил военную форму генерала Хьюма. — Джером, сможете приставить к этому офицеру охранника?

Это было необычно и в то же время совершенно неожиданно. Тем не менее, что-то в голосе Уотсона не давало возразить, отметало любой отказ. И все же генерал, пусть и скептик, исключительно в силу привычки начал ворчать:

— Мне кажется, Уотсон, что вы...

Вряд ли кто-либо из присутствовавших когда-нибудь это забудет. Некоторые люди рождаются хозяевами положения, иные ими становятся — с Уотсоном было и то, и другое. Он был решителен, властен и непоколебим. Он направил свой карандаш на генерала.

— Вам КАЖЕТСЯ! Генерал, позвольте спросить: будь на кону безопасность вашей страны, стали бы вы колебаться, прежде чем бросить подкрепления на амбразуру?

— Едва ли.

— Отлично. С этим разобрались. Бюрократической волокитой займетесь ПОЗЖЕ.

Он повернулся к детективу:

— Джером, в сейфе доктора Холкомба есть нужная нам вещь. Не в том большом, который в доме, а в маленьком, что в его лаборатории. Отправляйтесь напрямик на Дуайт-Уэй. Отдайте эту записку, — он указал на второй бумажный лист, — Берте Холкомб. Сообщите ей, что ее отец в опасности, а я вырвался из «Слепого пятна». Скажите, что вы пришли, чтобы открыть сейф в лаборатории. Я написал комбинацию. Если она не подойдет, используйте взрывчатку — внутри нет ничего, что можно было бы повредить, применив силу. В помещении, помеченном крестом, вы найдете крохотный обломок размером с горошину, завернутый в станиоль³ и запертый в маленькой металлической коробке. Коробку придется ломать; что же до содержимого, то, лишь увидев камень, вы не ошибетесь — он будет весить около шести фунтов. Принесите его и берегите, не щадя жизни!

³ Листовое олово.

— Ладно.

Джером спрятал инструкции Уотсона в карман, одновременно обводя комнату взглядом.

— Где Фентон? — спросил он.

Именно Уотсон дал ответ. Он принес нам первые вести, когда-либо долетавшие с той стороны «Слепого пятна». Он заговорил твердо и неторопливо, словно полностью осознавая, какой фурор вызовут его слова:

— Хобарт Фентон попал в «Слепое пятно». Прямо сейчас он находится в этой самой комнате.

Сэр Генри подскочил на месте.

— В этой комнате! Вы не оговорились, Уотсон?

Тот его точно не слышал.

— Джером, у вас нет ни единой лишней минуты! Вы и генерал — принесите этот камень сюда ЛЮБОЙ ценой! Быстрее!

Спустя мгновение Джерома и Хьюма уже не было. И мало кто в тот день подозревал, какая цель движет группой молчаливых мужчин, пересекавших залив Сан-Франциско. Они были мрачны, достойны доверия и выполняли секретное поручение. Их миссия — пусть они этого и не знали — по важности не уступала любой другой в истории. Но им было известно лишь то, что они обязаны защищать от любой опасности Джерома и генерала, а также сторожить один необыкновенно тяжелый камень «размером с горошину»! Сможем ли мы когда-нибудь оценить значимость последнего?..

Что касается тех, кто остался с Уотсоном, то никто из них и подумать не мог, что из «Слепого пятна» может вый-

ти что-то опасное. Проявления его силы были ограничены одним местом и по большей части отрицательны. Нет — главным стимулом их интереса была простая любознательность.

Но, видимо, Уотсон решил не опускаться до объяснений. Он, ни на кого не обращая внимания, склонился над столом Фентона и стремительно принялся за работу. Наконец он отодвинул бумаги в сторону.

— Я хочу увидеть этот подвал, — заявил он. — А точнее — то самое место, где вы нашли красный камень!

Внизу, в подвале, сэр Генри изложил все подробности. Когда он упомянул различные жидкости, которые Фентон вылил в деревянную панель наверху, Уотсон внимательно осмотрел лужу.

— О да. Они и должны были появиться именно здесь... само собой.

— Само собой!

Сэр Генри никак не мог понять. Его смущение отобразилось на лицах Герольда, обоих врачей, доктора Маллоя, мисс Кларк и мадам Ле-Фабр. За всех сказала Шарлота:

— Не могли бы вы объяснить, мистер Уотсон? Деревянная панель не имеет никакого отношения к подвалу. Между ними был пол, как вы можете видеть.

— Само собой, — повторил Уотсон. — Они не могли оказаться нигде больше! Жидкости были в пути на ту сторону, но смогли пройти лишь его половину. Тут, видите ли, всё дело в сосредоточенности. Прошу прощения — вам придется еще немного придержать свое любопытство.

Он принялся делать замеры. Сперва определил линию поперек балок перекрытия на потолке, где располагалась стена, отделявшая столовую от гостиной. Найдя середину этой черты, он провел умозрительную вертикаль от нее и до пола. Взяв эту точку как центр, он при помощи бечевки примерно в десять футов длиной описал на земле круг. Затем, сверяясь со своими подсчетами, он принялся размечать несколько точек кольями, которые вбивал в почву. Осмотрев результаты своей работы, он кивнул.

— Даже лучше, чем предполагал профессор. Его теория почти подтверждена. Если у Джерома и Хьюма получится доставить камень без происшествий, мы спасем тех, кто попал в «пятно»! — торжественно произнес он. — Но перед нами непростая задача. Это будут еще одни Фермопилы. Мы должны будем заслонить собой врата от оккультного Ксеркса и всей его рати.

— Толпища мертвых! — воскликнула мадам Ле-Фабр.

— Нет — живых! Просто дайте мне немного времени, мадам, и вы увидите нечто доселе невообразимое. Что касается вашей теории... завтра вы засомневаетесь, живы вы или мертвы! Иными словами, доктор Холкомб определенно доказал существование сверхъестественного через материальное. За свое открытие ему пришлось заплатить. Таким образом, он оставил нас теряться в догадках насчет самих себя. И если только он не найдет недостающее звено в течение следующих нескольких часов, мы окажемся в ненормальном положении существ, знающих всё о следующем мире и ничего — о своем собственном.

Он ненадолго умолк, и, понимая, что мы едва ли сможем дольше сдерживать своё любопытство, добавил:

— Итак, осталось лишь одно, друзья, прежде чем я смогу всё вам объяснить, пока мы ожидаем возвращения Джерома и генерала. Но сперва я должен увидеть того, кто вышел из «пятна» раньше меня.

— Ариадну! — Шарлота была изумлена.

— Ариадна! — со смесью растерянности и удивления воскликнул Уотсон. — Вы назвали её... Ариадна?

— Она наверху, — вставил доктор Хиггинс.

— Я должен ее увидеть!

Минуту или две спустя они уже стояли в комнате, где лежала девушка. Одеяло было отвернуто, слегка открывая левую руку, плечо и утонченное, красивое лицо на подушке. Ее золотистые волосы разметались в своем буйном изобилии. Другая рука лишь едва виднелась из-под одеяла — на ней можно было заметить алый след там, где смыкался браслет Хобарта в момент его исчезновения.

Шарлота подошла ближе и приложила ладонь к щеке девушки.

— Разве она не чудо? — тихо спросила она.

Но доктор Хиггинс смотрел на Уотсона.

— Вы знаете ее?

Тот кивнул. Наклонившись, он прислушался к ее дыханию. В том, как он держался, читалось почтительное восхищение. Он коснулся ее руки.

— Теперь я понял, как это могло случиться. То же самое произошло и со мной, вот только... — он помолчал. — Вы зовете ее Ариадной?

— Надо же было как-то ее называть, — ответил Шарлота. — А это имя... оно словно само пришло в голову.

— Возможно. В любом случае, вы были удивительно близки к правде. Она из тех, кто носит имя Арадна.

— АРАДНА? Кто... что она такое?

— Ни больше ни меньше: Арадна. Она — одна из возможных причин нашего спасения. На земле мы бы звали ее королевой.

Потом, не дожидаясь неминуемых вопросов, Уотсон сказал:

— Ваш взгляд специалиста может вскоре подвергнуться решающему испытанию, доктор Хиггинс. Она просто впадала в состояние оцепенения после того, как прошла сквозь «пятно»! — Шарлота уже описала ему появление девушки. — Загадка в том, что она еще час была в сознании, прежде чем оно охватило ее. Интересно, связано ли это как-то с энергичностью Хобарта? — он словно обращался к себе. — Что касается Рамды, — на его лице появилась улыбка, — то он просто интересуется «пятном», вот и всё. Он бы никогда не навредил Арадне и никак не повинен в ее нынешнем состоянии. Мы ошибались насчет этого человека. В любом случае, главным объектом нашего внимания пока что остается «Пятно Жизни».

— «Пятно Жизни», — повторил сэр Генри. — Это...

— Да, «Слепое пятно» — так его называют по ту сторону. Оно превосходит все ваши научные достижения, вмещает в себя любой культ и лежит в основе всякой истины. Оно... оно есть всё сущее.

— Объясните!

Уотсон повернулся к лежащей на кровати девушке. Он несмело коснулся ее щеки; в этом движении читалась нежность, близкая к преклонению. Это была не любовь — нет, скорее, чувство, с которым прикасаешься к фее. И духом, и плотью она была порождением иного мира. Уотсон мягко вздохнул и поднял взгляд на англичанина.

— Да, я могу объяснить. Теперь, когда я знаю, что она в порядке, я расскажу вам всё, что мне известно, с самого начала. Сейчас определенно ваша очередь задавать вопросы. Быть может, я и не смогу сообщить вам все, что вы хотите знать, но я, по крайней мере, знаю больше любого по эту сторону «пятна». Давайте спустимся в библиотеку.

Он взглянул на часы.

— У нас осталось около пяти часов. Наше испытание начнется, когда мы откроем «пятно». Мы должны не только открыть его, но и закрыть, чего бы это ни стоило.

Они спустились в холл на первом этаже. У парадной двери Уотсон остановился и повернулся к остальным.

— Минутку. Этой ночью мы можем проиграть. На случай, если так и будем, я хотел бы напоследок посмотреть на мой родной мир... на Сан-Франциско.

Он открыл дверь. Остальные ждали позади: может, они и не понимали, но подспудно догадывались о чувствах этого странного человека, готового к опасностям и приключениям.

Пейзаж, обстановка, красота — всё это слилось в одном мгновении. Уотсон, не надев шляпы, глядел на мерцающие огни «города аргонавтов». Луна на усыпанном звездами небе медленно плыла, мелькая в прорехах рваных туч. И над

всем вокруг внезапно повисла тишина, словно по воле одного человеческого сердца.

Все молчали. Наконец Уотсон закрыл дверь. И слезы лишь слабо блестели в его глазах, когда он сказал:

— Ну что, друзья мои...

И он первым прошел в гостиную.

XXIX

МИР СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО

— Рассказывая то, что мне известно, — начал Уотсон, — я, пожалуй, начну с небольшого предисловия. Это в какой-то степени необходимо, чтобы вы поняли меня. Кроме того, это позволит вам здраво смотреть на феномен «Слепоего пятна», незамутненным взглядом. Я намерен поведать всё, ничего не утаивая. Делаю я это затем, чтобы, в случае, если мы проиграем, вы могли отчитаться за меня перед миром.

Вступление было довольно странным. Его слушатели обменялись задумчивыми взглядами. Но все они были настроены решительно, а сэр Генри почти нетерпеливо пододвинул свое кресло ближе.

— Хорошо, мистер Уотсон. Пожалуйста, продолжайте.

— Начнем с того, — сказал Уотсон, — что, как я полагаю, все вы слышали заявление доктора Холкомба насчет «Слепоего пятна». Вы помните, что он обещал разгадать загадку сверхъестественного. Он утверждал, что сделает это с помощью средств не эфемерного, но вполне реально-го свойства, что сможет извлечь истину и материю. Итак, профессор дал обещание рассказать миру гораздо больше, чем сам ожидал. В то же время то, что он знал о «Слепоем пятне», было наполовину фактом, наполовину — предположением. Как и его предшественники и современники,

он смотрел на человека как на реальное понятие. Но теперь возникает вопрос: что на самом деле является реальностью, а что — нет? Ни одно ответвление философии не рассматривает эту задачу под таким углом. Епископ Беркли подошел близко, а за ним последовали и остальные. Но все они были обмануты собственной софистикой. Однако, если не считать самых отъявленных материалистов, все мыслители принимали во внимание загадку жизни после смерти... Никто и подумать не мог о «Слепом пятне» и о том, куда оно ведет и что может содержать в себе. У нас есть пять органов чувств, и Вселенную мы воспринимаем пятью мерилami. Однако «Слепое пятно» отмечает даже их: кажется, что чем больше мы знаем, тем больше сомневаемся в самих себе. Как я уже сказал мадам Ле-Фабр, это не просто — решить, кто же такие призраки. В любом случае я УВЕРЕН, — он сделал паузу, чтобы подчеркнуть важность сказанного, — что существуют бесчисленные миллионы существ, которые смотрят на нас и наши дела как на нечто совершенно сверхъестественное!

Он на миг замолчал, а затем продолжил:

— Помните, то, что я хочу вам поведать, — не меньшая правда, чем ваши собственные жизни с самого детства. Чуть больше года прошло с моей последней ночи на этой земле. Я решил выйти вечером в слабой надежде встретить кого-нибудь из друзей и получить хоть немного удовольствия от жизни, прежде чем наступит конец. Вот уже несколько дней я тяготился неким предчувствием, зная, что моя жизнь медленно ускользает, а энергия тает с каждой секундой, и закончится это, как я был уверен, моей смер-

тью. Знай я тогда то, что знаю сейчас, я мог бы спастись. Но если бы у меня получилось, если бы я спас себя, мы бы никогда не нашли доктора Холкомба. Возможно, та же судьба и привела меня к Гарри в тот вечер. Не ведаю. Тем не менее, если мне и удалось узнать по ту сторону «Слепого пятна» истину, то она состоит в том, что существует нечто выше простой судьбы. Я никогда не верил в удачу, но, когда все складывается гладко вплоть до вздоха, невольно перестаешь быть скептиком в том, что касается судьбы и слепого случая. Я убежден: всё, что случилось той ночью, было ПРЕДРЕШЕНО с той стороны. Если вкратце, то, отдав это кольцо Гарри, я лишь позволил сбыться еще одному звену в цепочке событий. Так просто должно было быть — ПРОВИДЕНИЕ не позволило бы делу обернуться иначе.

Не останавливаясь, чтобы объяснить, что он имеет в виду под словом «ПРОВИДЕНИЕ», Уотсон продолжил:

— Вот в чем загадка. Я так и не смог понять, как все могло совпасть с такой точностью. Мы — вы и я — разумеется, не духи, и, тем не менее, по ту сторону «пятна» тому есть невероятно убедительные доказательства!.. Я в ту ночь был очень слаб. Так слаб, что и вспоминать тяжело. Последнее, что я помню, — это свое возвращение в этот дом, кажется, на кухню. У меня в руках был какой-то источник света. Ребята были в передней, ждали. Один из них открыл дверь в нескольких ярдах от того места, где я стоял. Всё произошло в одно мгновение, это тяжело описать. Но я по наитию разобрался в происходящем, исходя из того, что увидел: голубая точка на потолке и луч света. Потом я почувствовал, что падаю, будто лечу прямо в космос.

Не знаю, как передать этот всепоглощающий ужас, когда летишь головой вниз с огромной высоты на плоскость, что лежит несоизмеримо ниже.

— Вот и всё, что я запомнил... на этой стороне.

ПРИМЕЧАНИЕ. Отдавая должное мистеру Уотсону, авторы этих строк сочли уместным перенести историю от первого лица к третьему. Любой рассказ, если только не содержит в себе чего-то отрицательного, тяжело рассказывать от первого имени, ведь там, где рассказчик играет активную, положительную роль, он вынужден либо сдерживать себя, либо стать жертвой обвинений в бахвальстве. И все-таки мир желает знать обо всем в мельчайших подробностях — отсюда и перенос.

РЕДАКТОРЫ.

Уотсон открыл глаза.

Первым, что он увидел, был свет; первым, что почувствовал — сильнейшая боль. На глаза словно что-то давило сзади — мучительное ощущение, немного напоминающее удар ножа. Кроме этого, был еще страх безумия, слюнявой беспомощности.

Нелегко представить себе внезапное пробуждение в таких условиях. После всего, через что он прошел, это странное продолжение, должно быть, окончательно сбило его с толку. Он получил хорошее образование и был сведущ в психологии. Во время первого прилива бодрости он попытался, как мог, восстановить равновесие, балансируя на грани безумия. Именно это обстоятельство придало ему уверенности — оно

свидетельствовало, что он может мыслить, рассуждать, может полностью полагаться на свой здравый рассудок.

Но он ничего не видел. Боль в глазницах была ослепляющей. Он ничего не мог разглядеть, все сливалось; вокруг было сплошное многоцветное пятно — удивительное, радужное, сияющее.

Пусть даже не видя, он мог ощущать. Боль была невыносима. Он закрыл глаза и — что весьма любопытно — подумал, что это ощущение очень напоминает то, с каким он учился плавать и впервые открыл глаза под водой. Тогда сияло ослепительное солнце. Боль и яркие цвета — всё было примерно так же, только сильнее.

Потом он почувствовал, что очень устал. Простое усилие, необходимое для одной этой мысли, стоило ему всех жизненных сил. Он снова провалился в небытие, больше напоминавшее обморок, чем дрему. Ему снились странные сны — о людях, идущих куда-то, о женщинах, о каких-то голосах. Сны были расплывчатыми, неясными, но все же не казались ирреальными. Затем, спустя неизвестно сколько времени, он проснулся.

Он чувствовал себя гораздо сильнее. Должно быть, спал довольно долго — он не мог знать наверняка. Но боль из глаз исчезла, так что он рискнул снова поднять веки и посмотреть на этот сбивающий с толку свет. На этот раз он видел — не четко, но достаточно хорошо, чтобы быть уверенным в реальности происходящего. Периодически закрывая глаза, он сумел дать им отдохнуть и постепенно привыкнуть к новому освещению, так что спустя какое-то время зрение восстановилось полностью.

Он лежал на койке, в комнате, практически полностью отличавшейся от любой виденной им раньше. Даже цвет стен был разнородным, равно как и цвет потолка. В какой-то степени они были белыми — и все-таки не совсем. Этот цвет не походил ни на один из известных ему оттенков, а его название, которое он узнал позже, — АЛЬНА — мало о чем говорит. Это было для него совершенно внове.

Судя по всему, он был один. Комната была небольшой — размером примерно с обычную спальню. Когда чувство новизны неопишуемого цвета немного ослабло, он принялся осматривать самого себя.

Прежде всего, он лежал в постели, застланной прекрасным бельем, плотным, но удивительно легким. Покрывала не было, только два одеяла и две простыни — ничто из этого по цвету и ткани не напоминало ни один из известных ему материалов. Он лишь отметил, что их оттенки ближе к светлым, чем к темным.

Потом он высвободил руки из-под одеял и поднял их перед глазами. Их вид совершенно сбил его с толку. Само собой, он ожидал увидеть их исхудалыми, истощенными, какими они и были в ту роковую ночь, но ладони оказались полными, здоровыми, естественного розоватого оттенка. Запястья тоже были в безупречном состоянии, равно как и предплечья. Он не мог найти объяснения этому внезапно-му возврату к здоровью и бодрости, знакомых ему еще до того, как он надел кольцо. Он снова лег, ломая голову.

Чуть позже он начал осматривать свою одежду. Она состояла из двух частей, сделанных из похожей на шелк материи, довольно тяжелой по весу, но чрезвычайно мягкой на

ощупь. В какой-то мере это одеяние было схоже с обычной пижамой, вот только задумано было так, чтобы просто надевать через голову, без пуговиц и завязок. Иными словами, это платье было сшито таким образом, чтобы уютно облегать плечи и талию, но оставаться довольно свободным в прочих местах.

Потом он обратил внимание на стены комнаты. Они были выполнены симметрично; сомкнутые — если использовать архитектурный жаргон — или изогнутые так, что радиус углов был куда больше обычного, доходя до четырех-пяти футов, и человек среднего роста не смог бы стоять у стены, не сгибаясь. Там, где изогнутая часть переходила в прямую стену, вдоль последней тянулось лепное украшение, которое, словно пристенная полка, служило подставкой для висевших картин.

Уотсон насчитал их четыре штуки. Он инстинктивно почувствовал, что они могут дать ценную подсказку насчет того, куда он попал. Ибо, хоть слегка прояснившийся рассудок и подсказывал ему, что он точно угодил в «Слепое пятно», больше ему ничего не было известно. Где он? Что поведают рисунки?..

Первый был прямо у него перед глазами. Размером примерно два на три фута, вытянутый горизонтально, он скорее походил на пейзаж, чем на портрет. Уотсона так горячо заинтересовало содержание работы, что он даже не обратил внимания, была ли она выполнена вручную или механически. Потому что на ней была изображена облаченная в очень легкое платье девочка десяти-двенадцати лет, увлеченная буйной возней с существом самого необыкновенного

вида. Именно это животное делало картину такой замечательной; в пейзаже не было совершенно ничего особенного, равно как и в технике живописи. Для Уотсона самым удивительным был зверь. Это был олень, безупречный и прелестный, но карликовых размеров. Он едва ли достигал фута в высоту и показался Уотсону самым утонченным созданием на его памяти. Каждая черточка в его телосложении была тщательно продумана — изящные копытца, хрупкие ноги, гладкая шерстка и маленькая голова с ветвистыми рогами. Миниатюрный белохвостый. Всё это, собранное вместе, походило на сказочный сон заядлого охотника.

Чик сел на кровати, чтобы разглядеть его поближе, и тут же упал обратно из-за легкого головокружения. Он закрыл глаза.

Вскоре он принялся изучать остальные картины. Две из них были цветочными этюдами. Уотсон и сам не знал, что больше сбило его с толку — сами растения или емкости, в которых они стояли. Ибо вазы походили на большие круговые чаши, широкие в разрезе и с ручками по обе стороны. Цвет их был ему незнаком. Что касается цветов, то на одном этюде их было шесть, и больше всего они походили на крупноцветные хризантемы. Но окрас у них был совсем другой, да и тычинки были широкие и полосатые, что придавало цветам вид совершенно самобытный. Во второй вазе было несколько экземпляров разных видов, ни один из которых не удалось опознать.

На противоположной части комнаты оказалось нечто вполне знакомое. На первый взгляд это выглядело как просто корзина с котятами в черно-белых тонах — нечто

вроде пастели и в то же время напоминающее сепию. Однако рядом с корзиной лежала ложка, один конец которой покоился на краю блюда. Именно размер ложки привлек внимание Чика — точнее, размер котят, каждый из которых мог бы уютно устроиться в ее черпаке! Соответственно, если бы это была обыкновенная столовая ложка, то котята должны были уступать в размере самому мелкому мышонку.

Чик оставил картины. Вскоре он задумался над вопросом времени и решил, что, сколько бы сейчас ни было часов, еще должно быть светло. В одной из стен комнаты было большое овальное окно из материала, который мог бы сойти за стекло, но замерзшее, не позволявшее разглядеть что-либо снаружи. Зато оно пропускало внутрь немало света.

Прямо напротив окна находился дверной проем, где вместо двери висел занавес. Он был сделан из прозрачного материала, но его темно-бордовый оттенок полностью скрывал всё, что могло за ним прятаться.

Чик ждал и вслушивался. До этого момента он не уловил ни звука. Не было даже этого слабого, расплывчатого гула в отдалении, который мы привыкли считать тишиной. Он не сомневался в том, что очутился внутри «Слепого пятна», но насчет того, где именно это место находится, знал не больше прежнего. Он мог лишь с уверенностью сказать, что лежит на кровати в каком-то здании. Где и чем было это здание?..

Только сейчас он заметил шнур, свисающий с потолка. Он заканчивался дюймах в шести от его головы. Чик потянул за него. В ответ он услышал слабый, мелодичный пере-

звон где-то вдали. Чик попытался проанализировать звук. Он не был похож на колокольный звон; быть может, слово «звяканье» подошло бы лучше. Чик решил, что звук можно условно отнести к ноте «ре» первой октавы.

Мгновение спустя он услышал шаги за завесой. Они были очень мягкими, легкими и неторопливыми; почти в тот же миг тонкая белая рука отодвинула полог в сторону.

Перед Чиком была женщина. Он снова лег в изумлении. Пусть не красавица, она была очень миловидна — с большими голубыми глазами, полными глубокой нежности и сочувствия, правильными чертами лица и замечательной копной густых каштановых волос, удерживаемых атласной сеточкой.

Она вздрогнула, увидев, что глаза Чика широко открыты, потом по-матерински участливо улыбнулась. Ее одежда выглядела одновременно и подобающе, и диковинно — она скрывала всю ее фигуру, оставляя обнаженными правое плечо и руку. Чик обратил на нее внимание: она была мраморно-белая, округлой формы, вся в кружеве тонких голубых вен. Он никогда прежде не видел руки, подобной этой, равно как не видел никого подобного этого женщине. На вид ей можно было дать лет сорок.

Она подошла к кровати и положила руку на лоб Чика. Снова улыбнулась и кивнула.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

Вот что было странно, и Уотсон никак не мог это объяснить: хоть она говорила не по-английски, он всё же прекрасно ее понимал. В ту секунду это казалось естественным, но чуть позже он был поражен.

Он ответил ей на том же языке — его мысли просто слетали с губ. Он заметил, что, если не предпринимать сознательных попыток выбирать слова, чтобы оформить в них мысль, то говорить получается без запинки.

— Где я?

Она снисходительно улыбнулась.

— Это... это «Слепое пятно»?

— «Слепое пятно»? Я не понимаю.

— Кто вы?

— Ваша сиделка. Быть может, — успокоительно добавила она, — вы захотите побеседовать с Рамдой?

— Рамдой!

— Да. С Рамдой Геосом.

XXX

ПОГРУЖЕНИЕ

Женщина ушла.

Какое-то время Чик раздумывал над ее словами. Бод-
рость стремительно возвращалась к нему, и мозг работал
ясно, с аналитической точностью.

Только сейчас он заметил, какой здесь напряженный,
словно перегруженный чем-то воздух, почувствовал какое-
то странное, скрытое течение жизни, уловил невероятно
слабый, но настойчивый звук, пульсирующий и ритмич-
ный — словно отголоски дыхания множества живых су-
ществ. Чик был городским жителем и привык к вечному ро-
коту, с которым бьется сердце большого города. Но это было
нечто совершенно другое.

Вскоре среди всей этой неразберихи ему удалось рас-
слышать звяканье миниатюрных колокольчиков — почти
неслышное, но мелодичное. Воздух казался тяжелым от
тихой музыки, будто бы пронизанной золотистой энергией
колокольного звона, далекого, приглушенного, больше по-
хожего на шепот и в то же время словно бы от этого самого
воздуха неотделимого.

Происходящее напоминало сон. В царстве подсознания
ему уже доводилось слышать подобные звуки, диковинные,
неземные... мимолетные и хрупкие.

Мысль о снах внушила ему внезапную тревогу. Он мгновенно погрузился в методичные размышления, пытаясь более четко осознать свое положение.

Женщина говорила о некоем Рамде. Правда, она добавила уточняющее «Геос», но это было не столь важно. Геос или Абек — это по-прежнему Рамда. К этому моменту Уотсон был убежден, что это слово означает нечто вроде титула... а соответствует ли оно званию доктора, лорда или профессора, уже не существенно. Что интересовало Чика, так это вопрос тождества. Сумей он разгадать эту загадку, и ему открылась бы сама суть «Слепого пятна».

Он старался думать быстро. Очевидно, именно Рамда Абек заманил в ловушку доктора Холкомба. Зачем? Что двигало этим человеком? У Уотсона не было ответа. Он знал лишь, что на самом этом поступке лежала тонкая тень злого умысла. Что за всем этим стоял какой-то смысл, некая направляющая сила, разумное начало, безжалостное и непреодолимое.

Но в другом он был уверен: этот Рамда Абек пришел из того места, где он, Уотсон, находится прямо сейчас. Или, скорее, ему было просто неоткуда больше явиться. И Уотсон не сомневался, что неважно где, неважно как, но он найдет доктора Холкомба.

В этот момент Уотсон определился, как ему действовать дальше. Он решил не говорить ничего, ни словом, ни поведением не намекать ни на что, что могло бы послужить обвинением или поводом навредить профессору. Ему предстояло выяснить всё возможное, сделать всё возможное, чтобы добиться своего, не выдавая ничего взамен. Ему

придется играть в одиночку и очень осторожно, пока он не найдет доктора Холкомба.

Осознание этой задачи его не ужаснуло. Почему-то она произвела на него впечатление прямо противоположное. Может, это оттого, что к нему вернулись силы, а с ними и свойственная здоровью живость духа. Он чувствовал окружающую его энергию — уравновешенную, мощную, застывшую в ожидании одного лишь знака с его стороны, чтобы стать действующей силой. Причиной такого ощущения могло быть только нечто жуткое, случившееся с ним раньше. Он был готов ко всему.

Прошло пять минут. Уотсон был бдителен и насторожен, когда женщина вернулась, ведя с собой спутника. Она ласково улыбнулась и представила его:

— Рамда Геос.

Сперва Чик был потрясен. Сходство этого человека с Рамдой Авеком было практически полным. Те же утонченность и элегантность, мимолетное впечатление юности, та же очевидная зрелость вкупе со здоровой непринужденностью и изяществом манер. Вот только он был немного ниже. Глаза были почти что те же, с теми же необыкновенными радужками и зрачками, выдававшими принадлежность к многовековой культуре. Он был одет в черную мантию, которая подошла бы ученому.

Он улыбнулся и протянул руку. Уотсон отметил его крепкую хватку и исходящее от него холодное притяжение.

— Вы хотели со мной поговорить?

Голос у него был мягкий, мелодичный и звонкий, звучностью напоминавший бронзу.

— Да. Где я... сэр?

— Вы не знаете?

Уотсону показалось, что в глазах мужчины мелькнули искреннее изумление. По сути, Чикку до сих не приходило в голову, что он может представлять собой для этих людей загадку не меньшую, чем они — для него. Сейчас его больше всего волновал вопрос местонахождения.

— Это «Слепое пятно»?

— «Слепое пятно?» — он повторил это не менее озадаченно, чем женщина до него. — Я вас не понимаю.

— Ладно, как я сюда попал?

— Ох, что касается этого, то вас нашли в Храме Листвы. Вы лежали на полу без сознания.

— В храме! Как же я там очутился, сэр? Вы знаете?

— Нам известно лишь, что за мгновение до этого там не было никого, а спустя секунду... вы.

Уотсон задумался. В его подсознании все еще отдавался какой-то звук: полный, захлестывающий, обволакивающий. Могла ли быть связь...

— Так вы, сэр, зовете это место Храмом Листвы. Мне кажется, я припоминаю, что слышал колокол. Есть в это вашем храме нечто подобное?

Рамда Геос улыбнулся, глаза его прояснились.

— Его иногда еще зовут Храмом Колокола.

— А!

Помолчав, Уотсон спросил:

— Где этот храм? Эта комната — его часть?

— Нет. Вы находитесь в больнице Сар-Аменив, учреждении Рамд.

Рамд! Так их было несколько. Возможно, это нечто вроде общества.

— В Сан-Франциско?

— Нет. Сан-Франциско! Опять-таки не могу вас понять. Эта местность известна под названием Маховисал.

— Маховисал?

Уотсон ненадолго задумался в тишине. Он заметил острейшее любопытство Рамды, огонек в необыкновенно умных глазах — в них отражались вопросы и придирчивый анализ происходящего.

— Так вы, сэр, зовете ее Маховисал? Что это — город, мир, организация?

Тот снова улыбнулся. Очертания его подвижного рта хорошо выражали самое разное: и сильные чувства, и мягкую снисходительность, и удовлетворение, которое может принести простое подтверждение какой-то внутренней веры. Во всех его движениях и словах чувствовался интерес и почтительное удивление.

— Вам не доводилось слышать о Маховисале? Никогда?

— До этой минуты — ни разу, — отвечал Уотсон.

— И вы ничего не знаете о том, что было раньше? Вы знаете, КТО ВЫ?

— Я... — Уотсон поколебался, раздумывая, не лучше ли сохранить сведения о себе в тайне, но все же решил рискнуть и сказать правду. — Меня зовут Чик Уотсон. Я... я — американец.

— Американец?

Рамда произнес это слово с раскатистым «р», отчего оно сильно напоминало китайское «мелликанец». Было очевид-

но, что раньше он никогда не слышал ничего подобного. В его лице читалась неуверенность, сомнение, усиленное заботой, когда он медленно повторил вопрос:

— Американец? Я снова не понял. Мне не известно это слово, мой дорогой сэр. Вы не д'хартианец и не коспианец, однако кое-кто... по большей части материалисты... уверены, что вы ничем не отличаетесь от любого другого. То есть вы... человек.

— Скорее всего, так и есть, — ответил совершенно сбитый с толку Уотсон. Он не знал, что сказать. Он никогда раньше не слышал ни о коспианцах с д'харианцами, ни о Маховисале. Это всё усложняло — ему не с чего было начинать. Больше всего ему сейчас нужна была информация, а вместо нее он слышал вопросы. Он счел за лучшее уходить от прямых ответов.

Что же до Рамды, то он нахмурился. Очевидно, его горячее любопытство наткнулось на разочарование. Но, как заметил Уотсон, ненадолго — этот человек был так воспитан и так умен, что безупречно владел своими чувствами. Уравновешенностью и самообладанием он весьма напоминал Авека, да и манеры у него были не менее любезные.

— Мой дорогой сэр, — заговорил он, — если вы действительно человек, то в ваших силах поведать мне нечто очень важное.

— Я, — отрезал Чик, — не могу сказать вам ничего, пока вы не объясните мне, где я!

Им определенно не хватало общности имеющихсх сведений. Чтобы дело сдвинулось с мертвой точки, кто-то из

них двоих должен был исправить положение. Уотсон понимал, что всё его будущее, возможно, вращается на оси его следующих слов.

Рамда на секунду задумался в нерешительности, было ясно, что его теория, которую он, вероятно, холил и лелеял, пошатнулась, но все же окончательно не рухнула. Внезапно он обратился к женщине со словами:

— Откройте портал.

Она шагнула к овальному окну, коснулась задвижки, и оконное стекло горизонтально открылось, держась на двух петлях. Комнату немедленно залило странно сияние — янтарно-золотое, мягкое, теплое, словно настоящий солнечный свет.

Вот только это НЕ БЫЛ настоящий солнечный свет!

Окно было вставлено в довольно толстую стену, за которой Уотсон увидел небо царственного сапфирного оттенка, покрытое белыми с пурпурными и аметистовыми прожилками облаками, что нависли над большим, сонным, янтарным солнцем.

Именно солнце привлекало больше всего внимания. Очень мягкое, оно, тем не менее, решительно опровергало все ожидания. Диаметром оно раз в шесть превосходило то солнце, к которому привык Уотсон; в дали, касаясь кромки горизонта, оно было точь-в-точь как огромное золотое блюдо, поставленное на ребро на краю земли.

И... он мог смотреть на него, не мигая!

В его памяти вспыхнуло первое описание Рамды. Тот посмотрел прямо на солнце и ненадолго ослеп. Вот и ответ! Он слишком привык к этому огромному мягко светящему-

ся чуду. Янтарное солнце, глубокого золотистого оттенка, будто бы спящее...

Может быть, всё это ему, Чику, только снится?..

Но ведь было и другое: бесчисленный хор этих микро-скопических колокольчиков, несмолкающий, певуче пульсирующий, а теперь еще и экзотическая сладость нежнейших ароматов со слабыми нотками фиалок и роз, и дыхание диких лесных цветов. Он не мог этого осмыслить. Он посмотрел на пурпурные облака над подобным лотосу солнцем, с трудом веря своим глазам, теряясь в догадках.

Внезапно с небес спустилась, оказавшись в его поле зрения, огромная белая птица. Ни в одной из сказок его детства, где рассказывалось о Рух и подобных ей больших красивых птицах, ему не приходилось встречать ничего подобного. Глядя с его позиции, ей можно было дать все триста футов в размахе крыла; она имела форму лебедя, а летела, как орел, двигая крыльями в чарующих, ленивых взмахах. Ее перья по белизне напоминали снег, только что выпавший на горные вершины. А сразу за ней мчалось, пытаясь догнать, нечто гигантское и черное, не уступавшее ни в размерах, ни в скорости; то был огромный черный ворон — настолько черный, что очертания его отсвечивали зеленоватым.

Тут женщина закрыла окно. Всё стало по-прежнему. Уотсон был всего лишь человеком — он сумел сдержать свое любопытство до этого момента и ни на йоту дольше. Он повернулся к Рамде. Тот кивнул.

— Так я и думал, — удовлетворенно сказал он тоном человека, чья сложившаяся ранее и успевшая полюбиться теория только что подтвердилась.

Уотсон попробовал зайти с другого конца.

— И кто же я, сэр, как вы думаете?

Его собеседник улыбнулся своей прежней улыбкой.

— Я не думаю, — ответил он, — но знаю. Вы — доказательство того, что обещал нам великий Рамда Авек. Вы — **ФАКТ И МАТЕРИЯ!**

Он подождал ответа Уотсона. Из-за сильнейшего изумления ответа не последовало. Спустя мгновение Рамда продолжил:

— Разве не так? Разве я неправ? Конечно же, вы — порождение сверхъестественного, мой дорогой сэр. Вы — дух!

Эти слова застали Чика совершенно врасплох. Он был готов к чему угодно... кроме этого. Это было нереально, странно, невозможно. И тем не менее, почему нет? Профессор задался целью навсегда уничтожить завесу, до сих пор бросавшую тень на неведомое, но что ему удалось выяснить? Что открыло «пятно»? Ирреальное или РЕАЛЬНОЕ? И что из этого что?..

Во власти минутного вдохновения Чик увидел себя на перепутье сверхъестественного. Не было времени на раздумья — только на погружение. И, как и подобает сильному человеку, Уотсон нырнул туда, где поглубже.

Он повернулся к Рамде Геосу и тихо сказал:

— Да. Я... я — дух.

XXXI

НАВЕРХ ЗА ВОЗДУХОМ

Вместо тревоги и беспокойства, которые кто угодно чувствовал бы в присутствии явного призрака, Рамд Геос излучал одну лишь глубокую, исполненную благоговения радость. Он почти стеснительно взял Уотсона за руку. В его поведении, лишенном несдержанности, чувствовалось тепло, на которое способно только сердце ученого.

— Как Рамда, — заявил он, — я не могу отказать себе в чести быть первым, кто заговорил с вами. И должен поздравить вас, мой дорогой сэр, с тем, что вы попали не в руки Бара Сенестро, но к одному из мне подобных. Это подтверждение пророчества и доказательство мудрости Десяти Тысяч. Добро пожаловать в Томалию, можете располагать мной как проводником и поручителем.

Чик ответил не сразу. Представившаяся ему возможность относилась к числу тех редких решений, что граничат с гениальными, — всё равновесие его дальнейшей судьбы зависело теперь от одного секундного импульса. Не то чтобы его мучили угрызения совести, но он чувствовал себя стесненным. Сказанное ограничило его. Определенно почти любую роль сыграть было бы легче, чем роль духа.

Он не ощущал себя призраком. В любом случае, он мог только догадываться, как бы повел себя настоящий при-

зрак. Более того, он не мог понять, откуда у Рамды такое предположение. Почему ему так ХОЧЕТСЯ, чтобы Чик был призраком? Уотсон был живым человеком, воплощенным, как и сам Рамда. Он едва ли так представлял себе существование духа. Скорее всего, они оба — люди, и коль скоро один из них привидение, то и другой тоже. Но... как все это объяснить?..

Он снова вспомнил о Рамде Авеке. Слова Геоса «факт и материя» по смыслу точь-в-точь совпадали с тем, что сказал об Авеке доктор Холкомб — «доказательство сверхъестественного».

Возможно ли в самом деле, что эти двое великих, каждый со своего конца, все-таки разорвали темную завесу? Может ли быть, что в этом месте ему, Уотсону, придется выставить себя духом, если он хочет, чтобы его считали настоящим?

Эта мысль его потрясла. Здесь он вынужден будет играть ту же роль, что выпала Рамде по ту сторону «пятна», но не располагая при этом мудростью Авека. Кроме того, было нечто зловещее в неведомой силе, что сумела поглотить столь могучий разум, как у профессора, ибо в то время как Уотсон сам искал своей судьбы, в случае с доктором слишком уж сильно пахло подлой уловкой.

Он повернулся к Рамде Геосу с новым вопросом:

— Этот Рамда Абек... он был человеком вроде вас?

Тот снова просиял и спросил в ответ:

— Так вы его видели!

— Я... я не уверен, — ответил Уотсон, чувствуя себя застигнутым врасплох. — Но имя кажется знакомым. Точно

не припомню, мой рассудок затуманен, мысли путаются. Я помню мир — великолепный мир, откуда я пришел, полный великого множества людей. Но не способен вспомнить своего места в нем. Я с трудом... дайте мне подумать...

Его собеседник кивнул в знак сочувственного одобрения.

— Понимаю. Не перенапрягайтесь. Едва ли стоит ожидать, что кто-то, насильно вырванный из потустороннего мира, окажется среди нас, ничуть не потеряв в своих способностях. Мы немало раз общались с твоим миром и неизменно огорчались тем, что этот разрыв никак нельзя преодолеть. Истинная мысль, пересекая границу, часто становится неопределенной, порой попросту бессмысленной. Такие ответы, взятые из ниоткуда, часто разочаровывают, какими бы талантливыми не были наши медиумы в искусстве общения с мертвыми.

— Мертвыми! Вы сказали... с мертвыми?

— Разумеется, с мертвыми. Разве вы — не покойник?

Уотсон многозначительно покачал головой.

— Ни в коем случае! Только не там, откуда я явился. Мы все там чрезвычайно живые!

Рамда заинтересованно смотрел на него, и в его огромных глазах горело воодушевление — воодушевление прирожденного искателя истины.

— Не хотите же вы сказать, — спросил он, — что вами там движут такие же страсти, как нами тут, среди живых?

— Я хочу сказать, — произнес Уотсон, — что мы ненавидим, любим, даем обеты; среди нас бывают добрые и злые, мы играем в игры и ходим на рыбалку.

Геос потер руки в исполненном достоинства ликовании. Услышанное, очевидно, вписывалось в какую-то другую его любимую теорию.

— Это великолепно, — радостно произнес он, — великолепно! И полностью совпадает с моими положениями. Вы должны повторить это перед Советом Рамд. Это будет величайший день со времен речи Харадоса!

Уотсон задался было вопросом, кто такой этот Харадос, но вернулся к тому, о чем уже спрашивал:

— Этот Рамда Авек — вы собирались рассказать мне о нем. Поведайте же мне всё, что я смогу понять, сэр.

— Ах да! Великий Рамда Авек. Быть может, вы вспомните его, когда ваши мысли немного прояснятся. Мой дорогой сэр, он занимает — или занимал — место главы всех Рамд Томалии.

— Что за Томалия?

— Томалия! Ну, так называется мир — мы его так называем. Физически он включает в себя землю, воду и воздух, политически — здесь располагаются Д'Хартия, Коспия и несколько меньших по численности народов.

— Кто такие Рамды?

— Они возглавляют... возглавляют Томалию. Не как номинальные политические или религиозные главы; они не представляют ни судебную, ни исполнительную, ни законодательную ветки власти, но являют собой истинных вождей, даже выше. Их сообщество можно было бы назвать верховным учреждением мудрости, науки и исследований. Кроме того, они содержат колокол и его храм, а также толкуют пророчество Харадоса.

— Понятно. Вы что-то вроде духовенства.

— Нет. Духовенство ниже нас по положению. Жрецы принимают сан, каким мы решим их наделить, и они исключительно...

— Суеверны?

Глаза Рамды самую малость сузились.

— Нет, вовсе нет, мой дорогой сэр! Они — славные, искренние люди. Просто, не будучи достаточно развитыми умственно, чтобы постигать истинные тайны, истинное знание, они дают всему условное объяснение, основанное на устоявшемся порядке. Не будучи Рамдами, они просто не сознают, что всё можно объяснить точно и исчерпывающе.

— Иными словами, — вставил Уотсон, — они ученые, которые еще не поднялись до плоскости любознательного сомнения.

И снова Рамда покачал головой.

— И не это тоже, мой дорогой сэр. Те, что стоят ниже нас, не невежественны — они просто ближе к уровню масс, чем мы. По сути, руководят людьми именно они — жрецы и им подобные избранные. Но мы, Рамды, руководим руководителями. Мы отличаемся от них тем, что не преследуем никаких материальных целей. Мы стоим на вершине, нас не волнует ничего, кроме справедливости и прогресса, потому наши решения никогда не оспариваются. В силу тех же причин, мы нечасто их выносим. Однако мы намного выше плоскости сомнения, о которой вы говорите — мы давным-давно ее миновали. Это лишь первый этап истинного познания; за ним следуют более высокие уровни, где

для всего сущего есть причина: у нравственности, вдохновения, мысли, эмоций...

— И... у решения Харадоса?

Уотсон не смог бы объяснить, что заставило его это сказать. То был импульс, мгновенное, лишь наполовину осознанное предположение. Но эффект, произведенный его словами на Рамду и сиделку, указывал на то, что он невольно задал тон разговору. Оба вздрогнули, особенно женщина. Уотсон заметил это отдельно в силу врожденного отношения к женскому полу как к более достойному доверия.

— Что вы знаете? — нетерпеливо спросила она. — Вы видели Харадоса?

Что до Рамды, то он смотрел на Уотсона проницательным, задумчивым взглядом. Но в нем по-прежнему светилось любопытство.

— Вы можете сказать нам? — поинтересовался он. — Ну же, подумайте?

Чик понял, что добился своего. Ему достался верный козырь, но он был слишком умен, чтобы сразу же его выложить. Он был сам за себя и нес груз, требовавший точнейшего равновесия.

— Я, действительно, не знаю, — ответил он. — Я... мне нужно подумать какое-то время. Учитывая, каким образом я пересек границу, вам придется подождать. Вы говорили мне о Рамдах в целом. Теперь расскажите мне отдельно об Авеке.

Геос кивнул, словно понимая, какой туман застилает мысли Уотсона.

— Рамда Абек является — или являлся — мудрейшим из нас: глава, вождь, намного более способный, чем остальные.

Однако об этом знало не так много людей за пределами его ближайшего круга; остальным было известно лишь, что он был символическим главой и исполнял свои обязанности по мере необходимости. У Авека было не так много друзей и знакомых. Он был изумительным исследователем. Мы, как вы понимаете, — сообщество людей ученых и стоим за каждым открытием, сделанным в течение сотен и сотен веков, так что сегодня мы представляем собой высшее достижение объединенных усилий и мыслей человека с начала времен. Каждое поколение Рамд должно превосходить предыдущее. Когда я умру и отойду в ваш мир, я должен оставить по себе нечто новое и достойное своего последователя: некую идею, мудрость или деяние, которое может сослужить службу человечеству. По-другому быть Рамдой нельзя. Мы — высшие жрецы, мы служим людям в храме разума, а не догмы. Разумеется, нас не стоит слишком уж высоко оценивать. Любое исследование, продвигаясь вперед, должно наткнуться на преграды; существует много троп в неведомое, весьма похожих на настоящую. Как следствие, среди нас есть адепты разных точек зрения, и каждая ведет своим путем. Сам я — спирит. Я верю, что мы можем общаться с вашим миром, и неоднократно это проделывали. Есть и другие, которые за это не поручились бы; есть Рамды, более склонные к материальной стороне вещей — они, когда доходит до вопросов такого характера, полагаются исключительно на свою веру в учение Харадоса. Есть и те, кто верит в ценность размышлений и убежден, что только с помощью созерцания человек может достичь спелых плодов познания. А во главе всех нас — Рамда Абек!

— Во что же верил он?

— Скажем так — во ВСЁ. Он был эклектиком и придерживался мысли, что все мы немного правы и каждый из нас ужасно ошибается. Однако он твердо стоял на том, что нет такой вещи, которую нельзя было бы доказать, что тайна жизни, оставаясь, несомненно, тайной во всех смыслах этого слова, тем не менее, суть нечто вполне осязаемое и может быть доказана!

Уотсон кивнул. Он вспомнил, как слышал такое же утверждение от другого человека — доктора Холкомба.

— Он годами работал уединенно, — продолжал Геос. — Мы ничего не знали о том, что он делает, пока однажды он не созвал нас всех вместе и не прочитал свою лекцию.

— Свою лекцию?

— Скорее, свое пророчество, ибо иначе его не назовешь. Не то чтобы он очень долго говорил — это было больше похоже на простой доклад. Он объявил, что, по его мнению, пришло время доказать сверхъестественное. Что это осуществимо, и осуществимо только с помощью осязаемых, материальных инструментов; что всё сущее, конечно же, может быть обнаружено. Он собирался раздвинуть завесу, до тех пор заслонявшую сумрак. «Я собираюсь доказать существование сверхъестественного, — сказал он. — Через три дня я вернусь с фактами и материальными подтверждениями. Затем я намереваюсь прочитать свою величайшую лекцию, последнее сочинение, в котором сосредоточится вся моя жизнь. Я предоставляю доказательство на суд ваших глаз, ушей и пальцев. Вы сможете лицезреть истину. А темой моей лекции... темой моей лекции будет “Пятно Жизни”».

XXXII

СКВОЗЬ ВОДЫ НЕВЕДОМОГО

«ПЯТНО Жизни!» А темой лекции доктора Холкомба, обещанной, но так и не зачитанной, было заявлено... «Слепое ПЯТНО»!

Уотсон был искренне изумлён, обнаружив, что эти двое — Холкомб и Абек — одновременно достигли темной завесы. Профессор сказал, что это «будет величайший день со времен Колумба». Так оно и оказалось — вот только мир этого не знал.

— И... Рамда Абек так и не вернулся? — спросил Чик.

— Нет.

— Но от него сюда дошло что-то спустя трое суток? — Уотсон думал, конечно же, о докторе, который исчез в день, когда, как услышал от Рамды Джером, Абеку самому пора было возвращаться.

Но Геос не ответил. Почему — Чику было не угадать. Он решил, что, пожалуй, лучше не давить на него в этом вопросе. В другой раз, если он будет осторожен, ему, возможно, удастся безопасно добиться своей цели. Сейчас нельзя вызывать подозрений. Он счел нужным спросить о другом.

— Абек ушел один?

— Нет. С ним была Нервина. Точнее, она последовала за ним спустя несколько часов.

— А!

Это вырвалось у Уотсона, прежде чем он смог себя сдержать. Рамда внезапно поднял глаза.

— Так вы видели Нервину! Вы знаете ее?

— Это имя... звучит знакомо! — Чик солгал, сейчас он не собирался брать на себя ничего, что могло бы оказаться компрометирующим или ограничивающим. — Кто такая Нервина?

— Она одна из королев. Я думал... мой дорогой сэр, она — одна из королев Томалии, наполовину коспианка, наполовину д'хартианка, дочь первой королевской линии, восходящей еще к дням Харадоса.

Чик поразмыслил минутку, прежде чем направить разговор в совершенно другое русло:

— Вы сказали, что Рамда и эта Нервина независимо друг от друга разгадали загадку «Пятна Жизни» — так, как я понял, вы его называете. И, по всей видимости, «пятно» ведет в потусторонний мир?

— Очевидно, если не определенно. Преимущественно этому помогла мудрость Авека. Он входил в связь с вашим миром с помощью средств, которые сам изобрел и научился применять. Всё это соответствовало пророчеству. С момента их с Нервиной исчезновения во всем мире началось брожение. Ведь было предсказано, что в последние дни мы свяжемся с той стороной, что кто-то придет, а кому-то придется уйти. Например, ваше прибытие было предсказано Харадосом с точностью почти до часа.

— Так это была счастливая случайность, — произнес Уотсон. — В моем случае НЕ БЫЛА замешана мудрость Авека или его учение.

— Верно. Однако это доказывает, что Рамды исполнили свой долг. Мы всё это время знали о «Пятне Жизни». Оно должно было оставаться закрытым до тех пор, пока мы путем объединения усилий разума и добродетели не сможем подняться до уровня высшего мира — вашего. Но мы не смогли бы открыть его сами. Рамде Авеку нужно было наладить связь с вашей стороной, прежде чем он смог бы применить открытые им законы.

Чик почему-то почувствовал восхищение этим Рамдой. Люди его склада были способны лишь на одну форму служения: экзальтированную и самоотверженную, посвященную развитию разума. Если Рамда Абек был таким же, его стоило уважать, а не ненавидеть. Что же до Харадоса... Уотсон никак не мог понять, кто это был — видимо, пророк или учитель, чье имя сияет из прошлого и чтится испокон веков.

«Слепое пятно» стало чуточку менее зловещим. Уотсон уже узнал о Храме Листа или же Колокола, Рамдах и их философии, огромном янтарном солнце, гигантских птицах, музыкальном кадансе благоуханного воздуха и заявлении Рамды Авека, которое можно было сравнить с работой и утверждениями доктора Холкомба.

Мир «Слепое пятно»!

Словно в ответ на напряженный ход мыслей, Уотсон внезапно почувствовал, что ужасно голоден. Он смущенно огляделся вокруг, и Рамда Геос, улыбаясь, понял значение этого взгляда. По его слову женщина покинула комнату и вернулась с одеждой темно-красного цвета, похожей на банный халат. Когда Чик надел его вместе с парой шелковых туфель, Геос предложил ему следовать за собой.

Они вышли в коридор.

По форме и окрасу стен он во многом напоминал комнату, которую они только что покинули, и вел в другое помещение; оно, будучи намного больше (около пятидесяти футов в ширину), было окрашено в глубокий, холодный оттенок зеленого. Его потолок, сомкнутый, как и предыдущие, казалось, был сооружен из материала, который светился сам по себе, излучая свет и тепло. Четыре или пять столов, по виду сделанных из черного дерева, были расставлены вдоль стен. Когда они сели за один из них, Рамда положил пальцы на некие круглые белые, цвета альны, пуговики, тянувшиеся вдоль кромки стола.

— В вашем мире, — извиняющимся тоном заметил он, — вас наверняка позабавили бы наши неуклюжие повадки, но пока что это лучшее, до чего мы додумались.

Он нажал на кнопку. В ту же секунду, без единого звука или любой другой подсказки, стол оказался уставлен золотыми блюдами с едой, а также парой кубков размером с кувшины, наполненных до краев темно-зеленой жидкостью, издававшей аромат почти что опьяняющий — не хмельной, несколько более утонченный. Рамда, не обращая внимания на изумление Уотсона или попросту не заметив того, какое впечатление все это произвело на последнего, поднял свой бокал, как и полагается радушному и щедрому хозяину.

— Можете пить, — предложил он, — и не бояться. Это не спиртное — если мне будет позволено употребить слово, которое, как я надеюсь, в ходу в вашем мире. Могу также добавить, что это — одно из лучших угощений, которые мы можем предложить вам, пока вы с нами.

И в самом деле, это было не спиртное. Уотсон сделал глоток и отметил про себя, что, если всё в Томалии наравне с этим напитком, то он определенно попал в мир, находящийся куда выше его собственного. Ибо одного глотка было достаточно, чтобы по его венам пронесся трепет, чем-то похожий на наслаждение от замечательной музыки, — искрящийся восторг, от которого рассудок сверкал чистотой и в блаженстве начинал работать со скоростью гениального.

Позже Уотсону не пришлось столкнуться с последствиями, которые бывают от алкоголя или наркотиков.

Это был самый странный прием пищи на памяти Уотсона. Еда была очень ароматна, безупречно приготовлена и подана. Только одно блюдо напомнило ему мясо.

— Вы едите мясо? — спросил он. — Это похоже на плоть. Геос покачал головой.

— Нет. У вас по ту сторону есть плоть для еды? Мы создаем всю свою еду.

СОЗДАЕМ ЕДУ! Уотсон решил просто ответить на вопрос:

— Насколько я помню, Рамда Геос, у нас есть сорт мяса под названием говядина — плоть определенного сорта животных.

Рамда живо заинтересовался.

— Они большие? Кое-кто толковал Харадоса в этом духе. Скажите, они так выглядят? — он достал из кармана серебряный свисток и, приложив его к губам, выдул две короткие пронзительные ноты.

Немедленно из коридора донеслось характерное постукивание «ка-тук, ка-тук, ка-тук», какое зачастую издает бе-

гущее копытное. Прежде, чем Уотсон успел что-либо предположить, нечто угольно-черное завернуло из коридора, буквально ворвалось в комнату и приблизилось к ним. Геос поднял животное.

Это была лошадь. Изумительно сложенная лошадь, прекрасная, как арабский жеребец, и не выше девяти дюймов в холке!

Да, Чик был в «Слепом пятне» и в сознании, хоть и не так долго. Он знал, что попал точно в такое же положение, в котором был Рамда Абек в то утро на пароме. Чик вспомнил картины, изображающие карликового оленя и миниатюрных котят. И все-таки он был безмерно удивлен.

Малютка заржала — это был тоненький, смешной звук, если сравнить с ржанием коня обычных размеров — и принялась бить копытом в край стола.

— Что он хочет?

— Пить. За это они что угодно сделают! — Геос нажал на кнопку и в ту же секунду получил еще один кубок. Он поднес его крохотной кобылке, которая засунула туда голову по самые ноздри и принялась пить так жадно, словно першерон весом в тонну. Уотсон похлопал ее по бокам: туловище было на ощупь как шелковая пряжа, ноги симметричные, великолепной формы. Начиная с путовых суставов, они были меньше обычных карандашей.

— Они все такого размера?

— Да, все. Почему вы спрашиваете?

— Потому что, — он не видел, чем такие сведения могут навредить, — насколько я помню, лошади по ту сторону раз в тысячу больше. Люди ездят на них верхом.

Рама кивнул.

— В книгах Харадоса так и сказано. У нас самих когда-то были такие звери. Были бы и сейчас, если бы не жестокость и глупость наших предков. Это самый большой грех на памяти Томалии! Когда-то у нас были животные, большие и маленькие, а с ними и вся милость Природы. У нас были лошади, и, я полагаю, то, что вы называете говядиной, тоже, как и тысячи других созданий, которые служили человеку едой, помощью и товарищами. И за всё содеянное ими благо наши предки их истребили!

— Почему?

— Это была небрежность, бездумная и самовлюбленная. Пришло время, когда развитие нашей цивилизации сделало возможной жизнь без этих созданий. Когда производство машин приобрело широкие обороты, мы сочли животных бесполезными. Тем, для кого у нас больше не было применения, мы отказали в праве на продолжение рода. На лесных обитателей охотились с помощью мощных орудий убийства, и они исчезли за пару столетий — их уничтожили. А с ними закончилась и эпоха высочайшего искусства — эпоха одомашненных животных. Наши лучшие картины, самые благородные скульптуры восходят к этому времени — все эти бесценные реликвии, которые мы называем классическими. Вместо этого наступила эпоха механизмов. Человек и сам превратился в механизм — лишенный чувств, лишенный любви к естественному. Мясо производилось искусственно, как и молоко.

— То есть даже коров не оставили?

— Именно так — коровье молоко стало считаться устаревшим. Люди относились к нему как к грязному, годному только для телят. Им хотелось исключительно стерильно чистого; они объявили войну бактериям, микробам и самой Природе в целом. Корова превратилась в пережиток прошлого, продукты которого никогда не были особо надежными. Не нуждаясь ни в мясе, ни в молоке, наши вегетарианцы и пуристы постепенно совсем их извели. Это было странное время — прагматичное, научное, эгоистичное...

И он принялся рассказывать, как человек начал терять возможность испытывать эмоции. Не было животных, что зависели бы от него и сдабривали бы его душу щепоткой милосердия; он думал теперь только о собственной славе. Он стал, точно одна из его машин, идеальной совокупностью безупречно подогнанных частей, но без высшего начала, без души, без чувства. Он опустился ниже скота. Животные исчезли одно за другим, уходя по тропе смерти в мир за «Слепым пятном», оставляя позади хрупких выживших — игрушки, которым отпустили срок дольше, чем остальным, ради пустой прихоти.

— Ваше учение о духах включает и животных?

— Само собой, всё, в чем есть жизнь!

— Понятно. Позвольте спросить: почему же Рамды не вмешались и не положили конец этому бессмысленному надругательству над природой?

Рамда улыбнулся.

— Вы забываете, — ответил он, — что эти события принадлежат дремучей древности. Рамд тогда не существовало. Это было еще до пришествия Харадоса.

Уотсон задумался. Как мог этот Рамда Геос (если только он человек) принять его, Уотсона, за духа? Осязаемая плоть не очень вписывалась в его, Чика, представления о неземном. Как это объяснить? Ему пришлось снова обратиться к Холкомбу. Доктор без вопросов принял естественность Авека, его тело, его потребности. Вполне разумно, что Геос отнесся к Уотсону точно так же.

И потом — Харадос: его имя всплывало ежеминутно. Кем он был? Пока что Чик не слышал ничего, что могло бы дать подсказку. Совершенно точно было одно: Рамда Геос принял его за духа, за факт и материю, обещанные Авеком. Но... где же доктор?..

Чик рискнул спросить:

— Мое прибытие было, как я понимаю, предсказано Рамдой Авеком. Совпадает ли это со словами Харадоса?

Рамда выжидающе поднял глаза и сказал с явным волнением:

— Вы можете что-то рассказать о Харадосе?

— Не будем об этом, — уклончиво ответил Уотсон. — Не исключено, что я сумею поведать вам немало такого, что вы хотели бы знать. Я же желаю выяснить, насколько хорошо вы подготовились к тому, чтобы встретить меня?

— Так вы пришли от Харадоса!

— Вполне вероятно.

— Что вы знаете о нем?

— Вот что: меня кто-то опередил! Факт и материя — вы и должны были получить их в течение трех дней! Разве не так?

Глаза Рамды горели от нетерпения.

— Так это ВСЁ-ТАКИ ПРАВДА! Вы от Харадоса! Вы знаете великого Рамду Авека... вы его видели!

— Видел, — признался Уотсон.

— В другом мире? Вы помните?

— Да, — сказал он. — Я видел Авека... в другом мире. Но скажите мне кое-что. Прежде, чем мы двинемся дальше, я хотел бы знать ответ на один вопрос: кто-нибудь прибывал сюда до меня?

— Нет.

Уотсон был обескуражен, но не подал виду.

— Вы уверены?

— Вполне, мой дорогой сэр. За «Пятном Жизни» неотрывно наблюдали с того момента, как Рамда оставил нас.

— Вы хотели сказать: он и Нервина?

— Именно. Она отправилась вслед за ним спустя несколько часов.

— Ясно. Но вы сказали, что меня никто не опережал. Кто именно стерег это... это «Пятно Жизни»? Рамды?

— Они и Бары.

— А! А кто такие Бары?

— Военное духовенство. Их предводитель — великий Бар Сенестро.

— И бывало ли, что эти Бары во главе со своим Сенестро сторожили «Пятно Жизни»?

Геос кивнул, и Уотсон продолжил:

— А кто такой этот Сенестро?

— Он — глава Баров и принц Д'Хартии. Он обручен с двумя королевами, Арадной и Нервиной.

— С ДВУМЯ?

Тут Уотсон узнал нечто довольно необычное. По всему выходило, что принцы Д'Хартии всегда женились на королевах. У этого Сенестро был брат, но он умер. А в таком случае по нерушимому обычаю оставшийся в живых брат должен был жениться на обеих королевах. До этого подобное в истории случалось только раз, но прецедент был железным.

— Стало быть, этому ничего не может помешать?

— Ничего, кроме разве что пророчества Харадоса. Теперь мы знаем (весь мир знает!), что День Жизни приближается всё стремительнее.

— Конечно, День Жизни! — Уотсон решил рискнуть еще раз. — Это связано с бракосочетанием двух королей!

— Вы ЗНАЕТЕ! — радостно воскликнул Рамда. — Расскажите мне!

— Нет. Сейчас я задаю вопросы.

Мозг Уотсона работал со скоростью молнии. То ли это сказывалось действие странного напитка, то ли не менее странная власть обыкновенного вдохновения, но сейчас он был более уверен в себе, чем когда-либо ранее. Кажется, настал день для отчаянного риска.

— Скажите мне, — потребовал он, — как День Жизни связан с двумя королевами и их помолвкой?

Рамда проглотил свое любопытство.

— Это одно из туманных мест в пророчестве. Некоторые ученые считают, что затруднение вроде этого есть предзнаменование конца и прихода избранного. Однако другие возражают против подобного толкования по причинам сугубо материальным, ведь, женившись на обеих королевах, Бар

Сенестро станет единственным правителем Томалии. До сих пор у нас лишь однажды был единоличный властитель. На протяжении веков наших королев всегда было две: одна для Д'Хартии, другая — для Коспии.

Уотсон хотел бы узнать гораздо больше. Но ему показалось, что от его роли теперь ожидается действие, дерзкое и решительное.

— Рамда Геос... я не знаю, как вы трактуете пророчество. Но уверены ли вы, что никто до меня не проходил через «пятно»?

— Совершенно. Почему вы так упорно спрашиваете?

— Потому, — сказал он медленно, с предельной тщательностью подбирая слова, — что некто куда более великий, чем я, пришел сюда до меня!

Рамда взволнованно поднялся на ноги, затем снова рухнул в кресло. В его глазах не было ничего, кроме нетерпения и почтительного изумления. Он подался вперед.

— Кто он? Когда это было?

Голос Уотсона был тверже камня.

— Это сам великий Харадос!

XXXIII

ДОРОГА К ЦЕЛИ

И снова, уже далеко не в первый раз Уотсон решил рискнуть, делая ставку. Он поставил на то, что эти создания, какими бы сверхъестественными и развитыми они ни были, остаются все же в достаточной мере людьми, чтобы основывать свое пророчество на старых принципах. Коли он прав, то личность Харадоса остается неприкосновенной. Если профессор тайно удерживается где-то в качестве узника, а молва разнесет, что он — истинный вернувшийся пророк... это не только придаст Холкомбу огромную значимость, но и сделает положение тех, кто пленил его, совершенно несостоятельным.

Чикку не надо было проявлять чудеса проницательности, чтобы понять — он ударил по живому. Он сумел учесть тот факт, что исследования Рамд были тесно переплетены со спиритизмом. Само собой, Уотсон внутренне ликовал, увидев, как недоверчиво смотрит на него Рамда Геос, как побелело его напряженное лицо, словно у человека, услышавшего святотатство.

Геос встал со своего места, намертво вцепившись в стол, и воскликнул:

— Харадос! Вы сказали — Харадос? Он появился среди нас, а мы не знали? Вы точно уверены в этом?

— Да, — подтвердил Уотсон и встретил его испытующий взор, не дрогнув.

Сработает ли? По крайней мере, он получит возможность действовать! А теперь, когда он почувствовал, что становится собой прежним, ему не терпелось поскорее сдвинуться с места. Любое подобие страха оставило его. Он невозмутимо кивнул.

— Всё верно. Однако сядьте. Мне еще кое-что нужно вам рассказать.

Рамда вернулся на место. Было очевидно, что его уважение за последние несколько секунд возросло во сто крат. С этого мгновения можно было заметить, как значительно изменились его манеры, а в его речи при обращении к Чикку стало мелькать выражение «мой господин» — выражение, к которому Уотсон довольно легко привык.

— Сомневаетесь ли вы, Рамда Геос, что я пришел от Харадоса?

— Нет, я уверен в этом!

— Понимаю. Но Харадоса вы не ждали.

— Не сейчас, мой господин. Пришествие Харадоса должно было произойти незадолго до Дня Суда. Но это не могло случиться так скоро — не было знаков и предзнаменований. Сперва мы должны были решить задачу — понять, в чем смысл тени, каково предназначение духа. Мудрость Рамды Авека подсказала ему, что день приближается; он открыл «Пятно Жизни» и шагнул в него. Но он НЕ посылал факта и материи.

Уотсон улыбнулся. Видимо, за всей премудростью Рамды Геоса скрывалось достаточно суеверий, чтобы с ним можно было договориться. Однако Чик спросил:

— Ответьте мне, вы, как человек ученый, как Рамда, верите пророчеству безоговорочно?

— Да, мой господин. Я — спирит, и, если учение спиритизма — истина, то и Харадос, и его пророчество были истинной. В конце концов, мой господин, это ведь не легендарное сказание, но история. Харадос пришел во время расцвета цивилизации, когда люди могли увидеть и понять его. Он передал нам записи своей доктрины и ввел в Томалии свои законы. Затем он ушел через «Пятно Жизни».

Продолжая, Рамда Геос сказал, что учения Харадоса были направлены не только на разум, но и на нравственность. Более того, закончив слагать законы, он вынес свое суждение.

— И в чем оно состояло?

— Он увещевал нас, мой господин, доказать, как высоко мы ценим разум. Мы обязаны были использовать его, чтобы подтвердить, что мы его достойны, поднявшись до уровня «Пятна Жизни». Иными словами, «пятно» должно было открыться тогда — и только тогда! — когда мы постигнем тайны сверхъестественного и... откроем его сами!

Уотсон частично понял, о чем речь. Он поинтересовался:

— Поэтому вы доверяете мне?

— Вам, мой господин? Полностью! Вас нашли в Храме Колокола и Листа — не в самом «пятне», если быть точным, а на полу храма. И внешне, и своей одеждой вы подходили на пришельца из другого мира. Ваше пришествие было обещано Рамдой Авеком, и вы, в каком-то смысле, являетесь частью пророчества. Для нас это очевидно!

— Однако я говорю на вашем языке. Объясните это, Геос.

— Тут нечего объяснять, мой господин. Мы приняли это как должное. Дух не может быть связан ограничениями рукотворной речи! То, что вы беседуете на томалийском, не более странно, чем то, что Рамда Абек, попав в ваш мир, понимает ваше наречие.

— Мы называем свой язык английским, — сообщил Уотсон. — Это язык, которым владеем я и Харадос.

— Расскажите мне о Харадосе, мой господин! — выпалил Рамда с прежним жаром. — Что он такое... в том, другом мире?

Такую возможность Чик не собирался упускать. Поведав о докторе Холкомбе чистую правду, он лишь укрепил свои позиции в глазах Рамды Геоса.

— В нашем мире, который мы называем Землей, в огромной стране Америке, Харадос — Рамда, во многом похожий на вас. Он — глава и председатель Рамд, руководитель великого учреждения, чья деятельность посвящена разуму. Оно называется Университет Калифорнии.

— А эта Калифорния — что это такое, мой господин?

— Название, — ответил Чик. — Сразу с другой стороны «пятна» начинается местность, именуемая Калифорнией.

— Земля обетованная, мой господин!

— Воистину так! Даже там есть люди, называющие ее раем!

И он принялся рассказывать о своей родине: лесах, городах, животных, горах, небе, луне и солнце. Дойдя до дневного светила, он объяснил, что никто не смеет в те-

чение долгого времени смотреть на него невооруженным глазом. Его невообразимый жар и великолепие потрясли Геоса.

Говоря о себе, он небрежно обронил, что помолвлен с дочерью Холкомба, то есть, как будущий зять пророка Харадоса, является чем-то вроде Младшего Рамды. Он заявил, что пришел от потусторонних Рамд с той стороны «пятна», в поисках Харадоса, исчезнувшего незадолго до этого. Что же до смущения, владевшего им поначалу, и его замешательства — так ведь он пока только Младший, и «пятно», само собой, полностью парализовало его чувства. Даже сейчас, предупредил он, ему нелегко в точности воссоздать всё в памяти.

Рамда Геос внимал всему этому с выражением, близким к благоговению. Он слышал описания чудес, о которых в Томалии и подумать не могли. Как возможный зять Харадоса, Уотсон автоматически поднялся на недостижимую высоту, и, если ему удастся удержаться на ней, мог рассчитывать на авторитет, уступающий разве что авторитету самого пророка.

Внезапно ему в голову пришел вопрос. От одной мысли о нем его сковало ужасом — ужасом незнания. И касался этот вопрос ВРЕМЕНИ.

— Как долго я здесь пробыл, Рамда Геос?

— Более одиннадцати месяцев, если следовать нашей системе исчисления. Вас нашли на полу храма триста пятьдесят семь дней назад — вы были безжизненны. Вы, должно быть, пролежали там несколько часов, мой господин, прежде чем были обнаружены.

— Одиннадцать месяцев! А казалось, что столько же минут... И я был без сознания...

— Всё это время, мой господин. Конечно, я мог бы пробудить вас через три дня после вашего прибытия, однако у меня никак не получалось добиться на это разрешения. Дело в том, что вас наблюдали величайшие специалисты Томалии, причем, и я был среди них. Совет Рамд собрался на внеочередное заседание, едва вы, мой господин, материализовались, и с тех пор заседал почти непрерывно, решая, как с вами поступить. Теперь, когда вы пробудились, они лично ожидают вашего появления. Они вас принимают. Они не знают, кто вы, мой господин: никто из нас не догадывался и о сотой доле правды. Весь совет ждет!

Но Чик хотел большего. Кроме того, он взглянул на свою одежду.

— Я бы желал снова надеть то, в чем прибыл, Геос! А также получить назад все вещи, найденные вместе со мной.

Уотсон думал о маленьком, но мощном самозарядном пистолете, который был у него при себе в ту ночь, когда он попал в «Слепое пятно». Проход между мирами всё еще представлял собой немалую загадку: если ему, Чику, удалось уцелеть, был шанс, что и с оружием случилось то же самое. Может, оно сможет навредить сверхъестественному, может, нет. В любом случае, он дорожил мыслью об этом пистолете — с ним он не был бы безоружен в случае опасности.

Они вернулись в комнату, в которой проснулся Чик. Рамда оставил его одного. Спустя несколько мгновений он возвратился с двумя мужчинами. Чик отметил их манеру

держаться, двигаться, их форму и решил, что это — солдаты. Военные остановились за дверью: один — крепкий, смуглый тип в голубой униформе, другой — стройный, атлетического сложения, светловолосый и голубоглазый, в ярко-алом платье. Чик инстинктивно отдал предпочтение второму — в этом парне чувствовалось достоинство, свет и сила, которые были ему по душе. Первый показался ему мрачным, недобрый и зловещим.

Оба были в сандалиях, а на головах красовались любопытного вида киверы, сделанные из мягкого ворса, но не меха. Солдаты были вооружены чем-то наподобие копья из какого-то сверкающего черного материала, сужающегося к конусу, так что кончик был не толще иголки. Но больше оружия не было.

Уотсон указал на униформы.

— Что они означают, Геос?

— Один из них от королевы, мой господин, другой — от Бара Сенестро. Голубой — цвет Баров, алый — королев. Бар и королева послали вам личную охрану вкупе с надлежащим почтением.

Чик взял принесенный Геосом узел и принялся облачаться в свою одежду, глубоко удовлетворенный тем фактом, что его вещи прибыли такими же невредимыми, как и он сам. Он осторожно ощупал набедренный карман — пиштолет все еще был там, равно как и запасная обойма, которую он в ту ночь захватил с собой. В других карманах он нашел две пачки сигарет, кисет с табаком, кое-какие документы, несколько монет, мелочь и две фотографии — Берты и ее отца. Всё оставалось нетронутым.

Он сказал, что готов.

Рамда провел его по коридору, где была расставлена стража: по одну сторону стояли сурового вида мужчины, облаченные в алое, по другую — в голубое. Эти люди сходились в две шеренги разного цвета за их спинами.

Здание оказалось огромным. Коридоры были длинными, с высокими потолками, сплошь сводчатыми, и цвета их перетекали из одного в другой на поворотах — не угловатых, но плавных. Очевидно, у всякого цвета имелся свой скрытый смысл. Комнаты, в которые Чику удавалось заглянуть, были одинаково велики, красивы и хорошо освещены.

Стража двигалась, держа еле слышный ритм; громче всех ступали отделанные кожей сапоги Уотсона, в кои-то веки заглушившие несмолкающий звенящий отголосок невидимых сказочных колокольчиков, эту струящуюся мелодию, не останавливающуюся ни на секунду, серебряную, подвижную, словно сама душа звука.

Хотя Уотсон шел, подняв голову, его глаза подмечали всё, мимо чего он проходил. Он обратил внимание на материал, из которого было построено здание, и попытался подобрать ему название: стены, будучи не гипсовыми и не каменными, были безупречно отполированы и каким-то образом обладали способностью источать аромат — легкий и приятный, не слишком тяжелый и не удушливый. А в темных проходах стены светились.

Коридор расширился и, изящно изогнувшись, перешел в широкую лестницу, которая спускалась — или, скорее, ниспадала, если использовать слово, которым описал свои

впечатления Уотсон — вглубь здания. По правую сторону от первого пролета было большое окно до пола; его стекла были прозрачными, а не заиндевевшими, как в предыдущих.

Чик наконец смог взглянуть на то, что находилось снаружи — на радужный ландшафт, сперва потрясающе сильно напомнивший океан опалов, до того он был богат оттенками красного, пурпурного и молочно-белого, со вспышками ярко-желтого и голубого, — сияющая путаница из пляшущих, веселых красок, порхающих в неустойчивой многоцветной гармонии. Таково было его первое мимолетное впечатление.

На следующем пролете он смог присмотреться получше. Чем-то всё это было схоже с исполинской чашей, полной пузырьков: такая же иллюзия движения, та же чарующая утонченность цвета, вот только теперь всё это казалось не мешаниной разнородных частиц, но самой жизнью. Тут были цветы, нежные, как радуга, тонкие, изгибающиеся, дышащие, сплетающиеся в запутанный лабиринт хитроумных оттенков; длинные ростки, по красоте подобные орхидеям, вздымались вверх и, извиваясь, склонялись к земле. То было огромное море всеохватывающего цветения... и ни одного дерева...

— Это наш пейзаж, — заговорил Рамда. — Если верить Харадосу, здесь всё совсем не так, как в следующем мире... в вашем мире, мой господин. После вашей встречи с Рамдами я отведу вас в Маховисал, чтобы вы могли поближе всё рассмотреть.

Они достигли подножия лестницы. К этому времени Чик уже обратил внимание на то, как была построена лест-

ничная площадка: создавалось впечатление, будто она высечена, а не построена. Вестибюль был размером с настоящий зал, с высоким купольным потолком, такой большой, что вместил бы и сотню человек. Как и в коридоре за дверью комнаты Чика, здесь выстроились шеренги стражей, облаченных в алое и голубое.

Первые неизменно были светловолосыми, стройными и подвижными с виду, вторые — крепко сбитыми, мрачными, внушительными. В конце две линии сходились у арочного дверного проема, очень большого, над которым виднелось украшение в виде трехлистного клевера. Один листок был алым, другой — синим, а третий — зеленым.

Дверь открылась. Стражи остановились. Геос с поклоном отошел в сторону, и Уотсон направился вперед, чтобы предстать перед Советом Рамд.

XXXIV

БАР СЕНЕСТРО

Для Чика это был решающий момент. Повинуясь внутреннему порыву, он положился на вероятность, за которую теперь должен был держаться перед лицом объединенной мудрости этих ученых мужей. Он был один, никому было направить его, кроме Геоса, который, несомненно, был ему другом, но который так же несомненно покинет его при малейшем намеке на обман.

Он оказался в большой круглой или, точнее, овальной комнате, тоже со сводчатым потолком, но гораздо более красиво окрашенной — в лазурно-голубой. В стены были врезаны продолговатые, узкие окна, достававшие до изгиба, где стены мягко перетекали в потолок. Они были застеклены уже упоминавшимся полупрозрачным материалом, который, однако, слегка отливал зеленым, так что всё собрание было освещено мягким, спокойным и прохладным светом.

На стене напротив входа была огромная копия виденного ранее Чиком украшения в виде клевера, по сути, сияющий драгоценный камень, цвета которого сплелись в почти что плававшую троицу. Чик не мог сказать, был ли свет искусственным или природным. На полу разместилось около трехсот столов вроде библиотечных и столько же людей с отличительными признаками Рамд. Все они были гладко

выбриты, относительно высокого роста и держались с изяществом, способным поразить любого, кто знаком с понятием врожденной наследственной культуры. Во всем зале витал дух учения, правосудия и высшего суда.

На мгновение Уотсоном овладели слабость и нерешительность. Он мог храбриться перед Геосом и Авеком, но перед лицом такого собрания уже не был так уверен в себе. Только одно могло подбодрить его — лица, в которые он смотрел. Все они светились изумленным почтением.

Затем он огляделся повнимательнее. Он вышел на широкую платформу или, вернее, помост. Только сейчас он заметил, что по обе стороны от него стоят два трона; казалось, они были сделаны из золотистого янтаря. На правом сидел мужчина, на левом — женщина. Обнаружив этих двоих, Чик удивился.

Во-первых, мужчина не был Рамдой. Его разукрашенное самоцветами одеяние, похожее на доспех, выглядело внушительнее, чем исполненные достоинства одежды Мудрецов: кираса, усыпанная драгоценными камнями, и сандалии на ногах; руки же были обнажены. В то же время его наряд как будто бы сбивал ему цену. Незнакомец был облечен властью, царственен, с той манерой держаться, которую порождают земные амбиции и достижения. Он был странно привлекателен: живой, хорошо сложенный, с выющимися волосами и зоркими темными глазами; за исключением очертаний рта он мог бы сойти за модель для античного скульптора.

Уотсон изучал историю. Перед ним сидело воплощение трех сильных натур, нечто вроде смеси Нерона, Калигулы и

Александра: в нем были чувственность первого, жестокость второго и безотчетный пыл и величие бессмертного македонца. Мужчина улыбался, и улыбка его была не веселой, но скорее исполненной интереса и насмешливого терпения.

Когда их глаза встретились, Чик уловил притягательную силу его личности, то же ощущение призрачности, которое они с Гарри Венделом заметили в Нервине. Вот только здесь оно было отрицательным, сопротивлялось, а не помогало. Вокруг трона стояло несколько облаченных в голубые униформы стражников, с лицами смуглыми, стойкими, полными несокрушимой твердости, но не очень вдумчивыми.

На втором троне сидела девушка. Чик достаточно услышал от Геоса, чтобы знать, кто она: Арадна, одна из королев — хрупкая, изящная, голубоглазая девушка с копной вьющихся золотисто-соломенных волос, свободно лежащих на плечах. Она тоже была одета в духе классики, однако со штрихами современности, проявлявшимся в появившихся тут и там лентах. Платье было в тон алой форме ее стражей и было сшито на плечах так, чтобы одно оставить обнаженным вместе с рукой. Лоб венчала полоска темносиних камней, и больше украшений на ней не было.

На вид ей было не больше семнадцати или восемнадцати лет. Она обладала пронзительными фиолетовыми глазами, губами цвета мака и чертами лица, подвижными от радости и смеха и светившимися всей невинностью, которую можно было бы приписать королеве эльфов. Чик невольно сравнил ее с Нервиной.

Старшая королева обладала тонкой притягательностью, безотчетной пленительностью, уравновешенностью и реши-

мостью, подчинявшей всё вокруг ее воле. Арадна была не такой. На ее стороне были сила искренности, прямота и открытый девичий восторг, а еще — очарование и намек на пробуждающуюся женственность. Встретившись глазами с Уотсоном, она улыбнулась — эта улыбка была свободной, ничем не сдержанной, и шла от счастливого сердца. Она сказала что-то одному из стражей, и тот кивнул в ответ, как сделал бы скорее друг, чем придворный.

Уотсон повернулся к Геосу, который стоял немного в стороне и позади.

— Арадна?

— Да, королева Д'Хартии. Мужчина по ту сторону — Бар Сенестро.

Что бы Чик не испытывал к одному из них, уравновешивалось его чувствами к другой. Он оказался между двух сил: здоровый прагматизм утверждал, что следует держаться подальше от Бара — недоверчивого, могущественного и безжалостного человека, с которым нельзя не считаться, а тяга к прекрасному призывала к молодой королеве.

Геос шагнул вперед, и всё собрание Рамд поднялось на ноги — это движение было исполнено и достоинства, и почтения. Хотя Чик был чудом в их глазах, не было ни неподобающих взглядов, ни любопытных споров. В зале царили спокойствие, непринужденность, уравновешенность; единственным слышным звуком была всё та же тихая музыка невидимых колокольчиков.

Рамда Геос заговорил. Одновременно он по-дружески положил руку на плечо Уотсона — знак, по которому все остальные Рамды вернулись на места.

— Факт и материя, братья мои!

Геос сделал паузу, чтобы все поняли значимость того, что он только что произнес. Затем парой быстрых фраз описал суть дела, начав с кое-каких рассуждений и прочих подробностей, понятных Уотсону лишь наполовину; он часто ссыался на Харадоса и толкователей пророчества, потом упомянул свою основную специализацию — спиритизм, а также высказал свое отношение к вопросу материализации. После этого он перешел к отчету о появлении Уотсона в храме, его долгом сне и окончательном восставлении. Гораздо подробнее он изложил суть их бесед.

До этого момента Рамды и не шелохнулись. Чик бросил взор на Арадну. Она слушала, подперев подбородок рукой; ее голубые глаза светились удивлением и естественной, неподдельной детской радостью.

Тут взгляд Чика перехватил Бар, и вновь прибывшего пробрала холодная дрожь от расчетливости, тяжелой циничности этого скептика и от странного предчувствия; эти глаза обжигали, точно пламя, лед или сталь. Уотсон мог лишь удивляться красоте и уму этого человека, его духовному превосходству, кричавшему о себе даже здесь, в присутствии Рамд.

Геос продолжал, на этот раз он изъяснялся просто. Уотсон ощущал, какое тот испытывает к нему почтение, он его чуть ли не обожествлял. Рамды слушали с явно всё возрастающим интересом, Арадна слегка подалась вперед. Даже Бар отвлекся от Уотсона, чтобы уделить больше внимания говорившему. Ибо Геос повел речь о Харадосе. Геос

был столь же замечательным оратором, сколь и мистиком; он мастерски передавал слова Чика... и вот вершина: сам Харадос появился среди них, и... они его упустили!

На мгновение повисла тишина, затем раздался шорох общего обсуждения. Чик наблюдал, как Рамды склоняются, чтобы пошептать друг с другом. Сможет ли он выстоять против них?

Но никто из них не взял слово. После первой волны тихих переговоров они снова погрузились в молчание. Напряженную тишину нарушил Бар Сенестро.

— Могу я спросить, Рамда Геос, что заставило тебя выступить с таким утверждением? Для начала, как ты докажешь, что этот человек, — он кивком указал на Уотсона, — не является просто одним из нас же, д'хартианцем или коспианцем?

Геос немедленно ответил:

— Вы знаете, как его нашли, Бар Сенестро. Или у вас нет глаз? — судя по всему, Геос был уверен, что иных доказательств не требуется.

— Разумеется, — благодушно отвечал Бар. — У меня весьма зоркие глаза, Рамда Геос. А помимо них, есть еще и рассудок, дабы размышлять. Но вот воображение, боюсь, меня подводит. Я вижу перед собой существо, ничем от меня не отличающееся. Как вы докажете, что оно — подтверждение сверхъестественного?

— Вы скептик, — просто ответил Рамда. — Даже глядя на него в упор, вы полны сомнений. Но разве же вы не помните слов великого Авека? Разве не знаете пророчества Харадоса?

— Истинно так, Геос — помню и то, и другое. Особенно надпись на стене храма. Разве не сказал сам пророк: «И смотрите, в последние дни появятся меж вас самозванцы. Их вам надлежит побивать»?

— Всё это так, Бар Сенестро. Но вы хорошо знаете, как и все мы, что истинное пророчество должно исполниться, когда откроется «пятно». Разве его исполнение не началось тогда, когда Абек и Нервина прошли на другую сторону?

— Исполнение, Геос? Быть может, то был знак, предвещающий появление обманщиков! Конец не наступит, пока ВСЕ условия не будут соблюдены!

Но тут сочла за должное вмешаться Арадна.

— Сенестро, ты готов осудить этого человека, не дав ему сказать ни слова в свою защиту? Разве это честно? Кроме того, он не кажется мне похожим на обманщика. Мне нравится его лицо. Быть может, он — один из избранных!

Это последнее слово заставило Бара нахмуриться. Его взор медленно переместился на Уотсона; он быстро смерил его глазами, в которых читался холодный расчет.

— Очень, очень верно, о Арадна. Я бы и сам хотел позволить ему сказать что-нибудь от себя. Пусть позабавит нас своими речами. Что ваше величество хотели бы услышать, о Арадна, от этого призрака?

В его речах звучала ядовитая насмешка Чик резко повернулся к Бару. Их взгляды скрестились, и встреча эта не очень-то польстила Уотсону. Он был слегка неустойчив, самую малость сомневался в собственных возможностях. Он рассчитывал, что суеверие Рамд послужит ему опорой, пока он не встанет на ноги, однако это неожиданное неверие его

смutilo. Однако же он не был трусом, и это чувство сгнуло почти что сразу же. Он направился прямо к трону Бара и заговорил снова, повинувшись чистому наитию:

— Арадна сказала правду, о Сенестро — или о Зловещий⁴, или как тебя там называют. Я требую честного слушания! Мне это причитается, ведь я прибыл из другого мира. Я последовал... за Харадосом!

Если Уотсон полагал, что раскусил Бара, то он ошибался. Глаза принца внезапно вспыхнули острым удовольствием. В мгновение ока его враждебность сменилась чем-то удивительно напоминающим восхищение.

— Хорошо! Между прочим, вы отлично сложены, да и вид у вас здоровый, странник.

— Не без того, — ответил Уотсон. — Однако я не в настроении обсуждать свою внешность. Уж конечно, я не уродливее некоторых буду.

— Еще и дерзите, — продолжал тот довольно беззлобно. — Знаете ли вы что-нибудь о Баре, с которым разговариваете так развязно?

— Я знаю, что вы намекаете, будто я лгу. Вы предположили это, выслушав ученого Рамду Геоса. Вам известны факты, вам известно, что я пришел от Харадоса. Я...

Но не слова Уотсона увлекали Бара. Стройная, хорошо сложенная фигура Чика, его стремительные движения перевесили мысли о пророке в голове человека на троне. Его радость говорила сама за себя.

⁴ «Сенестро» созвучно с английским «sinister» — зловещий, дурной, мрачный.

— Вы действительно замечательно сложены, странник, — просто сделаны из железа, у вас прекрасная мускулатура, совершенные линии, вы двигаетесь быстро и точно!

И Бар сказал что-то одному из своих прислужников с тяжелыми лицами, потом внезапно встал и спустился с престола. Подойдя, он остановился рядом с Уотсоном.

Чик подобрался. Принц был на дюйм его выше, его руки были обвиты жгутами мышц. Под розовой кожей Чик мог разглядеть едва заметную, словно бы кошачью, игру силы и бодрости. Он ощущал мощь этого человека, его цепкий, придирчивый взгляд, походку ягуара и уверенность плавных движений.

— Странник, — произнес Бар, — да вы ПОИСТИНЕ атлет! Кто вы по национальности — коспианец?

— Не коспианец и не д'хартианец, я — американец! Да, кое-кто говорил мне, что я с виду похож на мужчину. Лыщу себе надеждой, что и повадки у меня мужские.

— И храбрые речи, — все еще пребывая в отличном расположении духа, принц спокойно протянул руку и потрогал бицепс Уотсона. Его глаза загорелись еще ярче. Может, он и не был поклонником приличий, но ценил по достоинству телесное развитие.

— Братец! Да вы ТАКИ силач! Скажите мне... вам известно что-нибудь о ЖЕСТОКИХ ИГРАХ?

— Кое-что. Сыграем в любую по вашему выбору.

Но принц покачал головой.

— Ну уж нет. Я не прошу нечестного преимущества. Вы — желанный и своевременный гость. Пусть соревнова-

ние состоится на ваших условиях. Тем славнее будет моя победа!

Но маленькая королева решила вмешаться.

— Сенестро, неужели так предписывает себя вести кодекс Баров? И ваше предложение гостю не кажется вам неуместным? Умерьте свое нетерпение помериться силами! Сперва вы вздумали атаковать его словесно, а теперь и физически... Помните, я — королева, у меня есть власть над вами.

Сенестро поклонился.

— Ваши желания для меня закон, о Арадна! — затем, повернувшись к Уотсону, он добавил: — Я слишком горячусь, странник. Вы сложены лучше всех, кого мне доводилось видеть за множество циклов. Но я превзойду вас! — Он направился к своему трону и снова сел. — Пусть расскажет нам свою историю. Повторяю, Геос, при всей своей красоте он — самозванец. Когда он закончит, я изобличу его. Прошу лишь, чтобы после этого его передали мне.

Было очевидно, что Томалии везет на чудаковатых правителей. Если Бар Сенестро и был жрецом, в нем явно было куда больше от солдата. Брошенный им пламенный вызов задел какую-то струну внутри Уотсона; он понял, что рано или поздно ему придется сойтись с этим Александром в бою, и эта мысль его совсем не радовала.

— Что я должен сказать или сделать? — спросил он у Рамды Геоса. — Что они хотят от меня услышать?

— Только то, что вы сказали мне: расскажите им о Нервине и Рамде Авеке. Принц — светский человек, но Рамды будут к вам справедливы.

Тогда Чик обратился к Мудрецам. Казалось, они привыкли к вспышкам Бара и преспокойно ждали своего. Уотсон в нескольких словах описал Нервину и Авека, их внешность, повадки — всё. К счастью, тут ему не пришлось притворяться. Когда он закончил, раздался одобрителный ропот.

— Это правда, — сказала юная королева. — Это действительно моя двоюродная сестра Нервина. Я не знакома с Рамдой, но, судя по вашим лицам, это наверняка он. Сене-стро, что вы скажете на это?

Но Бар не был убежден ни на йоту.

— Это просто ребячество. Разве я не говорил, что он из нашего мира — д'хартианец или коспианец или еще кто-то? Разве вся Томалия не знает Нервину? Рамду Авека видели немногие, но что с того? Кто-то же видел. Слова этого чужеземца ничего не подтверждают. Говорю вам, испытайте его.

— Испытать? — притихшим голосом спросил Геос.

— Именно. Никто, кроме отсутствующего здесь Авека, не ведает, каков на самом деле Харадос. Среди нас нет никого, кто видел бы его изображение. Это — тайна для всех, кроме Высокого Рамды. И все-таки при подобных затруднениях Лист вполне может быть открыт.

Уотсон, недоумевающий, что бы это могло значить, внимательно слушал принца, а тот продолжал:

— Предписано, что есть случаи, когда это могут увидеть все. Уверен, сейчас именно такой случай. Так пусть этот странник опишет Харадоса. Он утверждает, что видел его, что он — будущий зять пророка. Славно! Пусть опишет нам

Харадоса! А потом откройте Лист! Если скажет правду, мы поймем, что он действительно посланник Харадоса. Если ошибется, я требую его для своих целей.

Что бы ни двигало Сенестро, он, без сомнений, был гением по части быстрых решений. Уотсон понял, что пришло время испытать пределы своей удачи. Ему не оставалось ничего, кроме одного — того, что он и сделал. Он сказал Рамде Геосу совершенно равнодушным тоном:

— Охотно соглашаюсь.

Геос явно вздохнул с облегчением.

— Это хорошо, мой господин. Дайте нам ответ в простых словах. Опишите Харадоса таким, каким вы его видели, каким хотели бы показать его нам. После мы раскроем Лист... И, если вы дадите верный ответ, я буду оправдан, мой господин. Я не сомневаюсь, что вы лучше принца, однако полагайтесь на Истину — это будет еще одно доказательство сверхъестественного и приближения Дня.

Так Уотсон и поступил. Но сначала он со вздохом прочитал молитву Тому, Кто стоит превыше всего сущего — и естественного, и потустороннего. Он не понимал, где он и как туда попал; он знал лишь, что его судьба зависит от того, как упадет монета.

Не дрогнув, он повернулся к Рамдам и, слегка опустив веки, проговаривая слова очень четко, вызвал из памяти все, что знал о старом профессоре. Он попытался описать его таким, каким он был в тот день на лекции по этике, когда делал свое великое заявление: невысокая подтянутая фигура профессора Холкомба, его розовая здоровая кожа, мудрые, добрые серые глаза и коротко стриженная,

совершенно белая бородка. Один шанс на миллион — на него-то Чик и поставил.

— Таков был Харадос, когда я его встречал: невысокий, пожилой, мудрый БОРОДАТЫЙ мужчина.

В ответ не донеслось ни вздоха, ни бормотания. Все ловили каждое его слово, и, когда он закончил говорить, в комнате не раздавалось ни звука — лишь биение его собственного сердца. Хоть бы нашлось сходство!

Геос сделал шаг вперед.

— Это было хорошо сказано! Если прозвучала правда, больше будет не о чем спорить. Вся Томалия узнает, что явился Избранный Харадоса. Да откроется Лист!

Чик так и не понял, что произошло, а еще меньше — как это было устроено. Он лишь увидел черную, непроницаемую волну, пробежавшую по окнам, отсекающую свет, так что вокруг мгновенно воцарилась тьма, как глубокой ночью, сокрывшая путаницу цветов. То была чернота бездны. Потом появился слабый огонек — одинокая точка пламени, вспыхнувшая на противоположной стене. Этот свет был не больше кончика иголки и будто бы шел откуда-то издалека, словно приближающаяся звезда, становясь постепенно все больше, превращаясь в сияющий экран, который вскоре уже сверкал своей внутренней жизнью. Вспышки стали ярче — маленькие пучки света загорались с пронзительной внезапностью падающих звезд. Чику показалось, будто некое божество заставляет его снова и снова проходить сквозь огонь. В конце концов пламя раздалось в разные стороны, сузилось до размеров расширяющегося кольца и погасло.

А на месте, где только что горел странный свет, появилась освещенная человеческая фигура. Подавшись вперед, Чик протер глаза и посмотрел опять.

То был бюст профессора Холкомба!

XXXV

ИДЕАЛЬНЫЙ САМОЗВАНЕЦ

У Чика перехватило дух. Из всех собравшихся — Рамд, стражников, правителей на двух тронах — он был потрясен больше всего. Неужели великий профессор — в самом деле настоящий Харадос? Если нет, то как возможно это чудо? Но, если да, то как объяснить эту раздвоенность, эту тождественность? Само собой, это не простое совпадение!

К счастью для Чика, было темно. Все глаза были направлены на опрятную фигуру, занявшую место листа клевера на дальней стене. Если не считать сдавленного вздоха Чика, вокруг царила благоговейная тишина, полная глубокого, внушительного почтения.

Затем появилась вторая точка. Со своего места Уотсон принял ее за еще один клевер. Новый один огонек приближался, разгоняя тьму, точно так же, как и первый. Он рос и ширился, пока не заполнил собой весь лист. Потом — снова вспышка, угасание света и полное его исчезновение, растворение тонких ободков круга. И в этот раз их взорам открылась...

Симпатичная, коричневого окраса СОБАКА!

Уотсон, конечно же, ничего не понял. Тишина всё тянулась; он чувствовал, что Рамда Геос рядом, и слышал, как он бормочет нечто само по себе совершенно бессвязное:

— Четвероногое. Призыв к скромности, жертвенности и самоотречению...

Вот и всё. Это была косматая овчарка с острым носом, одним ухом поднятым, другим — опущенным, с очень умной любознательной мордой. Чик видал подобных собак множество раз, но не мог понять, откуда взялась эта, особенно в подобном месте. И какое отношение она имеет к Харадосу?..

И снова темнота. Она дала ему возможность подумать. Он лихорадочно размышлял, как привязать это создание к своему описанию Харадоса. Какой может быть смысл у собаки в философии потустороннего? Или, может, это просто-напросто нелепая случайность?

Вот что озадачило Чика. Он не знал, как оправдаться; жизнь, место, последовательность — всё перемешалось. Пока он не соберет больше сведений, ему придется и дальше полагаться на чутье.

Два изображения исчезли одновременно. Черные волны постепенно откатились от окон, и в то же мгновение комнату снова залил мягкий свет. Рамда Геос шагнул вперед, пока над собранием витал благоговейный одобрителный ропот. Никто не аплодировал. Чудесам ведь не рукоплещут. Геос поднял руку.

— Доказано! — объявил он и обратился к Рамдам: — Есть ли еще вопросы, братья мои?

Но члены заседания не проронили ни слова. Видимо, суеверие одержало верх над всем остальным. Ученые мужи повернули лица, не выражавшие ничего, кроме почтения, к Уотсону.

Он воздержался от того, чтобы посмотреть на Бара Сенстро. Невзирая на свое торжество, он не сомневался в гениальной проницательности принца. Сомневающегося нелегко убедить тем, что можно так или иначе объяснить простым совпадением. Более того, как оказалось в конечном счете, у Бара теперь было на одну причину больше испытывать неприязнь к человеку, назвавшему себя будущим зятем пророка.

— Остались ли еще вопросы? — повторил Рамда Геос.

Однако, к удивлению Чика, ответила королева. Теперь она стояла перед своим тронном. Атласный пояс, охватывавший талию, подчеркивал нежную хрупкость ее фигуры. Она пристально посмотрела на Уотсона, прежде чем обратиться к Геосу:

— Я хочу задать один вопрос, Рамда. Странник, кажется, благообразный юноша. Он пришел от Харадоса. Скажи мне, действительно ли он — избранный?

Но ответу помешал звонкий, глумливый смех с противоположного трона. Бар поднялся, его черные глаза сверкали насмешкой.

— Избранный, о Арадна? Избранный? Не позволяйте обмануть себя подобным фокусом! Я сам был избран наследственным правом Томалии! — затем, обращаясь к Чикку, он заявил: — Я смотрю, сэр Призрак, наши судьбы переплетены более чем крепко!

— Не понимаю, о чем вы.

— Нет? Ну вот и славно. Если вы и правда порождение суеверия, то я научу вас ценить материальность. Вы хорошо сложены и красивы, да еще и смелы. Быть может,

вам скоро придется испытать свою выдержку в честной борьбе!

— Это ваши слова, Сенестро! — предостерег его Геос. — Вам придется смириться с решением моего Властелина.

— Верно — и я смирюсь. Я ничего не знаю ни о черной магии, ни о какой-либо другой. Но мне всё равно. Я знаю лишь, что не признаю этого чужеземца духом. Я трогал его мышцы, и мне известна его сила: и то, и другое принадлежит человеку, томалийцу.

— Так вы отказываетесь смириться?

— Нет, отнюдь. То есть я не заявляю своих прав на него. Он отвоевал свою свободу. Но одобрять его... нет, пока он не предоставит дальнейших доказательств. Пусть он отправится к «Пятну Жизни». Пусть пройдет настоящее испытание. Пусть назовет День Пророка!

— Мой господин, вы согласны?

Уотсон понятия не имел, что имеется в виду под «настоящим испытанием», равно как и в чем состоит значимость этого дня. Но он явно не мог отказаться. Стараясь сохранить спокойствие, он небрежно сказал:

— Конечно. Приму всё, что угодно, — после чего обратился к принцу: — Одно лишь слово, о Сенестро.

— Говорите, сэр Призрак!

— Бар Сенестро... что вы сделали с Харадосом?

Ответом этому удару послужила потрясенная тишина. Нарушил ее принц.

— С Харадосом! — его голос звучал безмятежно. — А что я могу знать о Харадосе?

— Поберегитесь! Вы видели его... вы знаете, на что он способен!

— Да у вас столько смелости, что доходит до нахальства!

— У меня столько решимости и знаний! Бар Сенестро, я пришел от Харадоса! — Чик умолк на секунду для пущего эффекта. — Теперь что думаете? Похож я на ИЗБРАННОГО?

Он умышленно вложил в свои слова насмешку, и она была услышана. Бар вскочил на ноги. Не то чтобы он разозлился: в его прямой, красивой осанке читалась царственность, и при всей несдержанности он был воплощением истинного величия.

— Ты из числа избранных. Это хорошо — ты смог добавить остроты своей насмешке! На меньшее я бы и не согласился. Смотри не растеряй свою смелость ко Дню Пророка!

С этими словами он грациозно сошел с помоста своего трона. Он поклонился Арадне, Геосу, Чику и всем собравшимся, после чего удалился. Стражи в голубой униформе молча последовали за ним.

Вскоре испытание было окончено. Никто больше ничего не упоминал ни Харадоса, ни то, о чем завел речь Бар Сенестро. Чику задали еще пару вопросов о мире, который он оставил — вопросов, для ответа на которые ему не пришлось напрягать воображение. Пока что он отошел от края пропасти.

Когда собрание было распущено, Чика проводили наверх, в его апартаменты. Однако это была не предыдущая его спальня, но смежные с ней комнаты — волшебное место,

которое оказало бы честь и принцу. Но Чик едва ли заметил красоту своего жилища. Его внимание сразу захватило то, чего ему так не хватало, — огромный глобус.

Чик нетерпеливо прокрутил его на оси. Первым делом он принялся искать Сан-Франциско или для начала Северную Америку. Если он на Земле, то хочет это знать! Конечно, океаны и материки останутся неизменными.

Но его ожидало разочарование. Он не узнавал ни одной детали. Не считая сети изогнутых линий, обозначающих широту и долготу, и привычного изгиба полярных осей, глобус был ему совершенно незнаком! Настолько, что Чик не мог разобрать, где вода, а где — суша.

После небольшого замешательства Чик наткнулся взглядом на лоскут желтого цвета, помеченный странными символами, которые вскоре каким-то неведомым образом перекладывались в его подсознании, сложившись в слово «Д'Хартия». Другой такой же был подписан как «Коспия».

Если предположить, что это суша — а тут были еще несколько пятнышек такого же оттенка, — то она занимала примерно три пятых поверхности шара. Следовательно, оставшееся закрашенное зеленым пространство, составлявшее две пятых, означало водоемы или океан. Такое соотношение было почти что точной противоположностью тому, как дела обстояли на Земле. Чик был сбит с толку странными названиями — Х'Алара, Мал Сомнал, Блоду Сан и тому подобными. Он ни узнавал ни одного имени или очертаний!

Как он должен был увязать это открытие со словами доктора Холкомба и известной ему философией? Вокруг

почему-то было слишком много живого, слишком много настоящего, чтобы вписать в любую спиритическую гипотезу. Его окружала реальная материя, состоящая из атомов, молекул, клеток. Он был уверен, что в случае необходимости мог бы прямо сейчас доказать любой закон, начиная с изложенного Ньютоном и до современных ему.

Это все еще была осязаемая Вселенная, сомневаться не приходилось. Следовательно, не приходилось сомневаться и в том, что доктор сделал открытие поистине изумительное. Но... в чем же оно состоит? Что за закон вышел из «Слепого Пятна»?..

Он выбросил это из головы и шагнул к одному из многочисленных окон спальни. В каждое из них было вставлено прозрачное стекло. Ему представилась возможность беспрепятственно, не торопясь, осмотреть мир, в который он попал.

Как и в прошлый раз, он заметил сплетение великолепных, слепящих опаловых переливов — все цвета спектра, смешавшись, колыхались и дрожали, словно огромная равнина, усеянная гладкими великанскими самоцветами. Потом он различил бесчисленное количество круглых куполов, выстроившиеся в ряды и изгибы безо всякого видимого порядка или системы, — ЗДАНИЯ, каждое из которых было увенчано сияющей сводчатой крышей, чья поверхность, будто бы живая, отливала светом в лучах этого удивительного солнца. Всё это и составляло местный ландшафт.

Он всё еще слышал непрерывную тихую, слабую музыку — этот ритмичный, переливающийся, шепчущий звук.

И воздух казался тяжелым от едва уловимых слабых ароматов; в нем чувствовались отголоски эфирных масел и миро⁵ — самых изысканных запахов.

Он открыл окно.

На какое-то мгновение он замер, подставив лицо воздуху, вдыхая неведомое благоухание. Чудилось, весь мир барабанит в такт этому доселе ускользающему дрожащему звуку. Теперь он звучал звонко и сильно, хотя все еще словно бы вполголоса. Чик посмотрел вниз, и тут что-то упало сбоку от оконного проема — длинный, изящный побег, извилистый и полный жизни. Он коснулся лица Чика, после чего... увял, точно получив смертельную рану. Чик удивленно протянул руку и сорвал его. На кончике побега он увидел покачивающийся малиновый цветок, хрупкий, как тончайшая паутина, — настолько немыслимо хрупкий, что увял и рассыпался прахом от одного лишь легкого прикосновения.

Чик высунул голову в окно. Всё здание, от основания и до купола, было обвито колышущимися, постоянно двигающимися, тонкими, смешавшимися в цветном беспорядке орхидеями!

Он никогда и представить себе не мог ничего настолько поразительного, настолько ослепительного. Повсюду были орхидеи — конечно, это были не совсем они, хоть и отдаленно похожи. И эта красота тянулась до самого горизонта!

⁵ В христианстве специально приготовленное и освященное ароматическое масло, используемое в таинстве миропомазания для помазания тела человека.

А потом он заметил нечто еще более странное. От окружающих его лепестков и листвы поднимались, словно клубы благоуханного тумана, маленькие цветные облачка — они то взмывали вверх, то время от времени замирали на одном месте. Изумительное зрелище было полно таинственной гармонии, будто сама жизнь. Внезапно Чик понял, что это такое: эти клочки тумана были роями крошечных разноцветных насекомых!

Он снова бросил взор вниз, на улицы. На них кипела жизнь, не останавливалось движение. Он находился в городе, чьи размеры позволяли назвать его настоящим мегаполисом. Все здания были большими, и, хотя архитектурный стиль был Чикку незнаком, он, несомненно, принадлежал к чистому, высокоразвитому виду искусства. Все без исключения крыши были купольными. Отсюда и впечатление, будто глядишь на море пузырьков.

Внизу, прямо под его окнами, располагалась очень широкая улица. От нее под разными углами уходило множество пересекающихся между собой проспектов. Его окно оказалось на огромной высоте — внимательно присмотревшись, он смог различить две линии разных цветов, отделявшие и разделявшие улицу, что окружала его апартаменты. С одной стороны стояли в ряд люди в голубом, с другой — в алом; это были стражники. И, должно быть, там, где на главную улицу выходили боковые, протянули оградительные каналы: эти улицы были забиты всё нарастающей толпой, которую стражники, по-видимому, обязаны были сдерживать. Бурлящая масса людей тянулась вверх по улице, сколько

хватало глаз, едва заметно пульсируя в своем многоцветии, словно от сильного волнения.

Когда он посмотрел вниз, на людных проспектах началось смятение. Он мог разглядеть, как стража разворачивается и быстро перестраивается в боевой порядок. Сзади для подкрепления подбежали еще отряды. Огромная толпа пробивалась вперед, натываясь на преграду из вооруженных своеобразными копьями стражей, словно прибойная волна беспокойного моря.

Чика озарила внезапная мысль. Разве они смотрят не на его окно? Он заметил поднятые, указывающие на него руки. Даже стражи, оставшиеся в резерве, поглядывали наверх. Потом — до того большим было расстояние — его ушей достиг ропот сборища; в то же мгновение, точно огонь по сухой траве, волнение перекинулось на другую улицу, затем воздух заполнился новым отголоском бесчисленных людских голосов.

Чик был восхищен. Происходящее было более чем странно. Пока он смотрел и слушал, внизу назрело противостояние; голоса толпы стали зловещими. «Выдержит ли стража? — праздно задумался Чик. — И с чего такой переполох?»

Кто-то тронул его за плечо. Он развернулся. Рядом стоял один из высоких, одетых в алое стражей. Уотсон инстинктивно отпрянул, и тогда тот шагнул вперед, коснулся защелки и закрыл окно.

— В чем дело? Мне ведь только стало интересно!

Солдат кивнул любезно и уважительно... даже почти-тельно.

— Приказ снизу, мой господин. Если бы вы остались у окна, понадобились бы все стражи Маховисала, чтобы сдержать томалийцев.

— Почему? — Чик был потрясен.

— В городе миллион паломников, мой господин, они месяцами ждали, чтобы хоть краем глаза посмотреть на вас.

Уотсон задумался. Дело открывалось с новой, совершенно ошеломляющей стороны. Очевидно, выражение его лица подсказало солдату, что некоторые пояснения не помешают.

— Паломникам почти что нет числа, господин. Все они обладают глубокой силой убежденности. Они истинно верующие, господин, они веруют в День.

День! Уотсон сей же миг вспомнил, как Сенестро использовал это же слово. Он нащупал ценную подсказку. Он перехватил взгляд солдата и посмотрел на него в упор.

— Скажите мне, — велел Чик, — что это за День, о котором вы говорите?

XXXVI

СПУТНИК И ТВЕРДЫНЯ

Солдат без запинки ответил:

— День Жизни, мой господин. Иные называют его «первым из Шестнадцати Дней». Прочие — просто Днем Пророка или Харадоса.

— Когда он настанет?

— Скоро. Осталось не более двух дней. И с закатом солнца в этот день начнется Исполнение и придет Жизнь. Отсюда и столпотворение внизу, мой господин. И, однако же, его не сравнить с теми толпами, что валят сюда со всей Д'Хартии и Коспии, направляясь в Маховисал.

— Всё из-за Дня?

— И чтобы увидеть ВАС, мой господин.

— И все они веруют в Харадоса?

— Ревностно! Но не все они верят в ваше господство. Есть немало сект, включая Баров, которые считают вас самозванцем. Однако остальные — возможно, их большинство — считают вас Провозвестником Дня. И все хотят вас увидеть по разным причинам.

— Эти Бары — кто они?

— Воинственное духовенство, господин. Как служители, они исповедуют буквальное толкование пророчества, как воины — служат только своему прославлению. Если выра-

зиться более точно, господин, именно они обвинили вас в мошенничестве.

— Почему?

— Потому, что в пророчестве было сказано, господин: возможно, к нам придут самозванцы, которых мы должны будем убивать.

— Стало быть, это грядущее состязание с Сенестро... — он начал понимать, о чем идет речь.

— Да, мой господин, это будет физический поединок, в котором лучший уничтожит противника!

Страж был высоким, хорошо сложенным и довольно красивым парнем примерно тридцати пяти лет. Уотсону понравилась чистая синева его глаз и открытая манера держаться. В то же время он чувствовал в нем сдержанность и уравновешенность.

— Мой господин не боится?

— Вовсе нет! Я просто подумал... когда это убийство будет иметь место?

— Через два дня, мой господин, в первый из Шестнадцати Священных Дней.

Так Чик обрел надежного друга. Как он выяснил, воина звали Ян Лукар. Он возглавлял королевскую стражу, и вскоре у Чика уже было чувство, что он положил бы свою жизнь ради него, Уотсона, не менее охотно, чем ради самой королевы. В целом же Уотсон смог запомнить несколько весьма ценных фактов: во-первых, Арадне Сенестро не нравился, и, во-вторых, Ян Лукар великого Бара Сенестро ненавидел за желание жениться на королеве и ее двоюродной сестре, Нервине, а еще за самовлюбленные, деспотичные

замашки принца. Далее: будь здесь Нервина, она бы помешала планам Сенестро, ведь она — женщина образованная, не уступающая в знаниях самому Рамде Авеку. Но в первую очередь она была королевой и уже потом — ученым. Она решила пройти сквозь «Слепое пятно» ради того, чтобы соблюсти политические интересы своего народа. Ее помыслы были так же высоки, как и помыслы Рамды Авека, но были связаны скорее с политической мудростью, чем с духовными изысканиями. И наконец — Рамды искренне желали, чтобы грядущий поединок состоялся вечером в День Пророка, в Храме Колокола и Листа.

— Ян Лукар, — поддавшись порыву, сказал Уотсон, — тебе не стоит беспокоиться по поводу исхода испытания, в чем бы оно ни заключалось. Раз ты так веришь в меня, я не могу проиграть. А сейчас мне нужны книги, бумаги, научные данные. Более того, мне необходимо увидеть, что лежит за пределами этого здания.

Стражник поклонился.

— Предоставить сведения возможно, мой господин, но что касается того, чтобы выйти за пределы здания... сперва я должен посоветоваться с королевой и Рамдой Геосом.

— Но я ведь сказал: НЕОБХОДИМО, — осмелился повторить Уотсон. — Я должен выйти в ваш мир, увидеть ваши города, земли, реки, горы, прежде чем займусь чем-либо иным. Я обязан быть уверен!

Тот поклонился еще раз. Он явно был впечатлен.

— То, о чем вы просите, господин, очень опасно. Если вас заметят на улицах, неизбежно последует неопишемое кровопролитие. Для половины томалийцев вы священны, для

другой — вы самозванец. Повторяю, господин, я должен поговорить с Геосом и королевой.

Снова поклон — и Ян исчез, чтобы вернуться вскоре с Геосом.

— Ян сказал мне, мой господин, что вы хотите выйти.

— Если это возможно. Я хочу посмотреть на ваш мир.

— Думаю, это реально устроить. Ваша светлость готовы идти?

— Сейчас, — Уотсон положил руку на большой глобус, над которым уже поломал голову. — Это — изображение Томалии?

— Да, господин.

— Сколько длится ваш день, Геос?

— Двадцать четыре часа.

— Я имею в виду — сколько раз планета вращается по своей оси за один оборот вокруг солнца за один годовой цикл?

Произнеся этот вопрос, Чик затаил дыхание. Он вдруг понял, что спросил нечто предельно важное. Ответ мог сказать ему, ГДЕ ОН!

— То есть сколько один цикл занимает в днях, господин?

— Да!

— Триста шестьдесят пять дней с долей, господин.

Уотсон был сбит с толку. Может ли быть, что во всей вселенной нашлась вторая планета с точно таким же временным делением? Но он не мог показать своей озабоченности. Он поинтересовался:

— Скажите, у вас есть луна?

— Да, она оборачивается примерно за двадцать восемь дней.

Уотсон сделал глубокий вдох. Каким бы немыслимым это ни казалось, он все еще был на своей родной Земле. Он задумался на мгновение, гадая, не попался ли в петлю перемещения во времени. Может ли быть, что, вместо настоящего, он каким-то образом застрял в прошлом или будущем?

Если так — а теперь он уже настолько привык к странностям, что спокойно принял эту шаткую возможность во внимание, — если во всем действительно виноват коэффициент временной развертки, то как объяснить изображение профессора на том листе? Или они оба стали жертвами какой-то жуткой космической шутки?

Был только один путь выяснить.

— Идемте! Ведите, Геос! Давайте же посмотрим на ваш мир!

XXXVII

ВЗГЛЯД ВНИЗ

Вскоре трое мужчин стояли в дверях огромной комнаты, одна стена которой отсутствовала, открывая выход наружу. Комната была уставлена множеством странных блестящих предметов. С первого взгляда Чик принял их за гигантских жуков.

Ян Лукар сказал, обращаясь к Геосу:

— Нам стоит взять ХРУЩА Рамды Авека.

Уотсон решил, что лучше будет промолчать. Ян взошел на одно из сверкающих приспособлений и без малейшего шума грациозно развернул его, выехав в центр выложенного мозаикой пола.

— Я полагаю, — виновато заметил Геос, — что вы в своем мире располагаете гораздо более изящными воздушными судами.

Воздушное судно! Уотсон весь обратился в нетерпеливое любопытство. Он увидел, что хрущ достигает примерно десяти футов в высоту и обладает округлым, как у жука, корпусом. При ближайшем рассмотрении Чик смог различить очертания крыльев, плотно прижатых к бокам. Что же до материала, то это, скорее всего, был металл, если можно использовать название, ничего, в общем-то, не объясняющее. Во всех отношениях машина была копией какого-то

огромного насекомого, вот только вместо лапок у нее были хорошо укрепленные валики.

— Как это работает? — поинтересовался Уотсон. — То есть — какую энергию вы используете и как ее применяете?

Ян Лукар отодвинул металлический лист. Уотсон заглянул внутрь и увидел скопление тонких мягких ниток паутины, сияющих от расположенного в центре серого предмета размером с горошину. Чик протянул руку, чтобы коснуться этой вещицы пальцем. Но Геос с быстротой молнии поймал его за плечо и оттащил.

— Прошу прощения, господин! — воскликнул он. — Но вам нельзя прикасаться! Вы, даже вы будете уничтожены! — он повернулся к Лукару: — Отлично подойдет.

Тот в ответ что-то сделал в передней части судна — видимо, повернул какой-то рычаг. В то же мгновение серые, подобные паутинкам, нити стали красноватыми.

— Теперь можете коснуться, — сказал Геос.

Но Чик уже раздумал. Вместо этого он решил спросить:

— Это все очень интересно, но где же сам механизм?

Рамду это слегка развеселило. Он слабо улыбнулся:

— Не будьте к нам уж совсем несправедливы, мой господин. Возможно, мы кажемся вам несколько отсталыми, но мы больше не полагаемся на простые механизмы. Этот небольшой серый шарик — само собой, наша движущая сила. Он из хорошо очищенного минерала, который мы добываем в огромных количествах. Мы пользуемся им столетиями. Что же до этой похожей на волосы сети, то это — наш вариант трансмиссии.

Уотсон понадеялся, что его недоумение не читается на лице. Его собеседник продолжал:

— В воздушном передвижении мы стараемся как можно более точно подражать живой природе. Мы давным-давно отказались от двигателей и воздушных винтов, а вместо них попробовали воссоздать мышечную и нервную системы птиц и насекомых. Мы летаем точно, как они, с естественной движущей силой. В каком-то отношении мы даже улучшили живой механизм.

— Но это все еще не более чем машина, Геос.

— Если быть точным — да, мой господин, не более чем машина. Всё, в чем нет искры жизни, таким и остается.

Ян Лукар нажал на еще какую-то задвижку, тем самым опустив другую пластину, за которой открылась застекленная дверь, что вела в уютную комнату, обставленную плетеными креслами и вполне способную вместить четырех человек. Тут было нечто вроде прибора управления, который, как пояснил Ян Лукар, был соединен с элементами, обеспечивающими полет и навигацию, не напрямую, но опосредованно — через оболочку паутиноподобной системы. Это до жути напоминало нервные соединения мозжечка с разными частями тела насекомого.

— Оно быстро летает?

— Мы полагаем, что да, мой господин. Это личное судно Рамды Авека. Оно слегка маловато, но это самая быстрая машина в Томалии.

Они вошли в салон, где Уотсон занял свое место рядом с Геосом, а солдат сел впереди, у панели управления. Он положил руки на рычаги, и в следующую секунду ма-

шина уже бесшумно скользила по мозаике, потом вниз по небольшому склону и, наконец, со все возрастающей скоростью рванулась прочь из комнаты.

Все скользящие боковые пластины отбросило назад; салон оказался накрыт одним лишь стеклом. Уотсон мог осмотреться и был изумлен скоростью судна. Быстрее его мысли они взмыли в небо, поднимаясь все выше. Невзирая на крутой подъем, не было ни вибрации, ни механического шума — движение вообще едва ли чем-то выдавало себя, за исключением лишь сжатого свиста рассекаемого воздуха.

Если бы не отдаляющийся город внизу, Чик бы решил, что сидит в доме, за окном которого завывает буря. Он не заметил ни перепада температур, ни каких-либо других неприятных ощущений — помещение было полностью закрыто и обогревалось каким-то невидимым способом. В общем, полет был безупречен: к примеру, сиденья были закреплены карданными шарнирами, так что вне зависимости от того, под каким углом летело судно, пассажиры оставались в горизонтальном положении.

Внизу раскинулся Маховисал — великий город множества куполов и площадей, а также нескольких разбросанных по всей его территории минаретов. На южной окраине виднелась огромная квадратная площадь, занимавшая тысячи акров. К ней с двух сторон стекались десятки улиц; они тянулись от нее, словно прутья гигантского веера. Остальные две стороны были заняты невероятных размеров зданием с фасадом причудливой формы и выходом на площадь. Игра опалового света на его многокупольной крыше напоминала отблески огромной жемчужины.

В воздухе над городом метались туда-сюда бесчисленные крохотные создания, похожие на мерцающих светлячков. Было нелегко осознать, что это тоже воздушные суда.

На западе лежала большая серебряная равнина, мягко размывающаяся у горизонта. Уотсон решил, что это Томалийский океан. Потом он взглянул на небо прямо над собой — и у него вырвалось короткое восклицание.

На аметистовой глади выделялось нечто небольшое, безукоризненно белое. Крохотное на первый взгляд, оно почти сразу приобрело чуть ли не колоссальные пропорции — то была огромная птица, белая, как снежный склон, летящая с грацией орла и скоростью ветра. Она была настолько огромна, что Чику почудилось: собери он вместе всех птиц, которых когда-либо знал, они казались бы в сравнении с ней ласточкой. Она спускалась все ниже и ниже по гигантской спирали, пока наконец не опустилась, подняв всплеск расплавленного серебра, на морскую гладь. На мгновение она пропала из виду, скрытая дождем бриллиантовых брызг, а потом застыла, словно лебедь на океанском просторе.

— Что это, Геос?

— Ограниченная коспианская серия, мой господин. Одно из наших великих воздушных суден — быстрое, как мы полагаем.

— Должно быть, Рамда, на нем способно разместиться великое множество людей.

— Около девяти тысяч.

— Вы сказали, оно летит из Коспии. Это далеко?

— Где-то в шести тысячах миль. Это восьмичасовой перелет с одной остановкой. Сегодня суда прибывают каждые

пятнадцать минут, все спешат сюда, конечно, на День Пророка.

Уотсон продолжал смотреть на огромный летательный аппарат, приметив также рой суден поменьше, которые вылетели ему навстречу из Маховисала, когда Ян Лукар внезапно сменил курс. Они прекратили подъем и перешли на горизонтальный полет. Маховисал остался позади сверкающим огненным пятном у сияющего моря. Они летели на восток. Ландшафт внизу был равнинным и однообразным, зеленоватого оттенка, во многом похожий на родную землю Чика ранней весной — огромное пространство, ровное, иногда с опаловыми пятнышками городов больших и малых. Время от времени равнину пересекали серебряные ленты, которые, лениво извиваясь, обозначали, где вода течет с севера на юг или наоборот. Оглянувшись на запад, он увидел большое золотое солнце, такое же спокойное, каким он запомнил его с утра, — огромный янтарный шар у кромки мира. Оно клонилось к закату.

Потом Чик глянул прямо перед собой. Далеко впереди к небу тянулась огромная стена немыслимой высоты. Она была так велика и находилась на таком расстоянии, что сначала глаз ее вовсе не замечал. Удивительно высокая горная гряда отливала в свете заходящего солнца легким розоватым румянцем. Множество вершин выделялись на фоне неба, и каждая сияла странными мерцающими вспышками, похожими на алмазы. На глазах Чика розовый отсвет переходил в пурпурный.

Ян Лукар снова направил судно вверх. Теперь они были так высоко, что Томалия внизу совсем пропала из виду,

превратившись в мешанину сгущающихся теней. Солнце заходило — внизу, на земле, наступали сумерки. Уотсон наблюдал, как черная томалийская тень наползает на пурпурные вершины перед ним, так что только самые высокие пики и алмазные скалы отсвечивали в последних солнечных лучах. Потом они погасли — один за другим. И всё погрузилось во мрак.

А путники всё поднимались. Уотсону стало не по себе от окружившей его темноты.

— Куда мы направляемся?

— В Угольные Края, мой господин. Это одна из томалийских достопримечательностей.

— Это на вершине этих гор?

— За ними, мой господин.

И, ко всё возрастающему изумлению Чика, Геос принялся рассказывать, что уголь всех видов в их мире чрезвычайно широко распространен. Те же силы, что так сформировали столь щедрые запасы черного топлива на земле, выбросили на ее поверхность огромные запасы чистых алмазов — почти в таком же изобилии. Материал был всех цветов, присущих бриллиантам, и стоил немного. Для повседневных целей предпочитали более темные оттенки. По всей видимости, такие же камни использовались в строительстве.

— Но как они их разрезают?

— Проще простого. Минерал, благодаря которому это судно движется — ИЛОДУИМ — режет алмазы, как масло.

Позже Уотсон всё понял. Он наблюдал, как машина продолжает подъем — Ян Лукар не нуждался в каких-либо

световых указателях снаружи, чтобы определить путь. В темноте горели только огоньки на его приборной панели.

Вскоре Чик снова глянул наружу — и получил новое потрясение. Он узрел НЕГАТИВ неба!

Сначала ему показалось, что его глаза стали жертвой иллюзии. Но потом он присмотрелся внимательнее и понял, что это правда: вместо знакомых звездных точек света на темном бархате неба он увидел совершенно противоположные цвета. Все созвездия были на своих местах, как это было в воспоминаниях Чика о Земле. Но вместо звезд тут были точки смоляного черного цвета на бледно-сером фоне. За исключением этих черных пятнышек, все небо было цвета Млечного Пути. И света от него в целом исходило столько же, сколько и от его, Чика, родных небес.

Из всего, что ему довелось узнать, это было самым тревожным. Это противоречило всякому здравому смыслу, ведь он знал, что звезды — это огромные раскаленные светила в космосе. И как объяснить, что они выглядят с точностью до наоборот? Их сияние растворилось в окружающем их небе, а по себе оставило пятнышки черноты? Позже он выяснил, что единственной причиной перемены в привычном ему порядке вещей был особый химический состав атмосферы.

Совершенно внезапно Ян Лукар выровнял судно. Он поднял руку, указывая на что-то.

— Смотрите, мой господин, и вы, Рамда! Смотрите!

Оба пассажира встали из кресел, чтобы лучше видеть, что там за солдатом. Прямо впереди, где виднелся один из сияющих пиков, в небо выстрелил столб голубого пламени;

то была световая колонна высотой в несколько миль, непохожая на свет от прожектора — ее лучи ИЗВИВАЛИСЬ, змеились, вместо того чтобы тянуться прямо вверх. Зрелище было странное, но очень красивое.

Геос затаил дыхание; подавшись вперед, он коснулся Яна Лукара.

— Подождите, — благоговейным тоном сказал он. — Подождите секунду. Такого раньше не было, но теперь этого можно ожидать.

Пока он говорил, случилось нечто удивительное. От основания колонны в две стороны разошлись, рассекая темноту, еще два луча — один красный, другой — ярко-зеленый. Три потока света шла из одной и той же точки. Они составляли нечто вроде красно-зелено-синего трезубца — извивающегося, живого... он производил странное впечатление, излучая величие и могущество. Он казался священным.

— Подождите! — снова заговорил Рамда. — Подождите!

Теперь они почти застыли на месте. Уотсон смотрел, не веря своим глазам. Три луча света тянулись всё вверх и вверх, словно норовили пронзить небо, глаз не хватило бы увидеть их вершины. Царила полная тишина, и не было ничего, кроме этих потоков блаженного света, чьими истинными оттенками, по сути, являлись власть, жизнь и мудрость — и уверенность во всем сущем. Было ясно, что для Геоса и Лукара происходящее имеет огромную важность.

Потом наступила кульминация. Медленно, но неотвратимо, словно сами законы жизни, где-то на неопишуемой

высоте над землей три конца красного, зеленого и синего потянулись и, изгибаясь, сложились вместе, пока не превратились в своем соединенном великолепии в огромную радугу на все небо. Переливаясь всеми цветами спектра, радужный свод на какое-то мгновение засиял невыносимой красотой, многозначной, предвещающей нечто колоссальное, надвигающееся на томалийцев. А затем...

Свод начал двигаться, закручиваться, менять форму и окрас. Три больших световых потока вздымались и ширились, принимая новую форму. Потом они взорвались — и приняли форму огромного клевера с тремя листьями: синим, красным и зеленым!

И Уотсон услышал, как Геос потрясенно произнес:
— Знак Харадоса!

XXXVIII

ГОЛОС ИЗ НИОТКУДА

Это необъяснимое великолепие еще горело на небесах, когда произошло нечто другое, куда более важное для Чика. И случилось это прямо у него на глазах.

В передней части машины находился диск, расположенный немного выше уровня всевозможных инструментов управления. И внезапно этот диск — небольшой, диаметром где-то в шесть дюймов — ожил и засветился.

Сначала всю его поверхность покрыло белое сияние. Потом белизна вдруг схлынула, уступив место многоцветью, которое после превратилось в точную копию трехцветного клевера высоко в небе. Чик, однако, заметил, что красный и зеленый были расположены противоположно тому, как это было на сияющем вдалеке оригинале. А потом он услышал голос, сильный и отчетливый, с легкой металлической ноткой, словно звучал сквозь микрофон, спрятанный в этом небольшом сияющем разноцветном листе:

— Слушайте те, у кого есть уши, дабы слышать!

Это было сказано на томалийском. Геос выдохнул:

— Голос пророка Харадоса!

Но в следующее мгновение невидимый оратор заговорил на другом языке: звонком, серебристом, мелодичном — на английском, и Чик узнал этот голос:

— Чик! Ты отлично справился, мой мальчик. Твои смелость и чутье, быть может, выведут нас отсюда. Следуй пророчеству слово в слово, Чик — оно ДОЛЖНО сбыться точно так, как написано! Не оплошай и прочти его там, на стене Храма Колокола, когда встретишься с Баром Сенестро в День Пророка! Я многое узнал, мой мальчик, но я не всемогущ. Твой приход дал мне последнюю надежду на возвращение к себе подобным вместе с тайнами жизни. Ты правильно сделал, что поверил своим инстинктам; не бойся, но помни, что, если ты... если мы оступимся, то пропадем. И наконец — если ты преуспеешь в своем поединке с Сенестро, я пошлю за тобой; но, если проиграешь, я знаю, как мне умереть. Нынче же вернись в Маховисал. Не пересекай границ Угольного Края, подумай, как будешь возвращаться: Бары ждут. Но Рамдам ты можешь доверять целиком и полностью.

Потом говоривший снова перешел с земного языка на томалийский:

— Это говорю я, пророк Харадос!

Всё это было сказано голосом доктора Холкомба.

Сияющий лист растворился во мраке, и речь прекратилась. Чик был рад темноте: всё произошло словно по волшебству и было слишком хорошо, чтобы поверить. Первая настоящая весточка от пропавшего профессора! Каждый ее слог намертво впечатался в память Уотсона.

Геос сжимал его руку.

— Вы поняли, мой господин? Мы слышали голос пророка! Что он сказал?

— Да, я понял. Он говорил на своем родном языке... на моем тоже. И он сказал, — твердо произнес Чик, — что мы

должны вернуться. А еще, что нам следует остерегаться Баров.

Не было и мыли о том, чтобы ставить его слова под сомнение. Не дожидаясь приказа Геоса, Ян Лукар принялся разворачивать судно. Уотсон взглянул на небо — огромное изображение исчезло. Он спросил у воина:

— Как мы вернемся обратно? Как найдем дорогу?

Он не видел света, что указал бы им путь, за исключением разве что странного, нестойкого сияния от этого сверхъестественного неба. На чернильной глади Томалии не горело ни огонька из тех огней, которых можно было бы ожидать для удобства летящих. Но солдат нажал на кнопку, и над панелью загорелся другой диск, большего размера.

На нем оказалась то ли карта, то ли схема немалой части Томалии. Дальний ее конец был окрашен так, чтобы обозначать воду, а примыкавшая к нему местность имела форму квадрата и называлась «Маховисал». Где-то на середине пути от города и до ближнего конца диска висела красная точка, медленнодвигающаяся по схеме.

— Красная точка, мой господин, означает наше местоположение, — пояснил Ян. — Таким образом, мы всегда знаем, где находимся и куда летим. Скоро мы прибудем в Маховисал.

Корабль тем временем набирал скорость и вскоре летел даже быстрее, чем раньше. Красная точка тоже развила удивительный темп. Конечно, теперь на их стороне была и гравитация; очевидно, лететь им оставалось всего несколько минут. Но какой бы невероятной ни была скорость, ее не обозначало ничего, кроме движения красной точки.

Геос явно был в настроении поговорить.

— Мой господин, знак был недвусмысленный. Это чудо, на которое способен только пророк. Со всеми нашими знаниями мы не смогли бы воспроизвести это великолепие. Лишь единожды Томалия видела подобное прежде.

Они уже было достаточно низко, чтобы различить скопления мигающих огней там, где на равнине внизу разместились города. Перед ними темноту разгоняли бледные лучи странного сияния. Уотсон узнал в них отблески далеких прожекторов. В это мгновение он был благодарен, что хотя бы в этом томалийцы еще не обогнали жителей Земли.

Когда подлетели немного ближе, Чик смог разглядеть множество ярких, сверкающих, похожих на мошкарку летающих предметов, освещенных прожекторами. Ян Лукар сказал:

— Бары, мой господин. Они ждут; они с радостью преградят нам путь, если смогут.

— Происки Сенестро, полагаю. Я-то думал, он претендует на что-то вроде чести.

— Это не дело рук принца, мой господин, — ответил солдат. — Некоторые из его последователей из числа д'хартианцев и коспианцев не будут особо щепетильны в том, как убить «самозванца», каким они вас считают.

— А что, — рискнул Уотсон, — если бы я и правда БЫЛ САМОЗВАНЦЕМ?

И Геос, и Ян улыбнулись. Но голос Рамды звучал очень твердо, когда он ответил:

— Будь вы самозванцем, мой господин, я убил бы вас сам.

Теперь они были уже совсем рядом с Маховисалом. Внизу сияли опаловые переливы, которые ни с чем нельзя было спутать — каким-то образом их зажигало мощное освещение города, не уступающее по силе солнечному свету. Красная точка на подсвеченной карте была как раз над черным квадратом. А прямо впереди воздух задрожал от воздушного судна, выхваченного из мрака прожектором. И как им благополучно миновать его?..

Но Чик не знал, что за человек Ян Лукар. Солдат спросил:

— Мой господин не боится?

— Конечно, нет, — немного неуверенно отвечал тот. — А что?

— Потому что я намерен предложить нечто дерзновенное. Должен признать, мой господин, что, будь здесь только мы с Геосом, я бы на такое не решился. Но даже Барам, — с пленительной уверенностью добавил он, — не устоять перед нами теперь! Мы получили подтверждение от Харадоса и знаем, что, как бы ни сложилось, он поможет нам справиться.

— Что вы собрались предпринять?

— Я предлагаю действовать в лоб, господин.

И без дальнейших пояснений Ян спросил Геоса:

— Вы согласны? Хрущ выдержит — пророк защитит нас.

— Конечно, — ответил Рамда. — В обществе избранного нам нечего бояться.

Уотсон удивленно смотрел, как Ян вывернул нос хруща вверх, взяв курс почти перпендикулярный земле. Миля пролетала за милей, и менее чем за минуту они уже мча-

лись к зениту, так что огни города скрылись вдали, и видны были только рыщущие лучи света. Чик гадал, что они будут делать дальше; судя по всему, бесшабашная отвага Яна Лукара не уступала его красоте.

Наконец солдат выровнял судно. Какое-то время они парили горизонтально; Ян не сводил глаз с красной точки. Когда она оказалась прямо над черным квадратом, он сказал:

— Это считается опасным маневром, мой господин. Мы собираемся упасть. Если сделаем это с такой высоты, то не только побьем все рекорды, но и докажем, что хрущу в этом отношении нет равных точно так же, как и в скорости. В любом случае, это наш единственный шанс! Но, так как Харадос на нашей стороне, можно не тревожиться, выдержит ли судно такое напряжение. Мы прорвемся через них, как брошенный камень; не успеют оглянуться, как мы уже будем на аэродроме — меньше, чем за минуту.

— С такой высоты? — Чик скрыл дрожь за искренним сомнением. — Минуты не хватит.

— Мой господин боится падения?

— С чего бы? Я беспокоюсь о хруще; он может загореться от трения, если будет лететь сквозь воздух так быстро, — Уотсон мысленно представил себе, как пылающий метеорит с тремя обгорелыми людскими телами вылетает из...

— Моему господину нет нужды об этом тревожиться, — заверил его Ян. — В оболочке судна предусмотрено множество крошечных пор, сквозь которые в течение маневра будет выделяться жароупорная жидкость. Температура немного поднимется, но не слишком. Видите эту кнопку? —

он кивнул на панель, к которой ранее не прибегал. — Если на нее нажать, механизм судна автоматически настраивается на то, чтобы самостоятельно контролировать каждую фазу снижения. После этого всё, что нам останется, это наблюдать за красной точкой и приготовиться выйти там, откуда мы взлетели.

— Это когда-нибудь делали раньше? — Уотсон, собираясь с духом, тянул время.

— Да, и я сам это видел, господин. Хруща не раз направляли вверх, груженого балластом; кнопка нажималась с помощью специального механизма, и спустя пятьдесят восемь секунд он возвращалась в открытый проем аэродрома без единой царапины. Это было прекрасное зрелище. Я всегда завидовал судну в этом падении. А теперь мне представилась возможность попробовать самому под рукой Харадоса, которая направит и защитит!

Чику как раз хватило времени подумать, что, если он каким-то чудом переживет это, то потом сможет пройти любое испытание. Он наверняка сумеет справиться с чем угодно. Он принялся читать молитву, но не успел закончить, как Ян Лукар в последний раз склонился над круглой картой, увидел, что красная точка достигла центра квадрата, обозначавшего город, и без колебаний нажал на кнопку.

О том, что случилось дальше, воспоминания у Уотсона остались смутные. Пол как будто выпал из реальности. Он запомнил смутный удар обо что-то огромное, тихие раскаты грома в своей голове... потом был хаос в мыслях и потрясенное забвение.

XXXIX

КТО ЕСТЬ ХАРАДОС?

Всё было кончено. Чик открыл глаза и увидел, как Ян открывает наружу пластину в боковой стене каюты. Казалось, ни солдат, ни Рамда не заметили его ошеломления. Что до Яна, то его голубые глаза искрились безрассудством.

— Вот что я называю жизнью! — усмехнулся он. — Они могут хоть всю ночь искать хруща!

Чик посмотрел наружу. Они были внутри той самой большой комнаты, откуда вылетели. Поездка подошла к концу; падение прошло благополучно. Чик глубоко вздохнул и протянул руку.

— Вы пришли мне по сердцу, Ян Лукар. Предвижу, мы отлично повоюем с Сенестро.

— Еще бы, господин! — радостно ответил тот. — Не выношу этого наглого узурпатора! Жалею лишь, что не могу убить его вместо вас.

— Не вы один, — заметил Рамда. — Половина Рамд охотно согласилась бы взять на себя полномочия избранного.

Так закончился первый день Чика Уотсона по ту сторону «Слепого пятна» — его первый день в Томалии, если не считать предыдущих месяцев, проведенных без сознания. У него были веские основания провести ночь без сна, га-

дая, чем всё это обернется. Но вместо этого он спал крепким сном усталого человека, а на следующее утро проснулся отдохнувшим.

Прежде всего он напомнил себе, что скоро ему предстоит выдержать испытание. У него было чуть больше двадцати четырех часов, чтобы подготовиться. К чему будет лучше и мудрее всего приступить сначала?..

Он послал за Геосом и рассказал ему, в каких сведениях нуждается. Рамда ответил, что всё это можно найти в библиотеке в этом же здании, и спустя полчаса вернулся с горой манускриптов.

Оставшись один, Чик обнаружил, что располагает теперь данными обо всех здешних науках, религии, образовании, политической истории и законах. Летоисчисление томалийцы, как он понял, вели уже не менее пятнадцати тысяч лет. Устоявшаяся цивилизация тех древних времен была, само собой, совсем иной, чем существующая ныне.

Казалось, Харадос пришел как чудо, то есть — прибыл из неведомого сквозь портал, который сам потом назвал «Пятом Жизни». Он учил религии просвещенности, включавшей в себя разум, любовь, добродетель и высокую нравственность, что является свойственным для всех великих философских течений. Но он не называл себя святым. Это было необычно. Он говорил, что пришел, дабы научить их более развитому пониманию жизни и недвусмысленно указывал на то, что его учение может считаться абсолютным лишь в определенной мере.

«Человек должен искать и находить, — гласило одно из его изречений, — а если он больше не в силах сыскать исти-

ны, то будет находить ложь». Это была просто вывернутая наизнанку мысль, что часть его философии является исключительно условной.

Но в некоторых вопросах он был непреклонен. Он явился в то время, когда бездумные, склонные к самовосхвалению томалийцы почти что закончили уничтожать все низшие формы жизни. Харадос пытался устранить шоры, которыми ограничили себя люди, и дать им вместо милосердия, предназначение коего они позабыли, жгучую жажду новых знаний. Кроме того, он научил их товариществу как средству для достижения этой цели. Он учил красоте, любви и смеху — трем великим силам, очищающим человека. И тем не менее, при всем этом...

Харадос был загадкой.

Он изучал жизнь по-своему. Он упорно стоял за то, чтобы доходить до самой сути вещей, чтобы метаться среди возможных причин, пока не будет найдена первопричина. Так он и постиг тайну сверхъестественного.

Именно этому он учил. И вскоре Харадоса уже знали как влиятельного представителя места, известного в Томалии как СЛЕДУЮЩИЙ МИР. Вот только он представлял жизнь не как переход в небытие, а просто сменой плоскости жизни на более высокую, более величественную. Словом, как нечто, чего стоит желать и стремиться достичь, а не избегать.

Это дало «Пятну Жизни» совершенно новое толкование. Оно больше не внушало ужас. Харадос приравнял смерть к возвращению на родину — к чему-то, чем можно гордиться. И Чик пришел к выводу, что знаменитое пророчество Ха-

радоса, которое ему, Уотсону, еще только предстояло найти на стене храма, содержало все подробности сложных убеждений и постулатов Харадоса, касающихся тайны следующей жизни.

Тут началось нечто любопытное. Пока Чик читал эти подробности, он всё отчетливее ощущал... как бы это назвать? Присутствие кого-то или чего-то — оно было над ним и вокруг него, следило за каждым его движением. Он не мог избавиться от этого чувства, хотя стоял ясный день, и он явно был один в комнате. Чику не было страшно, но он мог поклясться, что, пока он знакомился со всеми этими материалами, некая совершенно реальная сущность словно окутывала его собственную.

Каждое слово почему-то напоминало ему о чудесной последовательности событий, какими они были ему известны — об этой безошибочной точности, с которой он, особо не задумываясь и почти без участия собственной воли, решал одну задачу за другой, хотя все шансы были против него. Он всё больше убеждался в том, что у него самого нет почти никакой власти над происходящим, что он находится в руках непреодолимой Судьбы и что — он не мог отделаться от этого чувства — его ангелом-хранителем выступает никто иной, как пророк, который почти девяносто веков назад жил и проповедовал в Томалии, после чего вернулся в неведомое.

Но как такое возможно? Уотсон даже не знал, где находится! Стоит ли удивляться, что он снова и снова испытывал потребность в ободрении. Он позвал Яна Лукара.

— Ян Лукар, — без предисловий начал Чик, — вы считаете меня избранным, не так ли?

— Да, мой господин.

— Вы убеждены, что я вышел из сверхъестественного мира, обладая при этом плотью и кровью, совсем как вы?

— Конечно!

Это всё решило. Уотсон счел необходимым выяснить кое-что, что не успел разузнать в библиотеке.

— Рамда, возможно, уже сказал вам, Ян Лукар, что я пришел сюда в поисках Харадоса. Теперь я подозреваю Сенестро. Можете ли вы представить, что он что-то сделал с пророком?

— Мой господин, — возразил тот, — хоть Бар и дерзок, Харадосу он не посмел бы навредить.

— То есть он побоится пойти против пророчества?

— Да, господин! Точнее — против его вольной трактовки. Он полагает, что то толкование, которого придерживаются либералы вроде Рамды Авека, недопустимо. Бары вечно предостерегают народ от самозванцев.

— А Сенестро их возглавляет, — размышлял Чик вслух. — Этот его брат, который умер... обычно ведь принцев и правителей бывает двое?

— Всё так, господин.

— И Сенестро намеревается жениться на обеих королевах, следуя обычаю!

— Господин... — и Ян внезапно резко выпрямился, — Бару невероятно повезет, если он сможет жениться хотя бы на одной из них! Уж конечно, он не получит Арадны — нет, пока я жив и могу сражаться!

— Отлично! А что насчет Нервины?

— Он будет счастливым, если сначала сумеет найти ее!

— Это точно! Что бы вы сказали о его кодексе чести?

— Мой господин, у Сенестро вообще нет кодекса. Он ни во что не верит. Его разум и душа так устроены, что он не печется ни о ком и не доверяет никому, кроме себя самого. Он самый что ни на есть маловвер: ему нет дела до Харадоса и его учения. Он — прагматик, жадный до власти, злобный, порочный, жестокий...

— Но отличный спортсмен!

— В каком смысле, мой господин?

— Разве он не позволил мне выбрать вид состязания?

Ян засмеялся, но его красивое лицо не смогло скрыть презрения.

— С теми, кто привык побеждать, всегда так, мой господин. Ему никогда не доводилось уступать кому-либо в физической силе. Его слава выиграет куда больше, если он одолеет вас в единоборстве, вами же выбранном. Зрелище будет ярким — он по достоинству ценит театральные кульминации... и убьет вас в мгновение ока, на глазах у миллионов томалийцев.

— Неплохой способ умереть, — сказал Уотсон. — Хоть с этим вы не будете спорить.

— Я не знаю неплохих способов умереть, мой господин. Но есть отличный способ прожить — убить Бара Сенестро. Я бы это сделал, выпади мне такая честь.

— Как так вышло, что Рамды, будучи такими сверхразумными, дают согласие на подобный поединок? Разве это не унижительно с их точки зрения? Отдает варварством.

— Они смотрят на это иначе, мой господин. Наша цивилизация переросла снобизм. Конечно, были времена —

сотни лет назад, — когда нас учили, что любая физическая борьба — это зверство. Но с тех пор мы стали разумнее.

— Вы больше в это не верите?

— Нисколько, мой господин. Самое чудесное из осязаемого в Томалии — это человеческое тело. Мы его не прячем. Мы восхищаемся красотой, силой, мастерством. Живое тело превышает всякого искусства — оно есть дело рук самого Господа, а искусство — всего лишь подражание. И нет ничего прекраснее состязания в силе, этого молниеносного слияния разума и тела. Это отображение самой жизни.

— Рамды тоже так думают?

— Безусловно. Рамды — всегда первые атлеты.

— Почему?

— Совершенство, господин. Совершенный разум не всегда обитает в совершенном теле, но они стремятся к этому как могут. Первое испытание Рамды — это испытание тела. Справившись с ним, он должен пройти проверку способностей разума.

— Разума?

— В первую очередь, духа. Пожалуй, это самое сложное: он обязан быть выше всяких подозрений. Честь Рамды ни в коем случае не должна ставиться под сомнение. Ему следует быть справедливым и лишенным себялюбия, а также отличаться широкими взглядами, человечностью, производить приятное впечатление, быть способным взять на себя руководство людьми. После этого, господин, наступает черед испытания ума.

— Проверка образования?

— Не совсем, ваше сиятельство. Есть немало ученых мужей, из которых не получится Рамд; есть немало и таких, что вовсе не получили образования, но в конце концов заслужили этот титул. Проверяются умственные способности, не знания. Ум подвергается суровому испытанию на бдительность, чувственное восприятие, память, способность мыслить логически, испытывать эмоции и на самообладание. Во всей Томалии нет чести выше.

— И все они — атлеты?

— Все до единого, мой господин. Во всем мире не сыскать людей лучше сложенных. Я сам колебался бы, прежде чем сойтись в поединке даже с немолодым Рамдой Геосом.

— А как насчет Рамды Авека?

— И с ним тоже. В гимнастическом зале он всегда был впереди всех, подобно тому, как не знал себе равных в нравственности и уме.

Быть может, это объясняло с одной стороны физическое превосходство Авека, а с другой — то обстоятельство, что он не опустил до попыток заполучить кольцо силой?

— Еще один вопрос, Ян Лукар. Вы совсем не боитесь, что я завтра проиграю?

— Нисколько, мой господин. Вы не можете проиграть.

— Почему так?

— Я ведь уже сказал — вы пришли от Харадоса.

И Чик, переживавший самую удивительную пору своей жизни, с головой тонувший в море, где можно было различить лишь горстку островков надежной реальности, вынужден был довольствоваться этим: единственными

его друзьями были те, кто твердо верил ему. Вот только он знал слишком хорошо, что верят они существу мошеннику! Вся эта поддержка держалась на доверии, полученном обманным путем.

Нет же, не совсем. Разве не было у него странного чувства, будто сам Харадос сопровождает ему? Разве он не обнаружил, что пророк был реален? Разве он не ощущал так же ясно, как ощущал и всё остальное, что Харадос до сих пор существует?

Той ночью Чик отправился спать с легким сердцем.

XL

ХРАМ КОЛОКОЛА

Чику было нелегко вспомнить все подробности того великого дня. В течение всего утра и дня он оставался в своих покоях. По окончании завтрака Рамды рассказали ему, какова будет его роль в определенных церемониях, которые нет смысла здесь описывать. Мудрецы были предельно внимательны в том, что касалось его питания и удобства, расспрашивали о его самочувствии и опасениях. Их весьма порадовала его невозмутимость. Потом он принял ванну и вытерся досуха.

«Смертельный бой, значит? Вот и отлично», — подумал Уотсон. Он был в лучшей форме, чем когда-либо.

Ян Лукар был особенно заинтересован в происходящем. Он трогал и пощипывал мышцы Чика с нежной гордостью знатока. Уотсон вышел из ванны, где был установлен, кроме всего прочего, фонтан, во всей полноте здоровья и силы. Он шутя сделал обманный выпад в сторону Лукара, запутывая его. Ему хотелось узнать, что томалийцы понимают в самозащите.

Последовавшая короткая стычка дала понять, что легкой драки ждать не стоит. Ян был быстр, подвижен и владел особенно полезными навыками. Томалийцы боксировали не так, как это принято у англосаксов, — у них был особый

стиль. Чик предвидел, что ему придется сочетать приемы трех разных видов борьбы: бокса, джиу-джитсу и старого доброго «бей-куда-можешь». Если Сенестро сильнее Яна, Чикун придется попотеть. Хотя Уотсон побеждал, он не мог не признать, что Ян был не только умен, но и искусен до неуловимой, сбивающей с толку степени. В какой-то момент Лукар отступил.

— Довольно, мой господин! Вы — воистину мужчина, каких поискать. Не перетрудитесь, поберегите себя для Сенестро.

Принесли одежду, и Чика отвели в его комнаты. Всё это время Рамды были при нем. Геоса не было видно, как и маленькой королевы. Чик спросил разрешения посидеть у окна — и получил его после того, как стражи заставили окна экранами, которые не пропускали внутрь посторонние взгляды, но позволяли Чикуну лицезреть все, что творится снаружи.

Сколько хватало глаз, улицы были забиты людьми. Вот только на этот раз они были чисты посередине: он заметил по краям тротуаров цепочки голубого и алого цветов, сдерживавшие заждавшуюся многотысячную толпу. В отдалении звучал колокольный звон — слабый, но отчетливый, словно серебряные колокольчики звенели над водой.

Время от времени раздавались странные аккорды дикувинной, божественной музыки. Перед ним расстилалась панорама всего города с его куполами и башнями. От карнизов крыш и до оснований домов — все плясало в роскошном цветочном великолепии; флаги, музыка, праздничные

шествия — наступил день торжества, пышности и исполнения пророчества.

Чик улавливал витающее в воздухе волнение, некое странное подспудное чувство избавления — нечто сокровенное, неизъяснимое, восторг миллиона душ, отбивающих единый ритм в этот решающий момент.

Уотсон отклонился назад; кто-то коснулся его.

— В чем дело?

Это был один из Рамд. В руке он держал маленький железный клевер — символ Харадоса.

— Что теперь? — спросил Уотсон.

— Это, — сказал Рамда, — послал вам один из Баров.

— Из Баров! Что это значит?

Тот покачал головой.

— Это попросил передать вам тот, кто хочет сказать нам: он — ваш друг, пусть и Бар.

Только тут Уотсон заметил, что что-то выглядывает из-за края одного из листьев клевера. Он вытащил находку. Это был кусок бумаги, на нем оказались небрежно записанные АНГЛИЙСКИЕ слова.

Они были написаны от руки карандашом, скверным почерком и не очень грамотно, но все-таки по-английски. Чик прочитал:

«Выше нос! Нет в этом мире такого, кто сладил бы с парнем из Фриско. Это тебе Пат МакФерсон говорит. Ты — наилучший паренек из всех, что миновали пост старой Эндорской ведьмы. Мы с тобой, если продержимся, еще зададим жару этим язычникам. Держись и дерись, как

*чертяка! Помни — Пат с тобой! Мы оба — призраки! ПАТ
МАКФЕРСОН»*

Уотсон спросил:

— Кто вам это дал? Вы его видели?

— Это отправили снизу, мой господин. Какой-то высокий Бар из стражи Сенестро.

Уотсон не мог этого понять. Возможно ли, что в этом загадочном краю есть еще подобные ему? В любом случае, он не совсем одинок. Он почувствовал, что может рассчитывать на ирландца (или этот парень из Шотландии)? Так или иначе, такой человек способен быстро соображать в критический момент.

На Уотсона внезапно накатило ощущение пустоты. Он выглянул в окно. Музыка смолкла, утих непрерывный гул толпы. Повисла тишина — потрясающая, грозная. В тот же миг Ян Лукар вытянулся по стойке смирно, а у противоположной двери возник Рамда Геос, облаченный в черное, окруженный группой своих товарищей.

— Идемте, мой господин, — сказал он.

Алые стражи расступились перед Уотсоном, а Ян Лукар и Геос шли по обе стороны от него. Они вышли в коридор. По стрелке на вертикальных часах Чик понял, что уже девять. Он не знал, какой сейчас день или год, если не считать томалийский календарь, но знал, что дело идет к закату. Он не спрашивал, куда они идут — в этом не было нужды. Сама торжественность, с которой держались его спутники, говорила больше, чем могли бы сказать их ответы. Вскоре они очутились на улице.

Уотсон думал, что они полетят на воздухоплавателе или пройдут до места в самом здании. Он не ведал, что это была уступка Бару Сенестро, что Сенестро пытался сыграть на психологии, как это водится у более слабых противников. Если мужество Уотсона и не подвело его, то только благодаря железному спокойствию, присущему стойкому здоровью. Чик еще ни разу не проигрывал. Он не боялся. Его гораздо больше интересовало то, что он видел и наблюдал вокруг, нежели исход. Он надеялся на какой-нибудь случай, который приведет все к логическому объяснению.

У дверей ожидал дикий транспорт с изящными очертаниями — странного вида приспособление, которое можно было бы разместить где-то между птицей и гондолой, переливавшееся цветами и сделанное с удивительным мастерством и вкусом.

Трое мужчин поднялись на палубу: по одну сторону сел Рамда Геос, высокий, мрачный, безукоризненно опрятный, по другую — неотразимый Ян Лукар в великолепной алого цвета форме, увешанной драгоценными камнями. На голове у него был кивер из пурпурного ворса, а в руках — необычной формы черное оружие, которое он держал совсем как меч.

Посредине был Уотсон — с непокрытой головой, обнаженным торсом и руками. Ему дали пару мягких сандалий и короткие штаны, чьим подкупающим преимуществом в его глазах был карман, куда он спрятал столь ценный для него пистолет. Все вокруг больше всего походило на Древний Рим. Какой бы развитой ни была цивилизация тома-

лийцев, этот ритуал, по мнению Чика, имел оттенок варварства.

Однако, его живо интересовало все происходящее. Улицы были широки. Со всех сторон выстроились стражи, сдерживавшие людей, которые напирали вперед с настойчивостью, подогреваемой любопытством.

Чик всматривался в бесчисленные лица вокруг, в прекрасные черты умных мужчин и женщин. Ни в одном лице нельзя было заметить уродства. Женщины были особенно красивы и, насколько он мог видеть, отлично сложены и изящны. Многие улыбались; он сумел уловить неразборчивый гомон шепчущихся голосов. Некоторые казались безразличными, в то время как иные, судя по выражению их лиц, были настроены явно враждебно.

Чик находился в центре процессии — ему выделили особую стражу: внутренне кольцо составляли Рамды, а снаружи их всех окружали алые солдаты.

Транспорт тронулся. Трения не чувствовалось вообще: он двигался бесшумно, сам по себе. Чик мог только догадываться о том, как он устроен. Черная колонна Рамд ритмично двигалась вперед в своем мрачном великолепии. Несколько минут они шествовали по улицам Маховисала. Их не приветствовали — это было священное, внушающее ужас событие. Чик смутно ощущал взгляды тысяч пар глаз, почтение и благоговение. Настал День Пророка. Они лицезрели чудо.

Колонна завернула за угол. Сначала Уотсон был потрясен этой абсолютной безграничностью; он впервые почувствовал, каково это — смотреть на мир глазами насе-

когого. Будь он муравьем, вззирающим снизу на колонны Карнака⁶, разница в размерах все равно не была бы такой огромной. Он глядел на нечто колоссальное, превышающее способность человеческого восприятия. То был подпираемый колоннами вход в Храм Колокола.

Такое здание мог бы измыслить ум гения, во власти несдерживаемого, вдохновенного воображением. Оно было поразительно огромным! Колонны были шестигранной формы, каждая диаметром в средних размеров дом. Возвышавшиеся на головокружительную высоту, они выглядели так, словно в самом деле ниспадали потоками расплавленного металла с огромных колокольной формы изгибов сводчатого наличника. Такова и была задумка.

У Чика было впечатление, что верхушка строения каким-то образом обходится без поддержки основания, скорее наоборот — пол был словно отстранен от потолка. Это был титанов труд, настолько возвышенный и колоссальный, что в первое мгновение Уотсон оцепенел от ощущения своей незначительности. Какие у него шансы против людей, способных придумать нечто настолько громадное?

Он не видел, насколько велико здание. Одного достойного Гаргантюа⁷ фасада хватило, чтобы подавить разум. Он был сделан в форме треугольника, один угол которого был направлен в сторону города. Две стороны фасада схо-

⁶ Карнакский храм — крупнейший храмовый комплекс Древнего Египта, главное государственное святилище Нового царства.

⁷ «Гаргантюа и Пантагрюэль» — сатирический роман французского писателя XVI века Франсуа Рабле в пяти книгах о двух добрых великанах-обжорах, отце и сыне.

дились под огромным арочным проемом — это и был вход. Уотсон узнал одно из зданий, которое видел с борта хруща на окраине Маховисала. Огромная площадь была забита людьми, так что процессии остался лишь узкий проход, и сзади, сколько было видно Чику, к этому безразмерному месту стекались еще толпы людей. Числа им не было.

Машина остановилась. Стражи, одетые и в алое, и в голубое, образовали двадцатикратную границу. Уотсон чувствовал, как множество людей затаили дыхание в ожидании. Троица вышла из гондолы: сначала Геос, за ним Ян Лукар и, наконец, Уотсон. Чик перехватил взгляд Лукара — в нем читалась уверенность; он излучал бодрость и веселье, невзирая на торжественный момент.

Они прошли между двумя огромными столбами, миновали исполинскую арку. Несколько минут они шли по, как показалось Чику, безупречному лабиринту из этих безразмерных колонн. И каждый шаг отмечался алыми и голубыми рядами, тянувшимися по обе стороны от них.

Бескрайнее море людей растекалось по лесу колонн, сколько хватало глаз. Никогда прежде Чику еще не доводилось попадать в такое скопление людских масс.

Они прошли под внутренней аркой, что была меньше и ниже, туда, где, как догадался Чик, и располагался собственно храм. И если Чик думал, что его передняя была огромна, то для того, чтобы описать увиденное им сейчас, требовалось новое слово.

Храм было таким колоссальным, что охватить его разумом было почти невозможно. Лабиринт колонн закончился; вместо него далеко направо и налево стояли одиночные

ряды исполинских столбов. С каждой стороны их было по семь, разделенных гигантским расстоянием. А между ними было пространство настолько обширное, настолько невероятно большое, что в нем мог бы поместить маленький город. И над всем этим возвышалось не открытое небо, но потолок столь потрясающий, что Чик чуть было не остановил процессию, засмотревшись. Потому что потолок этот являл собой нижнюю сторону облака — серо-черной, наводящей страх грозовой тучи. А четырнадцать колонн являлись удивительными водяными столбами, чудовищными спиралями цвета бури, с ослепительными вихрями на верхушках и у оснований, которые соединяли крышу и пол. От края до края тянулось это зловещее ровное облако эпохальных размеров; и по обе стороны оно уходило корнями в эти жуткие колонны, словно живое, словно готовясь в любую минуту всосать землю, отправить ее в вечность.

Одним лишь усилием воли Уотсон оторвал взгляд и сосредоточил внимание на других подробностях этого невиданного места. Оно освещалось огромными окнами, что располагались за четырнадцатью колоннами — окна были слишком далеко, чтобы их различить. Свет открыл прямо впереди нечто, что Чик сперва принял за ниспадающий поток черной воды. Она вырывалась из задней части храма и у истока ограждалась стенами из чистого серебра, крест-накрест украшенными завитками из золота и драгоценных камней; у подножия этого фантастического водопада стены плавно перетекали в две огромные зеленые колонны.

Когда Чик и остальные приблизились, рой крохотных бронзовых созданий с серебряными крылышками заме-

тался по залу: это были хрупкие птицы, размером меньше ласточек, красивые и стремительные до неуловимости. Они были бесчисленны; в одно мгновение воздух храма наполнился порхающими, быстрыми блестящими пятнышками.

Потом Чик узрел, что наверху, у истока водопада сидят двое. Удивившись, он вместе с остальными прошествовал сквозь молчаливую толпу; все стояли с обнаженными головами и замершим дыханием. Верующие томалийцы заполнили каждый дюйм этого безграничного места. Только узкая тропинка позволила процессии пройти к этому странному, бесшумному, темному водопаду.

Они почти достигли его основания, когда Чик увидел, что идущие впереди Рамды без сомнений идут прямо в течение, а потом — взбираются по нему. Они шагали вверх, и Чик понял, что черная вода — на самом деле черный нефрит, а двое человек наверху сидят на площадке самого большого лестничного пролета на его памяти.

Рамды поднимались, расходясь налево и направо, к серебряным стенам. Одетые в алое и голубое стражи остались внизу, разметив путь сквозь толпу. У подножия лестницы Чик остановился и осмотрелся вокруг, и снова на него накатило оцепенение от бесконечной громадности всего, что он лицезрел. В этот миг Уотсон обернулся назад, на портал, который миновала процессия. Сейчас тот был закрыт, а над ним, покрывая значительную часть стены и чуть ли не достигая нависшего сверху облака, растянулся колоссальный копия трехцветного знака Харадоса.

Впервые Чик сполна осознал значимость символов. Если раньше это было случайной частью приключения, то

теперь он смотрел на знак мистического откровения. Это был не просто мотив для всех других украшений на стенах и меньших деталей обстановки храма — это была эмблема триединства, наделенная глубоким смыслом, священная, означающая тайну вселенной и будущего. Тут было нечто более глубокое, чем просто вера в судьбу, — за всем этим стояла основанная на фактах вера в цивилизацию.

Но в ту минуту, когда Чик замер, поставив одну ногу на нижнюю ступеньку лестницы, произошло нечто, что заставило его задрожать от радости. Кто-то заговорил... заговорил по-английски!

Чик огляделся. Голос принадлежал человеку в голубом облачении из стражи Сенестро. Он стоял в конце ряда, ближе всех к лестнице, чуть впереди своих товарищей. Как и остальные, он держал свое оружие с игольным острием, как на параде. Чик едва скользнул по нему взглядом, но потом ему хватило ума глянуть куда-то в сторону, когда человек едва слышно произнес:

— Все путем, дружище, не гляди на меня. Я знаю, что ты думаешь. Но она не так плоха, как выглядит! Не вздумай бояться. Мы с тобой всю Томалию уделаем! Ступай вверх по лесенке и задай этому мерзавцу Сенестро жару, прямо как во Фриско!

— Кто вы? — спросил Уотсон, пристально глядя на трехлистный клевер. Он говорил так же тихо и приглушенно, как и его собеседник. — Кто вы, друг мой?

— Пат МакФерсон, ясное дело, — последовал ответ. — И я уже достаточно сказал. А теперь иди по своим делам.

Уотсон не стал увиливать. Не было времени, чтобы узнать больше. Он не хотел, чтобы разговор заметили, однако же не мог скрыть его от Яна Лукара и Рамды Геоса, которые все еще были рядом с ним. Они уже слышали этот язык раньше. Их взгляды говорили, однако, о том, что они скорее рады этой заминке, чем раздосадованы. Чувство подавленности окончательно покинуло Чика, и он с радостным сердцем бодрым шагом поднялся по лестнице, чего нельзя было не заметить.

Он был готов встретиться с Сенестро!

XLI

ПРОРОЧЕСТВО

Достигнув вершины нефритовой лестницы, Чик обнаружил, что площадка являет собой большой помост около сотни футов в ширину. По правую и левую стороны этот помост был огражден серебряными стенами, на каждой из которых красовался огромный золотой орнамент. В этих завитках скрывались надписи, которые Чик пока что оставил без внимания. В задней части платформы находился большой предмет, напоминавший бронзовый колокол.

Пол был выложен все той же мозаикой, не считая центра, который был простой круглой формы. Чик не упустил из виду тот факт, что этот круг достигал где-то двадцати футов в диаметре и был безупречно чист, словно полотно замерзшего снега. Уотсон не смог определить, сделан круг из камня или чего-то еще. По всей окружности он был отделен от помоста расщелиной в несколько дюймов шириной.

Чик повернулся к Геосу.

— «Пятно Жизни»?

— Именно так. Это самое удивительное во всей Томалии, мой господин. Чувствуете? — Уотсон как раз с опаской коснулся белой поверхности кончиками пальцев левой ноги, после чего резко отпрянул.

— Я ощутил нечто, — ответил он, — что не в силах описать. Оно холодное и в то же время нет. Должно быть, это мое собственное притяжение.

— Ах! Это хорошо, мой господин!

Что имел в виду Рамда, Чик сказать не мог. Его заинтересовало странное белое вещество. Оно было гладким, как стекло, однако кое-где мелькали незаметные, почти невидимые черные линии — словно тончайшие царапины на старой слоновой кости. И все же белизна не слепила. Уотсон снова коснулся поверхности ногой и отметил необъяснимое чувство веселья.

В это мгновение, погрузившись в себя, он напрочь забыл о собравшихся вокруг. Он понял, что стоит прямо на «Слепом пятне».

Но спустя минуту он обернулся. Помост был чем-то вроде нефа, одна его сторона выходила на лестницу. По левую сторону от него на небольшом, похожем на стул троне из какого-то просвечивающегося зеленого материала сидела хрупкая Арадна. По правую сторону расположился Бар Сенестро, и его кресло отличалось только тем, что было ярко-голубого цвета. Посредине помоста стоял третий трон, алый. Он пустовал.

Сенестро встал. Он был по-королевски наряден, на груди сверкали самоцветы. В этом человеке не было видно ни страха, ни нерешительности, ни слабости. Если бы уверенность была сродни силе, Сенестро уже победил бы. В глубине души Чик тайно восхищался им.

Но тут же поднялась и Арадна. Она подала Уотсону знак. Он шагнул к королеве, и та снова села.

— Я хочу дать вам свое благословение, господин путник. Вы уверены в своих силах? Сможете справиться с Сенестро?

— Уверен, — ответил Уотсон. — Это ради королевы, о Арадна. Я ничего не знаю о пророчестве, но буду драться за вас!

Она покраснела и скрытно бросила взгляд на Сенестро, потом сказала:

— Это хорошо. Исход будет иметь двойное толкование: духовное — на основе пророчества, и земное, материальное, касающееся лично меня. Если вы победите, мой господин, я буду свободна. Мне не придется выходить за Сенестро — я не люблю его. Я буду следовать пророчеству и ждать избранного, — она замешкалась. — Что вы знаете об избранном, мой господин?

— Ничего, о Арадна.

— Разве Рамда Геос не сказал вам?

— Часть, но не все. Что-то он утаил.

— Вполне может быть. А теперь... не преклоните ли колена, мой господин?

Уотсон опустился на колени. Королева протянула руку. Чик мог слышать глубокий шорох голосов собравшейся толпы у себя за спиной, но что означал этот звук, не понимал, да и ему не было до этого дела. Ему было достаточно того, что он будет сражаться во имя этой утонченно-прекрасной девушки. А пророчеству он охотно позволил бы заниматься о себе самому.

Кроме них троих, на помосте были только Рамда Геос и Ян Лукар. Они остались у края, который был ближе всего к

остальному храму, у вершины лестницы. Свободный трон по-прежнему оставался пустым.

Внезапно Чик вспомнил предупреждение доктора Холкомба: «Прочитай слова Пророка». Он воспользовался короткой передышкой, чтобы всмотреться в надписи на больших золотых украшениях:

«ПРОРОЧЕСТВО ХАРАДОСА

Узрите! Когда День приблизится, готовьтесь! Ибо, когда придет День, не будет вам знаков и предзнаменований от мира внешнего. Мудрость исходит от жизни, а жизнь исходит от мудрости. Да, в жизни и в духе вы получите их, сущих, совсем как вы сами. И должно быть вам в последние дни настороже. По знакам этим вы узнаете их, даже по истинам, коим я учил вас. Путь жизни суть открытая дверь, и ключи ее — мудрость и добродетель. И когда разум вознесется ввысь — тогда вы узнаете! Отметьте достойно «Пятно Жизни»! Тот, кто откроет его, суть предтеча суда.

И так придут последние дни. И вы, Мудрые, узрите, что в последние дни появится промеж вас избранный из рода королей. Сперва явится один, потом их будет двое, и двое останутся, но один возвратится. О четырех ногах — призыв к смирению, жертвенности и отречению, и чтить вам его следует, как чтите вы меня, Харадоса. А в последний из всех дней явлюсь я, Харадос!

Самозванцы. Их побивайте! Дабы не забрал я у вас то, чем наделил вас, и не отдалился День, побойтесь святотатства! И ежели не придут самозванцы, вы узнаете, что я удержал их. Знайте же о Дне! Ведь минует шестнадцать

суток со дня пророка — и наступит День Суда. И путь откроется в последний день, в шестнадцатый день Харадоса.

Внимайте же словам Харадоса, пророка и глашатая вечного разума, вершителя правосудия, мира и любви! Да будет так во веки веков!»

Чик прочитал это дважды. Как и все пророчества, оно было слегка туманным, но основной смысл был понятен. Сквозь эту золотую надпись он смотрел в самое сердце Томалии — в ее величие, ее культуру, саму ее цивилизацию. Это была душа «Слепого пятна», смысл и причина всего, что происходило вокруг.

Он услышал, как кто-то подошел сзади. Это был Сенестро — он скользил взглядом по словам пророчества.

— Можете прочитать, сэр Призрак? — спросил красавец Бар. Его черные глаза искрились удовольствием. — Прочитали все от начала до конца?

Он положил руку Чику на плечо. Это был небрежный, почти дружеский жест. Вместе с сердцем дьявола он обладал и благородством рыцаря. Он указал на строку: «Самозванцы. Их побивайте».

— И будь я самозванцем, вы бы меня убили? — спросил Уотсон.

— Да, разумеется! — ответил прекрасный принц. — Вы замечательно сложены, на вас приятно смотреть. Я буду держать вас в руках, услышу, как трещат ваши кости — для меня эта музыка будет слаще, чем пение храмовых фазанов, которые поют только во славу Харадоса. Я убью вас на «пятне», сэр Призрак!

Уотсон развернулся на каблуках. Этикет Сенестро не имел отношения к его собственным правилам. Он не боялся. Он встал рядом с Яном Лукаром и смотрел вниз, на простор храма. Насколько хватало взгляда, под четырнадцать большими колоннами, за ними и вплоть до дальней стены пола не было видно из-за несметного количества людей.

Стало темно. Вскоре далеко впереди замаячил новый свет, постепенно усиливаясь, пока весь храм не оказался освещен, как солнечным днем.

Рамда Геос заговорил:

— В последний день, в День Жизни, у нас есть сущий, подобный нам, и слова пророка. Харадос написал свое пророчество золотыми буквами, дабы все видели. «Самозванцы. Их побивайте». Воля Рамд такова, чтобы великий Бар Сенестро испытал доказательство потустороннего. Сегодня, в первый из Шестнадцати Дней, да состоится испытание — на «Пятне Жизни»!

Он отвернулся.

Бар Сенестро снял свои камни, полувоенное одеяние и остался облаченным в то же, что и Уотсон. Они двинулись вперед и встретились в центре помоста — двое атлетов, стройных, сильных, красивых, с дрожащими от избытка сил мышцами, со здоровой шелковистой кожей. Предводители двух миров, сошедшиеся в поединке за истину!

Низкий ропот стал громче и, постепенно нарастая, заполнил весь храм. Серебряно-бронзовые фазаны порхали над головами, мелькая, будто осколки самого духа света. И внезапно...

Один из них ринулся вниз и опустился на плечо Уотсона.

Бормотание толпы обернулось мертвой тишиной. В следующую секунду случилось нечто еще более странное. Крохотное создание принялось петь во весь голос.

Уотсон тут же припомнил слова Бара Сенестро: «Они поют только во славу Харадоса». Он осторожно протянул руку, поймал певунью и поднял ее, показывая изумленной толпе. Песня все продолжалась. Чик продержал ее еще мгновение, а потом позволил взмыть высоко в воздух. Птица пролетела над храмом, не прекращая серебристую, сладкую мелодию, и скрылась в дальнем углу огромного здания.

Но Сенестро это не покорило.

— Отлично сыграно, сэр Призрак! В любом случае, это ваше последнее представление! По-другому не выйдет. Надеюсь, умрете вы так же красиво! Готовы?

— Готов? К чему? — парировал Уотсон. — И с чего бы мне отягощать себя приготовлениями?

Но к нему подошел Рамда Геос.

— Сделайте все, что сможете, мой господин. Сожалею лишь, что драться придется до смерти. Это первый смертельный поединок в Томалии за тысячу циклов. Но Сенестро бросил вызов пророчеству. Докажите, что вы не обманщик! Мое сердце с вами.

Это доброе слово было кстати. Уотсон шагнул в «Пятно Жизни».

Оба противника были босы. Очевидно, томалийцы дрались в старой, классической манере. Камень под ногами

Уотсона был бодряще холодным. Чик снова почувствовал эту дрожь притяжения и силы. Она отдавалась трепетом во всем его теле, словно слегка ускоренное течение жизни. Он чувствовал себя живым, радостным и уверенным.

Сенестро улыбался, его глаза сверкали от предвкушения. Его тело было невероятно мускулистым, а поступь по-кошачьи мягкой.

— Что это будет? — поинтересовался Уотсон. — Назовите, как вы решили меня уничтожить.

Но Бар покачал головой.

— Ну уж нет, сэр Призрак. Вам предстоит выбрать способ своей смерти, не мне. Я не привередлив, да и не себялюбив.

— Тогда пусть будет рукопашная, — сказал он как только мог небрежно. Он был хорошим, искусным борцом.

— Отлично! Вы готовы?

— Вполне.

— Прекрасно, сэр Призрак. Я пойду к границе «пятна» и обернусь. Мне не нужны нечестные преимущества. Сейчас!

Кивнув, Чик шагнул к грани со своей стороны. Он оглянулся — и это случилось. Вот только Чик так и не понял, что именно. Он помнил, что видел, как его противник медленно обернулся, а в следующую долю секунды Уотсон уже бился в тигриной хватке. Еще прежде, чем они коснулись камня, Чик ощутил, как Сенестро тянется, чтобы замкнуть смертельный захват.

И тут Уотсон осознал, что угодил в тиски к тому, кто намного его превосходит.

Его разум работал со скоростью молнии. Руки и ноги стремительно бросились в контрзахват, который мог его спасти. Они упали на «пятно» и несколько раз перекатились друг через друга. Чику удалось схватить противника, но Сенестро вырвался почти сразу же. Тем не менее, это его спасло. С минуту они кружились, как пара волчков. Уотсон держал оборону. Он был не так быстр и опытен, как его соперник. Это была не просто проба, дабы помериться силами — это был бой насмерть. И Чик был в проигрыше. Ему приходилось напрягать все силы.

Сражаясь за свою жизнь, человек становится сверхчеловеком. Уотсон столкнулся с чем-то выше своих сил; нестигаемый Бар разрывал один захват Чика за другим. Сенестро был словно молния, словно пантера — неуловимый и озлобленный. Он вновь и вновь обходил защиту Чика и пытался расправиться с ним. И всякий раз Чику удавалось вывернуться и спастись, ответив своим захватом. Борьба, наполнившись ненавистью, потеряла четкие очертания — все смешалось: мышцы, ноги, жажда убийства. Дважды Уотсон пытался перейти в наступление. В первый раз он попробовал хамерлок, во второй — полу-нельсон. Бар медленно разорвал оба захвата.

Сколько бы Чик ни знал о рукопашной борьбе, Сенестро было известно чуточку больше. Они сплелись в кружащийся комок ног и тел, охваченных непрерывными конвульсиями. Вокруг было тихо, если не считать жуткого дыхания мужчин и сдавленных восклицаний зрителей.

А потом...

Уотсон ослабел. Он попытался еще раз. Они поднялись на ноги. Но прежде, чем он смог действовать, Сенестро поймал его на лету, точно так же, как и вначале, и сшиб с ног. А когда он упал, Бар взял его в нерушимый захват.

Чик тщетно сопротивлялся. Бар усилил хватку. Судорога боли пробежала по телу Чика — он почувствовал, как его кости поддаются. Его силы иссякли — он уже предчувствовал смерть. В следующее мгновение наступит конец...

Но что-то случилось. Сенестро почему-то выпустил его. Чик почувствовал, как что-то мягкое трется о его щеку. Он услышал странное щелканье, крики удивления и ужасный хрип удушья, издаваемый Баром. Борясь с головокружением, Уотсон поднялся на одном локте. Перед глазами немного прояснилось.

Великий Бар лежал на спине, а у его глотки замерло рычащее создание — Чик видел его на листке клевера Харадо-са.

Это была живая собака.

XLII

ИСТОРИЯ ПАТА МАКФЕРСОНА

Для Уотсона это все было как в тумане. Он был слишком слаб и сломлен, чтобы помнить всё в точности. Он мог различить только гам, море разнообразных звуков. А потом — глубокий, всеобъемлющий колокольный звон.

Где-то когда-то Чику уже доводилось слышать этот звук. В его нынешнем состоянии память отказывалась ему служить. Он был весь в крови; он пытался встать, подползти к этому рычащему животному, что душило Сенестро. Но внутри него будто что-то щелкнуло, и все погрузилось во мрак.

Когда он снова открыл глаза, все изменилось. Он лежал на кушетке, вокруг собралось несколько человек. Спустя минуту он узнал Яна Лукара, потом Геоса и, наконец, сиделку, которая ухаживала за ним, когда он впервые пришел в себя в «Слепом пятне».

Очевидно, он был среди своих друзей, хотя здесь был и кое-кто новый — рыжий человек, одетый в форму высоких Баров.

Чик сел. Сиделка поднесла к его губам кубок с зеленой жидкостью. Бар обернулся.

— Так-то, — сказал он, — дайте ему немного этого питья, оно пойдет на пользу, вернет костям прежнюю силу.

Голос показался Уотсону смутно знакомым. Бар говорил по-томалийски; Чик не понял смысла его слов, пока не осушил свой сосуд.

— Кто вы? — спросил он.

Рыжеволосый Бар усмехнулся.

— Тсс, дружище, — сказал он на родном языке Чика. — Избавься от этих томалийцев. У нас тут игра на четверых, но рисковать нельзя. Выдвори их, чтобы мы могли потолковать.

Уотсон обернулся к остальным и изложил просьбу на недавно усвоенном наречии. Они почтительно поклонились и вышли.

— Кто вы? — еще раз спросил Чик.

— Я — Пат МакФерсон.

— Как вы сюда попали?

Тот сел на край кровати.

— Да как тебе сказать? Это все выпивка, сэр. Новая смесь виски с содовой, дружеская уловка и старушка Эндорская ведьма — все вместе.

Было видно, что Уотсон ничего не понял. Незнакомец продолжал:

— Клянусь честью, сэр, больше ничего. И никто более ничего не знает, кроме разве что самого старины дока.

— Старины дока! Вы имеете в виду доктора Холкомба?

Уотсон сел на постели.

— Где он?

— В безопасном месте, парень. За доктора не бойся. Это он тебя вытащил... он и твой покорный слуга, Пат МакФерсон, ей-Богу.

— Он... и вы... спасли меня?

— Ага — там, на «Пятне Жизни». Немного словчили, как док задумал. Конечно, она не совсем так сработала, как он сказал, но красавчику Сенестро все равно хватило горя!

Уотсон спросил:

— Что стало с Сенестро?

— Конечно, они его вытащили. Чудесная собачка чуть было его не прикончила. Воистину, славная овчарка!

— Что за собака?

— Отличная, сэр, только хвост немного порезан. И до того умная, разве что по-французски не говорит. Томалийцы все ее Четвероногим величают, и, если дальше так пойдет, сделают из нее Папу Римского.

Уотсон все еще туго соображал.

— Я не понимаю!

— Да и я, дружище. А вот старина док сечет. У него голова как раз под цифры, и он до того ученый — железо из радуги выкует.

— Железо... откуда?

— Из радуги, сэр. Клянусь честью, сам видел. И он за тобой присматривал с тех пор, как ты здесь оказался. Он сам, парень, надоумил тебя прозвать его Харадосом.

— Не хотите же вы сказать, что профессор вкладывал эти побуждения мне в голову!

— Ага, парень, так и есть. Для него это ничуть не сложнее, чем для меня рубить дрова. До того у него с вычислениями хорошо!

Уотсон попытался поразмыслить. Сейчас у него был только один, самый важный вопрос. Его-то он и задал.

— Знать не знаю, Харадос ли он, — был ответ. — Но, если нет, то он, стало быть, его брат-близнец, точно.

— Он — узник?

— Я бы так не сказал, хоть некоторые из них так и думают. Но, если кто его и удерживает, то это Сенестро и его шайка стражников.

Уотсон посмотрел на форму собеседника, на пурпурный кивер на его голове, украшенное камнями оружие и знак Харадоса на плече, отличающий Бара высшего ранга.

— Как так вышло, что вы — Бар, да еще и возвышенный при этом?

Тот снова усмехнулся. Он снял кивер и провел рукой по копне рыжих волос.

— Это или ирландская удача, дружище, или шотландская. Не ведаю, какая именно — во мне и той, и той поровну, — но по большей части это заслуга моих рыжих волос.

— Почему?

— Хотя бы потому, что в Томалии в рыжих все видят что-то царское. Мои славные космы сослужили мне хорошую службу. Видишь ли, это отметина самих Баров королевских кровей — у других таких не бывает.

Уотсон сказал:

— Если вы пришли от доктора Холкомба, то у вас наверняка есть послание мне от него.

— Ага. Ты, да я, да несколько Рамд, да еще, может быть, малышка-королева отправляемся в полет на хруще. Мы летим за стариной доком, и можешь спокойно поставить всё свое богатство на то, что потасовка будет лучше всякой на

твоём веку. А как закончим с этим, нас ждет еще один полет — в старый добрый Фриско.

Чик тут же спросил Пата, знает ли он, где находится Сан-Франциско.

— Честью клянусь, это только старый док знает, дружище. Но, как доберемся, Пат МакФерсон отправится искать Тодди Малоуни.

— Я понятия не имею, кто это.

— Ну, это он мне дал тогда того пойла.

— Какого пойла?

— Пойла, из-за которого все случилось. Это был новый коктейль. Видишь ли, я только-только вернулся из Мельбурна и в ту же ночь пошел развеяться, отдохнуть, ну и зашел к Тодди. Заказал порцию виски.

«Тише, Пат, — говорит он, — виски тебе ни к чему — ты от него опьянеешь. Почему бы тебе не отведать кое-что по-ирландски зеленое?»

«Зеленое? — хмыкаю я. — Это славный цвет. А я ничего из бутылки не побоюсь. Подавай!»

Он и подал. На бутылке была этикетка от мятного ликера.

«А еще, — утверждает он, — от него не пьянеешь».

Да только врал он всё, уж ты меня прости. Потому как вижу — голова моя сразу начала расти все больше и больше, так что вскоре стало ничего не видеть, кроме лампочек на потолке да вроде как пары человек внизу, по краям. А после этого я вышел на улицу и ходил, пока на холм не попал. А там луна была... и старый такой дом — он стоял, не двигаясь, а вот луна — нет. Ну я остановился

поглядеть на нее, да так устал и вымотался, еще ноги от качки не отвыкли, что сел на ступеньки под домом отдохнуть немного да на луну поглазеть — авось она вот-вот замрет.

В общем, сэр, я там и трех-четырех минут не просидел, как тут дверь открывается, и выходит мелкая такая старушка, пожалуй, самая мелкая и старая, что я видел во Фриско.

«Вечер добрый, любезная матушка», — говорю и шляпы касаюсь.

«Любезная матушка! — бурчит она и смотрит на меня в упор, еще и носом шмыгает. — Бедняжка, да ты же там на смерть замерзнешь. Лучше заходи, полежи у меня на диване».

Ну, сэр, и откуда мне было знать, моряку неграмотному? Она же была всего лишь старуха иссохшая. Как мне было понять, что она — Эндорская Ведьма?

В памяти Уотсона прокручивалось то, что он знал о доме на Чаттертон-Плэйс, особенно то, что касалось его обитателей в самом начале тайны «Слепого пятна». Последние слова Бара привлекли его внимание.

— Эндорская Ведьма?

— Ага, она самая. Я когда проснулся, не было ни дома, ни старой леди, ни Тодди Малоуни, ни Фриско. Я попал в какое-то странное место, сэр такая церковь вроде Собора Святого Петра, только больше и столь же невообразимая. И колонны были что струи воды, а небо над головой — все затянуто тучами и тоже вот-вот готово разразиться адской бурей. Да ты и сам там был, дружище.

Ну, а рядом стоит какой-то тип, одетый в килт. И говорит на странном языке, хоть я его и понимаю; в общем, он мне такой:

«Мой господин», — вот что он сказал.

«Господин? — удивляюсь я. — Я понятия не имею, о чем ты толкуешь».

«Вы разве не Бар?» — хлопает глазищами он.

«Вот уж точно нет! — отвечаю я на приличном английском, так чтобы он уж точно понял. — Я — Пат МакФерсон».

А он и не понимает.

Потом мы выходим из храма на улицу. И тут вокруг собирается уйма народу и начинает кричать. Ну, мы потихоньку добрались до другого здания.

«И чего все на меня так таращились, когда мы только что переходили улицу?» — спрашиваю я.

А он отвечает:

«Это из-за вашей одежды».

Ну, а мне не по душе публичность, сэр; тут уж своенравный шотландец во мне решил, что надо делать, а ирландец сделал. Я задал ему взбучку, забрал одежду и надел на себя. Тут уж меня все перестали замечать. То есть пока я свою шляпу не снял...

— Имеете в виду кивер?

— Ага, эту треклятую тяжелую штуковину — сделана-то она вроде как из перьев. В общем, когда стало так жарко, что у меня аж скальп взмок, я ее и сними. И тут они давай называть меня «мой господин» да «ваша светлость», словно я сам король. «Дай-то Бог, — думаю, — чтобы волосы у меня не повыпали!»

В общем, сэр, я проводил время, как и пристало ирландцу. Делал всё, что угодно, вот только не напивался — тут нечем напиться. Но спустя время я наткнулся на еще одного парня с такими же рыжими волосами, как у меня. Он был, само собой, славный малый и весь окружен стражами в голубом. Он привел меня в свою комнату и начал расспрашивать.

И я, сэр, ему наврал. Конечно, мне повезло, что мое шотландское воспитание и смекалка подсказали мне, что делать, но, когда дошло до разговоров, я позволил ирландцу в себе взять слово. И пришлось великому Бару по душе.

«Воистину, — говорит он торжественно так, — ты суть один из королевских Баров!»

И дал мне один из высших офицерских чинов, вот так.

— Это был Бар Сенестро? — спросил Уотсон.

— Нет, тот парень был куда лучше — брат Сенестро, который вскоре после этого умер. Когда я увидел Сенестро, мне хватило ума держать рот на замке. И теперь я один из высоких Баров — выше только сам Сенестро! Более того, сэр, больше никто из живых не знает правды, кроме разве что вас и старика доктора.

История была странной, но в свете всего произошедшего раньше — удивительно правдоподобной. Уотсон начал видеть свет, забрезживший во мраке. «Теперь их двое», — сказала Джерому старушка в доме 288 по Чаттертон-Плэйс, когда детектив пришел туда в поисках пропавшего профессора. Быть может, она имела в виду Холкомба и МакФерсона? Двое прошли сквозь «Слепое пятно», двое же и вышли оттуда — Рамда Авек и Нервина. «Теперь их двое», — так она сказала.

— Поведай мне что-нибудь еще о Холкомбе, Пат!

— Рассказывать особенно нечего. Многого я и не могу открыть, потому как пожилой джентльмен сам не велел. Он появился вскоре после смерти старшего Бара, брата Сенестро. Кажется, там была какая-то шумиха вокруг старика Рамды Авека, от которого я всегда старался держаться подальше — он же собирался доказать, что духи существуют! В общем, мы сторожили храм, дожидались призрака, как было обещано. Так и вышло, что мы спалили старого дока.

Но Рамды его так и не увидели. Сенестро его одурачил, обманом спровадил во Дворец Света.

— Дворец... чего?

— Дворец Света, дружище. Это дом Харадоса. Томалийцы всегда считали его священным; ни одна живая душа и на пару миль к нему не подойдет. С тех пор, как там Харадос побывал, а было это несколько тысяч лет назад, внутри ни одна нога не ступала.

Но Сенестро знал, что доктор — настоящий Харадос или, по крайней мере, так думал. И он его не боялся. Сенестро — не трус, и он поселил доктора в самом жилище Харадоса! Сенестро только пророчество и волнует.

Наконец-то Уотсон нащупал под ногами твердую почву. Части головоломки начали складываться — Сенестро, профессор и пророчество Харадоса.

— Ну, в общем, мы — Бары — держали старину доктора в плену с той самой секунды, как он появился, и никто, кроме меня, и слова доброго ему не сказал. Но старый джентльмен и не думал унывать. Стоило ему узнать про все эти шарики, радуги и прочие ученые тайны, как он позабыл всё на све-

те. Он был доволен тем, что открыл. У доктора светлая голова, и я ни капли не сомневаюсь, что он и есть истинный Харадос.

Рыжеволосый рассказал, что профессор знал о прибытии Чика с самого начала. Он немедленно вызвал к себе МакФерсона и отдал ему несколько приказов или, точнее, указаний, смысла которых ирландец не мог понять. Он лишь уяснил, что должен пойти в Храм Листа и в определенном порядке прикоснуться к нескольким предметам. Кроме того, он обязан был устроить так, чтобы быть поближе к Чикю и ободрить его.

— Но всё случилось не совсем так, как он говорил. Он-то надеялся прищучить Сенестро. А вместо этого на Бара набросилась собака. Замечательная овчарка, знаешь ли — она спасла тебе жизнь.

— Где сейчас собака?

— На «Пятне Жизни», сэр. Не хочет оттуда уходить. Странно, до чего она вцепилась в это место. Одни только Рамды приходят, чтобы ее покормить.

Так Чик узнал, что, как только ему станет лучше, он с МакФерсоном отправятся на поиски доктора, чтобы помочь тому сбежать вместе с раскрытыми им тайнами — истинами, скрывавшимися за загадкой «пятна».

— И ждет нас отличная потасовка, парень. Сенестро — боевой тип, он не сдастся и не отпустит доктора, если его не заставить.

Для Чика это были отнюдь не скверные новости. Честный бой — это было в его вкусе. Это напомнило ему об автоматическом пистолете, который до сих пор лежал в его

кармане — оружию, которым он и не подумал воспользоваться в отчаянной схватке с Баром Сенестро.

— Пат, — сказал он, поддавшись внезапному наитию, — когда ты прибыл, у тебя при себе было что-то огнестрельное?

МакФерсон полез в карман и безмолвно достал оттуда пистолет тридцать второго калибра — не той модели, что у Чика, но на таких же патронах. Из другого кармана он извлек сверток, бережно перевязанный ниткой. Он развязал и раскрыл его — внутри оказалась старая глиняная трубка!

— Прибыл-то я с двумя ружьями, — печально ответил он. — Да только пороху не взял ни для того, ни для другого!

Чик улыбнулся и обыскал собственные карманы. Сначала он протянул ему лишнюю обойму, полную патронов, а потом — кiset с табаком.

— Ну надо же! — воскликнул МакФерсон. — Клянусь честью, вот и снаряды для обеих пушек!

Его руки тряслись, когда он доверху набивал старую трубку табаком. Патроны могли и подождать. Он зажег спичку и с глубоким удовлетворенным вздохом принялся выпускать клубы дыма.

XLIII

ДОМ ХАРАДОСА

Чик получил ужасные ранения в поединке с Сенестро, но с помощью Рамд быстро шел на поправку. На это нужно было менее недели.

Дело шло к развязке. Чику не нужно было кошачье зрение, чтобы видеть: ставки в игре между Барами и Рамдами сделаны. Совсем скоро Сенестро либо выкинет что-нибудь дерзкое, либо должен будет освободить профессора.

Чику не пришлось долго ждать. Все случилось однажды вечером. Он снова оказался на борту хруща в компании Геоса, Яна Лукара и... юной Арадны собственной персоной. Их отъезд прошел быстро и в тайне.

На этот раз Уотсон не волновался из-за высоты или любых других ощущений, связанных с полетом. Безопасность доктора — вот что имело значение в эту секунду. Он обратился к Рамде:

— Мы одни? Где же Бар МакФерсон?

— Он где-то рядом; мы не одни, мой господин. Неподалеку летит еще несколько машин: они везут множество Рамд и алых стражей королевы. МакФерсон прибудет первым. Мы направляемся прямо во Дворец Света, мой господин.

— Будем брать его штурмом? — Уотсон подумал о драке, которую предвещал МакФерсон.

— Да, господин. Многие погибли, но тут уж ничего не поделаешь. Мы должны освободить Харадоса, иначе станем соучастниками святотатства.

— Но... что с Сенестро?

— Трудно сказать, мой господин. Мы не знаем, что может случиться! — иного объяснения у него не было.

Они поднялись на головокружительную высоту. Судя по указателю, они направлялись на восток. Тьму разгоняло только слабое свечение беззвездного неба. Глядя вниз, Чик вообще ничего не видел. Его спутники хранили молчание, только Арадна, сидевшая впереди рядом с Яном Лукаром, показывала признаки волнения. Они летели все выше и выше, пока не показалось, что Томалия и вовсе осталась позади. Курс неизменно указывал строго на восток. Наконец Ян сказал Геосу:

— Мы сейчас над Угольным Краем, сэр. Стоит ли рискнуть и зажечь свет? Быть может, его светлости будет угодно посмотреть.

— Поступайте по своему усмотрению.

— О, — воскликнула Арадна, — обязательно так и сделайте! Нет ничего более чудесного, чем это!

Ян коснулся маленького рычага. В ту же секунду темноту разрезал направленный вниз луч света. Далеко внизу он уперся в землю пятном. Уотсон пристально следил за его движением, пока он рыскал из стороны в сторону в поисках чего-то, Чик у неведомого.

А потом...

Вспыхнула словно бы перевернутая молния — белое пламя, слепящее, режущее глаз мерцание миллионов огней.

Уотсон прижал руку к глазам, чтобы защитить их от этого зрелища. Оно было просто изумительным.

— Что это? — спросил он.

— Уголь, — спокойно ответил Геос.

— Уголь! Вы имеет в виду — алмазы?

— Да, мой господин. Так вам это интересно? Я и не знал. Позже вы сможете посмотреть поближе в более благоприятных условиях! — И он повернулся к Яну: — Достаточно.

Они вновь погрузились во мрак. Несколько минут прошли в той же полной тишине.

Уотсон наблюдал за продвижением красной точки по карте, отметив, что она приближается к треугольной фигуре на краю. Внезапно появилась еще одна точка, за ней еще и еще. Некоторые загорались ниже, иные — выше; вскоре их был уже с десяток, и все летели кучно.

— Они все здесь, — сказал Геосу Ян.

Тот, кивнув, пояснил Чику:

— Это Рамды и алые стражи. МакФерсон прямо впереди. Мы будем на месте через три минуты.

И после недолгого молчания он сказал, что предстоящая битва станет первым случаем кровопролития между Барами и Рамдами. В крайнем случае, Сенестро может даже убить Харадоса, чтобы добиться своего.

— Его единственный закон — собственные желания, мой господин.

Красные точки начали спускаться к треугольной фигуре. Прошла минута, затем вторая; еще одна — и хруст коснулся земли.

Практически бесшумно Лукар полностью остановил судно. Спустя мгновение он уже помогал Арадне спуститься. Что до Геоса, он достал из машины два предмета одежды, которые протянул Арадне и Чикю.

— Наденьте это. Остальные будут драться как есть.

Это были плащи, сделанные из мягкого, легкого, податливого стекла или чего-то наподобие. Уотсон спросил, зачем они нужны.

— Для целей, известных одному лишь Харадосу, мой господин. Таких накидок всего две. Вместе с ними он оставил указания, четко дававшие понять, что они предназначены для вашей светлости и Арадны.

Чик не без удивления помог Арадне надеть ее плащ, после чего натянул собственный. Однако на пистолет в кармане он полагался охотнее. Он пренебрег капюшоном, который был предусмотрен для головы.

— Прошу прощения, — сказала королева. Она потянулась к нему и подняла капюшон, так что он полностью закрыл его голову. — Пожалуйста, оставьте его так, ради меня. Теперь с вами ничего не должно случиться!

Чик подчинился, ограничившись лишь внутренним протестом. Больше всего его удивляло ощущение уединенности. Казалось, они совершенно одни, словно никто и ничто не спешило сразиться с ними.

Но он просто принял на веру то, что увидел. Будучи родом с Земли, он привык думать, что борьба предполагает шум. Только когда Арадна схватила его за руку и шепотом велела прислушаться, до него дошло.

Этот звук был больше похож на дуновение ветра. Если

быть более точным, он напоминал тяжелый вздох, почти что непрерывный, идущий отовсюду вокруг них. И вскоре Чик уловил странный запах.

— Что это? — прошептал он на ухо Арадне.

— Это смерть, — ответила она. — Разве вы не слышите...
ДЕЙЕРЕРЫ?

Она не объяснила, о чем речь, но Уотсон понял, что оказался посреди битвы, которая велась бесшумным и до ужаса эффективным оружием — настолько эффективным, что оно не оставляло раненых, способных кричать от боли.

— Где Геос?

— Тут, Бар МакФерсон, — ответил Рамда.

— Отлично! Хорошо, что вы прибыли, сэр. Нас раскрыли несколько минут назад, и многие наши люди уже погибли. Просто дайте нам свет, чтобы мы могли добраться до них! Так мы только людей теряем, все преимущества на их стороне.

Потом, перейдя на английский для Чика, он продолжил:

— Добро пожаловать! Тут любая помощь пригодится, еще как.

— Что это за звуки? Ты сказал, они сражаются?

— То, что ты слышишь, называется дейереры, дружище. Они дерутся бесшумными ружьями. Не давай в себя попасть, не то моргнуть не успеешь, как от тебя только розовая лужа останется. Это тебе не шутки.

— Они мощнее пистолетов?

— Этого я не говорил, парень. Но ими и сам дьявол мог бы драться.

Чик не ответил — он услышал тихую команду Геоса. В следующую секунду пространство между ними озарилось чистым белым светом, в форме круга, ярким, как солнечный. В центре сверкало нечто, похожее на туманное голубое пламя — ореол слепящего актиниевого сияния. Не было видно ни людей, ни вообще чего-либо живого, не носилось ни намек на звук — ничего, кроме этого круга и окружающего его сияния. Все это зрелище достигало на вид сотни три футов в ширину.

Они стояли в темноте. Чик сделал было шаг вперед, но МакФерсон его удержал.

— Нет уж, парень, ты что, помирать собрался? Эта штука страшно быстрая. Смотри...

Он не успел закончить. Ряд алых солдат бросился из мрака в освещенную окружность. Казалось, они целятся в центр. Вот они наклонились, разряжая свои причудливые ружья; их было около трех сотен — захватывающая картина. Они прицелились в напряженной тишине.

А потом... Уотсон моргнул. Ряд исчез, словно по волшебству. Чик не сразу понял, что видит ту самую «розовую смерть», от которой предостерегал ему МакФерсон — роботу дейереров, что бы это слово ни значило. Потому что там, где до этого стояла колонна величавых стражей, сейчас растекалось по земле широкое озеро розовой жидкости. Это было чистое уничтожение — безжалостное и мгновенное. Чик невольно заслонил собой Арадну.

— Эта голубая штуковина в центре, — хладнокровно заметил ирландец, — Дворец Света; прямо сейчас его удер-

живает Сенестро. Все, что нам нужно сделать, — это вытащить старину дока.

— Но я не вижу никакого здания!

— И все-таки оно там есть. Увидишь, когда доктор наиграется со своими радугами. Он совсем теряет голову, когда думает над задачей, а это значит — почти всегда, сэр. Будем стоять на этом самом месте, пока он готовится застать Сенестро врасплох.

Уотсон ждал. Теперь он благоразумно держался в тени, вместе с МакФерсоном, Геосом и Арадной. В центре большого светлого круга выделялся ореол голубого пламени, похожий на дрожащий туман, в то время как отовсюду вокруг, в темноте, раздавался странный звук, вызванный истечением жизни.

— Когда Харадос начнет действовать? — спросил ирландца Геос, но не дождался ответа.

МакФерсон повернулся к Уотсону:

— Готовь пушку, парень, готовь пушку! Смотри-ка, а вот и сам старик! Интересно, что Сенестро на это скажет?

Потому как ореол внезапно погас, а на его месте появилось одно из самых причудливых и притом самых красивых зданий, когда-либо виденных Уотсоном. Оно было треугольной формы, невысокое и невыразимо ослепительно прекрасное; оно было фигурно высечено из цельного огромного алмаза. Чик мгновенно забыл о докторе.

Перед зданием стоял ряд голубых стражей во главе с Сенестро. Судя по их смятению, произошло нечто совершенно неожиданное. Они бросались из стороны в стороны, явно сбитые с толку исчезновением защищавшего их

голубого тумана. Сенестро пытался восстановить порядок, и очень скоро ему это удалось. Он первым направился к низкому треугольному помосту, ко входу во дворец — единственной белой двери.

Пистолет Пата МакФерсона вспыхнул, выстрелив. В следующую секунду Уотсон открыл огонь из своего оружия. Бар, шедший рядом с Сенестро, пошатнулся и упал на своего главаря. Еще один повалился ему прямо под ноги, так что тот споткнулся. Пожалуй, это спасло ему жизнь, потому что в мгновение ока платформа оказалась усеяна корчившимися, истекающими кровью, умирающими Барами.

Сенестро удалось добраться до двери. МакФерсон выругался.

— Вперед! — крикнул он Уотсону. — Мы возьмем его живым!

Уотсон мало что запомнил об этой погоне. Но он не забыл, как великий Бар стоял в дверях, окруженный своими гибнущими, охваченными паникой людьми.

Плащ, данный Чику Геосом, мешал ему бежать. Он быстрым движением сбросил его и кинулся вперед без защиты наравне с ирландцем. Голубые стражи заметили их приближение и подняли оружие. Но прежде, чем они смогли пустить его в дело, их постигла такая же судьба, что и алых. Воздух затрепетал — и они исчезли, оставив по себе лишь розовую лужицу на земле.

Один лишь Сенестро остался невредим. Он как раз собирался открыть белую дверь; на секунду он замер, рисуясь, дерзкий и красивый. Потом великий Бар стремительно увернулся и практически сразу же, не прекращая движе-

ния, скрылся в здании. Чик и Пат ринулись за ним по пятам.

Внутри было темно. Чик ударился головой о торцевую стену; развернувшись, он врезался в противоположную. Неожиданный переход от сияния к мраку оказался ему не по силам. Он остановился и принялся осторожно нащупывать дорогу; сейчас он был слеп. Что, если в эту минуту его найдет Сенестро?..

Уотсон позвал МакФерсона. Ответа не было. Он попытался двигаться вперед на ощупь — стена была неровной, шероховатой, с острыми углами. Но должна же она была куда-то вести! Он добрался до поворота в проходе — вокруг было все еще слишком темно, чтобы что-либо разглядеть. Он стал идти еще медленнее, ломая голову над природой этих скалистых стен. А потом...

Чик прижал ладони к глазам. Он как будто попал в самую сердцевину солнца: угольный мрак сменился светом, да таким, который невозможно было вынести. Чик пошатнулся и закричал от боли. Однако рассудок подсказал ему, что произошло: Уотсон очутился в самом сердце драгоценного камня! Сенестро вел Чика вперед, а потом направил луч какого-то мощного света в огромный алмаз. Уотсон почувствовал всю ужасную беспомощность слепоты. Настал его конец! Всё на это указывало.

В следующую секунду кто-то приблизился к нему — кто-то, кого он слышал, но не мог увидеть. Это был Сенестро.

— Приветствую, сэр Призрак! Прошу простить меня за столь резкий прием. Полагаю, вы пришли за Харадосом? —

и он засмеялся, злорадно и ликующе. — Вы, возможно, думаете, что я намерен убить вас?

Уотсон не сказал ни слова. Его переиграли. Он ждал смерти.

Сенестро же самонадеянно заметил:

— Однако же я противник хладнокровных убийств. Откройте глаза, сэр Призрак! Я дам вам время — это будет честно. Что скажете — скрестим оружие, чтобы узнать, чья возьмет?

Уотсон медленно поднял веки. Ослепительный свет ослабел, превратившись в мягкое сияние. Они были в помещении, похожем на галерею, длину которой было тяжело определить; между ним и выходом, где-то в десяти футах, стоял уверенный, не прекращающий улыбаться Бар.

— Вы и я, — весело произнес он. — Готовы рискнуть? Я дал вам неплохую возможность!

Он поднял свое похожее на кинжал оружие, целясь. В тот же миг Чик нажал на курок, держа пистолет у бедра — верный выстрел. Обойма была пуста. Еще секунда — и Уотсон стал бы наподобие тех розовых пятен снаружи. Он прошептал молитву Создателю. Кончик оружия Сенестро был направлен прямо на Чика. Но последнему все же не суждено было сегодня умереть. Что-то вспыхнуло, вдруг раздался взрыв; дейерер звучно ударился о стену, а Сенестро изумленно посмотрел на что-то за спиной Чика — что-то, что заставило его развернуться и исчезнуть из виду.

Чик обернулся. Прямо за ним виднелся знакомый силуэт Яна Лукара, а парой футов дальше — некто, сказавший ясным, спокойным, невозмутимым голосом:

— Я бы убил этого парня, Чик, но слишком уж он, черт возьми, симпатичный. Сохраню как экземпляр.

Уотсон пригляделся. У него вырвался вздох, наполовину изумленный, наполовину радостный. Потому что эти слова прозвучали на английском, а голос... принадлежал Гарри Венделу!

XLIV

ИСТОРИЯ ДОКТОРА ХОЛКОМБА

Если в сознании Чика и были хоть какие-то сомнения в том, что это — настоящий Гарри, они рассеялись, когда в следующее мгновение он увидел, кто стоит рядом с ним. Это была никто иная, как Нервина.

— Гарри Вендел! — воскликнул Уотсон. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой!

— Еще бы, Чик. Вот он я, живой и здоровый!

Они обнялись.

— Как ты сюда попал?

— Понятия не имею! Спроси даму! Я — всего лишь жертва обстоятельств. За мной только действия; она думает за двоих.

Нервина улыбнулась и кивнула. Ее глаза были такими же волшебными, какими Чик их помнил — полными неуловимых лунных бликов и какой-то непостижимой магии.

— Да, — подтвердила она. — Видите ли, мистер Уотсон, такова воля пророка. Гарри — из числа избранных. Мы пришли за великим доктором Холкомбом — за Харадосом!

Она двинулась вперед. Уотсон последовал за ней в молчаливом изумлении; за ним шли Геос и остальные, притихшие и исполненные почтения. Мягкое свечение все

еще горело, так что они словно шагали между стен, объятых холодным пламенем. В конце коридора их ожидала дверь.

Нервина коснулась трех ничем не обозначенных точек на стенах. Дверь открылась. Королева отошла в сторону и знаком пригласила Чика и Гарри войти.

Они оказались в продолговатой комнате, формой напоминающей грушу и обставленной, как самая продуманная лаборатория. А в дальнем конце, в центре странного множества кристаллов, реторт и незнакомых приборов, сидел человек, которого они оба узнали с первого взгляда. Это был пропавший профессор, и был он точно таким же, каким они помнили его с дней его уроков в Беркли. Та же подтянутая фигура, те же здорового вида щеки, славные глаза и коротко стриженная белая борода. В докторе всегда чувствовалось нечто непоколебимое — самообладание и уравновешенность, считавшиеся залогом здравомыслия. Ни Чик, ни Гарри не ожидали всплеска чувств, и они не были разочарованы.

Холкомб поднялся на ноги, поставив на стол перед собой источник странного пляшущего света, который изучал до этого. Он коснулся чего-то — свет погас, и одновременно некоторые из этих удивительных кристаллов неуловимым образом изменились. Доктор шагнул вперед, с улыбкой протянув руку; он совсем не походил на узника.

— Так, так, — сказал он, — ну наконец-то! Чик Уотсон и Гарри Вендел! Очень рад вас видеть. Долго добирались?

В его глазах мерцали искорки, совсем как раньше. Он не стал дожидаться их ответов и продолжил:

— Славно! Мои ученики меня до сих пор не разочаровывали. Позвольте спросить: вы решили загадку «Слепое пятно»?

— Ничего мы не решили, профессор. Мы пришли, во-первых, за вами, а во-вторых — за тайнами, которые вы раскрыли. Это нам надлежит спросить: что такое «Слепое пятно»?

Профессор покачал головой.

— Вам всегда нелегко давались догадки, мистер Вендел. Быть может, Чик...

— Запишите меня как неподготовленного, — отвечал Чик. — Я, как и Гарри... я хочу знать!

— Полагаю, многие из нас находятся в таком же положении, — засмеялся Холкомб. — Мы, зная больше, чем кто-либо из когда-либо живших, все еще жаждем узнать больше! В конце концов, может статься, что знаем мы всего ничего, пусть даже и нашли ключ к разгадке.

Его глаза снова сверкнули, уже ярче.

— Так расскажите же нам! — выпалил Гарри, порывистый, как всегда. — Что такое «Слепое пятно»?

Но Холкомб покачал головой.

— Не сейчас, Гарри; у нас тут компания, — Геос и Ян только что вошли. — Кроме того, я еще не вполне готов. Осталось развязать еще пару узлов.

Он пожал руку Геосу, обратившись к нему на томалийском:

— Вы более чем вовремя.

Рамда низко поклонился в почтительном благоговении и приглушенно ответил:

— Вы ли есть Харадос, мой господин?

— Да, — ответил доктор. — Я — это он. Я — Харадос!

Для обоих молодых людей это было как снег на голову. Никоим образом великий профессор из их воспоминаний о студенческих днях не вязался с этим странным мыслителем, пророком потусторонних томалийцев. Какая тут связь? Что за судьба была проводницей, импульсом и связующей силой для всего происходящего?

— Профессор, вы простите наше нетерпение. И я, и Гарри через многое прошли, даже не понимая, какой в этом смысл. Не могли бы вы объяснить? И... почему? — потом он добавил: — Ваша лекция о «Слепом пятне»! Вы обещали нам ее — можете прочитать сейчас?

Профессор улыбнулся в знак согласия.

— Часть — да, — сказал он. — Достаточно, чтобы в какой-то мере ответить на ваши вопросы. Останься я в Беркли, я мог бы прочесть ее всю, но... — он засмеялся, — теперь-то я знаю куда больше. И, как это ни парадоксально, намного меньше при этом! Сначала позвольте мне поговорить с Геосом.

Он выяснил, что битва снаружи закончилась для Рамды и его людей успешно. Всё уже стихло. Сенестро сбежал и укрылся в безопасности, в Маховисале. Доктор приказал не докучать ему.

Геос вместе с остальными покинул комнату, сопровождая Арадну, которая была слишком вымотана для дальнейших испытаний. В комнате остались доктор, Чик, Гарри и Нервина.

— Я сокращу лекцию до краткого содержания, — начал профессор. — Я расскажу вам все, что знаю, вплоть до

этого момента. Однако сперва позвольте вам кое-что показать.

Он кивнул на стол, за которым сидел до этого. Среди расставленных на нем предметов главенствующее место занимали фрагменты минералов; какие-то казались знакомыми, иные — совершенно новыми. По бокам со всех сторон возвышались хрустальные шары — или, по крайней мере, то, что Чик мог так назвать, — установленные на треногах. Едва профессор пододвинул один из них к столу, как тут же на небольшом металлическом блюде в центре стола появилась крохотная точка. Почти невидимая поначалу, она росла где-то с минуту, пока не приобрела несколько более заметные размеры. Профессор отодвинул треногу. Стоявшие рядом кристаллы, внутри которых на секунду промелькнул было тусклый свет, немедленно снова угасли.

Трое людей наблюдали, как частица твердой материи, лежавшая на столе, на их глазах становилась всё больше и больше. Нечто появлялось из ничего!

Доктор поднял шарик и невозмутимо взвесил его в пальцах.

— Может кто-нибудь сказать мне, — спросил он, — что это такое?

Ответа не было. Профессор бросил шар обратно на стол. Тот издал пронзительный металлический звук.

— Вы видите перед собой эфир, — заявил он. — Это чистая субстанция, без примесей. Вы называете ее материей, иные называли бы металлом, но это всего лишь названия. Я называю это ЭФИРОМ В ДВИЖЕНИИ. Как и всё остальное во Вселенной, он подчиняется законам. У него есть

свое объяснение, ведь не существует такой вещи, как случайность. Понимаете? Эта частица — всего-навсего правило, получившее возможность воплотить себя через законы природы!.. Попробуйте не отставать от моей мысли. Всё вокруг сделано из эфира — решительно всё! Разнообразие материи — всего лишь результат разных степеней электронной активности, которые зависят от размеров пропорций. Сама жизнь, равно как и материальность и энергия, суть порождение всеохватывающего эфира!.. Вот этот предмет, — он коснулся кристалла, — являет собой обычный проводник. Он собирает эфир и проводит его через определенную степень колебательной активности. И что в результате? На выходе получается железо! Если угодно, вы можете обратиться к прошлому, к нашему двадцатому веку, в поисках параллели — я имею в виду электричество. Оно добывается грубыми методами, но придет время, когда его можно будет извлекать из воздуха точно так же, как люди извлекают углеводороды из нефти или как я вышеживаю необходимое количество эфира из этого шара. Это, по моему убеждению, одна из фундаментальных тайн «Слепого пятна». Есть еще вопросы?

Вендел решил задать один.

— Вы сказали «к прошлому, к двадцатому веку». Значит ли это, что всё дело в перемещении во времени, сэр?

— Предлагаю пока что опустить этот момент. Вы, однако, наверняка согласитесь, что Томалия определенно продвинулась куда дальше нашего мира в своем развитии.

— Профессор, — спросил Уотсон, — это потусторонний мир?

— Ах, — тот просиял, — вот мы и вернулись к старой загадке. Однако что есть потустороннее? — помолчав, он продолжил: — Не приходило ли вам когда-либо в голову, что потустороннее может оказаться реальностью, в то время как жизнь, к которой мы привыкли, — всего лишь ее тень?

Ответом на эти слова было молчание. Профессор добавил:

— Позвольте вас спросить: сейчас вы живете в реальном или нереальном мире?

Никто и рта не открыл.

— Нас, конечно, окружает реальность — такая же, как если бы вы находились в Сан-Франциско. Но что же считать потусторонним? — он говорил очень отчужденно. — Возможно, это всего лишь вопрос точки зрения!

— Именно то, что мы хотели знать, — заметил Гарри.

— И именно то, — профессор вскинул руки, — чего я не могу сказать вам. Я многое узнал, но не способен утверждать наверняка. Моя уверенность осталась в Беркли... Сегодня я чувствую, что некая великая судьба, некая невидимая сила отвергает всякий анализ, всякие попытки вынести окончательное решение — и эта сила помогает мне играть роль Харадоса. Все мы — часть пророчества!.. Нам придется ждать ответов до последнего дня. Это пророчество должно быть и будет исполнено. И в этот день мы получим ключ к «Слепому пятну» и узнаем, где же находится потустороннее.

Он сделал глоток знакомой зеленой жидкости из стакана.

— Теперь, когда я всё это вам поведал, вернемся же к началу. Ведь и на мою долю выпали приключения. Как так вышло, что я открыл «Слепое пятно»?..

Это случилось где-то за год до моей последней лекции в университете. В ту пору я немало времени уделял психическим исследованиям, о каждом из которых вам известно. На их основе я вывел несколько занятных теорий. Например: несомненно, существует такое явление, как мир духов. Если бы все медиумы, кроме одного-единственного, были шарлатанами, а этот один предоставил результаты своей работы, которые невозможно было бы объяснить психологическими причинами, мы вынуждены были бы признать существование иного мира. Однако здравый смысл подсказывает нам, что не существует ничего, кроме реальности, что, если где-то и есть потусторонний мир, он должен быть не менее реален, не менее осязаем, чем наш собственный. Более того, где-то, каким-то образом, обязана находиться определенная точка, обеспечивающая с ним связь! Такова приблизительно была моя теория. Конечно, я понятия не имел о том, насколько близко подошел к великой истине. В какой-то степени эта работа строилась на сущих догадках.

Потом, в один прекрасный день Бадж Кеннеди принес мне голубой камень. Он рассказал мне его историю и заверил, что камень легче воздуха, во что я, конечно, не поверил, пока не вынул его из кольца и не убедился своими глазами.

Я немедленно отправился в дом 288 по Чаттертон-Плэйс. Там я нашел старушку, которая некоторое время жила в этом доме. Я спросил разрешения взглянуть на подвал, где

откопали камень. Видите ли, я понятия не имел, насколько грандиозное открытие вот-вот совершу; мне просто хотелось посмотреть. И я нашел нечто почти настолько же невозможное, как и сам голубой камень — еще один, зеленый, тяжелее любого известного минерала, не поддающийся какой-либо классификации, кроме как в качестве нового элемента. Он был не больше горошины, однако весил неимоверно много.

Поднявшись наверх, я нашел старушку несколько встревоженной. Я назвал ее, и она меня узнала.

«Идемте со мной», — сказала она и с этими словами открыла дверь.

Она была очень стара и держалась весьма неуверенно, однако не казалась испуганной.

«Там», — произнесла она и указал на дверь.

Я вошел в самую обыкновенную комнату, обставленную, как малая гостиная. Там стоял диван, стол, несколько кресел и кое-какая мелочь.

«О чем вы?», — спросил я.

«Человек!»

«Человек? Что за человек?»

«Ох! — воскликнула она. — Он пришел сюда однажды ночью, когда сияла луна. Он сел на крыльце. Он был из тех молодых людей, которым просто нужна мать. Вот я и пригласила его полежать на диване. Он так устал, знаете, и... у меня ведь тоже когда-то был сын».

Она запнулась и молчала какое-то время, прежде чем продолжить. Я чувствовал, как жалостно, моляще ее рука сжимает мою.

«В общем, я привела его сюда, на этот диван... Я это видела! Они забрали его! О, сэр, это было ужасно!»

Она казалась странной, пугающей и почему-то меня заинтересовала.

«Он просто лежал там. Я стояла в дверях, когда... они забрали его! Я ничего не понимала, сэр. Я увидела голубой свет, и луна — она погасла. А потом... — она подняла на меня глаза и прошептала: — А потом я услышала звон... очень красивый звон... вроде как от колокола, сэр. Но вы ведь и так знаете, не правда ли? Вы ведь великий доктор Холкомб. Вот почему вы спустились в подвал, не так ли? Потому что вы знаете!»

И то, как она держалась, и сама ее история произвели на меня впечатление.

Я сказал:

«Я должен внимательно осмотреть эту комнату. Не будете ли вы столь любезны оставить меня одного?»

Она закрыла за собой дверь. Зеленый камень был у меня в руке. Он был чрезвычайно тяжелым, так что я положил его на одно из кресел. Голубой камень все еще оставался при мне. В этот момент я не имел ни малейшего понятия о том, что сейчас произойдет. Всё это, от начала и до конца, было случайностью.

Внезапно комната куда-то делась! Я имею в виду — ее боковая стена. Я видел перед собой уже не на выцветшие старые обои, но что-то снаружи — огромное здание, мрачное, исполинских размеров.

Прямо передо мной находилась плотная белая материя, похожая на снежный валун. На ней сидел человек пример-

но моего возраста, насколько я смог разобрать. Как только я заметил его, он поднял глаза.

Мы видели друг друга. Он немедленно подал какой-то знак рукой, и я тут же шагнул вперед. Мне почудилось, что он шевельнулся. Всё казалось таким настоящим, таким естественным. Хотя его черты были размытыми, он никак не мог находиться более чем в десяти футах от меня. Однако в ту самую секунду, когда я сделал этот шаг, всё исчезло.

Я все еще был в комнате на Чаттертон-Плэйс!

Вот так все это и началось. Случись это с кем-либо другим в мире, я бы списал все на какую-нибудь необъяснимую иллюзию. Но это произошло со мной!

У меня была теория: между сверхъестественным и материальным мирами должна быть точка соприкосновения. И... я нашел ее! Я отыскал дорогу в потаенное царство, в Потустороннее, дорогу ко всему, что прочие люди называют непознанным. И я назвал ее... «Слепым пятном».

XLV

АРАДНА

Вот так профессор и вступил в непосредственный контакт с потусторонним — по чистой случайности. До этого времени оно было всего лишь предположением, теперь же стало фактом. Следующим шагом была возможность прямого общения.

— Это было непросто. Сначала я работал над тем, чтобы повторить увиденное мною явление, и первые результаты были весьма беспорядочными. Моей основной целью было добиться обмена осмысленными сообщениями с тем, кого я видел на том белоснежном камне внутри «пятна». В конце концов мне это удалось.

Он весьма недвусмысленно предостерег меня о том, что случится, когда «Слепое пятно» откроется — не только глазу, но во всей своей полноте, как оно открылось для молодого человека, про которого мне рассказывала пожилая леди. С помощью знаков мы договорились, что он пройдет сквозь «пятно» первым.

Видите ли, до самого момента, собственно, его прибытия я не знал, что он из себя представляет. Мне приходилось довольствоваться его языком знаков, на котором он уверил меня, что он — живой человек, настоящий, из плоти и крови.

Я сделал свое заявление. Вы знаете большую часть того, что за ним последовало. Рамда прибыл в Беркли; вместе мы вернулись на Чаттертон-Плэйс, так как было жизненно необходимо держать «пятно» открытым или, по крайней мере, сохранять это явление в таком состоянии, чтобы мы могли открыть его по своей воле. Мы оба были полны догадок.

Никто из нас в то время не знал, как долго Рамда сможет выдержать нашу атмосферу. Он рисковал своей жизнью, прибыв к нам. Конечно, я обязан был поддержать его осторожность и убедиться, что он сможет вернуться в свой мир.

Но что-то пошло не так. Невежество повинно в этом не менее, чем случайность. На Чаттертон-Плэйс я угодил в «Слепое пятно» и без малейшей подготовки оказался переброшен в Томалию.

Когда я миновал «пятно», в обратную сторону прошла Нервина. Так я и очутился в этом странном месте без проводника. К сожалению — или, пожалуй, к счастью, — я попал в руки Бара Сенестро.

Признаю, Сенестро, хоть и скептик, все же смелый человек. И, как многие другие маловеры, он не лишен чувства юмора. Мое прибытие было предречено Авеком, так что он знал, что я каким-то образом являюсь частью пророчества — того самого пророчества, исполнения которого он, по своим соображениям, не хотел. Потому он отрезал меня от внешнего мира здесь, в доме Харадоса. Довольно дерзкая штука противиться пророчеству в том самом месте, где оно было составлено! Однако это сыграло мне на руку. Я оказался в доме старого пророка, сокровищнице

его мудрости, тайн, необработанных сведений и средств для испытания законов природы. В моем распоряжении было абсолютно всё: библиотеки, лаборатории...

Итак, в моем затворничестве у меня было всё, чтобы учиться, и ничего, что могло бы отвлечь. Прежде всего я углубился в их философию. Потом перешел к их естественным наукам, после чего переключился на историю. Тут-то я и сделал весьма ошеломляющее открытие. По всей видимости, Я И ЕСТЬ ХАРАДОС! Ибо мое прибытие было предсказано вплоть до часа. Продолжив исследование, я нашел немало других подробностей, которые показались мне знакомыми. Очевидно, что что-то привело меня к «пятну»; более чем вероятно, что это был не просто слепой случай! Я преисполнился уверенности, что на кону не только мое будущее, но и судьба мира, вернее — миров.

С течением дней я убеждался в этом всё больше. Одновременно я раскрыл множество тайн этого дворца, перенял мудрость древнего Харадоса. Несмотря на заключение, я был счастливейшим из всех живых и остаюсь таковым до сих пор. Бары пристально следили за мной, стража постоянно менялась. Во время одной из таких смен я и встретил МакФерсона.

Что ж, после знакомства с ним я во многом стал сам себе хозяин. Я убедил Сенестро позволить МакФерсону остаться моим постоянным телохранителем. Но я никогда не разъяснял Пату, что к чему — только сказал, что однажды нам предстоит вызволить себя.

Вы, возможно, задаетесь вопросом, почему я не открыл «Слепое пятно»?

Причин тому было несколько: во-первых, в силу природы этого явления, открыто оно может быть только с нашей стороны, не считая редких случаев, когда определенные условия складываются особенно благоприятно. Вот почему Рамда Авек не мог сделать этого сам; теперь я понимаю, что должен был сообщить ему некоторые технические детали. Тогда у меня было два ключа. Нынче же я знаю, что всего их три.

Я также выяснил, что каждый из них несет в себе нечто пагубное.

Голубой камень, к примеру, воплощает жизнь, и он мужского пола. Утверждение может показаться весьма огульным и двусмысленным, но, в конце концов, вы его поймете. Мужчину, который его носит, он со временем может убить, а вот женщинам от него никакого вреда.

Возможно, вы уразумеете такое описание немного лучше, если заметите, что я только что сделал посредством этого кристалла. Голубой камень — передатчик эфира. В каком-то смысле, он — одна из опор «Пятна Жизни» или «Слепого пятна»... хотя точнее было бы его назвать «Пятном Связи».

Две остальные частицы — красный и зеленый камни — соответственно являют собой Душу и Материю. Или скажем так: они есть эфирные зародыши этих истин.

Эти три камня составляют вечное триединство.

Что касается самой сути «пятна» — о ней я пока что ничего сообщить не могу. Но я знаю, что правда откроется скоро, вместе с исполнением пророчества. Я убежден, что именно оно перенесло сюда Уотсона, а потом — Гарри Вендела и Нервину.

— Вы можете им управлять? — спросил Чик.

— В определенной степени. Я мог наблюдать за вами с самого момента вашего прибытия. Вы не знали о Гарри, но я видел, как он появился... в объятиях Нервины.

Нервина кивнула.

— Так и есть! Мне хорошо известно, каков Сенестро! И я боялась, что Гарри попадется ему. До этого я пыталась заставить Гарри отдать камень Шарлоте Фентон. Я не доверяла великому Бару...

Гарри перебил ее:

— Только в силу своего недоверия Сенестро она и решила пройти сквозь «Слепое пятно» вместо со мной. Она знала, что делать. Как только мы добрались сюда, она меня спрятала и втайне выходила, вернув если не силы, то здоровье, а когда пришло время, бегом привела меня сюда — мы успели к окончанию в самую последнюю секунду.

Уотсон подумал о собаке, Куин. Она тоже пришла в самый последний момент, чтобы спасти его. Знает ли о ней что-нибудь Гарри? Когда Вендел рассказал всё, что ему было известно, Чик заметил:

— Всё это весьма странно, Гарри. Всё каким-то образом сходится так, чтобы совпадать с этим мудрёным пророчеством. Возможно, это и объясняет твоё влечение к Нервине — тут что-то неподвластное твоей воле, равно как и её. Подождем — увидим.

Ждать пришлось недолго. Дни текли. Дворец был заполнен Рамдами, приглашенными доктором Холкомбом; тот, как и положено самому Харадосу, отдавал приказы насчет великого дня, последнего из шестнадцати, теперь

совсем уже недалекого, дня, на который Рамды постоянно ссылались как на День Суда.

Сенестро ушел безнаказанным. Вернувшись в Маховисал, он работал над тем, чтобы отдалить исполнение пророчества.

А миллионы людей все еще продолжали стекаться к Маховисалу. Паломники прибывали из самых дальних концов Томалии, и в небе над городом не смолкал гул от их воздушных судов. Настали дни, невиданные ранее. Даже Рамды, со всем свойственным им спокойствием, не могли скрыть напряжения. Оно витало в воздухе, заряженном ожиданием и надеждой. Весь мир приближался к тому, что должно было стать днем вынесения его приговора и его конца.

И... «Пятно Жизни» было «Слепым пятном»!

Наконец доктор пригласил обоих молодых людей к себе. Стояла ночь, и их ожидал хрущ. На этот раз управление взял на себя Геос.

— Мы отправляемся в Маховисал, — сказал доктор, — в Храм Колокола и Листа. Мне все еще нужно кое-что выяснить, прежде чем начнется Суд, — он говорил по-английски. — Если мы сможем довести исполнение Пророчества до этой точки и не дальше, нам предстоит убраться восвояси по-доброму. В любом случае, я не думаю, что мы вернемся во Дворец Света.

Он держал в руке черный кожаный портфель, которого коснулся пальцем.

— Если этот небольшой чемоданчик вместе с содержимым пройдет сквозь «Слепое пятно», он послужит скачку цивилизации — нашей цивилизации — до тысячекратного

развития. Так что помните: что бы со мной ни случилось, не забудьте об этом чемодане! Он должен попасть на ту сторону «пятна»!

Он замолчал и сел рядом с Геосом. Молодые люди заняли задние места. Вскоре они миновали великий горный кряж и летели над Маховисалом.

Не было слышно ни звука. Хотя город был забит бесчисленными миллионами людей, ожидание достигло такой степени, что над мегаполисом едва ли можно было уловить хотя бы приглушенный рокот. Воздух был тяжел от притяжения, напряжен до предельной степени; отчетливее всего чувствовалось благоговение перед Последним Днем и надежда — она нарастала, накапливалась тем больше, чем ближе был момент истины.

Ибо до Шестнадцатого Дня оставалось всего сорок два часа.

И Чик, и Гарри понимали, что на кон поставлены их жизни — тут доктор не оставил места для домыслов. В последнюю минуту, в последний решительный миг они должны будут пробиться сквозь «Слепое пятно». Один лишь профессор знал, как это сделать.

В храме их встретили дожидавшиеся Нервина и Арадна. С ними был Ян Лукар. Геос позаботился о том, чтобы они попали внутрь через боковую дверь, так что могли осмотреть все здание и «Пятно Жизни», оставаясь незамеченными. Здесь яблоку было негде упасть: тысячи и тысячи людей стояли в благоговейном богослужении, и все как один не сводили глаз с залога всего сущего — «пятна». Не слышно было ничего, кроме шороха множества дыханий.

Гарри сказал, обращаясь к Чику:

— Я вижу там, наверху, Куин!

Гарри обогнул остальных и взбежал по высокой лестнице. Через несколько минут он уже гладил любимицу по голове. Она подняла глаза и повиляла хвостом, чтобы выразить свою радость. Но радость эта не была слишком уж бурной. Что-то в ней было не таким, как в прежней его овчарке. Она взглянула на него, потом на скопившихся внизу людей, после чего высунула язык, словно в ожидании. Потом она вернулась на свое место и продолжила нести вахту, совсем как кто-нибудь из ее сородичей на страже стаи овец.

Собака была серьезна. Затем Вендел скажет, что ему смутно показалось, будто она уже и не собака вовсе, а всего лишь орудие в руках судьбы.

— В чем дело, старушка? — спросил он. — Они тебе не по душе?

В ответ Куин тихонько заскулила. Она снова подняла взгляд и перевела его на толпу. После чего опять издала тот же звук, с коротким воем в конце.

Гарри повернулся к остальным. Никто никак не прокомментировал то, что он сделал. Геос немедленно провел процессию к небольшой, наполовину скрытой двери, за которой находилась узкая винтовая лестница из шоколадного цвета камня. Геос остановился.

— О Харадос, желаете ли вы, чтобы здание опустело?

— Желаю. Вскоре нам понадобится свободное место.

В сопровождении двух королев, Рамда вернулся в основную часть храма. Доктор Холкомб, Гарри и Чик остались одни.

Профессор достал записную книжку. В ней была начерчена карта или схема, дополненная несколькими пометками.

— Мы трое, — сказал он, — сейчас заглянем в «Слепое пятно». Эта лестница ведет в секретную комнату внутри основания большой лестницы. В соответствии с данными, которые я нашел во дворце, и моими собственными подсчетами, нам предстоит открыть кое-какие тайны «пятна».

Он первым пошел вверх по ступенькам. В конце пролета их ожидала пустая голубого цвета стена. Не было видно никаких признаков двери, но перед стеной находилась невысокая платформа, в центр которой был вставлен странного вида красный камень. Профессор сверился со своей схемой, потом открыл черный портфель. Оттуда он извлек еще один камень — тоже красного цвета, но не такого насыщенного. Он прикоснулся им к камню в платформе и принялся ждать.

Не прошло и минуты, как место соприкосновения загорелось светом. Гарри и Чик сразу увидели нечто такое, чего раньше в стене не замечали — не то ручку, не то кнопку. Доктор резко потянул ее на себя. В стене тут же открылась дверь.

Они прошли в другую комнату. Она была небольшой — может, около тридцати футов в ширину, с каменными стенами и низким потолком. Со всех сторон лилось мягкое, естественное свечение. Никакой обстановки здесь не было. Однако в центре подвала, занимая чуть ли не всю его верхнюю часть, повисло, словно на невидимых веревках, нечто безукоризненно белое. Если бы не его размеры и цвет, его

можно было бы принять за огромный, лежащий горизонтально точильный камень, замерший в воздухе без какой-либо заметной глазу опоры. Они могли различить узкую щель между его краями и потолком, а прямо вдоль нижней кромки тянулась цепь маленьких, горящих на свету камней, соответствующих по окрасу и расположению цветам Харадоса — они, чередуясь, горели красным, синим и зеленым.

Профессор зажег электрический фонарь и поднял его, чтобы показать, что разрыв между камнем и потолком нигде не нарушается. Потом он пересчитал камни на нижней грани. Чик насчитал двадцать четыре. Троих не хватало — значит, всего должно было быть двадцать семь.

Доктор отметил расположение троих пустых углублений и, достав из кармана мерную ленту, принялся измерять расстояние между ними — они были широко разбросаны по замкнутому кругу. Потом он повернулся к Чику и Гарри.

— Вы знаете, где мы?

— Под Пятном Жизни, — ответить было нетрудно.

— Вы находитесь в Сан-Франциско!

— Да нет же... не в... — Чик запнулся, колеблясь.

— Да. Именно. Это дом 288 по Чаттертон-Плэйс — дом «Слепого пятна», — он дал им время осознать услышанное, прежде чем продолжить: — Гарри... вы сказали, что в ту последнюю ночь Хобарт Фентон был с вами?

— Хобарт и его сестра, Шарлота. Помню, они приехали в последнюю минуту. Слишком поздно, сэр.

Профессор кивнул.

— Что ж, Гарри, есть вероятность, что Хобарт сейчас не далее чем в двадцати футах от вас. Шарлота, наверное, си-

дит вон там, — он указал куда-то рядом с Гарри, — и вполне возможно, что тут еще немало людей. Без сомнения, они трудятся не покладая рук, пытаются решить загадку. К сожалению, всё, что им доступно, — это строить догадки. Ключи у нас. Точнее — должен себя исправить — у нас знания, а у них ключи.

— Ключи? — Гарри жаждал узнать больше.

Профессор указал на пустые углубления в большом белом камне над их головами.

— То есть эти три недостающих камня. Пока они не будут возвращены на место, «пятно» нам неподвластно. Я нашёл два из них, прежде чем попал сюда. Полагаю, вы оба помните голубой камушек?

— По мне, — кивнул Чик, — мы никогда его не забудем! Верно, Гарри?

Профессор улыбнулся. Он держал фонарь прямо под белоснежным камнем, в том месте, которое было бы точкой пересечения, если бы между тремя выпавшими камнями провели линии, а в центре расположился треугольник. Доктор поднял руку и коснулся поверхности. Она была слегка шершавой в этом месте, словно замерзла. Потом он провел пальцами по камню вокруг этой точки.

— Ага! — воскликнул он. — Так я и думал! Это нам ощутимо поможет. Чик, положите руку вот сюда. Что чувствуете?

— Шершавость, — ответил Чик, коснувшись точки пересечения. — Едва заметную, но еще холод и... и притяжение.

— А теперь пощупайте здесь.

— Тоже холод и притяжение, доктор, но на ощупь гладко. Что это доказывает?

— Давайте выясним; вам понятно значение термина «электролиз»? Отлично. Что ж, должна быть еще одна подсказка — не точно такая же, но дополнительная, или, скорее, дополняющая, — с земной стороны. Возможно, один из вас наткнулся на нее, проживая в доме, — профессор пристально посмотрел на обоих спутников. — Вы не находили пятна или чего-то в этом роде на стенах, потолке или полу в какой-либо из комнат?

Оба покачали головами.

— Ну, оно должно там быть, — нахмурился доктор. — Я уверен, что, если бы мы вернулись сейчас, то смогли бы отыскать такое явление. С этой стороны его очень легко объяснить: это всего-навсего расщепляющий эффект тока, постоянно воздействующий на точку контакта или пересечения. Воздействуя на этой стороне, он наверняка оставляет какие-то следы и на той.

Уотсон все еще водил пальцами по белому камню. Он однажды уже чувствовал этот холодный магнетизм — когда стоял босиком на «пятне» во время поединка с Сенестро.

— Из чего он сделан, профессор?

— Этого мне выяснить не удалось. Я бы назвал это нейтральным элементом в силу отсутствия более подходящего термина — нечто, что соприкасается с обеими частями спектра.

— Обеими частями спектра?

— Да — насколько позволяет это объяснить мой ограниченный словарный запас. Если помните, тогда, во дворце,

я показывал вам несложный эксперимент. При помощи индукторного генератора я извлек первопричину железа из эфира и создал металл. Только это было не совсем железо, но его томалийский эквивалент. Будь вы на земле, то не увидели бы ничего — даже меня. Я был не в той части спектра. Кроме того, вы видите здесь цвета Харадоса: алый, зеленый и голубой, а между ними — полутона, переливывы и оттенки. Будь вы по другую сторону, вы бы их не различили. Это не совсем знакомые нам цвета, но тождественные им здесь, с этой стороны «пятна». Как я уже сказал ранее, в конечном итоге все сводится к эфиру, к скорости и колебаниям — и, конечно, нашей способности к восприятию, ограниченной пятью чувствами землян. Просто задумайтесь на секунду, насколько узко мы мыслим! Всего пять чувств — да даже у насекомых их шесть. А теперь представьте, что вся материя, если разобраться — это разделенный и конденсированный эфир, сосредоточенный в разных математических пропорциях, коих столько же, сколько частиц во вселенной. Из всего этого наши пять чувств способны извлечь поистине лишь крупинцы сведений. Это один из способов объяснить «Слепое пятно». Оно может быть всего лишь еще одной частью спектра — не просто неисследованной разновидностью инфракрасного или ультрафиолетового диапазонов, но отдельный диапазон, сосуществующий с тем, который мы, как правило, и воспринимаем, и мелькающий в проемах, кои мы, с присущей нам ограниченностью восприятия, принимаем за постоянные спектры. Я излагаю эту мысль скорее как предположение. Это вовсе необязательно единственное воз-

можное объяснение. Давайте двигаться дальше. Помните, мы все еще на земле. Кроме того, мы в Сан-Франциско, хотя по-прежнему находимся в Маховисале. Это дом 288 по Чаттертон-Плэйс и в то же время — Храм Колокола. Если моя теория верна, эта же точка может соответствовать еще сотне или тысяче других мест. Это нам еще предстоит проверить. Итак, что это значит? Только лишь то, господа, что мы, люди с пятью органами восприятия, не смогли осознать истинного значения слова «вечность». Мы смотрим на звезды, воображая, будто бесконечность можно найти только в неограниченном пространстве. Мы и не догадываемся, что бесконечность — в нас самих! Конечными нас делают только наши же пять чувств. Как только мы поймем это, так называемое царство духов станет вполне осязаемой действительностью. Мы начнем ощущать потустороннее. Наш пяти-чувственный мир — всего лишь весьма узкая стадия вечности. Осязаемое и сверхъестественное суть одно и то же. Вот почему мы видим в томалийцах духов, а они относятся к нам точно так же. Это вопрос сугубо чувственного восприятия и границ, которые можно описать парой слов — «точка зрения». Точка зрения — вот к чему всё сводится. Нет такой вещи, как несуществующее, однако совершенно точно есть такая вещь, как относительность, а, значит, все проявления жизни реальны. Конечно, я ничего этого не знал, пока не обнаружил «Слепое пятно». Полагаю, оно станет одним из величайших открытий в истории. Оно заставит умолкнуть скептиков и станет нерушимой крепостью для каждой религии. И оно даст нам причины еще больше ценить своего Создателя.

Профессор умолк. Какое-то время царила тишина.

— Что мы делаем дальше? — спросил Гарри.

Но профессор решил не отвечать. Вооружившись линейкой, он принялся делать новые измерения, ориентируясь на пустые углубления и один особенно ярко сверкавший красный камень, словно бы «возглавлявший» круг. Время от времени доктор наскоро записывал результаты и производил какие-то расчеты. Вскоре он сказал:

— Этого, думаю, хватит. Теперь предлагаю...

В это мгновение что-то случилось. Гарри Вендел схватил его за плечо. Он показывал на повисший в воздухе камень. Тот двигался!

Камень вращался, почти незаметно глазу, словно какое-то огромное колесо, крутящееся на оси. Это вращение было до того медленным, что его запросто можно было бы не заметить, если бы не свечение драгоценных камней. Внезапно камень остановился — резко и ненадолго, будто напорвшись на зазубрину. И сверху до них донесся глубокий, торжественный бой храмового колокола.

— Что это? — вздрогнув, спросил Гарри. — Кто сдвинул камень?

— Может ли быть, — догадался Чик, — что Хобарт Фентон нашел ключи?

— Это еще предстоит выяснить! — ответил доктор. — Идемте — мы должны узнать, что произошло!

Не прошло и минуты, как они это узнали. Выйдя сквозь тайную дверь в теперь уже опустевший большой зал храма, они увидели старшую королеву, Нервину: она спускалась с высокой лестницы, что вела к «Пятну Жизни».

— В чем дело? — нетерпеливо спросил Гарри.

— Арадна! — ответила она, в ее голосе звучало странное напряжение. — Что-то случилось, и она... она провалилась в «пятно»!

XLVI

ИЗ ПОТУСТОРОННЕГО

— КАК ЭТО СЛУЧИЛОСЬ?

— Я так и не поняла. Мы отправились поиграть с собакой. Она не хотела оттуда уходить, и Арадна в шутку попыталась подтолкнуть ее к ступеням. У нее получилось, но... всё произошло так быстро. Арадна исчезла!

К счастью, «пятно» к этому времени уже казалось далеко не таким жутким, как прежде. Теперь, когда они знали, что и кто находится по ту сторону, всё было иначе. Как сказал потом доктор в частной беседе с Чиком и Гарри:

— Это не так уж и плохо — я имею в виду, если там несет стражу Хобарт Фентон. Думаю, так и есть. На самом деле я жалею, что мы не знали об этом загодя — мы могли бы послать ему весточку.

И профессор принялся объяснять, что он имел в виду. Этот разговор состоялся спустя двадцать четыре часа после исчезновения Арадны — еще через двадцать четыре должен был настать вечер Последнего Дня — шестнадцатого из Дней Жизни, который Рамды называли Днем Суда. Маховисал превратился в кипучее море людей, прибывших, чтобы увидеть воплощение своих самых заветных надежд.

— Помните, что, если «пятно» не откроется в последний момент — и мне, и вам конец. Мы сами себя раскроем как

«самозванцев», и наши жизни не продлятся и минуты после завтрашней полуночи, если мы не сможем прорваться! Это пророчество — ВСЁ для томалийцев. Было время, когда они принимали его в качестве религии; теперь это убеждение разума, которого они придерживаются все до одного. И они не могут дождаться новой чудесной жизни за «пятном», в потустороннем мире — нашем мире!.. Итак, самой щекотливой задачей будет открыть «пятно» на достаточно долгий срок, чтобы мы могли миновать его, однако не дать пророчеству осуществиться полностью. Мы обязаны вернуться домой вместе с этим черным портфелем, а затем захлопнуть дверь перед носом всей Томалии!

Речи об этом больше не заводи до заката следующего дня, когда доктор, Гарри и Чик сели перекусить. Они ели так спокойно, словно ничего из ряда вон выходящего не происходило. С их места (они сидели в одном из приделов храма) открывался вид на заполненные улицы, где толпились бесчисленные толпы паломников — все они стекались на огромную квадратную площадь перед храмом. Стражей нигде не было заметно — важности происходящего оказалось достаточно, чтобы поддерживать порядок. Однако потрясающие воображение возможности этой фанатичной толпы не заставили голос доктора дрогнуть ни на йоту.

— Я понятия не имею, что может случиться, — сказал он. — Что касается меня, то я не рискну приблизиться к «Пятну Жизни». Я буду в комнате под ним. Но вы двое должны показаться, как только сядет солнце. Об этом говорят некоторые древние записи. Вы вместе с Нервиной обязаны будете подняться по ступеням к «пятну» и оставить-

ся там до полуночи — до самого конца. Нам также следует быть готовыми к непредвиденным обстоятельствам, — он достал из кармана какие-то бумаги, выбрал из них две и передал своим ученикам. — Вот подробности того, что надлежит сделать. В случае, если вырваться удастся только одному из нас, этого будет достаточно.

— Но... как от этого может быть какой-то толк, если мы получили их только сейчас? — спросил Гарри.

— Поломайте немного голову, джентльмены, — благодушно пожурил их доктор. — Вы скоро поймете суть моих стремлений. Это один из тех случаев, когда, учитывая природу задействованных сверхъестественных сил, нет никаких сомнений, что вам лучше реагировать на все происходящее как можно естественнее. Вы можете заметить, что я сделал чертеж участка «Слепого пятна», а также кое-какие подсчеты, которые скажут сами за себя. Более того, я написал кодовую комбинацию к лабораторному сейфу в моем доме в Беркли. Там хранится зеленый камень. Берта поможет, как только поймет, что это моя воля; ей не нужно будет ничего объяснять. Остальное можете оставить мне, молодые люди. Ведите себя так, будто понятия не имеете, что я нахожусь под «пятном». Я буду просто экспериментировать с этим кругом из камней — хочу проверить, нельзя ли повторить явление, повлиявшее на Арадну. Я не думаю, что это было просто совпадение — скорее, наступил очередной «промежуток».

Больше он об этом не говорил, если не считать замечания, что он надеется непосредственно связаться с Хобартом Фентоном до наступления полуночи. Однако он спросил в самой небрежной манере:

— О, кстати... кто-нибудь из вас припоминает, в какую сторону выходит фасад дома на Чаттертон-Плэйс?

— Северную, — ответили почти что в один голос Гарри и Чик.

— Ах да. Что ж, храм смотрит на юг. Сможете запомнить?

Они ответили, что смогут. Разговор за едой прекратился. Только когда они встали, доктор произнес:

— Может быть, Хобарту Фентону придется пройти сюда. Жаль, я не так много знаю о его складе ума — это во многом вопрос духовного воздействия: объединенной силы трех камней и трех степеней физического колебания, производимых им и вами двумя. Посмотрим... Сегодня произошло кое-что — об этом мне рассказал Геос, — что может весьма решительным образом увязать с этой историей Хобарта. Около часу дня один из храмовых фазанов стал очень странно себя вести на самом верху большой лестницы. Он ходил вокруг белого камня, изредка взлетал, а потом принялся прыгать вниз по ступенькам. Геос говорил, что, спустившись где-то на шестнадцать ступенек, фазан остановился и начал отчаянно трепыхаться, как будто его держал в руке кто-то невидимый. Внезапно он пропал из виду и так же внезапно появился вновь. Потом, невредимый, улетел прочь. Не уверен, что могу это объяснить, но... что же, поглядим!

Он умолк и первым прошел к выходу из крыла. Там они секунду или две ждали появления Нервины с ее свитой. Без всяких задержек вся процессия направилась к большим черным ступеням.

Позади остался один лишь доктор.

Толпу рассекал коридор из стражей, по которому Нервина вместе со свитой могла добраться до подножия лестницы. Дойдя до этого места, она остановилась, чтобы оглядеться.

Солнце только что село, огни же храма еще не зажгли. Над головами тяжело нависали грозовые тучи, еще более зловещие, чем при ярком освещении. Огромные водные столпы и немыслимые размеры помещения ничуть не теряли внушительности от бесчисленной толпы, заполнившей собой каждый уголок. Сводчатый вход в фасадной части здания позволял взгляду проникнуть наружу и убедиться в том, что там людей скопилось еще больше. Но все они молчали, и это молчание было исполнено почтения и ожидания.

По обе стороны долгого лестничного марша, от подножия до вершины, выстроились Рамды. На помосте было только два из трех тронов, что Чик видел, когда был здесь в прошлый раз. Зеленый спустили вниз и поставили в центре небольшой прогалины в самом низу лестницы. В этом кресле сидел Бар Сенестро. Вокруг него, держась на почтительном расстоянии, развернулся полукруг из множества сотен Баров. За Барами же, отрезая их сзади от толпы, столпились стражи в алом и голубом. Без сомнений, среди них были и Ян Лукар с МакФерсоном, но Чик не смог углядеть никого из них.

Нервина, взяв Гарри под руку, начала подъем по лестнице. Чик последовал за ними вместе с Рамдой Геосом. На вершине пролета Нервину сопроводили к одному из кресел, тогда как Чик усадил Геосу во второе.

Таким образом оба калифорнийца остались на ногах, так что могли двигаться, насколько это было соразмерно с их высоким положением. Чик отозвал Гарри в сторонку.

— Как думаешь, — спросил Чик, указывая на красивую, уверенную фигуру, сидевшую на троне у подножия лестницы, — что на уме у нашего приятеля Сенестро?

Гарри нахмурился.

— Ты знаешь его лучше, чем я. Ты ведь не считаешь, что он исправился?

— Ни за что на свете, только не этот Бар. Он всего-навсего приспособил свои планы к новым обстоятельствам. Он видит, что пророчество, скорее всего, сбудется, посему рассчитывает стать первым, кто пройдет сквозь «пятно», сразу вслед за Нервиной. Так что неважно, последуют за ним остальные томалийцы или нет — как я понял, он считает себя кем-то вроде вождя, назначенного свыше, — он пройдет на ту сторону и в любом случае женится на обеих королевах!

Возможно, все дело было в немыслимом количестве зрителей. Или судьба просто расставляла события так, чтобы не позволить исполнителям главных ролей занервничать. Определенно лишь то, что ни один из двоих мужчин не чувствовал ни малейшего намека на страх. Окажись они на глазах у собрания в десять раз меньше в любом другом месте, обоим было бы не по себе. Здесь же всё было иначе — совершенно иначе.

Всякое движение в толпе остановилось. Теперь люди не двигались с мест, стоя именно там, где надеялись встретить конец. Чик и Гарри дивились их самообладанию, причуд-

ливым образом оттенявшему нескончаемое беспокойство храмовых фазанов, что мелькали тут и там высоко над головами.

Вдруг Гарри произнес:

— Есть идея, Чик! Вот что: как профессор надеется передать весточку Хобарту?

Чик не нашелся что ответить. Но Гарри уже достал из кармана свой листок с инструкциями и скручивал его в маленький шарик. Потом он подошел к Куин и с помощью ленты, одолженной у Нервины, крепко привязал послание к ошейнику собаки.

— Хобарт наверняка увидит, — сказал он. — Интересно, доктор это уже понял?..

— Он играет с могущественными силами, — задумчиво заметил Чик. Подавшись вперед, он коснулся белоснежного камня ногой, как уже делал это раньше, и ему почудилось, что он ощущает колебание электричества даже сквозь кожаную подошву ботинок. — И все-таки это стоит любого риска, которому он подвергается в той комнатушке. Если бы только ему удалось отправить обратно Куин! Хобарт...

Чик не успел закончить. Он пошатнулся, потеряв равновесие из-за того, что одной ногой опирался на камень, а тот... зашевелился и... повернулся вокруг своей оси, совсем как сорок восемь часов назад, когда в «пятно» попала Арадна.

У Чика была всего секунда, чтобы мельком увидеть потрясенные лица Гарри, Нервины и Геоса, огромное столпотворение у подножия лестницы, Куин по другую сторону от себя и судьбоносное пророчество на стенах над головой, прежде чем...

Рядом с ним появился чей-то силуэт. Это был человек мощного телосложения, с любопытными красными браслетами на запястьях. Чик громко крикнул ему «Хобарт!», а потом провалился в темноту.

XLVII

ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ

Итак, рассказ Уотсона подошел к концу. В течение всего времени, что он говорил, его слушатели едва ли проронили хоть слово. Это было изумительно — почти как откровение. За исключением разве что, возможно, сэра Генри Ходжеса, никто не ожидал ничего настолько масштабного. Ибо всё услышанное отсылало их к изначальному предположению Холкомба: ПОТУСТОРОННЕЕ ОСЯЗАЕМО!

Действительно, если поведенное Уотсоном не было ложью, то понятие Бесконечности можно было возвести в квадрат. Бесконечным стоит считать не только пространство, которое мы видим, глядя на звезды, но и нечто другое, не менее великое, соседствующее с нами здесь, на Земле. Потустороннее оказалось не только возможным, но и ничем не ограниченным.

Следующие несколько минут должны были доказать, говорил ли он правду.

На часах была почти полночь.

Джером и генерал Хьюм вернулись из Беркли. Их поход завершился успехом: теперь у Уотсона был недостающий зеленый камень. По дому был распределен отряд солдат. Уотсон обратил внимание на этих людей, когда закончил свой отчет, и сказал:

— Отлично. Они могут нам понадобиться, хоть я и надеюсь на обратное. К счастью, «пятно» небольших размеров, и нескольких людей хватит чтобы сдержать приличное количество нападающих. Мы должны будем вытащить оттуда своих друзей и закрыть его. После у нас будет время для более неторопливых исследований. Однако нам следует помнить прежде всего о черном портфеле профессора Холкомба! В нем спрятаны истинные тайны! Теперь я вынужден попросить вас выйти из этой комнаты. Как вы знаете, библиотека — это «Слепое пятно».

Он попросил их встать вдоль перил лестницы в холле так, чтобы они хорошо видели происходящее через широкий арочный проход, оставаясь при этом в безопасности.

Это было занятное испытание. Не имея при себе ничего, кроме своих познаний в математике и чертежа, Уотсону предстояло вернуть три камня в их невидимые лунки. Он осторожно развернул карту и лист с расчетами.

Взгляд в сторону, на которую выходит фасад дома, на север, затем еще немного измерений, три пометки мелом на ковре — и вот Чик готов к последнему шагу.

Он взял роковое кольцо и перочинным ножом отогнул зубцы, удерживавшие камень. Как только тот вырвался, Чик поймал его одной рукой. Потом он посмотрел на ряд светящихся любопытством лиц, растянувшийся вдоль лестницы, и сказал:

— Думаю, должно сработать. Однако помните: не подходите близко! Я постараюсь справиться! Если что-то пойдет не так, не пытайтесь меня спасти!

С этими словами он поднес камень к первой из меловых пометок на линии большого круга. Он крепко прижал его к коврику, а потом отпустил. Камень взмыл вверх примерно на фут — и исчез.

Не было слышно ни звука. Следующим Уотсон взял красный камень. Тут процедура изменилась. Вместо того, чтобы поднести его к полу, он поднял ключ так высоко, как только мог достать, прямо над второй меткой. И отпустил. Камень не долетел до пола, чуть раньше чем на полпути он пропал.

Оставался последний камень, зеленый. Уотсон поднес его к последней, третьей метке на окружности, обозначающей «пятно», тщательно стараясь держаться за ее пределы. Эта точка была прямо напротив сводчатого входа. Чик повернулся к остальным.

— Смотрите внимательно, — сказал он. — Я не знаю, что могло произойти в храме в течение последних нескольких часов. Будьте готовы КО ВСЕМУ, все вы!

Он отпустил камень. И одновременно с этим движением выскочил в холл.

Хотя они ничего не слышали, каждый что-то почувствовал: некий шипящий отголосок, холодное колебание, вспышку натянутого притяжения. Потом все увидели голубую точку — раскаленный луч. «Слепое пятно» открылось.

Уотсон тихо велел остальным оставаться на месте и сам торопливо отошел к лестнице. В этот же момент кто-то бесшумно спустился с верхнего этажа, незамеченным миновал охранников и вошел в холл.

Это была тоненькая, хрупкая фигурка в белом — Арад-на, и шла она так, словно ею руководила высшая воля. Не успели они и пошевелиться, как она ступила в «Слепое пятно», прямо под голубую точку, в поток света. А затем... она исчезла.

Всё это произошло быстрее мысли, неумолимо, неуловимо для глаз, а оттого и внушало нечто весьма похожее на ужас. Собравшиеся замерли в ожидании, едва дыша. Что же случится дальше?

Раздался резкий, дребезжащий щелчок, словно кто-то ударил по железному листу. А в следующее мгновение...

«Пятно» открылось человеческому взору!

Библиотека дома 288 по Чаттертон-Плэйс исчезла. Вместо нее люди с лестницы смотрели сверху вниз на «Пятно Жизни», что располагалось в безразмерном Храме Харадоса.

Он было именно таким, каким его описывал Чик — огромным, не поддающимся осознанию. Сквозь большие парадные двери было видно весь народ Томалии, собравшийся снаружи, исполненный благоговения, точно в ожидании трубного гласа.

Над толпой, высоко на противоположной стене виднелся чудовищных размеров Клеверный Лист Харадоса: трехцветный и сияющий, будто жидкое пламя; он казался настолько живым, что становилось жутко.

В это мгновение по залу пробежала рябь волнения. Руки взмыли вверх — все как один показывали на помост. Они тоже смотрели в «пятно». А затем бесчисленная масса пришла в движение. Она пошла волнами, поднялась,

бросилась к центру. Стражи оказались оттеснены к Барам, Бары — к охраняемой Рамдами лестнице. Людскому наводнению ничто не могло противостоять. Оно стремилось вперед и вверх, сметая все на своем пути.

Непосредственно на переднем плане находился белый камень. В его центре стояла Куин — она пригнулась к земле, шерсть встала дыбом. Рядом с ней опустился на одно колено, словно в ожидании сигнала, Гарри Вендел. Возле него была Нервина, она поддерживала Арадну, пока та приходила в чувство. А впереди всех виднелась мощная фигура Хобарта Фентона, стоявшего на верхней площадке лестницы; он был готов схватиться с первым, кто поднимется туда же.

Но что было важнее всего — там стоял сам доктор. Он был рядом с Нервиной, а в руке держал портфель с бесценными сведениями. Он смотрел сквозь «пятно» и подавал какие-то знаки Уотсону, в ответ на которые тот бросился к границе невидимого круга.

Что-то пошло не так. «Пятно» открылось не полностью. Сквозь него проходило только изображение.

Однако времени уже не было. По лестнице поднимались Бары, возглавлявшие людей и подталкиваемые ими вперед. Впереди всех бежал Бар Сенестро, великолепный, как Александр.

Хобарт шагнул было вперед, дабы встретить его, но доктор велел ему остановиться.

Секунды, разделявшие смерть и спасение, истекали. И снова доктор подал знак Уотсону, но не раздалось ни звука. Уотсон застыл, колеблясь.

Куин вскочила на лапы. Тут Сенестро, обогнавший остальных и увернувшийся от Хобарта, взбежал на помост.

На стенах храма проступал Лист Харадоса, точно злоеющее пламя. Он пульсировал и дрожал, как живой. Верхний лепесток — голубой — внезапно обернулся клокочущим пламенем.

Но Уотсон все еще ждал. Он не мог понять, чего хочет Холкомб.

Куин подождала, пока Сенестро ступит на помост. Тогда она припала к земле и прыгнула.

И это случилось! Молниеносным взмахом проворной ноги пылкий Бар пнул овчарку в бок. Удар застиг ее в прыжке, она опрокинулась назад и рухнула. Это было СВЯТОТАТСТВО! Даже Бары, шедшие за Сенестро, остановились в ужасе. К Четвероногому — священному даже для Харадоса — посмели прикоснуться! Неужели Сенестро уничтожил всё, что было сделано ради «Пятна Суда»? И что же теперь будет?

Фентон начал действовать. Он поймал Сенестро прежде, чем тот сумел восстановить равновесие, и мощным броском отправил его в полет обратно в сторону лестницы. Еще миг — и всё было кончено.

Следующая секунда стала последней. Ибо великий Лист Харадоса раскрылся. Зеленый и красный остались неподвижны, но из голубого ударил слепящий свет — мощное сияние, настолько яркое, что казалось плотным. Оно описало дугу по храму и коснулось ПРОРОЧЕСТВА. Пятно великолепного цвета блуждало по его завиткам, пока не достигло строк:

«Остерегайтесь же святотатства! Дабы я не забрал у вас все, что дал, и дабы не отдалился День — остерегайтесь Святотатства!»

Странный свет замер на мгновение, словно чтобы каждый из присутствующих миллионов мог прочесть. Потом он переместился на помост. Там он расширился, повис над стоявшими людьми, так что будто бы связал их вместе: Нервину с Гарри, Арадну с Хобартом. Никто из них не понимал, в чем дело — они просто подчинились порыву. Такова была судьба избранных и королев.

Свет остановился на докторе Холкомбе. А затем произошло нечто уж вовсе поразительное. Из пучка света — или, скорее, из того места, где он омывал белый камень — вышел человек; человек этот был весьма похож на Холкомба: с такой же бородой, такой же невысокий и добродушный.

Это был настоящий Харадос!

Профессор без колебаний шагнул вперед и встал рядом с ним. За ним последовали Хобарт и Арадна, Гарри и Нервина, и, наконец, отделившийся от группы Баров Мак-Ферсон. Собравшаяся в храме толпа замерла в благоговейном ужасе.

Это длилось всего мгновение. Потом Харадос и все, кто был рядом с ним, пропали. А на белоснежном камне заплясало живое пламя в форме меча. Оно горело не дольше вдоха на том самом месте, где стояли исчезнувшие. А затем не стало и его.

Это был конец.

Однако же нет, еще не совсем. Ибо, когда той ночью «Слепое пятно» закрылось в доме 288 по Чаттертон-Плэйс, ему вторил глубокий, мерный раскат Колокола Харадоса.

XLVIII

НЕОБЪЯСНИМОЕ

Будь этот отчет всего лишь порождением чьего-то воображения, отсутствие необъясненных пробелов привело бы все к ладной концовке. На самом же деле авторы настоящего должны прокомментировать следующее...

Неизвестно, почему Рамда Авек не смог явиться в решающий момент. Возможно, он мог бы все изменить. Мы можем лишь строить догадки; с тех пор о нем не было никаких вестей.

То же самое можно сказать и о Чике Уотсоне. Он исчез сразу же после того, как закрылось «пятно», сказав, что идет провести Берту Холкомб. С того дня и до сегодня никаких его следов обнаружить не удалось. Без сомнений, читатель мог заметить объявления в газетах, призывающие сообщать властям о любом человеке, подходящем под описание Уотсона. Там же есть пометка, что Чику Уотсону следует обратиться за разрешением на вступление в брак.

Что касается двоих его друзей, Вендела и Фентона, а также Арадны, Нервины, МакФерсона и доктора, то они пропали бесследно, как из Томалии, так и с лица Земли. Один Харадос знает, что с ними.

Мадам Ле-Фабр, однако, считает, что может дать этому удовлетворительное объяснение. Вкратце ее теория такова:

— Есть только один способ изучить ПОТУСТОРОН-
НЕЕ. И способ этот — смерть. Несмотря на то, что мы все
глубоко впечатлены реальностью, описанной мистером Уот-
соном, я глубоко убеждена, что он был не более чем духом, и
все, что мы видели, было явлением призраков. Доктор Хол-
комб и все остальные просто перешли в другую плоскость.
Мы больше никогда их не встретим. Они мертвы — тут не
может быть иного объяснения. Они — призраки.

Предоставляя эту версию на суд публики строго так, как
она была изложена, авторы настоящего считают себя впра-
ве упомянуть и выводы, к которым пришел доктор Маллой
и с которыми согласились доктора Хиггинс и Хансен, а так-
же — с оговорками — профессор Герольд и мисс Кларк:

— В определенной степени и до определенного момента
вполне возможно объяснить удивительный феномен «Сле-
пого пятна» при помощи общеизвестных принципов пси-
хологии. Галлюцинации в таком объяснении сыграли бы
немалую роль. Однако мы чувствуем, что увиденную нами
лично часть Томалии нельзя полностью объяснить таким
образом. Наши показания слишком точно совпадают, и мы
не подвергались групповому гипнозу. Мы убеждены, что
для полного разъяснения необходима новая гипотеза. Мы
утверждаем, что увиденное нами не было иллюзией. Исхо-
дя из того, что нечто может быть либо реальным, либо не-
реальным, и третьего — то есть не относящегося ни к пер-
вому, ни ко второму — не дано, мы вынуждены настаивать
на следующем: то, чему мы были свидетелями — РЕАЛЬ-
НОСТЬ. Мы полны готовности принять любую теорию,

которая сможет обосновать все факты, а не какую-либо их часть.

Воздерживаясь опять же от каких-либо замечаний, мы переходим к более исчерпывающему мнению сэра Генри Ходжеса. Ввиду того, что оно, по всей видимости, весьма близко совпадает с гипотезой профессора Холкомба, а также того, что репутация сэра Генри не лишена значимости, мы приводим здесь его слова практически дословно:

— В химии хорошо известен эксперимент, в ходе которого смешиваются вода и спирт в одинаковых пропорциях. Скажем, и того, и того по пинте. Итак, получившаяся в итоге жидкость должна составлять кварту, но это не так. Результат по объему несколько меньше кварты. Поистине, странно для новичков, но для каждого, кто изучает этот предмет, нет ничего обычного. По-настоящему странно другое — как все, кроме доктора Холкомба и этого человека, Рамды, проглядели колоссальную важность и значение конкретно этого факта. А теперь подумайте об ином общеизвестном законе: невзирая на все ваши старания, вы не можете воспрепятствовать гравитации. Она будет тянуть любой предмет вниз, как бы вы ни пытались заслонить его от земли. Почему? Потому что гравитация — сила всепроникающая. Опять же — почему? Почему гравитация действует совершенно на всё? Ответ таков: потому что гравитация — это одна из функций эфира. А эфир — неопределенная субстанция, настолько неосязаемая, что проникает сквозь все твердые вещества так, как будто их вовсе нет. Есть два важных момента, которые наталкивают на весьма плодотворные размышления. Первый: две субстанции

могут сосуществовать в пространстве, изначально рассчитанном на то, чтобы быть полностью заполненным только одним из них. И второе: ВСЕ субстанции представляют собой нечто вроде пор для эфира. Прекрасно. Помните, что мы ничего не знаем непосредственно об эфире — все наши знания опосредованы. Следовательно... эфиров может быть больше, чем один! Задумайтесь, что это может означать. Если существует другой эфир, как нам об этом узнать? Только посредством такого явления, как «Слепое пятно» — не через обычные каналы. Ибо обычные каналы, вроде микроскопов или пробирных цилиндров, если свести их природу к основе, являются всего лишь материальным воплощениями **ЕДИНСТВЕННОГО ИЗВЕСТНОГО НАМ ЭФИРА!** Неизбежно то, что наши пять чувств никогда не смогут объять какой-либо другой эфир. Однако, зная то, что мы знаем о структуре атома, электрической активности, квантах, мы должны признать, что существует огромное, ничем не занятое пространство между частицами атома — имеется в виду, что мы не можем увидеть, чем оно заполнено. Именно в области, смешанной и переплетенной с электронами, которые создают так хорошо знакомый нам мир, есть, по моему мнению, мир Томалии. Собственно говоря, он сосуществует с нашим собственным. Он здесь — и мы тоже. В эту самую секунду, в любой произвольной точке, может находиться — и наверняка находится — более одного твердого объекта: две системы материальности, две системы жизни, две системы смерти. И, если их две, то кто знает, может быть, даже больше! Холкомб прав. Мы суть Бесконечность. Только наши пять чувств делают нас конечными.

Шарлота Фентон не вдается в предположения. С виду она на удивление стойко держится перед лицом влечения Гарри Вендела к Нервине, равно как и исчезновения ее собственного брата. Она с философской рассудительностью отмечает:

— Когда Колумб вернулся из своего путешествия в поисках Ост-Индии, он торжествуяще заявил, что нашел то, что искал. Он ошибался. Он нашел нечто иное — Америку. Что, если мы все ошибаемся? Вдруг было обнаружено нечто совершенно отличающееся от любых наших догадок. Время покажет. Я не против подождать.

В заключение скажем, что, по общему мнению, следующее заявление генерала Хьюма является не только весьма важным, но и в высшей степени убедительным:

— Мое мнение по поводу этой загадки таково: у меня есть глаза, и я всё видел. Не знаю, живы ли те, кто играл роли, или мертвы. Я — не ученый, и теории у меня нет. Есть только знание. И я готов поклясться в том, чему сам был свидетелем. Я — солдат. Двое людей, которые собираются опубликовать эту рукопись, показали ее мне. Она верна.

ОБОЛОЧКА ТАЙНЫ КОСМИЧЕСКОЙ...

*То, что в одном веке считают мистикой,
в другом становится научным знанием.*

Парацельс

Страх неведомого! Люди с давних пор боятся всего мистического, того, что может находиться рядом с нами: стоит только присмотреться, и вот уже во мраке ночи мерещатся зловещие лики, угрожающие, жаждущие поработить твою душу и тело. Еще в ту эпоху, когда доисторический человек прятался в пещере, едва на улице начинала бушевать гроза, он представлял себе, что это сражаются боги и демоны. Так зарождались мифы.

Вообще, ужас перед всем паранормальным человечество так и не сумело изжить. Он был всегда и есть по сей день. Достаточно вспомнить, как в Средневековье сжигали ведьм на костре, пугаясь их неведомой силы. В те времена считалось, что порождения Зла гораздо ближе, чем это можно себе представить, что бесы, действительно, бродят по Земле и вселяются в людей, что сам Владыка Ада заключает сделки с мечтающими получить бессмертие или богатство, что в старых заброшенных домах живут призраки, что мир полон таинственного...

Многие наивно полагают, что XX век, век материализма, полностью уничтожил веру человека во все потустороннее. Но разве сейчас, в XXI веке, современные телешоу не доказывают обратное? Мы по-прежнему уверены, что есть ведьмы и колдуны, привидения и чудовища. Более того, к классическому набору страшилищ добавились новые — пришельцы из иных миров, причем, не важно, где располагаются эти миры, в другой части Вселенной

или же рядом с нами, так называемые «параллельные миры». Появились и те, кто утверждают, будто видели НЛО или даже были похищены пришельцами. Безусловно, существуют и прочие мифы, но мы остановимся на тех, что уже упомянули, и все-таки вернемся к литературе.

Итак, в 1764 г. Гораций Уолпол выпустил роман «Замок Отранто». Сегодня эта вещьца у скептически настроенного читателя способна вызвать лишь улыбку, а тогда... она лишала сна, заставляла все ночи напролет трястись, ожидая явления привидений... Книга обрела культовый статус и, по сути, была одним из тех камешков, благодаря которым стал возможным расцвет готической литературы. В последующие годы книги о неведомом начали выходить в огромном количестве, неизменно находя восторженных читателей. Так уже в 1786 г. появился роман «Ватек» Уильяма Бекфорда — в этой книге очень сильны восточные мотивы. Но все же по-настоящему расцвета готическая литература достигла только в XIX веке.

О, что это было за время! Люди зачитывались книгами об оборотнях, призраках, вампирах и прочих тварях! В 1818 г. был издан роман «Франкенштейн» Мэри Шелли, в 1886 г. — повесть «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» Роберта Льюиса Стивенсона, в 1887 г. — рассказ «Кентервильское привидение» Оскара Уайльда, а в 1897 г. — роман «Граф Дракула» Брэма Стокера! Произведения в жанре «ужасы», конечно, творили не только в ту пору, но и гораздо позже — собственно, до сих пор, тем более, что, благодаря появлению все новых и новых фобий, тема остается неистощимой. Ну как тут не вспомнить «Ивы» и «Вендиго» Элджернона Блэквуда, «Мифы Ктулху» Говарда Филлипса Лавкрафта или зловещие рассказы о призраках Эдварда Фредерика Бенсона?..

Конечно, можно было бы еще долго рассуждать о классиках мистической прозы и, более того, добраться до современников, к примеру, до того же Стивена Кинга, но, говоря о романе «Слепое

пятно» Остина Холла и Гомера Эона Флинта, нам следует проследить побочную линию, порожденную мистической прозой, ту, что находится на границе мистики и научной фантастики. И в первую очередь в таком контексте следует рассмотреть Эдгара По. Нет, Эдгар По сочинял именно страшные, мистические истории, и его трудно заподозрить в тяге к научной фантастике, однако в 1838 году мистер Эдгар По опубликовал «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима», очень мрачную историю, насыщенную загадками. Сам автор оставил ее незаконченной, и это был настоящий вызов для писателей. Его труд пытались завершить многие, в том числе Чарльз Ромин Дейк, издавший в 1899 г. роман «Странное открытие», и Жюль Верн, выпустивший чуть раньше, в 1897 г., великолепное произведение «Ледяной сфинкс». Из этих двух книг для нас, безусловно, наибольший интерес представляет Ж.Верн, так как если Ч.Р.Дейк стремился писать в духе мистицизма, то Ж.Верн принял вызов Эдгара По и постарался объяснить всё неведомое строго с научной точки зрения. И это ему блестяще удалось! Таким образом, это была одна из первых попыток получить ответы на тайны паранормального, используя достижения науки и техники.

Еще одной важной книгой, в которой герои пытаются осмыслить загадочные явления, а именно — феномен спиритизма, был роман «Страна туманов» Артура Конан Дойла (1925). К добру или к худу, но профессор Челленджер, главный герой «Страны туманов», а также «Затерянного мира» и «Отравленного пояса», к финалу романа делает выводы, полностью противоречащие тем, к которым пришел Ж.Верн. Так как профессор Челленджер убеждается в том, что духи есть.

Следующим автором, о котором нельзя не сказать в данной статье, является Абрахам Меррит. Впрочем, он шел совсем иным путем — он сочинял и чисто мистические триллеры (к примеру, «Гори, ведьма, гори!», 1932), и научно-фантастические книги о затерянных мирах, но языком готических романов. Причем, в на-

чале XX века Меррит был одним из лучших писателей, породивших произведения на грани; он сумел усидеть на двух стульях, угодить и любителям фантастики, и приверженцам мистики.

Естественно, не только перечисленные мэтры работали в этом жанре, но и сотни других авторов. Чтобы поведать обо всех и отметить их вклад в развитие литературы, нужно было бы написать многотомную монографию. Но вот мы и подходим к нашим героям, Остину Холлу и Гомеру Эону Флинту.

Гомер Эон Флиндт, писавший в дальнейшем под фамилией Флинт, лишившейся одной буквы, чтобы быть проще и понятнее читателем, родился 9 сентября 1888 года в Олбани, штат Орегон, в семье поселенцев. За свою жизнь Флинт поменял много профессий, берясь за любую работу, чтобы только хоть немного поправить свое шаткое финансовое положение — был и курьером, и разносчиком, и даже писал заметки для газет. В 1907 г., связав себя узами брака со школьной учительницей, Гомер Эон Флинт начал подумывать о кино, которое в те годы как раз активно развивалось. Как отмечает в своей статье известный российский литературовед Сергей Бережной, в 1912 г. *«первый сценарий Флинта, «The Joke That Spread», был куплен студией «Vitagraph» аж за десять долларов»*. Флинт, которого сумма вполне устроила, продолжил писать, но доходы были не особо большими, а конкуренция — чрезвычайно высокой, поэтому Флинт вынужден был искать иную работу — и в итоге устроился в сапожную мастерскую, принадлежащую его старшему брату. Несмотря на смену рода деятельности, писать Флинт не бросил. И уже в 1917 году, лежа в больнице с аппендицитом, сочинил несколько рассказов — и первый из них, «The Planeteer», был опубликован через год в журнале «All-Story Weekly», после чего его труды стали с завидной регулярностью появляться в печати. Умер Флинт в 1924 году, причины смерти называют разными, но чаще всего упоминают, что это произошло во время его попытки ограбить банк; по другой версии — он был сбит машиной, в которой ехали

преступники; по третьей — к нему в машину подсел злодей, который в итоге с ним и расправился.

Как бы то ни было, Гомера Эона Флинта интересовали не столько научные достижения, сколько то, как они влияют на общество в целом и на каждого человека в частности. В своих произведениях он прослеживал, как то или иное открытие способно изменить людей. Допустим, в его повести «The Queen of Life» (1919) речь идет о том, что было бы, если бы жизнь была признана наибольшей ценностью, к каким последствиям бы это привело, так ли бы всё было радужно, как кажется? А в работе «The Nth Man» (1928) автор рассуждает о том, как бы человечество отреагировало, если бы внезапно произошли таинственные происшествия мирового масштаба, такие, как исчезновение Великой Китайской стены? В романе «Слепое пятно», написанном в соавторстве с Остином Холлом, он опять же поднял интереснейшие вопросы. Что было бы, если бы внезапно стало известно, что все потустороннее на самом деле не более чем проявление параллельного мира? И мы для жителей этого иного мира столь же мистические существа, как и они для нас? Разумно ли сообщать об этом всем жителям Земли?..

Помните, замечательные строки Вадима Шефнера:

Мы живем на крыше Земли,
Мы живем на зеленом куполе.
Далеко мы вглубь не ушли, —
Только сверху землю ощупали.

Из вулканов едкой золой
Обдает нас ее котельная;
Весь наш древний культурный слой —
Для нее лишь белье нательное.

А быть может, горы и лес,
Города и наше величество —

Упаковка иных чудес,
Оболочка тайны космической.

Идея о существовании рядом с нами иного мира не нова. О ней писали многие, так в 1898 г. Жозеф-Анри Рони-старший опубликовал рассказ «Неведомый мир», в котором главный герой, мутант, видит иную жизнь рядом с нами. Но никто до Остина Холла и Гомера Эона Флинта не писал о паранормальном со столь разных точек зрения, плавно переходя от чисто мистической прозы к научно-фантастической. Возможно, подобный переход объясняется наличием соавтора, Остина Холла, которому, кстати, и принадлежит идея романа. Но обо всем по порядку!

Остин Холл родился 27 июля 1880 года в Санта-Кларе, штат Калифорния. Он был сыном кузнеца. Не сохранилось сведений о том, что стало с его отцом, однако в 1900 г. его мать снова вышла замуж. Она и ее сын Остин жили в Брексвилле, небольшом городке в штате Огайо. В одном из интервью гораздо позже Холл заявил, что в те годы он был *«в нужном возрасте в нужное время»*. К 1910 г. Холл женился и стал фермером.

«Almost Immortal», первый рассказ Остина Холла, был опубликован 7 октября 1916 года в журнале «All-Story Weekly»; по легенде, написать эту вещицу Холла убедил какой-то ковбой. С тех пор произведения Холла стали регулярно издаваться и переиздаваться. Среди его работ наибольшей популярностью у читателей пользовались: «The Rebel Soul» (1917), «Into the Infinite» (1919) и «The Man Who Saved the Earth» (1919). Денер, однако, не хватало, поэтому он продолжал работать фермером, порой даже вынужден был подрабатывать сторожем. Всего Холл написал более шестисот рассказов, большинство из них были опубликованы в 1920–1930 гг.

Неизвестно, как встретились Остин Холл и Гомер Эон Флинт, но одно можно сказать с полной определенностью: вдвоем они сочинили один из самых значительных научно-фантастических

романов начала прошлого века — «Слепое Пятно». По свидетельству Ф. Дж. Экермана, хорошо знавшего соавторов, Холл как-то подошел к Флинту, провел пальцем перед его глазом и сказал: *«Почему бы не написать историю о слепом пятне в глазу?»* Чуть позже, за обедом, Холл изложил Флинту свою идею и предложил поработать над новой книгой вместе. Флинт тут же согласился.

История, выросшая из идеи Холла, называлась «Слепое Пятно». Сначала она была опубликована по частям в журнале «Argosy-All-Story Weekly» в 1921 г., позже неоднократно переиздавалась. Роман «Слепое Пятно» пользовался колоссальным успехом у читателей, издатель требовал продолжение, но оно было написано Холлом только в 1932 г., через несколько лет после смерти Флинта, и получило название «Пятно Жизни».

Остин Холл так отзывался о своей последней встрече с Гомером Эоном Флинтом: *«Я только что вернулся из поездки. Это была туманная ночь, странная и призрачная. Два часа утра. И вдруг во мраке я заметил Гомера, а затем услышал его голос: «Я бы хотел поговорить с тобой о “Слепом Пятне”...»*

Сложно сказать, была ли эта встреча на самом деле. Однако спустя год после публикации «Пятна Жизни», Остин Холл умер 29 июля 1933 года в Сан-Хосе, штат Калифорния.

Оба автора давно покоятся в могилах. Творчество не принесло им состояния, но сделало их бессмертными, ведь их книги до сих пор помнят и любят. Как писал Иоганн фон Гёте:

Увы, земной недолог путь,
И все ж во власти человека —
Великое творя, шагнуть
За рамки собственного века.

Сергей Неграш, Санкт-Петербург, 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛЕПОЕ ПЯТНО	5
Пролог	5
Глава I. Рамда Абек	7
Глава II. Профессор философии.....	18
Глава III. Теперь их двое.....	25
Глава IV. Исчезли.....	35
Глава V. Друзья	42
Глава VI. Чик Уотсон.....	55
Глава VII. Перстень	66
Глава VIII. Нервина.....	73
Глава IX. Вот, их уже трое.....	87
Глава X. Человек или призрак.....	96
Глава XI. Сбитые с толку.....	105
Глава XII. Сделка с недвижимостью.....	114
Глава XIII. Альберт Джером	120
Глава XIV. Новый элемент	131
Глава XV. И снова Нервина.....	146
Глава XVI. Шарлота	154
Глава XVII. Овчарка.....	159
Глава XVIII. История Шарлоты.....	169
Глава XIX. Повествование переходит к Хобарту Фентону	179
Глава XX. Дом чудес.....	186

Глава XXI. Из ниоткуда	196
Глава XXII. Волнение рассудка	204
Глава XXIII. И снова Рамда	215
Глава XXIV. Живая смерть	224
Глава XXV. Одиннадцатый час.....	232
Глава XXVI. Прямиком из рая	239
Глава XXVII. Разгадка.....	246
Глава XXVIII. Человек из ниоткуда	252
Глава XXIX. Мир сверхъестественного.....	268
Глава XXX. Погружение.....	279
Глава XXXI. Наверх за воздухом	289
Глава XXXII. Сквозь воды неведомого.....	297
Глава XXXIII. Дорога к цели	309
Глава XXXIV. Бар Сенестро	319
Глава XXXV. Идеальный самозванец	333
Глава XXXVI. Спутник и твердыня.....	344
Глава XXXVII. Взгляд вниз	349
Глава XXXVIII. Голос из ниоткуда	360
Глава XXXIX. Кто есть Харадос?.....	367
Глава XL. Храм колокола	376
Глава XLI. Пророчество	388
Глава XLII. История Пата Макферсона	399
Глава XLIII. Дом Харадоса	410
Глава XLIV. История доктора Холкомба.....	421
Глава XLV. Арадна	432
Глава XLVI. Из потустороннего	448
Глава XLVII. Последний лист	456
Глава XLVIII. Необъяснимое	464
ОБОЛОЧКА ТАЙНЫ КОСМИЧЕСКОЙ...	469

MORE
ФАНТАСТИКИ

Следующая книга серии:

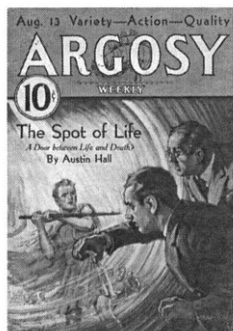
Гаррет П. Сервисс

КОЛУМБ КОСМОСА

(второй том собрания сочинений
Г. П. Сервисса)

MORE
ФАНТАСТИКИ

Скоро! НЕ ПРОПУСТИТЕ!

Остин Холл

ПЯТНО ЖИЗНИ

(продолжение романа «Слепое пятно»)

Литературно-художественное издание

MORE Фантастики

18+

Остин Холл, Гомер Эон Флинт

СЛЕПОЕ ПЯТНО

Издатель — индивидуальный предприниматель
Мамонов Владимир Викторович

Гарнитура Minion Pro.
Бумага офсетная. Печать цифровая.

Отпечатано
по технологии print-on-demand
в типографии
ИП Птухина В.А.
г. Ярославль, ул. Лисицина д.5

ИП Мамонов В.В.
E-mail: mamonbook@mail.ru

ISBN 978-5-00096-049-3

9 785000 960493

MORE ФАНТАСТИКИ

«Слепое пятно» Остина Холла и Гомера Эона Флинта, впервые изданное в 1921 году, является признанной классикой фантастики. Книгу, которая завоевала множество ценителей, с тех пор немало хвалили и неоднократно переиздавали...

Деймон Найт, писатель-фантаст, редактор и критик НФ

«Издатель В.В. Мамонов»